КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXII.

1903 г.

СЕНТЯБРЬ.

КІЕВЪ

Типографія Императорскаго университета св. Владиміра

Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.

1903.

Средняя Лубенщина [1].

Глава I-я.

Восточная окраина лубенскаго уѣзда: части Волчковской и Засульской, бывшей Матяшовской волости.

Вольная степь. Матяшовская толока. Разбойничество. Владѣльческіе хутора на ручьяхъ: Кремянкѣ, Путивкѣ, Матяшовкѣ и Солоницѣ.

Въ старые годы, когда Малороссія текла молокомъ и медомъ, восточная окраина лубенскаго уѣзда, отдаленная отъ широкихъ, безводныхъ миргородскихъ и хорольскихъ степей лишь административной чертой, была обширнымъ, тучнымъ пастбищемъ, доходившимъ до песковъ лѣваго берега Сулы, изрѣдка пересѣкаемымъ только балками да бѣлыми полосками солонцовъ [2]). Все цвѣло тогда на этой степи подъ яркимъ солнцемъ, и грудь широко, вольно вдыхала ароматъ медоносныхъ и кормовыхъ травъ. Темныя ватаги крестьянскихъ овецъ и бѣлыя стада мериносовъ (шпанки) сосѣднихъ пановъ покрывали землю «якъ хмара». Вдругъ

---

[1]) См. «Снѣтинскую Старину» въ Кіев. Стар. 1897 г., IX и X, и «Лѣсную Лубенщину» въ Кіев. Стар. 1900 г. IX и X. Городъ въ настоящій очеркъ не входитъ.

[2]) Содержаніе гумуса въ черноземѣ здѣсь $4\frac{1}{2}$—5%, въ солонцахъ же лишь 1,6%. Матер. къ оцѣнкѣ земель полт. губ., II, луб. у. 48.

пробѣгалъ табунъ пугливый, нервный, или, успокоившись, мирно щипалъ траву, иногда никѣмъ не охраняемый, какъ въ слѣдующемъ разсказѣ [1]):

«Якивъ Сывоглазъ пожене табунъ, поставыть килокъ и шапку зверху лошячу, и каже: «Вовкъ не займе, шапка буде пасты». И кони ходять кругомъ и не йдуть». Ближе къ селу, у степного колодца съ журавлемъ, стоятъ босые, опаленные солнцемъ пастухи и пастушки среди пьющаго скота, корова подымаетъ голову и смотритъ большими, круглыми, спокойными глазами. На такой первоначальный пастушескій характеръ мѣстности указываютъ разнообразныя данныя: иски Лубенцевъ къ Кулябкамъ о сохраненіи пастбищъ, служившихъ для выпаса скота и лубенскихъ полковыхъ лошадей [2]); самое названіе хуторовъ: Стадня, Кошелиха, и особенно сохраненіе между с. Матяшовкой и х. Тернавщиной участка земли въ 900 дес., извѣстнаго подъ названіемъ Матяшовской толоки,—прежде Дальнихъ Пологъ,—до семидесятыхъ годовъ XIX в., съ отличительнымъ признакомъ малорусскаго общиннаго владѣнія, замѣченнымъ профессоромъ И. В. Лучицкимъ [3]), а именно: неопредѣленнымъ пользованіемъ [4]). По разсказамъ хуторянъ [5]): «Матяшивська толока одъ пологъ (Засулья) хватала ажъ по Ромоданъ (на восточной границѣ уѣзда). Тутъ бувъ пастивныкъ, козакы кони выпасувалы, потимъ паны почалы потроху займать, та оставсь тилькы кусокъ до наризкы. Той кусокъ николы не оравсь. Запытувавъ старый панъ орать; посіявъ просо и лёнъ, такъ люде загналы скотъ и выбылы чысто все. Степъ бувъ такый, хочъ котысь. На ёму рисъ: тонконигъ, тыпець (Festuca ovina. L), зиновать (Cytisus biflorus. L.), дивина (Ver-

---

1) Отъ козака с. Засулья Якимца.

2) Лазаревскій. Очер. Полт. Лубенщ. 105. Бочкаревъ. Лубенск. Стар. Москва 1901 г., 19.

3) Слѣды общин. землевлад. въ лѣвобереж. Укр. XVIII в. въ Отечеств. Зап. 1882 г., XI, 110, 111.

4) Сборн. хоз. стат. полт. губ. IV. Луб. у., 9.

5) Бази, Безсноса др.

bascum thapsus, L.); полуныць (Fragaria collina. L) багато; було дитвора ходыть збирать. Степъ звався: мырська толока, на ёму паслы череды уси паны и люде. Шершневка, Еркивци, Солоныця, Засулье, якъ обсіються, такъ туды и женуть пасты уси хуторы. Тамъ паслы худобу и Лубенськи мищане. Зъ Березоточи, Вовчка найизжалы на клечальныхъ святкахъ люде и паслы. Паны набиралы сотъ по тры скота и паслы по 15 коп. одъ скотыны и гарнець мукы пастухови. Хто ґуртъ правыть, отару жене—тутъ пасуть. Хто не йиде: ганчари, чумакы—уси паслы. Люде було выходять зъ хуторивъ, якъ на свою землю, проты чумакивъ, щобъ паръ скилькы воливъ далы пасты, покы воны поторгують: 6 коп. одъ пары воливъ платылы. А тоди чумакы прыходять займать, якъ поторгують. Москали було пасуть кони и одтыкають десятынъ трыдцять земли и косять сино. Накыдають шисть скирдъ сина и тамъ москаль глядыть его, а осинню забирають. Нихто никому не впрещавъ,—бувъ вильный степъ» [1]).

Причина поздняго заселенія этой восточной окраины уѣзда кроется какъ въ малолюдствѣ Лубенщины конца XVII и начала XVIII в., такъ и въ характерѣ мѣстности: открытой, беззащитной степи, по которой разъѣзжали прежде татарскіе чамбулы [2]), потомъ разбойничьи шайки: Горкуши, Засорина и Копытьковъ.

О первомъ можно было услышать прежде много разсказовъ отъ украинскихъ паній, изображавшихъ Горкушу въ романическомъ освѣщеніи: красавцемъ, верхомъ на бѣлой лошади, хорошо поющимъ и играющимъ на гитарѣ, покровителемъ женщинъ и слабыхъ. Съ такимъ же характеромъ является Горкуша и въ драматическихъ картинахъ О. Стороженка въ Основѣ 1862 г., въ которыхъ героиня сотничиха передаетъ первое впечатлѣніе о немъ въ такихъ выраженіяхъ: «Той, що йихавъ попереду, сыдивъ на билимъ коню. Жупанъ на ёму бувъ ввесь у золоти; броня блыщала

---

[1]) Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка межевая коммиссія раздѣлила эту толоку межъ смежными помѣщиками. (К. П. Бочкаревъ. Очер. Луб. Стар. 20).

[2]) О татарахъ: «Снѣт. Стар.» 14 и «Лѣсн. Лубенщ.» 31.

самоцвитнымъ каминнямъ, а я тилькы й бачыла ёго очи» [1]). Быть можетъ, на такое представленіе о Горкушѣ вліяли итальянскія и нѣмецкія разбойническія новеллы, часто переводившіяся въ началѣ XIX вѣка. Ничего подобнаго не встрѣчается въ приводимыхъ ниже народныхъ разсказахъ, записанныхъ въ мѣстности, прилегающей къ пограничной Миргородской деревнѣ Ромодану или Бригадировкѣ, которую онъ будто бы основалъ [2]), гдѣ женился [3]), оставилъ потомство, сохранившееся и до сихъ поръ, и откуда развивалась его обширная дѣятельность. «Ажъ у Польщу винъ йиздывъ, ажъ у Варшаву достягавъ». Притомъ пожилой возрастъ Горкуши и вырванныя ноздри не ладятъ съ романтизмомъ.

1.

Старый Горкуша якъ выйде ввечери на дорогу, подывытся на небо и по зоряхъ узнае, на яку ничъ иты красты, чы поймается, чы ни. Дывытся на дорогу та пыше на писку ципочкомъ, каже: «Ой, брацця, сю ничъ не йдемъ, погано буде, половымось, а на ту ничъ пидемъ, куды не повернемось—буде добре. Прыйшлы воны до чоловика у Ромодани. Винъ одъ ёго не далеко жывъ; сусида—черезъ тры хаты. Прыйшлы до хаты, понадивалы мазкы на пыкы, гукають: «Одчыны, Явдохо, одчыны!» Жинка думала, що Федиръ, іи хазяинъ, прыйихавъ, пыта: «То ты, Федоре?»—Я, Явдохо, одчыняй, поможы коней выпрягты.—А вона зъ вечора сыдила на печи зъ своимы дитьмы, доты казкы казала, покы воны поснулы, и воно вже пизно. Встала вона, одчыныла, пустыла въ хату, на двиръ выйшла: «Охъ, лыхо мени! Кого жъ я пустыла? Се жъ не Федиръ, коней нема». Пишла въ хату, воны за нею, засунулы двери: «шукай, кажуть, Явдохо, гроши.—Яки жъ я вамъ гроши найду?—Не дуры, въ тебе гроши йе.—Ни,

1) К. VIII, 32.

2) «Горкуша оселывсь у Ромодани первый».

3) О женитьбѣ его въ «Снѣт. Стар.», 17.

нема.—Ни, йе. А диты почулы, що гомоныть щось у хати и маты божытся. Почула дивчына тай будыть брата: «Мыколо! уставай у насъ хтось йе»: «Може батько прыйихавъ?»—Ни, не батько,—чужи люде.—А ти гомонять: «Давай гроши, Явдохо, бо дывысь!—та въ халяву руку, выволика нижъ, веде матирь до лаханкы, каже: «зарижу!» Хлопець хотивъ крычать, а дивчына: «Цыть не крычы! бо й насъ порижe, сыды тыхенько, то винъ насъ не буде бачыть». Явдоха повела тихъ розбійныкивъ у хыжу, найшла йимъ глечыкъ, оддала.—Не вси, Явдохо, гроши! ище йе, давай уси, бо все одно мы тебе мучытымемъ.—Кынулы воны йи до-долу, забылы килкомъ косы у дилъ.—«Прызнавайсь, Явдохо, де гроши»? Вона його по отчеству назвала: «Семенъ Ивановычъ!»—А такъ ты пизнала?—Пизнала.—А по чому жъ ты насъ пизнала?—По вашій мови. Вы се ввійшлы, то я васъ пизнала, хто вы такый.—Ну такъ добре жъ, Явдохо, теперъ уже зарижу.—Не рижъ, мій батечку, ридный, згляньcя на тихъ дитей.—Якъ же тебе не ризать, ты жъ розскажешъ; Федиръ прыйде, то ты й скажешъ.—Не скажу, мій брате ридный, по свою смерть. Знялы воны икону ій. Вона забожылась, поцилувала икону:—«Не скажу». Воны й пишлы, такъ іи въ хати покынулы прыбыту косамы. Вона лежала довго, думала: чы не вернутся? Не вернулысь. Стала вона гукать на дитей: «Диты мои! чы вы спыте, чы ни?»—Ни, мамусю, мы не спымо, тилькы лежымо.—«Устаньте, диты, та якъ-небудь мене высвободить». Усталы воны, зачалы выбывать той килокъ, былы його, выхитувалы; выхиталы: устала вона. Диты пытають: «А хто жъ то такый, мамо»?—Та хто жъ? розбійныкы.—То вона не созналась до смерти, якъ умирала—хазяинови созналась [1]).

2.

Олійныкъ [2]) йихавъ зъ злодійщыны и кони вивъ, заблудывсь та пидійшовъ до чоловика, Коровая. Коровай жывъ у двохъ и зъ

---

[1]) Отъ коз. Д. Бугаевой, родомъ изъ Ромодана.

[2]) Кремянское уличное прозвище Горкуши.

жинкою, бездитный. Олійныкъ каже: «Одчыны, иды—на дорогу справъ мене». Коровай не одчынывъ, побоявсь. Такъ Олійныкъ выставывъ дверы, увійшовъ у хату, а Коровай сыдивъ на лави. Такъ Олійныкъ его босого и въ одній сорочци на сани скынувъ, каже: «Зведы мене на дорогу». Коровай ёго на дорогу вывивъ. Такъ Олійныкъ ёго зъ саней скынувъ, а самъ пойихавъ у Ромоданъ. Кажуть винъ тамъ жывъ на край Ромодана. Винъ бувъ добрый. Було биднякъ прыйде до ёго, журытся, каже: «Оце я такый обирванный, голисенькый хожу». То винъ вынесе кожухъ, або юбку: «на, каже, одягнысь». Винъ жывъ девяносто пять годъ. Кажуть здоровый чоловичыще: того Коровая якъ дытыну взявъ [1]).

3.

Горкуша воръ бувъ. Солоха Денысенкова розсказувала: «Я була дивкою, такъ прыйиздыть два паны и кучеръ до мого батька.—Диду! кажуть паны, пускай насъ переночувать.—Ночуйте.—Указавъ винъ кучерю сарай, щобъ кони заводывъ. Паны ввійшлы у хату, пороздягалысь и одынъ пыта матери:—Йе въ тебе водка?—Йе.—А ковбасы?—Йе.—А медъ?—Йе.—Колы выйде баба съ каганцемъ, колы кучеръ уже ввязуе защипку, умотуе, щобъ не втеклы. Такъ баба вернулась, каже: «Се паны, диду, прыйхалы за гришмы.—Эге, мы прыйихалы за гришмы.—Колы се робитныкъ пидъ викно: «Диду, одчынить!»—Эй, сыну, гукнувъ дидъ, бижы на грыще. Бижыть той робитныкъ, крычыть: «рятуйте!». Такъ воны на кони и тилькы заревло [2]).

4.

Горкуша зъ двома розбійныкамы прыйихалы до пана Зеленського на хутиръ. Ворота булы замкнени; Горкуша узявъ замокъ у руку, и якый не буде замокъ, у ёго въ руци одимкнется. Уйизжа въ ворота, каже: «А йидемъ хлопци, а й возьмемъ, хлопци, та поймаемось». Прыйихалы до кимнатъ.—Ну, хлопци, а

---

[1]) Записано въ х. Кремянкѣ.

[2]) Отъ коз. с. Литвяковъ Е. Передерія.

якъ ёго лизты?—Не влиземо у двери.—Колыбъ такъ, хлопци, щобъ и тыхенько. Вылупуйте викно!—Вылупылы викно и нихто не чувъ: ввійшлы въ кимнату, завьязалы пана у кимнати, щобъ винъ не выскочывъ.—Ну, берить, хлопци, теперъ смило ци два бочонкы. Винъ хоть и почуе, то мы втечемо». Узялы гроши, повыходылы на двиръ, посидалы на кони. Казавъ Горкуша: «Выйиздить, хлопци, тыхо». А хлопци розигналы кони, колыбъ швыдче утекты. Кони якъ сталы бигты, дуже затупотилы, прокынувсь панъ.—Що таке за стукъ? хто тамъ такый? Скризь сплять и не чуть. У найбильшій кимнати, зали, викно вылуплене и забрати гроши.—Охъ, мени лыхо! крычыть панъ, рятуйте мене, чы вы спыте, чы вы такъ лежыте? У насъ злодіи булы, насъ обикралы!—Позбигалысь люде.—Сидлайте кони та бижить йихъ проклятихъ половыть. Побиглы люде, сталы йихъ нагоняты, воны сталы дужче тикать; кажуть: «Мабуть не втечемо!» Добиглы до ставу, зъ розмахомъ кынулы два бочонкы и самы сталы тикать. Два втекло, третёго поймалы, прывелы до пана.—Выкажъ мени, зъ кимъ ты ворувавъ, у мене гроши взявъ? скилькы васъ було?—Я самъ, пане.—Брешешъ, кажы!—Не прызнавсь. Звеливъ ёго панъ закувать. Ведуть ёго въ острогъ, выйшовъ Горкуша, каже: «Гляды, хлопче, не засыдься». Прывелы ёго въ острогъ, а винъ у трубу вылизъ, спустывся до-долу, зскочывъ и до Горкушы явывсь [1]).

5.

Горкушыни товарыши сбиралысь у Корсунову Слобидку [2]) йихать, хотилы обикрасты стару барыню Корсунку. Горкуша выйшовъ, глянувъ по облакахъ, каже: «Хлопци не йидьте, бо не буде взятку». Ну, воны ёго не послухалы, пойихалы, позапрягалы кони, поробылысь панамы, а Горкуша не пойихавъ. Скоро воны прыйихалы туды, барыни доложылы: «гости прыйихалы». Воны въ кимнаты, дивокъ повьязалы, зачалы коло барыни: «Давайте гроши»!.. Барыня каже: «Йесть у мене трохы, а сорокъ

[1]) Отъ Д. Бугаевой.

[2]) Село лохвицкаго у.

тысячъ у церкви лежять». Зачалы воны вже барыни пекты свичкамы у грудь; барыня стала крычать, божыться, що нема тутъ грошей. А народъ увесь бувъ у степу, тилькы жинкы конопли типалы, смотрять: що то гости понайизжалы, а дивокъ немае. Жинкы сказалы десятныку: «Охъ, щось воно не гости!» Далы знать у степъ до людей, щобъ булы прыказчыкы и верхивня. Такъ ти розбійныкы помитылы та въ коляску, та хода. Верхивня якъ зачала за ными гнаться, а воны тикать. Одного ударылы, такъ винъ упавъ, а за тымы гналысь ажъ у Ромоданъ. Тутъ дощыкъ пустывсь, тикать йимъ никуды, такъ Горкуша узявъ свыту напьявъ, та видлогою накрывсь и подавсь изъ Ромодана. А якъ изъ гоны була крыныця и каплыця. Винъ пидійшовъ пидъ каплыцю тай сивъ. Такъ йихъ усихъ забралы у Ромодани, а Горкуша подавсь, не знать де й дивсь, зійшовъ звидсиля [1]).

6.

Горкуша бувъ кошовый отаманъ и въ его шайка розбійныкивъ. Воны чумакивъ ограблялы и церквы. Винъ багачшыхъ ограблявъ, а биднійшихъ награждавъ. Выйшовъ винъ, по зоряхъ подывывсь и каже товарышамъ: «Не йдить воровать, бо піймаетесь сю ничъ». И воны не послухалы, пойихалы у Лубни и обикралы лавкы; упала пороша, снижокъ. Потимъ воны слидъ губылы и ніякъ не загублять, и сталы воны передамы назадъ, а пьятамы у передъ. И воны у хутори Сотныцькому половылысь, а бочонкы у ставокъ кынулы. Кажуть, Черкаськый [2]) пидглядивъ ти гроши, вынявъ и зъ того забогативъ. Якъ погоня зъ Лубень прыбигла, оступылы кругомъ хату, а Горкуша и каже: «А що, хлопци, не слухалы мене? Я казавъ: не йидьте сю ничъ красты, а то половытесь». Тихъ забралы, а винъ выйшовъ зъ хаты, узявъ грабли—лежалы на хати—и пишовъ помеждy сторожою и его не бачылы: лыцяруватый винъ бувъ! Писля сего, года черезъ тры, винъ явывся до-дому и жинкы не було дома; винъ давъ дитямъ

---

[1]) Отъ кр. хут. Церковнаго Т. Печеного.

[2]) Козачья фамилія миргородскаго у.

бублыкивъ вьязокъ тры и сказавъ: «Се вашъ батько ридный, я въ чумакахъ». Та пишовъ на вгородъ, одкопавъ скипець и вытягъ грошей багато [1]).

Въ противоположность столь извѣстному малорусскимъ писателямъ и этнографамъ Горкушѣ, имя другого атамана Засорина, разбойничавшаго въ той же мѣстности въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., совсѣмъ неизвѣстно въ малорусской литературѣ, а упоминается лишь въ «Путевыхъ письмахъ» П. Якушкина [2]), въ числѣ орловскихъ розбойниковъ, при чемъ побѣгъ изъ острога въ нарисованной на стѣнѣ лодкѣ приписывается не ему, а другому разбойнку Рытику; такъ что нѣтъ основаній считать орловскаго Засорина тождественнымъ съ дѣйствовавшимъ въ лубенскомъ уѣздѣ, о какомъ Засоринѣ записанъ мною отъ глубокихъ стариковъ слѣдующій разсказъ въ двухъ варіантахъ.

7.

Засорынъ рожденъ отъ панського чоловика. Отець ёго бувъ плотныкъ, робывъ пану хаты на хутори. Засорыну було симъ литъ, и взявъ винъ обикравъ батькову невистку, узявъ у неи плахту и запаску и прыйшовъ до батька у хутиръ. Положывъ винъ пидъ кущемъ мишокъ зъ плахтою и запаскою, и лежыть. Потимъ того полумайстерокъ того батька пишовъ и бачыть—лежыть хлопчыкъ Засорына и мишокъ у головахъ; прыходыть и хвалытся: «Я щось бачывъ, та не знаю: чы хвалыться, чы ни, щобъ батько не розсердывсь».—Ну, хвалыся.—«Вашъ хлопець пидъ кущемъ лежыть и мишокъ пидъ головою».—Сміешся?—Полумайстерокъ злякався, мовчыть. Засорынивъ батько сокыру въ деревыну угрузывъ и пишовъ. Пидходыть до хлопця; узявъ за руку и веде до хаты. Прыводыть туды, оглядивъ, що у мишку: плахта и запаска, такъ винъ прывивъ сына до деревыны и хотивъ голову одрубать. Такъ люды не далы. Отъ винъ отправывъ ёго до-дому. Прожывъ Засорынъ скилькы часу, оддавъ

---

[1]) Отъ кр. д. Ромодана Ст. Ткаленка.

[2]) Въ Современникѣ 1861 г., V, 199 191 и 205,

ёго батько въ ковали. Вывчывся Засорынъ кувать, и такый винъ лыцарь, що возьмется рукою за замокъ, здавыть, то замокъ одимкнется. Дожывъ до двадцяты литъ, ставъ у парубоцтво уходыть, зъ парубками гуляе. Забере винъ тихъ парубкивъ и поведе въ садъ. Ти боятся, а винъ каже: «Не бійтесь, сторожъ насъ не бачытыме». Пишовъ винъ у воровство и назбиравъ соби комерцію 24 чоловика. Посправлялы соби кони, шабли, сталы йиздыть ворувать. Тоди малолюдно було, ще и воны у степу таборъ держалы. Ничъ настыгне, воны у воровство йидуть, тилькы одынъ кухарь зостается. Звьязалы воны купця на дорози, забралы у его товаръ и гроши. самы прыйихалы до кабака, пьють и гуляють тры дни. Понасыпалы конямъ овса на буркы. Отъ чоловикъ прыйиздыть конемъ до трахтыра и пытае: «це не ти, що купця звязалы»? Засорынъ почувъ и пыта: «Ты що говорывъ?» Заразъ на кони, шабли до бока, а той чоловикъ тика у водяни млыны. Засорынъ за нымъ, такъ чоловикъ вскочывъ, а воны коню голову одрубылы. Пишла молва. Зъ трёхъ селъ зогналы людей шукать ёго и піймалы. Отъ ёго одправылы въ острогъ ажъ у Петенбургъ. Держять ёго въ острози, доложылы царю. Царь [1]) самъ уходыть у острогъ, пыта: «Ну, що, Засорынъ, ты покаишся, чы ни?»—«Ваше Царское Велычество! я душъ не гублю, а сытыхъ обираю, та нагихъ награждаю».—«Не покаешся?»—«Не могу знать, Ваше Велычество». Посыдивъ Засорынъ у острози обибрався день сояшный, тыхый; напустывъ Засорынъ повный острогъ воды, выпысавъ лотку, забравъ усихъ невольныкивъ и пойихалы лоткою. Нихто не бачывъ де воны дилысь. Засорынъ покынувъ тихъ невольныкивъ и подавсь у свое мисто. Прыйшовъ винъ и обнажывся,—голый. На другый день ярмарокъ, чы що, у Якимгороди. Чоловикъ вывизъ пшеныцю, продавъ за 60 карбованцивъ, выйихавъ у степъ, одпригъ волы, пасе волы изъ хлопчыкомъ. Прыходыть до ёго чоловикъ, поздрастувавсь и каже: «Позычъ мени грошей шистьдесятъ рублив».—«Якъ можна знать, що у мене шестьдесятъ рубливъ йе?»—«Ты жъ продавъ пшеныцю, пожычъ».—

---

[1]) Какъ видно изъ слѣдующаго варіанта Императоръ Павелъ. I-й.

«Неможна: се не въ слободи, се степъ».—«Не позычышъ?»—«Ни». Узявъ той пхнувъ черезъ війи, вынявъ гроши, пишовъ въ ходъ, и сказавъ: «Якъ не будешъ гнатся, то встанешъ, а якъ гнатымешся, то лежатымешъ, покы гроши прынесу».—«Не буду гонытся.—«Ну, вставай». Винъ уставъ и спытавъ: «Якъ же теперъ мои гроши—пропалы?»—«Ни, не пропалы. Засорынъ оддасть зъ процентомъ». «Колы оддасте?»—«Стій на мисти, будемъ завтра йихать въ обидню годыну, тоди тоби Засорынъ гроши оддасть». Дождавъ той чоловикъ, що гроши узяти, обиднёи поры, йдеть хургонъ зъ панамы. Чоловикъ ставъ на дорози.—«Зачимъ стоишъ?—пытають паны».—«Позычывъ Засорынъ 60 рублывъ грошей». Посмотривъ одынъ на другого, засміялысь.—«Якъ же можна позычать у степу незнаёмому чоловику гроши?»—«Винъ сказавъ: оддамъ зъ процентомъ».—«Ну, може Засорынъ оддасть». Посміялысь, пойихалы. Отъ йиде другый хургонъ зъ панамы; давай воны пытать того чоловика. Винъ говорыть: «Узявъ у мене Засорынъ 60 рублывъ, сказавъ: сёгодни оддамъ зъ процентомъ». Пойихалы и ти, не далы. Прыйизжае третій хургонъ. И ти спрашують. Каже той чоловикъ: «Позычивъ Засорынови 60 рублывъ грошей, винъ сказавъ: оддамъ».—«Ну, треба оддать, за Засорына поручыться можна». Оддавъ тому чоловику 600 рублывъ грошей и сказавъ: «Якъ буде Засорынъ позычать грошей—позычай смило: Засорынъ оддасть». Поихавъ Засорынъ на свій таборъ. Пойихала его артиль по степу; тамъ два пойихало, тамъ тры. Выйихалы, иде чоловикъ зъ котьмою изъ заробиткивъ. Взялы воны посадылы того чоловика сылою на коня везты до табора. Прывезлы до табора, прыкувалы до стовпа. Отъ силы соби вечеряты, одвязалы и коновязного. Ну, выпылы стаканивъ два водкы и превращають его въ свою артиль. Той чоловикъ и каже: «Хочъ вы мени и голову одрижьте, то я до васъ не прыстану, бо я удовъ, жинка померла, четверо дитей у мене, маты стара, буде мене проклынать; такъ черезъ мене и вамъ счастя не буде».—«Не хоче, ну прывьязать его упять». Прывьязалы воны его. Собиралысь вси двадцять чотыри чоловика на коней—воровать, зостается тилькы коновьязный та кухарь. Прыйиздять свитомъ зъ дóбычью у таборъ—поляглы, поснулы. Кухарь спидать

наварывъ, повставалы воны на снидання, одвязалы и коновьязного снидать. Поснидалы, упять ёго прывращають у сухый забродъ. Винъ одказавсь.—«Ну, кажуть, прывьязать упять». Прывьязалы.— «Ну, зносьте, кажуть, здо́бычь, хто скилькы чого укравъ». Изнеслы воны ту до́бычъ, изсыпалы на купу. давай роздилять на двадцять пять частей. Роздилилы, а Засорынъ каже: «Ну, а коновьязному якъ? Быкъ выссавъ, що ёму нема подилу? Треба и ёму дать». Ну, взялы знеслысь по прыгоршни сребра усякый тому коновьязному насыпавъ.—«Ну, каже Засорынъ, скласты гроши у мишокъ ёму, смертю пострадае». Выщытайте скилькы ихъ есть, я ёму дамъ бумажкамы: Выщыталы, узявъ Засорынъ бумажкы оддавъ и сказавъ: «Садить ёго на коня, везить на ту путь, де взялы. Не хочешъ на сухый забродъ поступать, то иды до-дому, годуй своихъ дитей та спомынай Засорына!» У Савыцькои въ Жданахъ [1]) сторожа стояла день и ничъ, а винъ пысавъ: «Сподивайтесь Засорына у гости. У гости прыбуду, у червони чоботы обую». Сподивалысь и не було. Засорына ще разъ поймалы та прыставылы у острогъ изъ товарышомъ. Ему прысуджено, щобъ катъ наказавъ; товарыша и ёго. Ото жъ ёго вьязавъ катъ быть, наказувать, винъ обища кату билу [2]), а винъ такый, що ёго й куля не озьме. Катъ стебенувъ—такъ не ёго, а околотыну. Розвьязавъ катъ, каже: «Давай билу».—«Ты жъ мене не помылувавъ, не дамъ». Такъ катъ якъ завьязавъ товарыша, якъ сыпнувъ, такъ за трёма ударамы убывъ. Засорына узялы на излѣченіе. Туды уходывъ царь, пытавъ: «Ну що, «Засорка!»—«Блыжче къ смерти, Ваше Велычество», Царь прыказавъ ликарямъ зличыть, и пишовъ Засорынъ у Кыивъ и дававъ по пьять рубливъ старцямъ [3]).

8.

Засорынъ родывсь коло Таганрога и у семы годахъ объявывъ свою хытрость: «Родывся Засорынъ; я есть Засорынъ и

---

[1]) Помѣщица с. Ждановъ, лохвицкаго у.

[2]) Т. е. двадцатипятирублевую бумажку.

[3]) Отъ П. Бандаевскаго.

зроблю добре и зле». И потимъ начавъ набирать воровъ и давай обкрадать. Ввійде и отуманыть людей. Йихавъ чоловикъ изъ Дону, рыбу визъ зъ робитныкомъ, выпрягъ соби, пасе. Тоди ще було малолюдно и степы булы вильни. Засорынъ убрався у рване убрання, выйшовъ, каже: «Позычъ мени грошей шистьдесятъ рублив».—«У мене нема грошей».—«Ни, у тебе шистьдесятъ рублив йе».—«Такъ що жъ хоть и йе? Що жъ ты таке, щобъ я тоби позычывъ?»—«Такъ я жъ тебе прошу; позычъ на тры дни». Той чоловикъ каже на робитныка: «Беры дрючокъ»! Засорынъ узявъ та пхнувъ его черезъ війя, а той робитныкъ до его, такъ Засорынъ и того звалывъ, выйнявъ 60 карбованцивъ у хазяина и пишовъ, крыкнувъ: «Дожыдай же мене, я тоби черезъ тры дни доставлю, я Засорынъ». Колы ось на другый день йиде панъ шестерыкомъ коляскою и коло его кучери.—«Здрастуйте».—Зачымъ ты тутъ стоишъ?»—«Позычывъ гроши Засорину».—«А якъ Засорыну, то той оддасть На третій день йиде упять той панъ, пытае: «Кого ты ждешъ?—Гроши позычывъ.—«Кому?»—Засорыну.—«Якъ Засорыну, такъ я есть». Узявъ вынявъ у пьять частей и оддавъ. А то одынъ чоловикъ ишовъ зъ заробиткивъ зъ Дону, такъ выскочылы люде и потяглы его у лисъ, взялы его до коновьяза прывьязалы, потомъ давай дилыться гришмы. Засорынъ прыглаша того чоловика, щобъ винъ у компанію, а той ставъ просыться: «У мене жинка и диты дома». Началы гришмы дилыться.—«А тому, що у коновьязи що?»—«Даймо по прыгоршни сребра». Йихъ трынадцять чоловикъ по прыгоршни насыпалы. А то прыйихалы воны, постановылысь коло скирдъ, годують кони. А молодый панъ прыйихавъ, ставъ лаять: «Зачимъ пасете?» Воны давай, мовъ просыться. Панъ на кучеря: «Беры лошади!» Засорынъ тоди каже: «За зло—зломъ и оддаймо!» Заразъ ухватылы того пана и давай его арапныкамы. Наказалы. Давъ Зосорынъ кучеру арапныкъ и прыказавъ: «Дуй его арапныкомъ ажъ до-долу, а то и тебе, и твого пана заpижемъ. Я Засорынъ». Кучеръ маха, а то годи, такъ панъ каже: «Дуй, а то и тебе, и мене заруба». Такъ кучеръ бывъ пана, покы выдно було, а то—махавъ батогомъ. Винъ пысавъ скризь и до тіеи пани, що въ Жданахъ: «Прыйиду и прывезу червони чо-

боты и васъ обую». И до Юзычевськои [1]) напысавъ: «Уляна Семеновна! буде до васъ Засорынъ у гости и обуе въ червони чоботы». Плачивъ було. Вона сторожу давала—Богъ мылувавъ. Такъ ёго піймалы, винъ дався, а то ёго не можна піймать: винъ волхвъ бувъ, такый що ёго не выдно. Посадылы ёго въ тюрму и тамъ було ще 60 чоловикъ.—«А що, каже Засорынъ, якъ бы намъ выйихать, щобъ на мори погулять?» Очеркнувъ винъ на земли, зробылась лотка и вода, пишло море. Ото винъ звидтиля тихъ вызволывъ и самъ выйихавъ. Другый разъ піймалы ёго и розсудылы наказать. И тутъ ёго увьязалы до саней и ставъ катъ щытать! Винъ стоить.—«За що жъ, каже, попову кобылу наказувать?» Колы справди кобыла, а винъ заразъ скрывсь. Потимъ третій разъ піймалы, посадылы у тюрму, такъ Царь Павло пройиздывъ черезъ Таганрогъ и повеливъ ёго вывесты, пытается: «Що, Засорка, окаешся, чы ни?»—«Никакъ не знаю, чы покаюсь чы ни. Царь здвыгнувъ плечима и веливъ сослать у каторжну работу. Такъ Засорынъ сказавъ: «Ну, убоявся я Бога и царского повеленія, а то ище бъ не бувъ наказанъ». Такъ ажъ тоди наказавъ ёго катъ [1]).

Атаманы третьей мѣстной разбойнической шайки: Копытько и Рябецъ не были ни звѣздочётами, ни «волхвами», ни характерниками; вообще ничѣмъ не отличались отъ рядовыхъ разбойниковъ, скрывавшихся въ волчковской и засульской волостяхъ, и установившихъ въ свою пользу особую повинность—кормленія, какъ повѣствуютъ слѣдующія преданія.

9.

Хуторивъ тоди мало було, людей мало. Людей обижалы розбійныкы—Копытькы. Воны було ховаются до могылокъ. Позъ ти могылы страшно иты смеркомъ. Було піймають кого, кажуть: «Якъ прынесешъ сала, або молока, то пущу». Носять було. Якъ

[1]) Одна изъ помѣщицъ с. Литвяковъ.

[2]) Отъ коз. с. Литвяковъ Е. Передерія.

не прынесе, то вдруге не пустять, а попобьють. Якъ було Наумъ [1]) везе молоко, проты Сотныцькихъ могылъ кыдавъ два кушыны молока для йихъ, а якъ йиде назадъ, то воны выносять кушыны. На Берестецькому, де роблени могылы, булы розбійныкы: Копытько и Рябець. Изъ хуторивъ туды носылы обидать. Якъ не прынесуть, такъ розорялы. Ночью воны прыйихалы до дида Нечипора Кочубея и семейство выйшло зъ хаты, тоди воны сталы бесидувать цилу ничъ, гуляють, пьють. На утро—булы тай нема [2]).

10.

Копытько знавсь зъ Коломійцямы. У йихъ дочка була и засваталась, такъ Копытькы прыбиглы и на посади хотилы вбыть іи. Тоди душъ трыдцять обходять село изъ ратыщамы, изъ ружамы. Народъ въ погонь. Гналысь, йихавъ ганчарь, сховавсь пидъ кобылу, такъ воны голову одрубалы кобыли и вскочылы у двиръ на Сотныцкій, а хазяинъ обидае. Люде пытають: «Де воры?»—Не знаемъ.—Прыставъ сказавъ: «Взять усихъ изъ хаты». А хлопчыкъ сыдивъ, прыставъ до его: «Скажы де дядькы?»—Одынъ у груби, а одынъ у труби. Тоди ихъ забралы, усихъ наказавъ катъ и пишлы на Сибирь [3]).

11.

Копытько жывъ на Пологахъ. А дидъ Иванъ Максымовычъ Гамайда ходывъ туды по воду. Набере воды тай прыглянувся: що воно таке прыйде у палетахъ зъ города, а коняку де дине? Доглядивсь, що у лёхы. Иде дидъ, а тутъ у Засульи волость була. А до бабы Мелашкы Гамайды прыйихавъ Копытько. Прыйихавъ у двиръ, струснувъ двери—не чуть. Крычыть: «Одчыны!»—Вы незнакоми, каже Мелашка, Богъ його зна.—Крычыть Копытько: «Беры ломъ!»—Ой, лыхо! каже баба дивчыни, одчыны

---

[1]) Мгарскій монастырскій приказчикъ.

[2]) Записано въ Кремянкѣ.

[3]) Отъ Е. Передерія. Вар въ «Свѣт. Стар.» 15. Хозяинъ—укрыватель называется старожилами то Лободой, то Зеленымъ.

викно, бижы у волость. Два добывается до хаты, а одынъ на фургони. Той третій чуе: дивчына збунтовала, каже: «Тикайте, бо щось буде». Такъ воны селомъ тилькы зашумилы. Иде дидъ, колы зъ улыци щось бижыть, чека выскочыла, колесо позъ дида тилькы черкнуло. Такъ дидъ за колесо дай прынисъ до-дому. Колы бунтъ, повенъ огородъ народу.—Чого вы? пыта дидъ.—Розбійныкъ добывавсь у хату. Дидъ до комысара[1]), просыть: «Выжените Копытькивъ».—А знаешъ де жывуть? пыта комысаръ.—«Пидъ Матяшивкою на пологахъ». Такъ комысаръ выпысавъ, каже: «Ну, гляды, веды». Повивъ дидъ комысара,чы двадцять, чы двадцять пьять чоловикъ изъ нымъ. Прыходять до хаты, дывлятся: одынъ сыдыть кинець столу, злигъ на стилъ, спыть, а пьять пьють, гуляють. И баба на одно око слипа сыдыть, и дидъ крывенькый. Окружылы хату, розбылы двери, который лежавъ—нема. Де винъ дивсь?—«Ну, бый пичъ», прыказавъ комысаръ. А винъ зогнувсь, сыдыть у пичи. Ведуть ёго, такъ винъ якъ сколыхнувъ и ланцюгы попадалы, каже: «Ну, проклятый дйду, ты мене зйивъ, хиба земля провалытся, и я туды впаду, а то вернусь и тебе зъ свиту зжену».--«Иды, чоловиче, каже дидъ, годи тоби людей обижать». Якъ спросылы Копытька: «Де твои любезни?» Винъ прызнавсь: «Я йиздывъ до батюшкы у Матяшивку и золоту табакерку подарувавъ». Тоди усе понаходылы: сукни, коней и карусы[2]).

12.

Кулябка у нистъ прыказавъ кухарци своій зарубать индыка, на завтрышній день хотивъ одправыться въ Копанькы, экономію хорольського уизда. Кухарка управылась и выйшла зъ кухни у дviръ. Ничъ була мисяшна, роспускъ бувъ воды и замерзло. Чуе кухарка—греблею щось хряпотыть. И вона выйшла на си

---

[1]) Николая Кулябки. «Винъ старавсь, покы не половылы Копытькивъ» вспоминаютъ старожилы.

[2]) Отъ козака с. Засулья Якимца.—Каруса, итальянское carrozza, уменш. carrucio--карета, колясочка, телѣжка.

двери, що одъ дорогы, одхылыла двери, та стоить на порози. На коню щось сыдыть таке, якъ воинъ, и йиде прямо въ двери. Вона пыта: «Хто такый?» Винъ блыжче, вона тоди зачынила двери и пишла у хату. Скоро наскоро понадобылось ій упять у двиръ увійты, дывытся: той цапъ, що загоняють изъ киньмы, ходыть по двору и конюшня одчынена. Іи чоловикъ малый бувъ и бувъ за фалетора. Вона пыта: «Гнате! конюшню вы зачынялы?» А старый кучеръ бувъ Ёсыпъ, той отвича: «Що таке конюшня одчынена и цапъ ходыть по двору?» — «Не може буть», каже Гнатъ, «я самъ зачынявъ». Ну, воны узялы фонарь, пишлы у конюшню — все благополушно. Загналы того цапа, заперлы конюшни, полягалы спать. Уранци встають, треба запрягать, запряглы, треба вожжать кони, а Кулябка купывъ нови вожжя. Сюды, туды — нема вожжя нового. Хто взявъ, незвисно. Докладають: «Пане! нема вожжя» — «Ну, с... с... пропылы!» Давай йихъ быть. Вывывшы, панъ каже: «Вожжайте старимы». Запряглы и пойихалы. Ажъ у те время якъ поймалы Рябчыка и Копытька, то взналы де вожжа дилось. У Лубняхъ була мищанка, и Рябчыкъ хотивъ, щобъ оддалы за ёго замижъ, а вона выходыла за другого. Такъ уже стоять на столи бутылкы, а Копытькы танцюють на столи и не звалять йихъ. Такъ Копытькивъ хотилы половыть тамъ, а викна поодчиняни булы и воны повтикалы на Засулля. И на Засульи стояла хатка, тамъ жыла якась жинка, такъ Копытькы у ту хатыну до тіеи жинкы. Люде бачылы, що воны туды вскочылы, а найты не найдуть: одынъ улизъ сюды у грубу, а одынъ у дымарь. Гонци пытають тіеи жинкы: «Не було?» А Копытькы просылы, щобъ не прызнавалась и вона сказала: «Не бачыла». А дытынка сыдыть и воно не вмило говорыть, а показало: «О!». Вытяглы видтиль одного, ведуть, другого ненайдуть. Ну, такъ якъ стала тышына, такъ той другый выстромывъ голову, дывытся, чы далеко одійшлы. Люде оглянулысь, вернулысь и того поймалы. Якъ йихъ узялы на допросъ и воны вже все свое розсказувалы и тоди про Кулябку говорылы.—«Казалы, що въ Кулябкы кони хороши, а я подывывся, ажъ таки якъ свыни. Тилькы понравылось вожжя: а одна, якъ я йихавъ одчыныла

двери та щей пыта: «Хто то йиде?» Ну, скоро зачынила двери, а бильшъ бы не пытала[1])».

Такая слабая обезпеченность жизни и имущества, и неопредѣленность поземельныхъ отношеній были явленіями переходными, несовмѣстными съ размноженіемъ населенія и особенно съ расширеніемъ панскихъ хозяйствъ. И вотъ по изгибамъ степныхъ потоковъ: Кремянки, Путивки, Матяшовки и Солоницы, у воды, среди темнѣющихъ садковъ появляются рѣдкіе курени, хатки, загоны, зародыши настоящихъ хуторовъ, устроенные мѣстными крупными поземельными собственниками: Мгарскимъ монастыремъ, Новицкими, Орѣховскими, Кулябками, ихъ преемниками, другими Лубенскими панами и козаками. «Паны выстроють куринь, заплетутъ загинъ и пасуть свій скотъ. Потимъ выстроють хату, посадять свого крестяныпа, другого, третёго и займыщамы населылы хутора».

Ближайшій хуторъ къ югу отъ пограничнаго со степью села Литвяковъ—Кремянка расположенъ на горѣ у ручья того же имени. Прежде по дну оврага протекала во всякое время живая струя воды; теперь большую часть года воды нѣтъ, виднѣются только рѣдкія деревья. Постройки не скучены, какъ въ селахъ, а раскинуты по всему склону горы, среди небольшихъ садовъ. Началомъ[2]) Кремянки была хата, построенная Мгарскимъ Монастыремъ на древнѣйшихъ кутахъ: Нестеривськимъ и Лытвынськимъ и х. Орѣховщинѣ. О старинѣ мѣстные жители передаютъ такъ: «Якъ була Кремьяна чернеча, такъ була одна хата, у іи жылы Наумъ Пелыпенко, прыкащыкъ, а другый лычма̀нъ[3]). Винъ дойивъ коровъ, а молоко и сыръ отправлявъ у манастырь. Потимъ тутъ сараи, клуни булы. И теперъ земля, якъ зійды, стугоныть, мовъ плавына. Якъ копать гній, такъ и розсыпается. А де хата була,—цеглу выкыдають изъ землі. На Лытвынськимъ

[1]) Отъ кр. хут. Войнихи Ф. Марченка.

[2]) Вѣроятно Кремянка и Стадня выстроены на мѣстѣ лѣса «Товстого», подареннаго вдовой полковника Григорія Лѣсницкаго монастырю. («Лѣсн. Лубенщ. 41).

[3]) Лычма̀нъ—старшій чабанъ. (Основа 1862 г., X, 45).

кути бувъ водяный млынъ. Потимъ ще за ченцивъ стало пьять хатъ старожительцивъ, а то вже казна понагонювала сюды людей». Въ Кремянкѣ сохраняются почти такія же преданія о зависимости отъ монастыря и о причинахъ освобожденія отъ нея, какъ и въ другихъ бывшихъ монастырскихъ владѣніяхъ[1]) «Якъ почулы ченци, що людей одберуть, то набьють склау глыну та людей заставляють мисыть и мазать сараи. Розсказують, що прыйихала у манастырь царыця и крычавъ чоловикъ. Вона послала одютанта. И винъ сказавъ, що монахы пеклы чоловика на сковороди. Одютантъ якъ визъ потимъ манифестъ, нагнавъ ченця, пытае: «Що везешъ»?—«Харчи».—«Йе водка»?—«Йе».—«Давай выпьемъ». Ченець боявся, потимъ одимкнулы, выпылы. Иде ченець и чумаціе: буде мени! Покы довизъ, а одютантъ уже вычытавъ манифестъ. «Старѣйшимъ родомъ признаются Пелыпенки или Наумы, потомки прыказчыка. «Йимъ найбильши огороды подавани». Кромѣ нихъ на Нестеривськимъ кутѣ живутъ еще: Нестеренки, родомъ изъ стараго монастырскаго села Пѣсокъ, Диденки, по уличному Сенчане. «Воны прысельци изъ Сенчи, заплатылы куныцю и перейшлы»; затѣмъ Сухопары изъ хорольскаго уѣзда, Дудники, Короваи, Вашиненкы, Волохы («Воны прыгнаны зъ Волощыны») Панченки, изъ Западинецъ, лохвицкаго уѣзда, по уличному Ярови. «Панченкы жывуть на Яровивщыни, позъ потикъ Мостыще. На весни черезъ йихъ огородъ упоперекъ и вода бижыть». За ними живутъ: Братки, изъ Западинецъ, Босаки, Погонци, Борисенки, изъ Литвы и Марченки. «Предкы десь церкву обикралы и йихъ прыслано по казенному геть изъ симьею». Хуторъ оканчивается гористой Бурхаивкой. «Тамъ на сугорби мовъ скамия»[2]), гдѣ жилъ крестьянинъ Бурхай и люди бывало говорятъ: «до Бурхая, на скамню иты». Размножившееся населеніе достигаетъ теперь 600 душъ. Жители довольно полны, средняго роста, темнорусые и русые. Самые темные волосы въ фамиліи Волоховъ. Занимаются только земледѣліемъ, бондарей

---

[1]) См. «Лѣсн. Лубенщ.» 44—47.

[2]) Крутая гора.

...ѣмъ нѣтъ, такъ, что въ сосѣднихъ селахъ насмѣхаются надъ Кремянцами: «Въ Кремянку якъ йихать свататься, то треба брать изъ собою обручъ, щобъ подумалы, що бондарь, бо тамъ йихъ нема». Возлѣ Литовскаго кута есть старое кладбище, съ которымъ связано слѣдующее преданіе. «У Кремьянци на старому кладовыщи велыка могыла. Клыкнула жинка молоду: «Иды, дочко, до мене, пополудцуемо». И посылае обоихъ полудновать: свого сына—молодого и ту молоду. Поставыла йимъ сметану та вареныкы. Такъ молода якъ полудновала, такъ и не росхылялась, а сынъ на пилъ упавъ. Покы крычалы, покы до свита померлы обое. Ту матирь люде прысутяжылы: «Чого жъ воны померлы»? Такъ вона сознался, каже: «Зъ трёхъ колодязивъ воды набрала и я нехотила щобъ воны померлы, а хотила йимъ любощивъ дать, щобъ воны любылысь. Та не впалось йихъ клыкнуть, та перестрочыла, такъ воны й померлы». Затошнылась маты, полежала и померла. Молодимъ зробылы дви труны и яму выкопалы велыку одну и въ одну яму поховалы, що воны молоди, посватани. Его маты, та, що отруила, хотила щобъ и іи въ одну яму поховать, а молоди маты несхотилы. Маты поховалы такы на кладбыщи, такъ у другу яму. Стари люде показують: «Оце молоди, а це--гробивъ черезъ тры—маты» [1]). Изъ окружающихъ Кремянку урочищъ [2]) интересны яры: Холодный и Хрестовый. О первомъ разсказываютъ: «Въ холоднимъ яру у вершинци була крыныця запорозцивъ, и, якъ йихъ выгоныла Катерына, тоди, якъ тутъ злюднило, такъ йихній панъ сказавъ: «Берить сребро, злато и ступайте куды знаете». А самъ винъ оставсь коло могылы, на муку давсь. И его стрелялы изъ ружжя, або зъ лукивъ—не брало. Такъ винъ выйшовъ, рукы згорнувъ и въ бочку вкинулы изъ

---

[1]) Отъ Матрены Кривенковой, родомъ изъ Кремянки.

[2]) Другія урочища: Грицыха, Макортетъ, гдѣ прежде была монастырская мельница, Тернывськый, Чекисынъ, шляхъ въ верстѣ разстоянія отъ Кремянки—Завгородье, о которомъ вспоминаютъ: «Було, якъ козакы йдуть, зайдуть у Кремянку, возьмуть снопивъ два на коня—подавсь. Дальше Гмарське (вмѣсто Мгарске) поле и Лубенскій Ромоданъ, хуторокъ въ 30 душъ, выселившихся изъ Ольшанки.

гвоздьмы и тамъ винъ кончывсь. Ти запорозци якъ убиралысь, такъ бочку изъ золотомъ впустылы въ крыныцю. Батькы наши якъ ходылы по заборахъ [1]) у Херсонську и Катерынославську губерніи и тамъ люде казалы, що въ Маячнихъ могылахъ, пидъ вокзаломъ, и въ сій крыныци гроши сховани». Другой Хрестовый яръ извѣстенъ криницей. «У Хрестовимъ середъ яру хрестъ стоить и крыныцю святять. Крыныця не копана, а выйшла. Гора осунулась и появывсь роднықъ. Давнійшъ вода йшла, а теперъ изійшлы роднықы, вода йесть, такъ глыбоко. Іи ченець бувъ забывъ гноемъ и дубыною. Такъ ёго взяло та й заслипыло. Въ ночи прыснылося:—очысть мене и умыйся, такъ тоби стане выдно. Винъ людей заставывъ, очыстылы. Винъ водою умывся и ставъ бачыть. И освятывъ, хотивъ и ярмарокъ вызвать, такъ умеръ. Люде зробылы зрубъ хорошый, святять у четвергъ на клечаныхъ святкахъ. Тоди въ Кремянци такъ, якъ велыкдень. Плахты попидперизують, дивкы коснықы почепляють. И люде чысто одиваются, якъ у церкву. Сходятся люде зъ Ромодана, Стадни, Орихивщыны. У середу збирають цилый день по хутору два чоловика зъ общества изъ кошыкамы. Хто дасть яець, хто сала, хто локшыны, або пшона. Иде бабивъ пьять на яръ, пичкы покопають и варють людямъ: кашу молошну, изъ саломъ локшыну; а хлибъ беруть зъ дому несуть; кнышивъ тры—пьять; батюшци и спивакамъ курей жарять; горилкы за общественни гроши видеръ два, тры. Чы булы сциленія одъ сіи воды—намъ не въ памятку [2]).

Слѣдующее бывшее монастырское владѣніе—хуторъ Стадня. Названіе хутора происходитъ очевидно отъ слова стадо, такъ производятъ его и мѣстные жители. «Стадня звется одтого, що

---

[1]) Т. е. взятые впередъ задатки.

[2]) Отъ М. Кривенковой. Въ сосѣднихъ селахъ хотя и освящаютъ криницы: въ Литвякахъ, въ урочищѣ Орловой, въ Бересточи на Заорахъ, и въ Волчкѣ въ Рудкѣ, Бранныхъ лозахъ, на толокѣ и въ Дубкахъ, но не на зеленыхъ праздникахъ, а въ день св. Георгія, и никакихъ обѣдовъ не дѣлается, и легендъ о криницахъ никакихъ нѣтъ.

стадо було черненe, тутъ стадныкъ[1]) жывъ». По другимъ предположеніямъ Стадня входила въ Матяшовскую толоку и здѣсь паслись всякія стада, а не только одни монастырскія. Такъ или иначе «зъ табунивъ, зъ пастухивъ завивсь и хутиръ». Старожилы помнятъ, какъ хуторокъ состоялъ изъ десятка хатъ, раскинутыхъ по правой сторонѣ оврага Матяшовки, вдоль его изгибовъ. Въ Стаднѣ встрѣчаются тѣ же преданія о старинѣ, что и у другихъ казенныхъ крестьянъ[1]). «Монахы людьмы работалы якъ киньмы и шлеи чиплялы. Якыйсь князь пробигъ, побачывъ и давъ знать. И тоди люде повернути у казенни крестьяне. И тоди було сутужно. За подати и за некрутивъ тоди облывалы водою на морози; бабу Дмытра Кочубея водылы до крыныци, облывалы, щобъ созналась де чоловикъ, который мався на службу иты. Роздяглы іи, а морозъ такый, що ажъ кыпыть, и вона не сказала, и не болила,—ще й жинка дрибнувата». Въ началѣ текущаго вѣка населеніе достигло 250 съ небольшимъ душъ (при дачѣ въ 125 дес.). Оно средняго роста, темнорусое. Темные волосы встрѣчаются въ родѣ Кочубеевъ, прежде отличавшихся долголѣтіемъ, такъ Леонтій жилъ 103, а Василь 110 лѣтъ. Кромѣ Кочубеевъ, въ Стаднѣ живутъ еще: Выорышки, Березняки, Кулиничи, Ляшенки и Шиши. Преданія о переселеніи затеряны.

Къ востоку отъ Литвяковъ, за сельской толокой тѣснятся на холмахъ у ручья Путивки два хутора: Путивцевъ и Церковный, въ разстояніи версты одинъ отъ другого и вблизи Миргородской границы. Названіе перваго хутора происходитъ отъ ручья, сливающагося здѣсь съ трехъ концовъ: отъ Ромодана, изъ Муравьевской степи, нѣкогда принадлежавшей гетману Апостолу, и отъ Бубликового Трактира, миргородскаго уѣзда, а второго—отъ близъ лежавшей церковной долины. Оба хутора основаны на степи, данной охочекомонному полковнику Ильѣ Новицкому Мазепой, потомъ утвержденной за его потомками позднѣйшими пра-

---

[1]) Пастухъ.

[1]) «Лѣсн. Лубенщ.» 43—47.

вительственными распоряженіями[1]). Въ «позвѣ» 1800 года Ивана и Александра Новицкихъ, найденномъ мною среди фамильныхъ бумагъ, обстоятельства этого пожалованія изложены такъ: «Прадѣдъ нашъ Илья Новицкій по Высочайшему отъ Всероссійскихъ Монарховъ пожалованію и по пріобрѣтенію куплею имѣлъ во владѣніи своемъ маетности: мѣстечко Снѣтинъ съ принадлежащими къ нему селами: Литвяками, Исачками, Хорошками, Окопомъ, Шеками; съ мельницами, рыбными ловлями, степомъ, пахатными землями и сѣнокосами, лугами, лѣсами, слободкою, хуторами и пустошами». Затѣмъ, въ числѣ потомковъ И. Новицкаго въ томъ же актѣ упомянута дочь бригадира Андрея Новицкаго Катерина, вышедшая замужъ за Чернушскаго сотника Шостака (Сотникова Катерина Шостакова). По обнародованнымъ же даннымъ сотникъ Шостакъ за долговременную и усердную службу произведенъ Румянцевымъ въ полковые Лубенскіе обозные, въ 1776 г.[2]) Съ Катериной Андреевной перешли въ родъ Шостаковъ: сады, левады, сѣнокосы въ Литвякахъ (Селище, Плаксинцы, Хмиливщына) и часть степи, на которой при новыхъ владѣльцахъ возникли оба указанные хутора. Шостаки, провладѣвъ этими хуторами съ половины XVIII до двадцатыхъ годовъ XIX в., вымерли. Послѣдній Шостакъ, Илларіонъ Григорьевичъ, жилъ въ Литвякахъ, на Селищѣ; по воспоминаніямъ старожиловъ былъ суровъ и высокомѣренъ. Переживъ своего единственнаго сына, онъ переселился въ прилукскій уѣздъ къ сестрѣ, гдѣ скончался въ 1818 г. и похороненъ на фамильномъ кладбищѣ Милорадовичей въ оградѣ Калюжинской покровской церкви. Сестра его Александра Григорьевна, жена бунчуковаго товарища Ивана Антоновича Милорадовича, была послѣднею въ родѣ Шостаковъ, согласно правилу mulier est finis familiae. Девятнадцатилѣтней статной красавицей, съ темными волосами и глазами, вышла она замужъ, и послѣ двадцатилѣтней счастливой семейной жизни

[1]) Стороженко. Охочек. полк. И. Ѳ. Новицкій въ «Кіев. Стар.» 1885 г., VI, 444—446, 457.

[2]) А. Базаревскій: 1) Очерки Полт. Лубенщ., 74, и 2) Распоряж. графа П. А [redacted] управ. Малор. 28.

скончалась въ 1820 году и погребена возлѣ брата, оставивъ лубенское имѣніе дѣтямъ, изъ которыхъ гусарскій маіоръ Дмитрій Ивановичъ Милорадовичъ скупилъ части другихъ наслѣдниковъ. При немъ хуторное хозяйство велось въ большомъ порядкѣ, хотя владѣлецъ и жилъ въ прилукскомъ имѣніи въ Калюжинцахъ. Постройки, плотины, пруды поддерживались исправно. Запашка была незначительная вслѣдствіе дешевизны хлѣба; было 23 пары воловъ, но плуговъ трехпарныхъ только 4, да крестьянскихъ 7. Въ Крымъ ходило за солью два воза исключительно для экономическихъ и крестьянскихъ нуждъ. Въ хуторахъ содержалось небольшое стадо и табунъ рыжихъ лошадей, любимой масти Милорадовичей. Рыжій съ проточиной жеребецъ приведенъ изъ Калюжинецъ. Почти весь этотъ табунъ погибъ въ Сулѣ при слѣдующихъ обстоятелствахъ: «У Лытвякахъ утопывсьОврамъ Ночовный; то прыкащыкъ Трохымъ нагнавъ табунъ, щобъ сбунтовать воду и щобъ мрець зорнувъ. Бовталы воду: чы не зорне. Замоталысь кони и подушылысь у води» [1]. Главной отраслью дохода были испанскія овцы; стадо въ 1500 головъ раздѣлялось на три части: валаховъ и между ними 25 барановъ, изъ которыхъ 5 главныхъ пріобрѣтены въ с. Бербеницахъ, лохвицкаго у., отъ замѣчательной хозяйки того времени В. И. Ходолѣй, урожденной Себастьяновичъ, матокъ и ярокъ или яроты [2]. Надъ стадомъ надзиралъ «отагасъ» [3] Яковъ Недилька. Устраивая хутора, Шостаки населяли ихъ людьми частью изъ коренныхъ литвяковскихъ крестьянскихъ семействъ, закрѣпощенныхъ еще Новицкими, судя потому, что одни и тѣ же крестьянскія фамиліи встрѣчаются во всѣхъ владѣніяхъ наслѣдниковъ Новицкихъ. Фамиліи эти: Кравци [4]), Курилы, Недильки и др.; часть крестьянъ: Кроли, Лаптіи, Ночовные и Щигли переведены изъ родовыхъ владѣній Шо-

---

[1]) Отъ Л. Кроля.

[2]) Ягнята по второму году.

[3]) Главный пастухъ.

[4]) Одинъ изъ нихъ «Кравець ткачъ пишовъ у Ромоданъ за пряжею зимнёи добы и дійшовъ тилькы до Лесивненкового саду. Заклякъ, зогнувсь и клубочкы въ руци».

стаковъ въ Чернухахъ. Печеные подошли изъ лохвицкаго уѣзда. «Иванъ Печеный зійшовъ бувъ и жывъ у Чорненькій, за Каховкою. Потимъ вернувсь и двѣ пары воливъ прыгнавъ изъ силью. У его була страшна пасика». Впослѣдствіи двѣ семьи Гусакивъ переведены изъ Токарей, лохвицкаго же уѣзда. Переселенцы изъ лохвицкаго уѣзда большею частью средняго или небольшого роста, цвѣтъ волосъ рыжеватый[1]). Всѣхъ жителей 183. За Церковнымъ хуторомъ на самой Миргородской границѣ, есть еще небольшой хуторокъ Лесивнекивъ, основанный вольноотпущеннымъ помѣщицы У. С. Юзычевской Никифоромъ Тимофеевичемъ Лесивненкомъ; земельной собственности до 200 десятинъ, и появленіе значительной движимости на этой землѣ создало слѣдующіе сказочные народные разсказы о причинахъ его обогащенія. «Биглы розбойныки, а Нечипиръ Лесивненко ишовъ на степъ за Церковный хутиръ. Воны въ городи поризалы купцивъ и накралы добра; бижять, а Лесивненко де диться, та въ теренъ. Воны добиглы, узялы и спустылы бочонокъ у ставъ. А винъ тоди туды, вынявъ бочонокъ: серебро та червинци. Винъ бувъ парубокъ та пишовъ до Денысенка, каже: «Оддайте за мене дочку».—«Не дамъ, якъ бы ты не панській».—«Я не буду панській, я буду багачшый васъ».--«Тоди якъ выкупышся, будешъ у мене сватать». Такъ винъ пишовъ до Прудкого, Корнія, каже: «Оддайте за мене Христю».—«Ни, хлопче, не оддамъ: паны у васъ хороши, такъ прыкащыкы будуть быть». Нечыпиръ показавъ ти гроши Христи, и тоди сказала Христя: «Не спыняйте, тату, пиду».—«Иды», сказавъ Корній. Лесивенко справывъ супрягу воливъ и то ставъ чумаковать, потимъ выкупывсь»[2]). Другой разсказъ говоритъ о

[1]) Урочища вокругъ хутора называются по именамъ мѣстныхъ жителей. О могилѣ Довгій говорятъ. „Тамъ бувъ полосъ и йиздылы его дратувать, винъ бравъ хвистъ у зубы и гнавсь колесомъ; треба доброго коня щобъ утекты. Хведиръ копавъ, земля стугоныть—докопавсь—цегла“. На степяхъ Новицкихъ построенъ еще хуторокъ Броварки, Снѣтинской волости, населенный крестьянами Негемблями, Палажченками и др.

[2]) Отъ Е. Передерія. Денисенки и Заики, по уличному Прудки, Литвяковскія козацкія фамиліи.

болѣе позднемъ обогащеніи Лесивненка, послѣ женитьбы. «Покійный Нечыпиръ Лесивненко выйшовъ, повечерявшы, на святвечиръ, колы стоить на двори быкъ чорный, куцый. Винъ війшовъ у хату и сказавъ хазяйци: «Ходимъ быка загонымъ, прымандрувавъ». Тилькы що вдарывъ паличкою быка, такъ и посыпалысь гроши. Нечыпиръ одъ того й забагативъ» [1]). На самомъ дѣлѣ Никифоръ поджился еще у Юзычевской, у которой былъ довѣреннымъ лицомъ, покупалъ необходимое для экономіи, сдавалъ рекрутъ и т. д. Отпущенный на волю, онъ скупалъ землю за безцѣнокъ въ голодные годы, а однажды, продавъ панку, жившему подлѣ Хитцовъ, бочку водки, онъ получилъ платежъ также землей. Затѣмъ расширеніе хозяйства шло естественнымъ путемъ: образовалось 17 паръ воловъ, изъ которыхъ 12 паръ ходило въ «дорогу», а остальныя пахали землю; была своя череда въ сорокъ головъ; табунъ небольшихъ, выносливыхъ, горячихъ сѣрыхъ и вороныхъ лошадей, стадо мѣстныхъ овецъ (баранты) въ 100 головъ и большая пасика. Изъ многочисленныхъ дѣтей Никифора извѣстна своей трагической судьбой его дочь, черноокая красавица Марія. Выйдя замужъ за мѣстнаго козака, она вывела его изъ терпѣнія капризами и странностями, такъ что онъ привязавъ жену къ хвосту лошади, водилъ ее такъ по селу. Началось уголовное дѣло. Марія, простивъ мужа, повѣсилась [2]).

Оба описанные ручья Кремянка и Путивка, соединясь ниже хутора Чернечого, состоящаго изъ однихъ лишь экономическихъ монастырскихъ построекъ, безъ поселка, расширяются далѣе въ небольшой прудъ хутора Волчьей долины, расположеннаго надъ «Комышаномъ», большой дорогой, идущей изъ Лубенъ на м. Комышну, миргородскаго уѣзда. На мѣстѣ бывшаго пруда указы-

---

[1]) Отъ Е. Недилькиной.

[2]) Около описанныхъ хуторовъ то здѣсь, то там, по степи разбросаны отдѣльныя жилья литвяковскихъ козаковъ, и на Миргородской границѣ хуторокъ другого отпущенника Юзычевской Романа Бальвы, бывшаго засульскаго головы, также «настягавшого соби земелькы 70 десятынъ» и заведшаго небольшое хозяйство.

ваютъ слѣды водяныхъ мельницъ. «На ставыци йе стара яма, де булы Кулябськи млыны; выкопувалы пали и, кажуть, каминня два посада йе у ями». За хуторомъ ручей вьется среди рощи сребристыхъ тополей, бѣлые стволы которыхъ и вѣтви отражаются въ зеленоватой водѣ, и вливается въ Сулу на Волчковскомъ подолѣ, у моста. Хотя хуторъ хмурится съ глинистой горы, опушенной темнымъ лѣсомъ, на солонцоватую низину и могъ бы,—какъ я писалъ нѣкогда [1])—послужить обстановкой сцены литья пуль въ Волшебномъ стрѣлкѣ, но не хмурость мѣстности и не обиліе волковъ, а близость къ с. Волчку и принадлежность къ приходу послѣдняго дали названіе хутору. Какъ можно догадываться Волчья долина и выстроена на земляхъ, купленныхъ нѣкогда Кулябками у козаковъ с. Волчка: Шелудченковъ и Кузьменковъ [2]). Но о Кулябкахъ уже никто ничего не помнитъ, преемники же ихъ: Голованевы, Писаревичи, Юзычевскіе занесли въ хуторъ нѣкоторыя Черниговскія обыкновенія: паханье сохами и лошадьми, по зимамъ—плетеніе крѣпостными такъ называемыхъ плахъ, т. е. по 10 саженъ невода каждымъ хозяиномъ. «Древни хазяины» хутора носятъ слѣдующія фамиліи: Гусаки, Гудзёмы, Стрильци, Харапудьки, Ходусы, родомъ изъ черниговской губерніи Шапóшныкы, «пидхожи зъ Березоточи». Населеніе высокаго роста, крѣпкаго сложенія, свѣтловолосое.

Въ средоточіи трехъ уѣздовъ: лубенскаго, миргородскаго и хорольскаго, на равнинѣ вокругъ панской усадьбы—красиваго каменнаго дома съ башней и обширнаго сада,—размѣщается большой хуторъ, носящій разныя названія: родовое Матяшивки, отъ протекающей вблизи рѣчки, берущей начало въ степяхъ миргородскаго уѣзда, Орихивщины, изрѣдка замѣняемой неправильной формой Ольховщины, Высокими Тополями и Парохивщиной [3]).

---

[1]) „Изъ народ. разск. о волкахъ“ въ „По морю и сушѣ“ Литер. прилож. I. Одесса 1895 г., 51.

[2]) Лазаревскій. Люди стар. малор. Кулябки. въ „Кіев. Стар.“ 1885 г., V, 8.

[3]) Названіе это, происходящее отъ слова парохъ—священникъ (parochus, лат. parochia, польск. и малор. парафія—приходъ), встрѣ-

Самое распространенное названіе «Орихивщина» сообщено хутору основателями его Орѣховскими, старой мѣстной фамиліей, возникшей вмѣстѣ съ Кулябками на развалинахъ Вишневеччины. Происхожденіе Орѣховскихъ неизвѣстно; печатныя данныя говорять лишь о томъ, что Яковъ Орѣховскій былъ въ послѣдней четверти XVII в. Лубенскимъ протопопомъ и присутствовалъ въ 1684 и 1692 г., со всею мѣстной знатью, при закладкѣ и освященіи каменнаго храма Мгарскаго монастыря [1]). Поземельныя же владѣнія Орѣховскихъ, гораздо меньшія владѣній другихъ историческихъ фамилій: Новицкихъ и Кулябокъ, и болѣе разбросанныя, заключались въ домахъ въ Лубнахъ, частяхъ селъ Кононовки и Засулья и с. Мохнача за предѣлами уѣзда [2]). Объ Орѣховщинѣ печатные источники умалчиваютъ, а изъ фамильныхъ преданій и бумагъ Леонтовичей, сообщенныхъ В. Н. Леонтовичемъ, за что приносится ему искренняя благодарность, видно только, что О. Яковъ завѣщалъ Орѣховщину сыну Евстафію, который, въ свою очередь, раздѣлилъ ее между сыновьями: протоіереемъ Иваномъ и бунчуковымъ товарищемъ Михайломъ, лукомскимъ сотникомъ [3]). Первый передалъ свою часть дочерямъ: Аннѣ, женѣ лубенскаго протопопа Феодора Барвинскаго, основавшей на этой части хуторки: Барвинщину и Маляриху, и Прасковьѣ, женѣ глуховскаго подкоморнаго комиссара Андрея Холодовича, продавшей свою землю бунчуковому товарищу Тимофею Криштофовичу; второй— единственному сыну Петру. Этотъ послѣдній, умирая бездѣтнымъ, передалъ все свое состояніе женѣ слѣдующимъ завѣщаніемъ. «1786 года, 6 Марта, лубенскій почтмейстеръ и титулярный совѣтникъ Петръ Михайловичъ Ореховскій уступилъ женѣ своей Домнѣ Даниловой, дочери Кандыбиной [4]), движимое, состоящее

чается въ старыхъ планахъ и актахъ, также картахъ лубенскаго у.— Народъ часто всѣ поселки по ручью Матяшовкѣ называетъ во множественномъ числѣ Матяшивки.

[1]) А. Лазаревскій. Отр. изъ лѣтоп. Мгар монаст. 1889 г., 7.

[2]) Его-же. Очер. Полт. Лубенщ. XVШ—XVIII в., 83, 84.

[3]) Лазаревскій. Оч. Полт. Луб. 108.

[4]) Изъ конотопскаго уѣзда.

въ сребрѣ, ценѣ, медѣ и другихъ вещахъ и фантахъ. Такъ-же жилой домъ со всѣмъ строеніемъ въ городѣ Лубнахъ и въ уѣздѣ лубенскомъ, состоящими моими подварками съ живущими въ нихъ крестьянами, леса, мелницы, такъ же и хуторъ, въ селѣ же лубенскомъ уѣздѣ на Матяшовкѣ находячейся съ крестьянами... за ея верность и искренность ко мнѣ и честное поведеніе [1])». По смерти завѣщателя, Орѣховская вышла вторично замужъ за Николая Павловича Леонтовича [2]), и имѣніе перешло въ родъ Леонтовичей [3]). Въ концѣ XVIII в. Орѣховщина была еще глушью. Рѣчка скрывалась въ вѣковомъ лѣсѣ. «Таке дерево було, що якъ глянь, то и шапка спада, було звирно». Въ лѣсу жилъ разбойникъ Матяшъ, отъ котораго будто бы получила названіе мѣстность. Возлѣ ромоданскихъ «роблениxъ могылъ» жили гайдамаки, навѣдывавшіеся къ Орѣховской, когда мужъ ея отлучался въ городъ, за добычей. «Давай, пани Домахо, борошна, горилкы, гроши, требовали они, а якъ не дашъ, мы тебе въ червони черевычкы обуемъ». Иногда пани, завидѣвъ гайдамакъ, убѣгала черезъ садъ въ городъ. Кругомъ разстилалась степь почти безъ признаковъ жилья. Только и было нѣсколько хатъ въ Ромоданѣ, да 5 хатъ въ Орѣховщинѣ. Уже при Леонтовичахъ, переводившихъ крѣпостныхъ изъ другихъ мѣстъ, населеніе увеличилось и въ настоящее время дошло до 500 слишкомъ душъ, помѣщающихся въ 110 хатахъ. Много людей приведено изъ роменскаго уѣзда и

---

1) Сохранено правописаніе подлинника.

2) По преданію онъ пріѣхалъ изъ Кіева.

3) Фамилія Леонтовичъ часто встрѣчается въ старой Малороссіи: къ ней принадлежали золотоношскіе сотники XVIII в., сотенный писарь (Лучицкій. Сбор. мат. 99, 193, 255, 256), бунчуковый товарищъ Иванъ Степановичъ, его сестра Настасія замужемъ за Семеномъ Полуботкомъ, сыномъ наказного гетмана (Гр. Милорадовичъ, Любец. архивъ. Кіев. Ст. 1895 г., IV, 35—48). Основной предокъ былъ Леонтій, такъ какъ зять Ив. Кулябки подписывался Леонтьевичъ, значитъ фамилія эта правобережная малорусская, а не польская.

поселено вокругъ панской усадьбы на Роминщинѣ [1]. На ней живутъ: Бабичи, Беззубы, Бондаренки, Бутузы, Горнаженки, Гордіенки, Гаидаи, Ладинскіе, Масюки, Мироненки, Рудичи, Роженки, за Роменщиной:—Дудниченки, Жуки, Кульченки, Паншуры, Потапенки, Прыйдакы, Розуменки, Скубіи, Хруленки и Щербины. Затѣмъ, часть жителей переведена за выгонъ, въ особый кутокъ, названный владѣльцами Севастополемъ, состоящій изъ пяти хатъ, населенныхъ: Волкобоями, Довгаленками и Панчуками, изъ Херсонской губерніи и с. Лазорокъ. Издавна, еще при старыхъ Леонтовичахъ, Орѣховщинѣ по праву принадлежало первое мѣсто среди окрестныхъ имѣній по обширному развитію хозяйства, вызванному соединеніемъ нѣсколькихъ причинъ: благодатной почвой, состоящей изъ тучнаго чернозема, выгоднымъ положеніемъ имѣнія при двухъ торныхъ дорогахъ: Ромоданѣ, идущемъ съ сѣвера на югъ, и Миргородскомъ шляхѣ,—съ востока на западъ, и особенно хозяйственными дарованіями и энергіей владѣльцевъ, умѣло использовавшихъ естественныя условія имѣнія. Такъ, уже Николай Павловичъ Леонтовичъ, второй мужъ Орѣховской, скупалъ земли сосѣднихъ помѣщиковъ: Криштофовича, Барвинскаго, Кулябокъ. Сынъ его Павелъ Николаевичъ остался двухъ лѣтъ круглымъ сиротой подъ опекой Кандыбъ, съ которыми принужденъ былъ впослѣдствіи вести иски, кончившіеся присужденіемъ ему 10 т. руб. Воспитывался онъ въ морскомъ корпусѣ, служилъ въ кавалеріи и женился на дочери роменскаго помѣщика К. С. Андріанопольской. Выйдя въ отставку [2]), онъ продолжалъ подобно

[1]) Урочища при хуторѣ называются: Борщева, Гамайдивщына, гдѣ будто бы жилъ первоначальный житель Гамайда, Цитый яръ, Подилъ, Протопипивщына, и поля казенныхъ крестьянъ: Гмарське, Вильшанське и т. д.

[2]) Ко времени выхода въ отставку относится слѣдующій семейный анекдотъ, переданный В. Н. Леонтовичемъ: Возвращаясь изъ военной службы, Павелъ Николаевичъ привезъ съ собой хорошенькую польскую панну и, представляя ее женѣ, сказалъ: «Я знаю, Катерина Степановна, шо вамъ важко хозяйнувать, такъ я вамъ помошныцю прывизъ».—„Спасыби тоби, мій голубе, шо ты мене и на войни не за-

отцу, покупать земли и округлять имѣніе, между прочимъ смѣнялъ хуторъ Кальбиху на сосѣднія земли, но скоро облѣнился, рано надѣлъ халатъ и, передавъ женѣ бразды правленія со словами: «Хазяйнуйте вы, Катерина Степановна, а я утомывся», оставилъ за собой лишь учетъ по имѣнію. Хозяйство Катерины Степановны, одной изъ трехъ женщинъ, укрѣпившихъ, а частью и создавшихъ благостояніе рода, сохраняло еще старо-малороссійскій патріархальный характеръ. Источниками доходовъ было небольшое винокуреніе, а водка сбывалась въ два собственные трактира: одинъ—построенный возлѣ Макаривського ставка, называвшагося такъ по имени шинкаря, дида Макара, и другой—помѣщавшійся на перекресткѣ Ромоданскаго и Миргородскаго шляховъ, въ средоточіи трехъ уѣздовъ и трехъ имѣній: Леонтовича, Трощинскаго и Базилевскаго. Каждый изъ владѣльцевъ открылъ здѣсь по трактиру, которые назывались: шинками трехъ скупыхъ. По преданію шинкарь Трощинскаго сжегъ два другіе шинка. Винокурня, какъ обыкновенно, давала и побочную выгоду: на бардѣ зимовались волы, лѣтомъ пасшіеся на степи. Степь нанималась также проходящимъ съ гуртами гуртовщикамъ и чумакамъ. До пятидесяти паръ воловъ ходило въ Крымъ за солью, которая сдавалась оптовымъ торговцамъ. Но хлѣбопашество и табаководство было невелико. Только при новомъ хозяинѣ, Николаѣ Павловичѣ, увеличена запашка, особенно пшеницы, также льна и другихъ масляничныхъ растеній, а количество плуговъ доведено до 20-ти трехпарныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличено и улучшено стадо двумя быками: монастырскимъ перистымъ и другимъ изъ завода помѣщика Мазараки, роменскаго уѣзда. Особенное вниманіе обращено было Николаемъ Павловичемъ, служившимъ въ гусарахъ, на коннозаводство, и предковская тяжелая, крупная порода лошадей, поведенная отъ датскихъ, голштинскихъ и мекленбургскихъ матокъ [1]), улучшена арабской кровью. Число матокъ

бувъ, отвѣтила жена, такъ мени помошныцъ не треба. Пылыпе! одвезы сю пани у городъ».

[1]) Эта порода лошадей завелась въ лубенскомъ и лохвицкомъ уѣздахъ со времени учрежденія въ 1739 г. при Аннѣ Іоанновнѣ воен-

доведено до 60-ти при 6-ти жеребцахъ, изъ которыхъ главный буланый, андалузской породы, пріобрѣтенъ изъ Драбовскаго завода князя Барятинскаго. Затѣмъ, число мериносовъ доведено до 3000 головъ.

Ближайшіе къ Орѣховщинѣ хутора: Барвинщина и Маляриха расположены на западѣ отъ нея, первый—на сѣверной сторонѣ Матяшовскаго яра, за помѣщичьей усадьбой, второй—на противоположной сторонѣ. Оба хутора, какъ выше приведено, входили во составъ Орѣховщины и перешли къ Барвинскимъ вслѣдъ за Анной Ивановной Орѣховской, вышедшей замужъ за крестоваго намѣстника, впослѣдствіи лубенскаго протопопа Федора Барвинскаго, по семейнымъ преданіямъ галицкаго происхожденія, но основавшагося въ Лубнахъ и пріобрѣвшаго тамъ домъ [1]). Покуда владѣльцами смежныхъ частей оставались родственники и свойственники, до тѣхъ поръ сохранялась и общая толока между хуторами, когда же Прасковья Холодовичъ продала свою часть бунчуковому товарищу Тимофею Криштофовичу, то послѣдній предъявилъ къ Барвинской искъ о раздѣлѣ толоки. Возраженія Барвинской заключались: 1, въ предоставленіи ей судомъ права выкупить часть истца, какъ свою прадѣдизну, 2, въ оставленіи толоки безъ раздѣла, такъ какъ на остающейся ей въ случаѣ раздѣла части она не могла бы выпасть свой и подсусѣдковъ скотъ, также принятыя ею на выпасъ 100 головъ чужаго скота. Оба эти требованія отвѣтчицы отклонены судомъ, какъ несовмѣстныя съ шляхетскими правами, и рѣшеніемъ 17 октября 1773 г. земскій судъ лубенскаго повѣта опредѣлилъ раздѣлить спорную толоку. Приведенныя требованія Барвинской суду, юридически ничтожныя, свидѣтельствуютъ только о томъ, что главный интересъ

ныхъ конныхъ заводовъ въ Малороссійскихъ и Слободскихъ полкахъ, а при императрицѣ Екатеринѣ II малорусскія лошади уже были отличныхъ статей и годились для кирасиръ. Лучшими, ближайшими заводами считались: Апостола и Кулябки, (П. Цорнъ. Еженед. для охотник. до лошадей. Моск. 1823 г., II, 19, 20, 24). Андреевой (Аренад. Запис. I, 81) и Манька.

[1]) А. Лазаревскій. Исторія. Очер. Полт. Луб. 86.

имѣнія во второй половинѣ XVIII в. заключался въ скотоводствѣ, а не въ хлѣбопашествѣ, и что тогда уже въ хуторѣ были подсусѣдки, вѣроятно предки настоящихъ крестьянъ. Мѣстныя народныя преданія о заселеніи хуторовъ передаютъ, что въ началѣ была только одна хата, въ которой жилъ крестьянинъ Чортокъ, «потимъ протопопъ ставъ зманювать людей, угожденіе имъ робывъ, покы не запысавъ соби, и сынъ ёго Кирило Федоровичъ пидъ голодный годъ людей попрыманювавъ, люде пидходылы; а пьять семей купывъ изъ Крутого Берега». Фамиліи этихъ жителей: Ворожбиты, изъ с. Хитцовъ, Дроботы изъ Засулья, Карпенки изъ с. Хильковки, хорольскаго у., Кравченки, Криворотьки, изъ Крутого Берега, Куріенки изъ Хильковки, Маховскіе изъ Ромодана, Мисюры изъ Михновецъ, Огаренко изъ Клепачей, хорольскаго уѣзда, Осташки изъ Ромодана, Павленки, Сердюки, Слюсенки изъ Хильковки, Сои, козаки изъ с. Березняковъ, хорольскаго у., теперь 185 душъ. Положеніе этихъ крестьянъ при Кириллѣ Федоровичѣ и послѣ было не изъ легкихъ, какъ вслѣдствіе неусыпности хозяина, такъ и отъ несоотвѣтствія размѣровъ хозяйства съ рабочими силами. Хлѣбъ изъ хуторной водяной мельницы нужно было отвозить на отдаленную винокурню въ Замостьи, подъ Лубнами, и эти поѣздки особенно изводили людей. Кромѣ того въ хуторѣ была еще сукновальня, и очень развитое скотоводство, овцеводство и коннозаводство. «Прыийде було изъ Житомира жыдъ, выбере лошакивъ и поведе. Табунъ коней и стадо тутъ паслось Хильчевського. И якъ винъ померъ, то прыслана зъ Хильkивки пастухомъ звистка: «Тикайте, бо вже старый панъ померъ, а то останетесь тутъ зъ худобою. Воны втеклы; скотъ же и пастухивъ завернулы, а кони втеклы».

Среди степи, къ западу отъ Барвинщины лежитъ маленькое село, удерживающее общее всей мѣстности родовое названіе Матяшовки по преимуществу. Это названіе мѣстные жители производятъ то отъ имени разбойника Матяша[1]), скрывавшагося въ сосѣднихъ лѣсахъ, то отъ имени перваго поселенца. «Розсказують,

---

[1]) Матвѣй.

що у Матяшивку у кибитци прыйихавъ якыйсь Матяшъ и поселывся на чыстій земли, на вильному степу и сказавъ: «Се мое!» Хто винъ бувъ не звисно». Во всякомъ случаѣ Матяшовка— недавнее поселеніе, до конца XVIII в. оно было хуторомъ и теперь еще часто можно услышать отъ матяшовця: «Я зъ сёго хутора». Ревизія 1764 г. о ней не упоминаетъ. Только съ основаніемъ мѣстнымъ помѣщикомъ, маіоромъ Ив. П. Литвиновымъ [1]), въ 1798 г. церкви св. Варвары великомученицы Матяшовка сдѣлалась селомъ. Старая церковь была дубовая съ тесовой крышей и на дубовыхъ торчахъ, почему подгнила, вмѣсто колокольни служилъ навѣсъ и должность причетниковъ исполняли крестьяне. Только въ 1878 г., пристроена колокольня, а въ 1891 г. перестроена и самая церковь [2]). Она стоитъ у самаго въѣзда въ село, отдѣляясь отъ полей только церковной оградой. Спустившись съ глинистаго пригорка, видѣнъ влѣво круглый холмъ, похожій формой на макитру и потому такъ и названный. Нѣкогда макитра принадлежала сотенному атаману Ильѣ Кондратковскому, поселившему на ней крестьянъ Галіивъ, по уличному Скубъ изъ Завадчины въ Лубнахъ. Восточную сторону яра за Макитрой занимаетъ Андрушена, нѣкогда значительное владѣніе штабъ-ротмистра Аѳанасія Андрузскаго, впослѣдствіи уничтоженное его женой, продавшей всѣхъ людей за Днѣпръ, помѣщику Маламѣ. Опустѣлая Андрушена вторично заселена изъ другого кута Бойковщины крестьянами: Котками, Ляшенками, Улитьками, Саями, Терещенками и Шишами. Сосѣдняя роща называется Андрускій

---

[1]) Въ церкви хранится Евангеліе съ надписью: «Сія книга куплена Господиномъ И. П. Литвиновымъ въ новь устроенную имъ церковь Матяшовскую Черниговской Малороссіи губерніи», словомъ «господинъ» напоминающую другую надпись: «Господній рабъ и бригадиръ подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ». Въ церковныхъ бумагахъ упоминаются: Аф. Андрузскій, Прокопъ Заецъ, Запорожній, Значко-Яворскіе, И. Кондратковскій, А. П. и Н. И. Кулябки, П. Н. Леонтовичъ, А. Мартосъ, Евд. Примиха и М. М. Скаржинскій—сосѣдніе паны.

[2]) А. Грановскій. Полт. эпархія. Полт. 1901 г., 388.

садъ. На восточномъ подгорьи крутого глубокаго яра, заросшемъ кустами, тѣснится рядъ избъ-мазанокъ, составляющій главный сельскій кутъ Бойковщину, названный такъ по имени преемниковъ Литвинова, генерала Бойка и его жены Елены Дмитріевны. Иногда и все село называютъ Бойкивщиной въ отличіе отъ другихъ Матяшивокъ. На Бойкивщинѣ живутъ: Демченки, Кривенки, Ляшенки, Руди, Сердюки, Черныши, Ющенки и др. За яромъ, въ которомъ прежде была винокурня, виднѣется Перерванка, населенная: Данильченками, Люльками, Сохнами и Шинкаренками. Въ дальнѣйшихъ кутахъ: Загребельи и Литовкѣ живутъ члены тѣхъ же фамилій. Всѣхъ жителей въ началѣ XX в. насчитывалось 411 душъ. Народъ выше средняго роста, темнорусый, среди женщинъ много миловидныхъ. Старожилы вспоминаютъ: «За Литвинова було хороше жыть: паръ по дви, по тры було воливъ, а якъ досталыся Бойкову, то не осталося и хвоста».

Къ югу отъ Матяшовки вдоль Хорольской границы разбросаны хутора, изъ которыхъ болѣе значительный Березинъ, основанный Солоницкимъ выходцемъ Ф. И. Березой[1]) на предковской землѣ. По воспоминаніямъ потомковъ онъ до 20 лѣтъ ходилъ безъ штановъ и пасъ скотъ, жилъ болѣе 100 лѣтъ. Возлѣ него поселились: Д. Пасичниченко и Г. Казюра. Отъ этихъ трехъ семей разросся хуторъ, въ настоящее время насчитывающій 264 души исключительно козацкаго населенія (при дачѣ въ 162 десятины)[2])

[1]) Березой называютъ главу парубоцкаго общества. Возлѣ хутора «въ Рядовихъ могилахъ выкопалы золотого коня и отправылы въ Петербургъ».

[2]) Менѣе значительные хуторки: Герасимовка, основанная помѣщиками Герасименками, поселившими здѣсь крестьянъ: Мартосенковъ, Соколенковъ и Шумеекъ, приведенныхъ изъ с. Новаковъ; Хорольскіе Колодязи, бывшее владѣніе Кучеровыхъ, изъ коихъ Иванъ былъ атаманомъ 2-й Лубенской полковой сотни и имѣлъ свой домъ въ Лубняхъ, (Лазаревскій. Оч. Полт. Луб. 83, 84.), населенные Демченками, Христиченками, и Кальбиха, гдѣ прежде была лишь земля Кулябокъ безъ жилья, теперь же тамъ живутъ въ двухъ хатахъ козаки Орловскіе.

Въ двухстахъ шагахъ отъ Матяшовки, въ сѣверномъ направленіи скрывается за горой хуторъ Свѣчковка, основанный Петромъ Кулябкой, почему старое названіе хутора было Панпетривка. Со смертью секундъ-маіора Александра Петровича Кулябки этотъ хуторъ перешелъ къ древней фамиліи Свѣчекъ, которыхъ главное владѣніе было въ пирятинскомъ уѣздѣ (Свѣчкино-Городище).

Въ предѣлахъ же лубенскаго уѣзда имъ принадлежали, какъ видно изъ завѣщанія Лубенскаго полковника Леонтія Свѣчки[1]), с. Оробьи, лѣса между Енковцами и Губскимъ и подъ Біевцами, сады въ Высшемъ Булатцѣ. Онъ былъ обознымъ въ 1672 г. и полковникомъ съ 1693—1696 г. Въ 1708 г. Свѣчки отстояли Пирятинъ отъ шведовъ[2]). Послѣдній представитель фамиліи Н. Л. Свѣчка былъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка Лубенскимъ предводителемъ дворянства. Оба его сына кончили жизнь самоубійствомъ въ молодые годы. Зародышемъ хутора мѣстное преданіе признаетъ хатку, въ которой жила коровница Гапка Сребривна. Къ ней наѣзжали бурлаки, жившіе неподалеку въ ярахъ: Сёмому и Борщевому, «покы ще не уселылысь села и воны не розигналы». Населеніе хутора, большею частью «пидхоже», при вольномъ переходѣ, состоитъ изъ слѣдующихъ фамилій: Коденки, Кудрики, Малины, Мерзляки, Пигори, мѣщанскаго происхожденія, Сидоренки, Филоненки, Шакуны, изъ черниговской губерніи, Шеметы, Щипаны и Черныши,—всего 334 души. Положеніе крѣпостныхъ Свѣчковки выгодно отличалось отъ положенія крестьянъ смежныхъ хуторовъ, какъ во времена Кулябокъ, такъ и при Свѣчкахъ. При первыхъ почти всѣ семьи были тяглыми, а иныя имѣли и по 2 пары воловъ, и ходили въ Крымъ за солью, при вторыхъ число тяглыхъ спустилось до половины.

Ближайшій къ Матяшовкѣ хуторъ въ западномъ направленіи у Миргородской дороги, Николаевка, названный такъ въ честь

---

[1]). „Кіев. Стар.“ 1891 г., I, 145—148.

[2]) Бант.-Каменскій. Истор. Мал. Рос. III, 106. Богдановичъ. Свѣд. о полт. губ. 1877 г., 28.

земскаго коммиссара Лубенскаго повѣта начала XIX в. Н. И. Кулябки, построенъ на равнинѣ, вокругъ квадратнаго выгона, надъ оврагомъ. Николаевка помѣщается посрединѣ сѣти хуторовъ, основанныхъ Кулябками на степи, ограниченной съ сѣвера Новиччиной, съ востока Орѣховщиной, съ юга хорольскимъ уѣздомъ, а къ западу доходившей съ небольшими промежутками до Лубенъ. Степь эта частью пріобрѣтена, а частью захвачена Кулябками съ начала XVIII в.—«Кажуть, вспоминаютъ старожилы, що Кулябка купувавъ сей степъ по шагу за ступинь. Потимъ городъ воювавъ за сю толоку зъ панамы. Паны одвоювалы». Кромѣ этой степи Кулябкамъ принадлежали: дома и шинки въ Лубнахъ, хутора на Плютинцахъ у самаго города, пруды у Лысой горы; затѣмъ въ уѣздѣ: мельница и лѣсъ въ Александровкѣ[1]), села: Засулье, Шершневка, Высшій Булатецъ, Губское, Клепачи, Новаки, части Волчка и Бересточи[2]). Обогащеніе Кулябокъ въ половинѣ XVII в. мѣстный изслѣдователь старины К. П. Бочкаревъ ставитъ въ причинную связь съ разгромомъ имѣній Вишневецкихъ, упоминая, что еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ Николаевкѣ, въ сараѣ, хранился кузовъ золотой кареты съ гербомъ Вишневецкихъ: золотымъ крестомъ на красномъ полѣ[3]). Такъ или иначе, но фамилія Кулябокъ достигаетъ съ конца XVII в. важнаго мѣстнаго значенія по пословицѣ, приводимой покойнымъ А. М. Лазаревскимъ: Славны Лубны Кулябка́мы, а Хоролъ Родзянка́мы, занимая разныя должности полковаго уряда, а въ лицѣ Ивана Петровича Кулябки самую главную—полковницкую. Иванъ Петровичъ, несмотря на хорошее образованіе и заботы о просвѣщеніи полчанъ, представлялся современникамъ только съ ко-

---

1) Этотъ лѣсъ былъ въ дачѣ Александровки на Слѣпородѣ, а не Александровки у Лубенъ, принадлежащей бывшему городскому головѣ М. К. Шемету, какъ я ошибочно упомянулъ въ „Лѣсн. Лубенщ." на стр. 57, въ примѣчаніи.

2) Лазаревскій: 1) Очер. Полт. Луб. 83, 84; 2, Люди стар. Малор. Кулябки въ „Кіев. Стар." 1885 г., V, 8. См. также „Кіев. Стар." 1893 г. I, 172.

3) Очер. Луб. Стар. 19.

мической стороны. Въ современныхъ письмахъ его называютъ «полководцемъ» и «его шатостью». Между прочимъ невѣста его, Коченовская, вышла за Чеснока, а полковникъ со свитой долженъ былъ уѣхать изъ Лохвицы ни съ чѣмъ.[1]) Кажется причиной такихъ насмѣшекъ и неудачъ было волокитство Кулябки, несовмѣстное съ его пожилымъ возрастомъ и непредставительной, невзрачной наружностью. Однажды,—передавалъ мнѣ Я. С. Яблоновскій,—сотникъ Яблоновской сотни лубенскаго полка Андрей Яблоновскій, посылая нарочнаго козака съ важной бумагой, требовавшей точнаго отвѣта, въ Лубенскую полковую канцелярію, приказалъ ему: «Гляды мени, якъ отвитъ буде неакуратный, то будешъ бытый и ты и той, що пысатыме». Прійдя въ канцелярію, гонецъ засталъ тамъ какого то невзрачнаго человѣка, которому и передалъ приказаніе сотника буквально. «Гляды жъ, пыши зъ толкомъ, бо знаешъ якый у насъ сотныкъ—бытыме тебе и мене»! Невзрачный человѣчекъ оказался, однако, самимъ полковникомъ, который и написалъ сотнику о словахъ гонца; понятно, что послѣдній понесъ тяжкое наказаніе. Послѣднимъ владѣльцемъ Николаевки изъ Фамиліи Кулябокъ былъ упомянутый Николай Ивановичъ. Ему приписываютъ искорененіе разбойничества въ восточной части лубенскаго уѣзда, а также и особую суровость по отношенію къ крестьянамъ: «Винъ бувъ строгый, до стовпа вьязавъ, катувавъ людей». Онъ жилъ еще бариномъ. Винъ було йиде шестерыкомъ, разсказывалъ мелкій дворянинъ Назаренко, та: «пади, пади»! А я одною конячкою звертаю. «А винъ и не знае того, що й я панъ»! И что—же? Въ то время, какъ Назаренки мирно прозябаютъ въ своемъ хуторкѣ, послѣдній потомокъ Кулябокъ умеръ въ Лубнахъ въ горькой крайности и самое воспоминаніе объ этой фамиліи разсѣялось какъ дымъ[2]). Сначала

---

[1]) Лазар. Очер. 68, 73.

[2]) Послѣ смерти бездѣтнаго Н. И. Кулябки хуторъ перешелъ по женской линіи дочерямъ бывшаго Лубенскаго предводителя дворянства Пл. Ив. Милорадовича, сына Зеньковскаго помѣщика Ивана Семеновича (Сказан. о родѣ граф. и двор. Милорадовичей. Кіевъ. 1884. 118, 120).

въ Николаевѣ было только четыре хаты: Кириленковъ, Ковалей, Мякотъ и Романенковъ. Откуда они явились—неизвѣстно. Позднѣйшіе же крестьяне подошли при вольномъ переходѣ: Базп[1]) изъ Солоницы, Борщи, Ганжи и Дорошенки изъ роменскаго уѣзда, Калепиченки изъ Калайдинецъ, потому что у Кулябокъ на Матяшовскихъ хуторахъ люди жили порядочно въ экономическомъ отношеніи и рѣдко у кого не было воловъ. Всего жителей теперь до 400[2]).

Послѣдній хуторъ въ области рѣчки Матяшовки—Терновщина, расположенъ на правомъ, крутомъ берегу ея. За хуторомъ, у панской усадьбы рѣчка обращается въ большой, продолговатый прудъ. Въ началѣ пруда лишь однообразный рядъ вербъ съ коричневыми вѣтвями и узкими листьями, да промелькнувшая на горѣ хата отражаются въ водѣ; посрединѣ берегъ покрытъ купами бальзамическихъ и сребристыхъ тополей, и отраженіе ихъ свѣтлыхъ, бѣлыхъ стволовъ ложится на темную воду во всю ширь пруда. По обѣимъ сторонамъ пруда разбитъ садъ съ плодовыми деревьями новѣйшихъ иностранныхъ породъ и длинными аллеями, оканчивающимися просвѣтами съ видами на монастырь и недалекія уже Лубенскія горы. Названіе Терновщана не первоначальное. Прежде хуторъ извѣстенъ былъ лишь подъ родовымъ названіемъ Матяшовки, потомъ по имени перваго владѣльца Лубен-

---

[1]) Базя по толкованію Основы (1862 г., IX, 118) дѣтское слово, означающее овцу, а по Словар. „Кіев. Стар.“, стр. 9,—ягненка.

[2]) Къ области рѣчки Матяшовки принадлежатъ два хуторка: Сауловщина, прежде принадлежавшая Мартосамъ, потомъ помѣщику Асауленку, населенная: Биланами, Падунами, Сербинами, Ставицкими и др., всего 135 душъ, и Кондрацивка, населенная людьми, четырехъ владѣльцевъ: Кондратковскихъ, изъ которыхъ одинъ былъ сотеннымъ атаманомъ. Ф. И. Кондратковскій служилъ въ 1812 г. въ малороссійскихъ козакахъ. У нихъ были крестьяне: Друцкіе, Стригуны, Прихидьки. Затѣмъ владѣльцы Скаржинскіе водворили Диденковъ и Хилюковъ изъ своего хутора Круглика, а Кучеровы: Королей и Петренковъ изъ с. Воронинецъ. О четвертомъ владѣніи Денисенка ничего неизвѣстно, родъ ихъ прекратился. Всѣхъ жителей 100 душъ.

скаго полкового сотника Карпа Значка назвался—Значковымъ и только по переходѣ отъ Значковъ къ Прилукскимъ Тарновскимъ получилъ настоящее свое названіе. Отъ какого именно Значка[1]) и на какомъ основаніи перешло право собственности на хуторъ къ Тарновскимъ, мнѣ неизвѣстно; изъ противорѣчивыхъ же разсказовъ мѣстныхъ крестьянъ слѣдуетъ думать, что хуторъ проданъ за долги съ публичныхъ торговъ. «Значко, говорятъ старожилы, зазычывъ у барыни Уляны Михайловны Тернавськои [2]) 50 т. рубливъ, а сынъ ёго прогулявъ усе. Сынъ служывъ до того, що прыйшовъ пишкы изъ полку. Барыня требувала у ёго грошей, не вытребувала; вона була удова, знайшла соби облеката Грандынського. Выхлопотавъ винъ, прыйшовъ риздвяными празныкамы, показуе бумагу и каже Значкови: «Теперъ уже не твоя Матяшивка, а моя. Значко узявъ бумагу тай укынувъ у грубу, а груба саме топылась. Такъ облекатъ йиздывъ упять десь у сынодъ и выхлопотавъ упять бумагу». Начало хутора положено было Яворскими у пруда, около панской усадьбы. Здѣсь поселены крестьяне: Бабенко и Обцелюкъ. Они были «винныками» на панской винокурнѣ, и когда, случалось, неудавалась водка или пропадалъ заторъ, то панъ забиралъ у нихъ хлѣбъ изъ дому. Фамиліи остальныхъ крестьянъ: Безносы, Вивчаренки, Глущенки, Головченки, Дворови, Кочерги, Кухаренки, Латы, изъ Марковки, Ляшенки, Мирошниченки, Початки, Рыбки и Черныши. Происхожденіе ихъ неизвѣстно. По фамильнымъ преданіямъ Безносовъ, предокъ ихъ былъ изъ козаковъ. «Мій дидъ, разсказывалъ Павелъ Безносъ, бувъ не тутешній. Уперѣдъ булы платежи велыки, ніякъ не оплатышься. Якъ прыйдуть правыть та нема грошей, то пидіймуть, розирвуть тынъ, туды ногамы застромлять

---

1) Въ бумагахъ Матяшовской церкви упоминаются: Андрей, Аполлонъ, Даніилъ и Николай Карповичи Значки-Яворскіе. Теперь эта фамилія почти совершенно уничтожилась

2) „Тернавська родомъ була Кочубіевна". По другому разсказу: „Се хуторъ пограбованный. Значко у карты програвъ ёго Тернавському у Полтави разомъ зъ киньмы, зъ каретою и кучеромъ". (Отъ П. Безноса).

чоловика и сутки тамъ винъ стремыть. И дидъ мій тамъ стремивъ. И голого кыдалы въ ополонку въ воду. И черезъ то пидходылы до панивъ, що хто въ пана жыве, съ того не правылы. Старый Значко бувъ хорошый чоловикъ, винъ сказавъ диду: «Иды видсиля. Мыкыто, бо якъ запышуть у ревызію, буде тоби худо». Ну, такъ же и зробылось». Крестьяне (200 душъ съ небольшимъ) высоки, довольно полны, сложены крѣпко. По преданію, Тарновская привезла съ собою въ Терновщину двѣнадцать дивчатъ и выдала ихъ за мѣстныхъ парней, но эта чужая примѣсь не измѣнила коренного типа жителей, такого же, какъ и въ окрестныхъ хуторахъ, и мѣстныя, тяжеловатыя молодицы и дѣвки, румяныя, круглолицыя ничѣмъ не напоминаютъ прилучанокъ съ ихъ легкимъ станомъ, овальными лицами и темными волосами. Въ святочныхъ и свадебныхъ обыкновеніяхъ мѣстныхъ жителей много своеобразнаго. Подъ новый годъ молодежь ходитъ по хатамъ вмѣстѣ, не раздѣляясь на отдѣльныя группы парней и дѣвицъ, и одна изъ дѣвушекъ переодѣта парнемъ[1]); а молодая, приглашая на свадьбу падаетъ на колѣни и кладетъ поклоны[2]). Народныя пѣсни и сказки хорошо сохранились, есть сказки о Сандрильонѣ и на другія интересныя темы. Памятникомъ пребыванія Тарновскихъ въ хуторѣ остались лишь нѣсколько старыхъ яблонь и грушъ, похожихъ на прилукскіе сорта фруктовъ, да еще бальзамическія тополи, какими полны прилукскіе панскіе сады. Затѣмъ хуторъ купленъ владѣльцемъ сосѣдней Яновщины.

Хуторомъ Квиткинымъ, расположеннымъ на западной сторонѣ Тернавскаго пруда, за полемъ возлѣ солонцовъ[3]), открывается новая группа хуторовъ въ области рѣчки Солоницы, ближайшей къ Лубнамъ. Часть крестьянъ выстроилась отдѣльно отъ главнаго хутора вдоль Миргородской дороги. Хуторъ основанъ Ищенкомъ, о которомъ сохранились слѣдующія крестьянскія воспоминанія. «Винъ не зъ велыкихъ панивъ, ёго батько бувъ чо-

---

[1]) См. мои: „Рождест. свят.“, 14.

[2]) Въ моихъ: „Народ. обр. и пѣсн. луб. у.“, 121.

[3]) Матер. къ оцѣн. II. луб. у., 47.

ботарь та вывчывъ сына грамоти; сынъ зробывсь пысакою здоровымъ, ёго и паны боялысь. Якъ жинка Марьяна прогнала ёго, то винъ купывъ соби дви десятыны, а зъ тихъ двохъ да розрослось на трыста. Ищенко поставывъ горнычкы и хатокъ двое». Жители, 60 съ небольшимъ душъ, «пидхожи» изъ с. Бересточи, частью же изъ роменскаго уѣзда, живутъ: Гранченки, Козины, Соломки на старомъ хуторѣ, а Москаленки, Полывяни, Прони и Старосвиты—на выселкѣ. Они записаны въ ревизію еще Ищенкомъ. Въ семействѣ Полывяныхъ[1]) сохранился разсказъ о закрѣпощеніи предка. «Лазоръ Полывяный ставъ орать изъ двома сынамы, а Ищенко выйшовъ, поздоровавсь, спрашуе: «Чію пывку орешъ»?—«Свою».—«Ну, прошу по сусидськи въ гости». Поты гулялы, покы панъ каже: «Остансь у мене прыкащыкомъ, буду тоби платыть по карбованцю у мисяць и до казенной повынносты не допущу». Батько ставъ и потимъ уже до ревызіи бувъ за прыкащыка. Поты жывъ батько, покы поспысувавъ панъ ёго землю у свои кныжкы». Отъ Ищенка хуторъ перешелъ къ Андріанопольскому, а отъ послѣдняго по женской линіи къ Квиткамъ, отъ которыхъ и получилъ названіе.

Поодаль отъ Миргородской дороги, на топкой низинѣ виднѣется хуторъ Яковлевъ или Дяченкивъ, также Березотоцкаго происхожденія. Березотоцкіе козаки Яковлевы, жившіе, а частью и теперь живущіе на старинномъ Березотоцкомъ кутѣ Билыкивськимъ[2]), ведутъ свой родъ отъ одного изъ первыхъ священниковъ с. Бересточи Якова Ивановича Яковлева[3]), вѣроятно изъ тѣхъ великороссовъ, которыхъ Московское правительсто посылало въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII в. на украинскіе приходы ради сближенія разрозненныхъ исторіей народностей[4]). У свя-

---

[1]) Они же вспоминаютъ о голодѣ: „У голодный годъ Ищенко годувавъ людей брагою. Пудъ мякынъ замишувалы у бразп и выдавалы по $1^1/_2$ ф. на душу. Люде не хотилы йисты, дня по чотыри ничого не йилы.

[2]) Снѣт. Стар. 13.

[3]) А. Грановскій. Полт. эпар. 389.

[4]) П. Матвѣевъ. А. С. Матвѣевъ въ прик. Мал. Рос. въ „Рус. Мысли", 1901 г., VIII, 1.

щенника было два сына: дьякъ и пономарь. Отъ должности перваго получено Яковлевыми ихъ уличное названіе Дяченки. Когда и по какому поводу перечислены Яковлевы въ козаки—неизвѣстно. Хуторъ ихъ застроенъ недавно бывшимъ засульскимъ головой Иларіономъ Ивановичемъ. Всѣ еще помнятъ высокаго, виднаго старика, человѣка добраго, благороднаго характера; долго бывшаго земскимъ гласнымъ, а подъ веселую руку умѣвшаго поплясать не хуже дида въ Гоголевскомъ «Заколдованномъ мѣстѣ». За головой перебрались на родовую землю какъ другіе члены рода, такъ и сторонніе Берестоцкіе козаки: Бѣлокуры, Михайленки, образовавъ хуторъ въ сто душъ. Жители высокіе, плотные люди, изъ хуторянокъ выходятъ пышныя, бѣлокурыя матроны[1]).

Къ югу отъ Тернавщины, на равнинѣ, межъ двумя рѣчками, Матяшовской и Сухой Солоницей, размѣщается вокругъ выгона хуторъ Яновщина. Мѣстные старожилы расказываютъ, что осажденъ онъ помѣщиками хорольскаго уѣзда Запорожскими, почему прежде назывался Запорожчиной. О способѣ пріобрѣтенія ими поземельнаго владѣнія подъ Лубнами ничего не говорятъ ни устныя, ни письменныя данныя. Установить личность владѣльца возможно помощью слѣдующей надписи на одной изъ богослужебныхъ книгъ Засульской церкви: «Симъ евангеліемъ снабдена церковь св. и всехвальнаго апостола Андрея Первозваннаго с.

---

[1]) Далѣе къ западу, вдоль Миргородской дороги, разбросаны отдѣльныя хаты: Левченка (Гусаря), Мисюръ (Землянокъ) и два хуторка: Вербицкихъ, 6 хатъ, Лубенскаго мѣщанскаго происхожденія (А. Лазаревскій. Малор. переписн. книги. Кіевъ. 1900 г., 36), и Александровича, дворянской фамиліи, происходящей отъ священника Лубенской Троицкой церкви послѣдней четверти XVIII в. Алексѣя Александровича. (А. Грановскій. Полт. епарх. 355—359). Я. А. Александровичъ былъ женатъ на трехъ женахъ: „друга жинка Барвинскивна, третя Шаревська“. Отъ послѣдней остался одинъ сынъ. Въ хуторѣ при крѣпостномъ правѣ было 15 душъ: Дѣдъ, Мисюренковъ, Захарченковъ и др. Теперь 6 хатъ, 56 жителей; при крѣпостномъ правѣ былъ 1 четырехпарный плугъ и 100 простыхъ овецъ.

Засулья прихожанъ одной церкви отъ надворнаго совѣтника и кавалера Андрея Запорожскаго и жены его Анны Ограновичевой въ память благоговѣнія ихъ ко святой церкви. 1813 г., августа 15 дня, цѣна 200 руб.» Эта же надпись даетъ основаніе предположить, что Запорожскій получилъ землю въ приданое за женой, такъ какъ Ограновичи, прежде называвшіеся Карніевичами, имѣли владѣнія вокругъ Засулья [1]). Устныя крестьянскія воспоминанія о Запорожскомъ незначительны. «Винъ бувъ на патрети нарисованый на всю стину якъ есть. За Запорожського було добре жыть: було 12 хазяивъ и 12 плугивъ выходыло. Винъ каже: «орить хлопци, щобъ було мени и вамъ, а я буду кашу варыть». Варыть винъ, а воны орють». Преемники Запорожскихъ Яновскіе, давшіе настоящее названіе хутору, происходятъ отъ перваго Лубенскаго еасаула Януша Михайловича [2]), внукъ котораго Кондратъ, жившій въ Клепачахъ и имѣвшій домъ въ Лубнахъ [3]), занималъ одно время урядъ Снѣтинскаго сотеннаго атамана. Сынъ его, гофрейтъ-капралъ Лубенскаго карабинернаго полка, Петръ, жилъ также въ Клепачахъ, и только внукъ, Яковъ Петровичъ, родившійся въ 1799 г., извѣстный юристъ, служившій въ лубенскомъ повѣтовомъ, полтавскомъ генеральномъ и межевомъ судахъ, пріобрѣлъ Запорожчину отъ Аркадія и Агрипины Запорожскихъ, какъ видно изъ фамильныхъ бумагъ [4]), и развилъ здѣсь

---

[1]) А. Лазаревскій. Очер. Полт. Лубенщ. 104.

[2]) Упоминается у Лазаревскаго въ Очерк. Полт. Луб. подъ 1667 г., стр. 76.

[3]) Ibid 83, 84.

[4]) Между этими бумагами, значительно испорченными мышами, встрѣчаются остатки Литовскаго статута и разные указы, много исковыхъ дѣлъ, завѣщаній, купчихъ крѣпостей, свидѣтельствующихъ о слѣдующихъ цѣнахъ на земли; въ 1828 г. продана нива Сивоглазомъ мѣрой 1 дес. за 21 р. асс., въ 1831—32 годахъ: 3 дес. за 100 руб., 1 дес. нивы за 40 р., грунтъ за 50 р., въ 1833 г.—два грунта Андріанопольскимъ за 200 руб. Кромѣ юридическихъ и экономическихъ бумагъ есть еще Вирша запорожцевъ гетману съ поздравленіемъ съ Пасхой. Изъ вещей сохраняется древняя полукруглая сабля съ рукоятью слоновой кости въ ножнахъ, отдѣланныхъ серебромъ.

значительное хозяйство. Водка изъ Клепачовской винокурни продавалась въ двухъ собственныхъ трактирахъ: на Миргородскомъ и Хорольскомъ шляхахъ. Въ экономіи было 16 паръ воловъ, четыре панскихъ и три крестьянскихъ плуга пахали землю. Три воза посылалось въ Крымъ за солью. Въ хуторѣ находилось: стадо молочныхъ коровъ съ чорнымъ лысымъ быкомъ, небольшой табунъ породистыхъ [1]) матокъ, случавшихся въ 40-хъ годахъ съ казенными жеребцами, а въ 50-хъ съ рыжимъ жеребцомъ Лесивненка; потомъ съ своими: воронымъ и гнѣдымъ, легкихъ, верховыхъ статей; также стадо шпанки въ 1000 головъ, при 30 баранахъ, купленныхъ въ Черноморіи [2]). Жителей при крѣпостномъ правѣ въ хуторѣ было такъ мало, что приходилось брать на работы крестьянъ изъ другой экономіи—Крутого Берега. Даже при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости «на землю йшло усёго 23 души». Теперь размножившееся населеніе достигаетъ 107 душъ, носящихъ слѣдующія фамиліи: Биланы, родомъ изъ хорольского у., Бойченки, Бондаренки—изъ Крутого Берега, Бохони—изъ сосѣдней Тернавщины, Коврыги—изъ Духовой, Коныкы, Осадченки, Сайки, Самченки и Сухины, «пидходычи, пидходци». «Мы, кажуть воны бувало, изъ Шершневки, казацького роду».

---

[1]) Въ свидѣтельствѣ Полтавской Земской конюшни 1848 г., за № 352, рыжая матка Яновскаго обозначена кобылой арабской породы.

[2]) Первыя попытки императора Петра І-го завесть племенное овцеводство въ Малороссіи, которую „Богъ благословилъ паче иныхъ краевъ Россійскаго государства способнымъ воздухомъ къ размноженію овецъ и обширной шерсти“,—неудались; неболѣе удачны были и опыты императрицъ: Елизаветы и Екатерины. Болѣе успѣшно пошло дѣло въ XIX в., и первыя овчарни заведены въ полтавской губ. Сушковымъ въ 1800 г., а въ Новороссіи французскими эмигрантами Рувье, Рене-Вассалемъ и нѣмцемъ Миллеромъ, съ правительственной субсидіей, (Ф. Шмидтъ. Овцевод. и шерстевѣд, перв. Е. Фалькова. С.-Петерб. 1863 г., 34, 35). Изъ послѣднихъ овчарень и были, вѣроятно, куплены бараны Яновскимъ.

За Яновщиной пріютился возлѣ панской усадьбы, рощи и сада, небольшой хуторокъ Купьеваха или Барановскій, на равнинѣ у слившихся ручьевъ: Матяшовки и Сухой Солоницы, проходящихъ мимо сосѣдняго хутора Войнихи и впадающихъ далѣе къ западу въ Сулу. Первое названіе хуторокъ получилъ отъ свойствъ мѣстности—купья, купины, означающихъ болотистую, кочковатую трясину [1]); второе—отъ имени владѣльцевъ. Младшая дочь Барановскаго вышла замужъ за капитана Анастасьева. Откуда населены крестьяне: Били, Богданы, Загинайлы, Куки, Пасичниченки, Прихидьки, Самойленки и Ткаченки, всего 80 душъ, живущихъ въ 14 хатахъ, неизвѣстно. Освобождены они изъ крѣпостной зависимости безъ надѣловъ.

По предположенію нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей, между хуторами: Купьевахой, Войнихой и Солоницей, къ сѣверу отъ Войницкаго моста въ направленіи къ Купьевахѣ, долженъ былъ происходить бой Наливайка съ поляками. Такое предположеніе основано на частыхъ находкахъ сосѣдними крестьянами остатковъ оружія: пищалей, изломанныхъ сабель, пуль, бомбъ и пушекъ, одну изъ которыхъ крестьянинъ Ив. Рóманъ продалъ въ музей г-жи Скаржинской [2]). Наконецъ, по приводимому ниже народному сказанію, самая большая пушка погружена въ томъ же ручьѣ вправо отъ моста. По другимъ предположеніямъ поле битвы помѣщаютъ у хутора Квитки, гдѣ замѣтны слѣды какихъ то земляныхъ сооруженій; нѣкоторые отодвигаютъ это поле еще дальше отъ Лубенъ [3]). Однимъ словомъ, достовѣрно лишь то, что побоище Наливайка происходило, какъ свидѣтельствуетъ исторія,

---

[1]) Въ мѣстной легендѣ, упоминаемой, но, къ сожалѣнію не приводимой К. П. Бочкаревымъ (Очер. Луб. Стар. 17) первое названіе хутора производится неправильно отъ купы тѣлъ, оставшихся послѣ сраженій Наливайка, тогда какъ болотистыя кочки во всей Малороссіи называются купьями.

[2]) Кромѣ того на томъ же полѣ найдены еще слѣды военнаго обоза: котелъ, чернильница, люльки, копья. (Кіев. Стар. 1901 г., Археолог. лѣтоп. 207).

[3]) Бочкаревъ. Очер. 17.

на Солоницѣ, но такъ какъ названіе это родовое и обнимаетъ значительную мѣстность, то опредѣлить болѣе точно поле битвы до новыхъ изслѣдованій невозможно. И самое воспоминаніе о Наливайкѣ стерлось въ Лубенщинѣ, потому что дѣятельность его развивалась на правомъ берегу Днѣпра и никакого ближайшаго отношенія къ данной мѣстности не имѣла. Самые тщательные мои поиски доставили лишь слѣдующій краткій разсказъ, записанный отъ столѣтняго почти дида с. Берестрчи Николая Демяновскаго: «Про Налывайка було балакають... Винъ бувъ воинъ, Польща за нымъ гналась—чы що... Винъ тикавъ на Лубенській мистъ, та вскочывъ у бурьянъ, такъ ёго поймалы та въ котёлъ затаскалы, огонь пидъ котёлъ клалы и спеклы. Пеклы на симъ боци Лубенського мосту. Була про ёго и писня,—такъ не докажу».

По всѣмъ вѣроятіямъ изложенный разсказъ, изображающій славнаго рыцаря, persona krasna польскихъ хроникеровъ, свареннымъ въ ухѣ, подобно окуню, представляетъ собой проникшее въ народъ и извратившееся сказаніе лѣтописцевъ о сожженіи Наливайка въ Варшавѣ [1]). Затѣмъ воспоминаніе о Наливайкѣ сохранилось еще въ мѣстной пословицѣ: «Чого ты жмурышся, якъ

---

[1]) Напр. въ южн. рус. лѣтописи, изданной Бѣлозерскимъ, сказано: Наливайка въ Варшавѣ на мѣдномъ волу Ляхи спалили (55); у Самовидца:—гетмана... на мѣдномъ волу спалено (3); то-же у Бант. Камен. (гл. XII, 157), и Костом. (Отр. изъ истор. ю. р. козач. въ Библ. для чтен. 1865 г., янв., кн. II, 35). Затѣмъ самый фактъ сожженія подвергнутъ сомнѣнію (П. Кулишъ. Укр. паны и коз. въ Рус. Обозрѣн. 1895 г., Ш, 117, и Костом. Крашанка Г. Кулиша въ Вѣст. Евр. VII, 736), а дума изъ „Запорож. Стар.“:

А въ Варшави та на ради та судьи судылы
Та спалыты Налывайка въ волу прысудылы...

—по языку, пріемамъ и извращенію фактовъ признана поддѣльною. (См. Костом. Истор. поэз. Вѣст. Европ. 1874 г., XII, 623, 624, и Вл. Антоновичъ и Драгомановъ. Истор. пѣс. т. II, предисл. II). Вѣроятно эту думу слышалъ разсказчикъ Демяновскій и называетъ ее пѣсней о Наливайкѣ.

Налывайко?» Другая поговорка, относящаяся, впрочемъ, ко всему періоду польско-козацкихъ войнъ, а не къ одному только солоницкому эпизоду гласитъ: «У мене слово не короливське, у мене слово крипке якъ олево!» очевидно намекая на частое нарушеніе договоровъ поляками.

Хуторъ Войниха растянулся линіей вдоль большой Хорольской дороги, такъ называемаго Горошинскаго Ромодана, за плотиной и мостомъ, перекинутымъ черезъ ручей Войниху. Какъ ручей, такъ и хуторъ получили названіе отъ войнъ, о которыхъ у мѣстныхъ жителей сохранились такія смутныя преданія. «По Войныху була швецька, по сей бикъ нашого. Петро первый одвоюювавъ до Полтавы. Петро Войныху взявъ, тамъ було сраженіе, до Лубень не пущено. Булы войны и замырення. Гетманы воювалы изъ шведамы. Везлы шведы пушку и будто вона не захотила, чы що, и вона заклята, тутъ іи заклалы, и такъ осталась. Указують пропасть, трясовыну, не можна й скотыни пройты. Якъ оралы, то пули выкопувалы. Шведъ чы що воювавъ, стычка була на Войныси. Побидывъ билый царь, шведа забравъ у плинъ: У Войныси везлы пушку, та вона провалылась у гнылушу, засытылась и тамъ заклякла, такъ чого вже не робылы и молебствовалы, а пушкы не вытяглы».

Хуторъ Войниха основанъ лѣтъ 200 тому назадъ Кулябками, устроившими здѣсь водяныя мельницы, и переселившими для надзора за ними три семьи: Борщей, Голованей и Дудокъ, а затѣмъ еще слѣдующихъ крестьянъ: Бардаковъ, Дейкалъ, Дорошенкивъ, Марченкивъ, Михайленкивъ, Тринёкъ и Стригуновъ, всего теперь 127 душъ, изъ роменскаго, хорольскаго и миргородскаго уѣздовъ. Владѣльцы никогда здѣсь не жили, а лишь изрѣдка наѣдывались, останавливались у приказчика Ромодана. Положеніе крестьянъ до освобожденія было крайне тяжелымъ «Тяглыхъ не було, а тяглы уси день и ничъ» [1]).

---

1) Возлѣ Войнихи разбросаны слѣдующіе хуторки и отдѣльныя хатки: Очеретькивъ, казенныхъ крестьянъ, купившихъ землю у помѣщика Зеленскаго, родомъ изъ с. Нехристивки, лохвицкаго у., Якименкивъ (Туркачей), и хуторокъ Баранья, состоящій всего изъ двухъ хатъ.

Вблизи Войнихи за полемъ лежитъ козачій хуторъ Кошелыха или Кошиль у ручья того же имени, котораго русло похоже на кошикъ (котомку), откуда будто-бы произошло и названіе хутора. По другому словопроизводству названіе это происходитъ отъ слова кошъ, обозначающаго временное жилье или помѣщеніе. «Прежде, якъ хто стане куренемъ, або возомъ, то звуть: кишъ тай кишъ». Принимая въ соображеніе, что татарское слово кхошъ обозначаетъ какъ лѣтнее пастбище [1]), такъ и сводное стадо [2]), и что описываемая мѣстность входила въ составъ обширнаго пастивника, слѣдуетъ признать послѣднее словопроизводство болѣе правильнымъ. Осадилъ Кошелиху засульскій козакъ Андріецъ, выстроившій хату и принявшій къ своимъ двумъ дочерямъ пріймаковъ: Волошка и Левченка. Отъ нихъ произошла большая часть настоящаго населенія Кошелихи, достигающаго 152 душъ; меньшую часть составили козаки Назаренки, переселившіеся сюда изъ родового хутора, расположеннаго поодаль, въ направленіи къ селу Шершневкѣ.

Къ западу отъ Купьевахи и Войнихи, за полемъ битвы расположена деревня Солоница у рѣчки того же имени, возлѣ «царства типичныхъ солонцевъ съ соляными озерцами и солончаковой флорой» [3]). Отсюда, отъ качества почвы происходитъ названіе рѣки, а затѣмъ поселка, не отъ «солонои крови», наполнившей рѣчку послѣ пораженія Наливайка, какъ разсказывали мѣстные крестьяне К. П. Бочкареву [4]), между прочимъ потому, что названіе Солоница древнее, вѣроятно, какъ и названіе Войнихи, еще княжескаго періода [5]) и во всякомъ случаѣ существовавшее раньше столкновенія Наливайки съ Жолкевскимъ, такъ какъ Баторій еще въ 1578 г. выдалъ Байбузѣ грамоту на пустыню рѣкъ: Сулы, Удая и Солоницы, неосаженную людьми [6]).

---

[1]) „Лѣто на Кавк.“ въ Рус. Мысли 1901 г., IV, 79.

[2]) П. Кулишъ. Польск. колониз. Ю. З. Руси, въ Вѣстн. Евр. 1874 г., III, 18.

[3]) Матер. для оцѣн. зем. II. лубен. у., 47, 52.

[4]) Очер. Луб. стар. 17.

[5]) Арендаренко. Зап. о Полтав. губ. II., 308.

[6]) Лазаревскій. Ист. очер. мѣстн., состав. Прилук. полкъ, въ Кіев. Стар., 1900 г., IV, Прилож. 2.

Качества почвы, давшія названіе селу, избытокъ въ ней хлористыхъ, сѣрно- и углекислыхъ солей, воспрепятствовали также росту садовъ и даже дикихъ деревьевъ, такъ часто Солоница представляется обнаженной и лишь у церкви виднѣется небольшая роща. Солоница возникла съ начала XVIII в. [1]) въ видѣ козацкаго хутора у такъ называемаго Майдана или Майданця—площадки посреди села, и разрасталась по линіи параллельно рѣчкѣ Солоницѣ или Солонивкѣ, къ которой спускается часть грунтовъ. Отъ Войнихи, съ восточнаго края села рядъ хатъ носитъ названіе Сахнивки, отъ основного козацкаго рода Сахнивъ, здѣсь помѣстившагося. Кромѣ Сахновъ здѣсь живутъ еще древнѣйшіе роды: Ляшенки, Погребляки, и позже пришедшіе: Шашими—изъ Засулья, и Стадниченки—изъ Покровской Богачки, хорольскаго уѣзда. Къ сѣверу отъ Майдана живутъ Радченки и Бородавки. На западъ по направленію къ Лубнамъ, на старинной улицѣ Рудивкѣ, встрѣчается другой древній козацкій родъ: Якимци или Якименки, предокъ которыхъ, прійдя въ Шершневку и купивъ тамъ помѣрокъ за 8 гривенъ и рѣшето гречки, потомъ перебрался въ Солоницу. Остальные жители Рудивки: Руденки, Охрименки, Герасименки и Левченки—пришлые. Далѣе въ направленіи къ Лубнамъ стоятъ новѣйшія хаты: Ващенковъ, Заманей и Моренцовъ, такъ называемая Новоселивка, а сѣвернѣе Рудивка-Янкивка, жилье Янкивъ. Такъ размѣстился въ Солоницѣ преобладающій козачій элементъ. Незначительное крестьянское населеніе: Шматкивъ, Шурхачей и Никитенковъ заняло улицу Крацкихъ, къ сѣверу отъ Сахнивки. Отношеніе этихъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ: капитану Кратченку и его женѣ Маріи, напоминавшихъ классическихъ Филемона и Бавкиду, а также нашихъ Афанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну, представляются милой идилліей среди крѣпостной прозы. Капитанъ Кратченко началъ службу въ 1812 г. въ войскахъ, сражавшихся съ Наполеономъ, семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, потомъ дожилъ до 99 лѣтъ. Въ послѣднее время онъ ходилъ въ халатѣ на барашкахъ. Жена его была на одиннадцать лѣтъ моложе, ходила въ старинномъ чепчикѣ въ формѣ фургона, обшитомъ кружевцомъ, и съ ридикюлемъ въ рукахъ. Въ домѣ пахло цикорнымъ кофе и пер-

---

[1]) Лазаревскій. Истор. Очер. Полт. Лубенщ. 105.

цемъ. У Кратченка было много рукописныхъ замѣтокъ и старыхъ книгъ, а также образовъ и картинъ изъ исторіи ветхаго завѣта. Куда исчезли рукописи—неизвѣстно, а иконы пожертвованы въ церковь. Крестьяне обрабатывали землю и кормили Кратченковъ, которые, умирая бездѣтными, подарили имѣніе своимъ кормильцамъ.

Посреди села, изъ-за рощи, выглядываетъ совсѣмъ новенькая церковь, построенная въ 1894 году, а освященная въ слѣдующемъ. До того Солоница принадлежала къ Засульскому приходу. Причиной выдѣленія Солоницкаго общества въ особый приходъ было размноженіе населенія, а ближайшимъ къ тому поводомъ послужилъ отказъ засульцевъ приблизить къ Солоницѣ перестраиваемую засульскую церковь. Самое соглашеніе мѣстныхъ жителей о постройкѣ своей особой церкви носитъ настолько бытовой характеръ, что необходимо упомянуть о немъ. Для этого соглашенія жители сошлись на площадь за селомъ и приказали старостѣ принесть икону, предъ которой каждый житель выразилъ бы свое согласіе на постройку церкви и далъ обѣтъ о пожертвованіи. Сельскій староста, исполняя приказаніе, снялъ со стѣны въ одной хатѣ образъ святителя Николая и принесъ обществу. Икону положили на столъ, покрытый скатертью и ситцевымъ платкомъ. Люди подходили, крестились, цѣловали икону и каждый объявлялъ жертвуемую сумму, а писарь записывалъ. Такимъ образомъ набралось 4900 р. Тогда же рѣшено учредить престолъ въ честь Мирликійскаго святителя, потому что въ появленіи именно его изображенія, принесеннаго старостой, увидѣли указаніе свыше. Послѣдній фактъ свидѣтельствуетъ между прочимъ, что для опредѣленія причины и смысла названій какъ церквей, такъ и поселеній, урочищъ, вообще предметовъ, должны быть изслѣдуемы обстоятельства каждаго даннаго случая, одни же общія заключенія опасны.

Прихожанъ въ Солоницѣ 1217 душъ, изъ которыхъ только восьмая часть крестьяне, остальные козаки. Народъ средняго и небольшого роста, темнорусый, по замѣчанію мѣстнаго сельскаго школьнаго преподавателя очень способный и склонный къ образованію.

На противоположномъ берегу рѣчки находится родовой хуторъ Зайкевичей, старой мѣстной дворянской фамиліи, происходящей изъ Лубенской войсковой старшины, населенный кресть-

янами: Васенками, Криворотьками, Недѣльками, Реутенками и Севертюками. Въ хуторѣ былъ домъ и винокурня владѣльцевъ. Войсковой товарищъ Прокофій Григорьевичъ Зайкевичъ имѣлъ въ XVIII в. еще домъ въ городѣ, упоминаемый А. М. Лазаревскимъ [1]), отъ какого дома остался лишь сволокъ съ надписью 1759 г. У Прокофія Зайкевича было три сына, изъ которыхъ только Романъ Прокофьевичъ, женатый на Шеревской, оставилъ потомство. По семейнымъ воспоминаніямъ онъ полюбилъ свою будущую жену, проѣзжая верхомъ на конѣ и увидя ее, въ рубашкѣ и бѣлой юпкѣ жавшей съ рабочими. Объ одномъ изъ его внуковъ, покойномъ Николаѣ Егоровичѣ, директорѣ Мелитопольскаго реальнаго училища, знакомые передаютъ какъ о личности выдающейся. Въ душѣ его свѣтилась искренняя любовь къ дорогому отечеству, милой Малороссіи, и первоначальная дѣятельность покойнаго посвящена была въ качествѣ преподавателя Лубенской гимназіи малорусскимъ дѣтямъ. «Молодыя алчущія общенія души учениковъ—выражаясь его языкомъ—находили въ немъ серьезнаго друга и руководителя». Памятникомъ свѣтлаго ума и благороднаго сердца Николая Егоровича остается статья его «О воскресномъ отдыхѣ».

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) См. Истор. Очер. Полт. Лубенщ. 83, 84.

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повисть.

(Продолженіе [1]).

VI.

Слызька дорога.

Хто спускався на громаку зъ высокои горы?.. Спершу не то спускатысь,—у ныз страшно глянуты... Якъ у перше сядешъ на громака, якъ подумаешъ,—де той у Бога ныз,—волосся подерется вгору... А громакъ все йиде внызъ, усе внызъ... холодъ проймае душу, на лоби питъ выступае... Дойидешъ до гребиня горы, спустышся прожогомъ у ныз—тоди вже николы боятысь... Духъ захоплюе, якась звиряча радисть проймае тебе,—у тебе тилькы и думкы: колы бъ швыдче, колы бъ швыдче! Така сама думка проняла и Чипку, якъ винъ, прыйшовшы до пана въ гости, спустывся въ комору зъ паннею... Попорався якъ

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 7—8.

знавъ; вырнувъ,—та й наткнувся на сторожа... Чы панъ, чы пропавъ?.. На слызькій дорози бильше пропадае пидъ такый часъ... Отже Чипко не такои натуры, щобъ самъ-на-самъ, звертавъ кому зъ дорогы... Не зверпувъ винъ и сторожу, а кынувъ харчаты пидъ коморою—ледве жывого...

Спыть Чипка. Совисть, задобрена горилкою, ёго не мучыла; страху винъ зроду не знавъ; пшеныцю вергаючы, втомывся, та й спавъ у себе въ берлози, наче писля тяжкои праци... Уже сонце встало; люде почалы снуваты по селу; а сонъ усе не выпускае ёго зъ своихъ цупкыхъ рукъ,—ранкомъ ще мовъ мицнище давыть... А скризь по селу, якъ дзвоны дзвонять—про крадижку, про сторожа... Заворушылыся, загомонилы: хто? якъ?

— А вже не хто, якъ не оти харцызякы!—гомонять люде, показуючы рукою въ той бикъ, де Чипчына хата.—Що дня пьють та гуляють... завищо? Хай спершу—гулялы на худобу того чортового сына, а теперъ же—все чысто пропывъ, матиръ прогнавъ... зъ чого жъ ёго, якъ не красты?

Така поголоска дійшла и до волосты... А що жъ? може и правда—миркують мижъ собою волосни,—та заразъ кынулысь до Чипкы.

Прыйшлы на дворыще, обійшлы навкругы городъ, заглянулы въ хливець, у загороду—чы не прыховано чого; голова навить покорпысавъ палыцею гній, що зостався писля конякы и коровы... ниде ничого! Повернулы до хаты, хата була засунена. Поторгавъ голова дверы,—нихто не озывается. Тоди пидійшовъ пидъ викно, глянувъ у розбыту шыбку; спыть Чипка на полу, ажъ хропе...

— Гей ты!—гукнувъ голова. Видчыны! Чувъ? Чипко? чы якъ тебе? Видчыны!

Чипка почувъ скризь сонъ чужый голосъ, поворухнувся на другый бикъ, замурчавъ, та й знову заснувъ.

Одынъ зъ соцькыхъ зайшовъ за хату, пидійшовъ до дирявого прычильного викна, сунувъ Чипку пидъ бикъ палыцею. Чипка кынувся.

— Кый тамъ чортъ штовхается?—пытае зъ просоння.

— Видчыняй, злодюго!—гукае розсердывшысь, голова.—Видчыняй, а то дверы выламаю... гирше буде!

— А ты що за птыця?—пытае Чипка, протыраючы очи.—Я тебе выламаю!!

— Быйте дверы!..—крычыть голова. Вьяжить ёго злодюгу!

Уразыла така мова Чипку.

— А ну, бый-бый... чы зубы будуть цили?

— А чому жъ ты не видчыняешъ?.. Гайдамака!.. Ты сюничъ кравъ у пана? Ты сторожа прыбывъ, душогубе?...

— У якого пана? якого сторожа?—позихаючы та потягаючысь, пытае, мовъ и не винъ, Чипка.

— Не знаешъ у якого пана? Ты не знаешъ, якый у насъ панъ?.. Злодюго! Видчыняй!..Мы тебе трусыты прыйшлы.

— Трусыть?.. Добре... Трусить. Що жъ? иды трусыть!—каже Чипка, пидводячысь.

Незабаромъ дзенькнувъ засовъ—у хату увійшовъ голова зъ пятьма чоловикамы соцькыхъ.

— Шукайте... трусить скризь!—гукае голова соцькымъ.

Чипка пидперъ спыною одвирокъ, стоить мовчкы, дывытся, що буде дали. Соцьки кынулысь по всихъ куткахъ, заглянулы пидъ пичъ, пидъ пилъ, лазылы на пичъ, перекыдалы на доливци солому... ниде ничого!

— Ведить ёго у волость!—порядкуе пислят русу голова,—та звьяжить ёго, щобъ не втикъ бува!

— Ни!.. цёго не буде, щобъ я дався звьязаты... За що ты мене звьяжешъ?—вызвирывся на голову Чипка.

Соцьки зъ верёвкою до Чипкы... Запалалы въ ёго очи.

— Геть-те, люде добри!—крыкнувъ, рукою одвившы верёвку...—За що ты мене вьязаты хочешъ,—я тебе пытаю?—до головы.

— За те, що ты злодюга, розбышака! Ничнои добы зализъ у комору до пана, чоловика прыбывъ.

— Хто бачывъ?

— Уси кажуть.

— Хто вси?

— Усе село каже, що ты зъ Лушнею, та Пацюкомъ, та зъ Матнею. Васъ, тилькы чотыри на все село йе, що день-у-день пьете, гуляете, та розбышакуете...

— Що пьемо та гуляемо, то такъ; а що мы розбышакы,— брехня!

— А за що жъ вы пьете?

— А тоби яке дило?.. Онъ бачъ. Добра була повна хата, а теперъ одна пустка зосталася...

— Та що зъ тобою довго балакаты? Вьяжить его! Вьяжить— та ведить у волость, та въ городъ, та въ тюрму... тамъ зъ тобою побалакають...

— Стережиться, люде добри, лыхои годыны!—Чипка каже соцькымъ.—Не слухайте отого старого дурня... я и такъ пиду, колы треба. Винъ дума, якъ голова, то и велыка цяця?!

Голова, мигъ бы, очыма бъ его ззивъ; та гляне—Чипка якъ огонь...

— Накыдайте на его арканомъ?—крычыть голова, штовхаючы соцькыхъ...—Вьяжить его, бугая дыкого!..

— Ось ну-ну!—гризно глянувшы та зложывшы кулакы, каже Чипка. Ось попробуй... Отъ, тоби хрестъ;—голова на вьязахъ не всыдыть! За що ты мене вьяжешъ, га? Хто бачывъ, що я кравъ, або вбывъ кого? Колы въ волость треба,—скажы... Я самъ пиду... Ты думаешь—страшна мени твоя волость? Куды жъ пакъ!! Ходимъ... заразъ ходимъ! Та вхопывшы шапку, накынувъ на плечи драну свытыну, що на полу була розислана замисть постели,—першый выйшовъ зъ хаты... За нымъ слидомъ голова и соцьки. У волости Чипка заставъ уже товарыство; по нихъ ходывъ пысарь зъ другымы соцькымы. Зибравшы всихъ до купы, голова помиркувавъ зъ пысаремъ, та й позачыняли ихъ у чорну— покы прыйиде становый.

Мотря того лыхого дня прокынулась, ще тилькы стало на свитъ благословытысь. Ще все село спало, а вона прокынулась.

— О-охъ! щось мени не спыться... такъ погано спала, такъ погано! Та сны таки недобри верзлыся,—хвалытся баби.—На серце наче хто каминь навернувъ...

— Та то воно видъ думокъ: утиша іи баба.

— Мотря помолылася Богу, умылася и сила за гребинь—сумна, зажурена.

Черезъ годыну, а може и черезъ дви,—сонце вже пиднялося,—увійшла въ хату сусида—Хивря Дмытренчыха. Поздоровкалась.

— Чувалы новыну?

— Яку?

— Сю ничъ пана обикрадено. Щось дуже багато забрано... и сторожа прыбыто... чы й дожыве до вечора...

— Господы Боже!—шепче Мотря, зитхнувшы.—

— А оце вашого, Мотре, повелы въ волость... або и не повелы, а винъ повивъ... Самъ упередъ йде, а зъ-заду голова зъ соцькымы... А винъ имъ щось таке вычытуе, такъ вычытуе!..

Якъ почула це Мотря,—поблидла на выду, заткнула въ мычку веретено—та мутнымы очыма дывылася на Дмытренчыху; жаль, досада, и разомъ страхъ выглядалы зъ іи жовтыхъ очей. А дали не выдержала,—залылася слёзамы:

— Сыну жъ мій, дытыно моя, краще бъ я тебе въ землю своимы рукамы закопала, нижъ отаке чуты про тебе!

— Та чого ты, Мотре, такъ себе мучышъ?—обизвалася баба.—Може, то ще брехня. Мало на кого не брешуть.

Не чуе Мотря утихы,—плаче. Дали встала, накынула на плечи кожушынку—и, згорбывшысь, боса, выйшла зъ хаты.

— Куды ты, Мотре,—пытае баба.

Ни слова Мотря,—пишла, зигнувшысь, мовъ не до неи ричъ. Тяжка печаль одбырае и слухъ и мову.

Сусида,—ще молода молодыця—якось болизно усмихнулася, зглянулась зъ бабою—и ничого не сказала. Тыхо та важко стало въ хати, якъ у лёху. Бабына онука Хрыстя,—дивка симнадцяты литъ,—нызенька, не красыва, чогось важко зитхала на всю хату;—зитхання іи такъ и загускло, такъ и окрыло всихъ. Голова въ

кожнои схылылася; очи въ нызъ потупылысь. Кожна щось думала сама про себе.

— Що то—маты!—черезъ скилькы часу глухо промовыла баба. Іи зневажають, зъ хаты выганяють ридни диты; а ій усе такы шкода!

Ни сусида, ни онука ничого не одмовылы, тилькы ще сумнипи сталы

Мотря майнула ажъ у волость. Чипкы вже не застала: посадылы въ чорну. Якъ сова, згорбывшысь, скарлючывшысь, ходыть вона кругомъ чорнои; погляне на невелычки, зализомъ перевыти, виконця,—та плаче-плаче. «Хочъ бы мени його побачыты! Хочъ бы мени одно слово видъ його почуты! Хай бы я знала: чы правда тому, що люде кажуть»? Стала вона прохаты соцького, щобъ пустывъ до сына. Соцькый не пустывъ.

— Голова прыказуvавъ—никого не пидпускаты, не то що... ажъ покы не прыйиде становый.

— Я на одну хвылыну, мій голубе!—молыть Мотря.

— Не можна, матусю: и ключъ узявъ изъ собою.

Походыла Мотря ще коло чорнои; поплакала ще трохы; та й пишла до-дому, сумниша нижъ сюды прыйшла. Давылы іи жалисни слёзы; жалилась вона и на голову, и на пана, жалилась и на соцького,—жалилась на увесь мыръ—на панивъ, що давлять мужыкивъ, на мужыкивъ, що прутся въ паны. Матерыне серце заклекотало проклёнамы на ввесь свитъ! Жаль у матерынимъ серци не мае спыну, не знае угаву.

А Чипци зъ товарыствомъ—байдуже! У чорній завелы жарты.

— Отъ, не зналы де выспатысь! И тыхо, и безпешно. Спы соби,—соцькый стереже, щобъ бува хто не вкравъ.

— Якъ бы сюды горилкы зъ пиввидра,—одказуе Матня,— то хочъ бы й до вику сыдиты. Попывавъ бы по троху, зайидавъ вареныкамы, та спавъ.

— Де бъ же ты взявъ!—пытае Пацюкъ.

— Голова бъ прынисъ... винъ зъ людей надравъ, а намъ— оддавъ!

— Сподивайся, покы опухнешъ зъ голоду, зъ холоду,—увернувъ Лушня.

— А справди—холодно. Отъ-бы погриться!—знову за свое Матня.

— Грійся—въ тисноп бабы!

— Цуръ ій! Якъ бы горилка. То и бабы не треба!

— А мени якъ бы дивчына,—каже Лушня.

— То и я бъ до тебе прыставъ у прыймы,—шуткуе Пацюкъ.

— А, знаете що, братця?—не слухаючы ихъ розмовы, каже Чипка.—Якъ тильки розвьяжемось зъ цимъ диломъ,—у першу жъ пичъ голову обшахраты. Та не такъ якъ пана... а онъ-якъ! Хай знае погань, що винъ не хто-небудь, а нашъ братъ Савка—тилькы що наздыравъ зъ биднoты, дукачемъ ставъ. Теперъ, бачъ, у паны лизе, кырпу гне.

— Добре! ій-Богу, добре!—провадять уси въ одынъ голосъ.—Якъ лыпку, облупымо... та й пысаря заврядъ.

— А то—дывысь пакъ: хотивъ мене вьязаты!—Я тебе, кажу, сучого сына, якъ звьяжу, той до вику не розвьяжешся!

— Та ну-бо... такъ и сказавъ?

— Ій-Богу! А за що жъ винъ мене вьязаты сикается? Ты спершу докажы, що я тамъ бувъ, а тоди вже—и на верёвку. Страхавъ тюрмою. Побачымо—кажу—хто тамъ першый буде: чы безневынный бидакъ, чы багатырь, що сыритське добро зайидае?

— Що жъ винъ?—пытае Лушня.

— Мовчыть, пуздрата собака,—мовъ не до ёго ричъ.

— Ну, а розскажы намъ,—обизвався Пацюкъ: якъ ты впорався зъ сторожемъ... то—те жъ чоловикъ ручый.

Чипка ставъ шыроко розсказуваты, якъ винъ полизъ у комoрю, якъ наткнувся на сторожа, якъ борюкався пидъ комoрою, покы той не захарчавъ.

— То ты такы добре ёго помнявъ?—пыта Лушня.

— Та знатыме, що въ добрыхъ рукахъ побувавъ. Якъ насивъ, то тилькы стогне,—вже и не крычыть, якъ спершу, а тилькы стогне.

— Отъ, и пропавъ чоловикъ!—каже Пацюкъ.

— Хай не лизе, куды не слидъ!—одказавъ Матня за Чипку.

— И то правда,—закинчывъ ричъ Лушня, та й зитхнувъ.

Уси замовклы. Мовчавъ и Чипка. Швыдко поснулы.

На другый день прыйиздыть становый. Клыкнулы Чипку. Становый давай ёго роспытуваты.

— Знать—не знаю, видать—не видаю! Я, каже, чотыри дни вже зъ хаты не выходывъ.

Поклыкалы другыхъ. И ти те жъ саме: не знаемо, вперше чуемо!

Одвелы ихъ знову въ чорну; знову замкнулы на замокъ двери. Становый пойихавъ, а ихъ звеливъ ще крипше держаты, щобъ не далы бува дёркы.

Сыдять хлопци день; сыдять другый, сыдять и третій. Йисты имъ дають... чого ще? Лежать соби, высыпляются, та точать одынъ одному балясы зъ баляндрасамы, а иноди и правду розсказують, прыгадуючы коженъ свои прыгоды. Одынъ Матня сумуе.

— Чого ты, Якыме, журышся? пытають ёго.—Та хай увесь мыръ зійдется та доказуе, то й то ничого не вдіе: не булы и не знаемо ничого... отъ и все!

— Та не въ тимъ, братця, сыла, що кобыла сыва! А ось уже четвертый день, якъ горилка була въ роти... ажъ вуха попухлы.

Смихъ та регитъ пиднявся въ чорній видъ того тяжкого суму; а Якымъ знову за свое:

— Сміются?! И якого биса имъ смишно?! Хиба не правда, що вуха попухлы? Ій-же Богу, поробылыся якъ вареныкы завбильшкы. А имъ смишно!

Чипка ажъ за жывитъ берется та регоче:—О-охъ... охъ!... о-охъ, лыхо!... вуха попухлы! Якъ варепыкы... ха-ха-ха! О-охъ! Дай хочъ духъ перевесты, а то помру зо смиху! о-охъ, охъ! Матня одвернувся видъ товарыства, насунувъ шапку на очи, лигъ черевомъ у пызъ на доливци.

Цилый тыждень просыдилы хлопци въ чорній, ажъ покы зъ города не прыйихавъ чыновныкъ, та не повыпускавъ.

— Глядить же, хлопци, не забувайте!—гукнувъ Чипка зъ дорогы, прямуючы зъ чорнои до свого двору.

— Добре... не забудемо!—видгукують ти, скрываючысь въ улыци, що вела напрямкы въ шынокъ. На другый день голосыла по селу чутка, що прошлои ночи якись страшыдла, въ билыхъ сорочкахъ, у чорныхъ бородахъ, зъ носамы, якъ крючкамы, зъ однымъ окомъ у лоби, якъ у песыголовцивъ,—убралысь до головы въ хатыну, де винъ спавъ и куды николы никого не пускавъ;—звьязалы голови рукы и ногы; накрылы кожухомъ; забралы велыку сылу грошей,—та и булы такы.

Загвалтувало село видъ краю до краю: пишлы суды та пересуды, та поговирка. Настала робота языкамъ—и дебелымъ чоловичымъ, а надто гострымъ, та довгымъ жиночымъ.

Це, выдно, Господь його карае за безневынни слёзы!—якъ сокырою рубае одна жинка середъ цилои юрбы сусидокъ.—Просывся торикъ мій чоловикъ, щобъ запысалы въ выселенци... не запысавъ! Оце жъ ёму за те! Колы бъ ще и пысареви. Пять карбованцивъ зидравъ... жывцемъ зидравъ... останни зидравъ. Казавъ: запышу... на казенный коштъ вырядять... земли щось десятынъ зъ трыдцять дадуть... а теперъ—такъ! И не запысавъ, и гроши пропалы.., щобъ ёму добра не було!

Це такъ гомонилы одного ранку. А на другый—чутно: пысаря ограбовано! Рукы ёму верёвкамы до нигъ поскручувано; натушковано на його зверху кожухивъ, подушокъ,—такъ що якъ вытяглы його, то питъ у тры ручьи лье; а самъ—мовъ ракъ печеный. Якъ бы, каже, ще хочъ зъ пивгодыны такъ пополежавъ, то задавывся бъ!

— Хто жъ то такый?—пытають його.

— А чортъ його знае! Якись татары—не татары, не по нашому розмовляють; та сміются вражи сыны!

— Оце такъ! Ну, теперъ,—каже ёму голова,—одынъ одному сміятысь не будемо. Тилькы мени щось чудно: и до тебе тры, и до мене тры. До мене жъ таки марюкы, що якъ глянувъ, то и померъ: и до тебе—кажешъ—чы туркы, чы татары. Воно тутъ щось йе. Я догадуюсь, що це воно, та мовчу, покы що. Ось хо-

димъ лышъ до волосты! Пишлы до волосты: а дорогою все щось одынъ одному говорылы: чы то радылысь, що его робыты; чы жалилыся, що имъ роблено.

А люде ихъ такъ очыма и проводять; та якъ у дзвоны дзвонять про крадижку. И знову вси показують на Чипку зъ товарыствомъ.

Отже якъ не пыталы, якъ не шукалы—ничого! Уже головыха зъ пысарыхою йиздылы кудысь у село до цыганкы—ворожкы.—Набрехала вона имъ и про чорнявого, и про билявого, взяла по полтынныку зъ кожнои, та тилькы всёго. Потрусылы ще разъ Чипку,—ничого не знайшлы. Пропало!

Диждавшы недили, голова заклыкавъ батюшку, одслужывъ молебень, освятывъ воду, окропывся—та, писля того, вже годи и замыкатыся.

Запалывъ Чипка рай тыхого счастя въ Грыцьковій хати, та й покынувъ курытыся. Хрыстя звидала на своемъ вику не трохы нужды та лыха черезъ людську неправду. Дозолыла вона іи до самыхъ жывыхъ печинокъ. Часто и густо вона думала: чы вже людямъ не можна жыты правдою? А якъ бы добре було, колы-бъ уси жылы по ній! Чому жъ воны не жывуть нею? Думкы Хрыстыни розбылыся объ жыттеви пидставы, якъ хвыли объ камьяни берегы. Серце въ неи щемило; душа допытувалась: чы правду вона думае? Колы це--ни видсиль, ни видтиль—десь узявся пьяныця, харцызяка—и загукавъ про те саме. Не тыхымъ, слабымъ голосомъ, не жиноцькымъ хыблывымъ почуттямъ,—а крыкомъ болячои души, дужою миццю зипонувъ гайдамака те саме! Грыцько іи, добрый іи Грыцько, николы ничого такого не казавъ, не натякавъ навить. Чому? Чипка, що казавъ, усе те правда, свята правда. А Грыцько—мовчавъ? Ни! тутъ або щось не такъ, або щось не те. Такъ часто думала сама соби Хрыстя.—Прыгадуючы гострый поглядъ, смилывый выдъ Чипчынъ,—вона тремтила: боялася его.

Стала Хрыстя зовсимъ инча до Грыцька. Ласка, зъ котрою кожна жинка выходыть на спирку зъ своимъ инодi и геть-то

крутымъ чоловикомъ, котрою завжде побывае ёго,—та сама ласка, якъ ставъ помичаты Грыцько, зробылася не щырою, холодною... Грыцько помичавъ, якъ Хрыстя стала мовъ нехотя прыхылятыся до ёго, не мовъ себе неволыла.

Оце иноди заманется ёму, якъ молодому чоловикови, пожартуваты зъ жинкою. Сумно дывытыся на ёго зачепы! Хрыстя якось болизно усмихается до ёго; мовъ кризь слёзы слова ёму роныть... Грыцька то въ жаръ укыне, то наче холодною водою обдасть.

— Що зъ тобою сталося, Хрысте?

— Що зо мною сталося?..

— Якась чудна ты стала... невесела, небалакуча!.. мовъ чого не достае тоби... Чы ты чого сердышся?

— Чого жъ бы я сердылась?.. на кого? скажы, Бога рады! А що мени невесело... То не викъ же дивуваты! Не на те жъ мы бралыся, щабъ смихы та жарты заводыты... Треба про все подуматы, та и...

— Та и що?.. Грыцько глянувъ на неи—и догадався.— Колы те ще буде? Де те теля, а ты вже и зъ довбнею!—закинчывъ усмихаючысь...

— Та воно вашому братови не що,..

— А вашому?.. чого журытысь?..

— Того... И я сырота, и ты сырота, ни батька, ни матери немае ни въ кого... А пидъ той случай—знаешъ?.. Якъ бы свое, то воно бъ и порадыло, и доглянуло всёго; а то—не дай Боже чого!—Чужи и кутки рознесуть...

Хрыстя заплакала.

— Ото колы зибралася батькивъ оплакуваты! Нехай соби со святымы спочывають, колы померлы; а намъ, кажу, все такы ничого журытыся...

То була пора, колы Хрыстя почула себе матирью, зъ іи думкамы, зъ острахамы, сумомъ, слёзамы... Дарма Грыцько утишавъ іи, дарма хотивъ розважыты. Хрыстя сумувала, журылася, а часомъ сама соби гирко плакала... Одно до одного—и журба Хрыстина шыршала, выщала, глыбшала. Грыцькова рада ничого не вдіяла.

Грыцько сердывся, ставъ грыматы на Хрыстю—чого вона все журытся. Не помогло: Хрыстя не кыдала свого суму. Тоди самъ Грыцько ставъ журытыся; ставъ роздумуваты: давай нышкомъ помичаты за Хрыстею... И помитывъ, що Хрыстя чогось ховалася зъ своимы слёзамы, наче соромылась его... Злякане Грыцькове серце догадалося. Отже винъ мовчавъ; боявся зачипаты, боявся тушыты той вихоть, що курывъ у его хати... «Може, самъ соби потухне, думавъ винъ; а може сама вона залье его... слёзамы»... Одначе думка про це не давала Грыцькови спокою. Вона ёму нагадувала, зъ якою охотою бралася Хрыстя помагаты ёму довесты до розуму той хлибъ, що Чипка подарувавъ; якъ вона его выхвалювала; якъ раила зоставыты на насиння «добре жыто».

Дывлячысь на сумну Хрыстю, думка Грыцькова знай верталася, та й верталася назадъ, у той лыхый день, колы Чипка сповидався въ ихъ хати... Грыцько не помылявся, що палка розмова Чипчына запала глыбоко въ душу Хрысти; що его гризна, а разомъ люба постать, колы винъ крычавъ, свитячы очыма: «А правда де? де іи подилы?» кынула жарыну въ жалисне жиноче серце... Все те винъ бачывъ теперъ своимы очыма; чувъ своимъ серцемъ,—та боявся назваты словамы... Винъ ще тоди, въ той лыхый день, побачывъ, що Чипка справди якыйсь не абы якый чоловикъ; винъ знавъ ще тоди, що Чипка казавъ правду; винъ навить згожувався зъ нымъ у думци, хочъ и перечывъ у словахъ... А слова ти—якъ та заверюха, врывалыся прожогомъ у душу; переверталы въ голови думкы; розбуркувалы въ серци почуття. Грыцько бачывъ: Чипка хочъ кого пидхылыть пидъ себе— и боявся... боявся за Хрыстю: ёму никому не хотилося оддаты свою добру, свою любу Хрыстю!.. Часомъ темнои довгои ночи Грыцько не спавъ и на волосыну: все прыдумувавъ та прыгадувавъ, щобъ его передъ жинкою вывесты таке, щобъ звыхнуты Чипчыну правду... Думавъ—та не надумавъ; а тилькы бильше мучывся...

А ось теперъ—скилькы поговору! Грыцько зрадивъ, кынувся на его—та давай подилятыся зъ Хрыстею.

— Чы ты чула, Хрысте, про нашого праведныка?—вскочывшы въ хату на другый день писля крадижкы въ пана, пытае винъ жинкы.

— Про якого праведника?

— А про Чипку?.. Ты чула, якъ винъ тутъ за правду роспынався, а онъ—що выйшло?!...

— Що жъ таке?

— Пана обикравъ... сторожа прыбывъ... чого доброго, доси Богови и душу виддавъ...

— Не вже?!—дывлячысь пыльно на ёго мутнымы очыма, скрыкнула Хрыстя—и пополотнила, оторопила.

— Ій-Богу!.. Теперъ у чорній сыдыть... Онъ воно яки люде бувають! Подумай: на крадижку, на душогубство пустывся?!

— Господы! маты Божа! якый теперъ свитъ ставъ...—ледве вымовыла Хрыстя, та й перехрестылася. Та хиба воно и тоди не выдно було, що зъ ёго добра вже не ждаты,—закинчыла вона.

Грыцькови це—все одно, що по губахъ медомъ. Писля усёго давай винъ ще гирше росписуваты Чипку передъ Хрыстею, не мовъ самого лютого ворога, а не колышнёго свого товарыша.

Якъ Чипку выпустылы зъ чорнои, Грыцько першый прынисъ Хрысти звистку, що, мовъ выкрутывся харцызяка, выбрехався! Якъ сталы гомониты по селу за голову и пысаря, Грыцько упять першый сповистывъ про це Хрыстю—и Хрыстомъ Богомъ прысягався, що те дило не втикло Чипчыныхъ рукъ.

— А мое серце ще тоди щось недобре вищувало,—одказала на ёго прысягу Хрыстя.—Знаешъ що, Грыцьку—чы не виддаты бъ намъ ёго жыта. Ще—чого доброго—колы небудь у ночи прыйде, та й зариже за жыто.

— Ото, хай Богъ мылуе!—похопывся Грыцько,—Ни, винъ, Хрысте, не такый уже, щобъ за те, що самъ виддавъ, та й зарызаты.

— А колы пры нужди та пьяный?

— Винъ швыдче прыйде правыты ґрошей. Отоди, якъ прыйде, я ёму и виддамъ жыто. Та й то наврядъ!

Отакъ соби побалакалы—и у Грыцька наче одъ серця одлягло. «Ну—самъ соби миркуе: теперъ уже не вернется те... не такъ я ёго пидцюкнувъ»!

Отже Хрыстя все такы не стала веселою. Вона ще дужче хапалася за свою думку. «Колы и такый чоловикъ, отаке робыть—що жъ уже други?

VII.

На воли.

Воля для чоловика вильного—чаривныче слово, а для невильныка—медъ пьяне чоло. Воно, якъ дурманомъ, якъ хмелемъ, затуманыть уси его думкы, гадкы, надіи: усе для его умерло, оглухло,—одно воно зосталося, одно воно тилькы и сяе и гріе по темному шляху его темного жыття...

Ще тилькы объявылы волю,—писчане зашумилы, якъ окрипъ у горшку.—Шабашъ, братця! воля! воля!—загукалы крепакы, кыдаючы роботу та идучы у шынокъ—волю женыты.

— Ни, то ще брехня!—дратувалы ихъ козакы. Ще два рокы поробить на пана, та тоди уже и воля.

Пиднялась спирка, змагання. Лаялы крепакы козакивъ; лаялы панивъ; не було того на свити, кого бъ воны не лаялы, якъ свого лютого ворога, за ти два рокы! Одначе налаявшысь, назмагавшысь та накрычавшысь досхочу,—вернулыся знову на роботу. Хочь яка тамъ вже и робота була?! Коженъ норовывъ, якъ можно меньше робыты, а бильше соби загарбаты: якъ бы пана одурыты. Паны дывылыся на ту роботу,—та охалы, та зитхалы, та тышкомъ сами мижъ собою щось балакалы. А крепакы соби тыхенько одынъ одного пыталы: «чы то жъ то намъ заплатять за ти два рокы, що робымо, чы ни»?

Отже якъ не якъ—добувалы два рокы. Пидскочыла горяча пора: оранка, косовыця, гребовыця, жныва, возовыця, молотиння нового хлиба,—николы було дыхнуты, не то що...

Ишлося вже до Риздва. Врочысте свято клопотало кожну симью своимы спокопвичнымы клопотамы. Тамъ кололы свыней, и несамовытый крыкъ ихъ розносывся по всёму селу; тамъ клопоталыся йихаты въ мисто на красни торгы, продаты хлиба, накупыты потрибного про свято—и ладану пидъ куттю, и рыбы—на

багатый вечиръ, и соли—про всякъ день, а тутъ жинкы заходылыся коло мазання, и зрушылы завсиднїй спокїй жыття.

Одному Чипци зъ товарыствомъ немае клопоту. Сякъ-такъ позатыкавъ побыти шыбкы то ганчиркамы, то онучамы; укыне у пичъ гнылои соломы,—тлїе вона тамъ соби та курыть, буцимъ такы и грїе. Байдуже имъ про тепло; дарма—про йижу! Ихъ грїе жыдивська горилка, а йисты—жують хлибъ сухый зъ силлю—тежъ видъ жыда. А колы хто зъ товарыства зниме зъ сидала въ сусида курку чы пивня,—попатрають, спечуть, настромывшы на шпычку, зйидять,—та й сыти! Хочъ и бачывъ Чипка таке безпутство: часомъ робылося ёму протывне таке жыття и таке товарыство,—та залле очи—мовчыть. Иноди ёму хотилося и гарячои стравы попойисты. Тоди винъ полизе въ розваленый лёхъ, назбирае ще торишнёи рипы, що де-не-де по куткахъ заваляласи, начыстыть, зварыть юшкы—та тилькы всёго! Люде дывылыся на таке жыття, та хыталы головамы.

— Ну, вже,—не буде добра зъ такого!—горбатого могыла выправыть. Ще хочъ бы не товарыство, то може-бъ. Та стійте, диждемо набору: хочъ отыхъ курокрадивъ запровторымо, колы ёго не можна.

Ось насталы и святкы. Радїють люде, що диждалы, гостюють, гуляють то дома, то въ шынку. А Чипка зъ товарыствомъ и не вылазять зъ ёго; людей заклыкають, частують. Чоловикы—нигде правду диты—такы ласенькы на дурныцю выпыты,—то и ради такому случаю: пьють та выхваляють добрыхъ молодцивъ. Де хто изъ молодыць, цикавыхъ подывытысь на зборыще та игрыще, та ще де спивы та танци,—завернуть туды. А жыдъ, якъ знавъ, десь и музыку выдравъ. Музыка рипе, тне; пьяни чоловикы трохы на головахъ не ходять, та выбывають гопака коло молодыць; а ти соби—дывлятся-дывлятся,—то це одну и визьме нетерплячка—и пишла дрибненько бочкомъ, бочкомъ, не мовъ плыве по води; а яка зъ пьянишыхъ схопытся за запаску, пидниме іи трохы—та гай-гай по хати, якъ шулика за курчатамы. Смихъ, регитъ, крыкъ. А Чипка знай до жыда: давай те! подавай друге! несы трете! Лушня у танцяхъ, якъ не перервется, музыку пе-

ретанцёвуе; Пацюкъ на языци, якъ на балалайци, выбывае; одынъ тилькы Матня, роздутый, червоный, якъ жаръ, зъ сонными очима, сыдыть у кутку, куняе: оце прокынется, выпье, зареве, якъ бугай, на всю хату, та и знову прытыхне—куняе. Гульня розвернулася на вси бокы. Забулы про свято, забулы про Бога, забулы про домивку. Зъ ранку до вечора, зъ вечора до ранку одно пьють та гуляють. Жинкы, не бачывшы третій день чоловикивъ у вичи, пидняли такый галасъ, немовъ на село найшла кара Божа, або пожежа половыну села выпалыла.

— Оце, напасть Господня! оце, лыхо несподиване—теленалы воны.—Такого ще зъ роду-вику николы не було! Богъ давъ свято—въ церковъ питы, Богу помолытысь, а винъ у шынку молытвуе! Богъ давъ свято, щобъ дома зъ дитьмы та зъ жинкою любо-тыхо провесты: а винъ у шынку зъ пьяныцямы та волоцюгамы гуляе! Треба хочъ до батюшкы питы, щобъ яку покуту наложывъ на розпьяныцю зъ пьяныць.

Де-яки такы зняльсь, пишлы—не до батюшкы, а до матушкы жалитыся. Матушка почастувала ихъ горилкою и обищала розсказаты, якъ устане, батюшци. Молодыци вернулысь до-дому; а чоловикивъ усе нема. Воны ще заполонылы у ту гущу и дяка. Дякъ цей старый уже бувъ,—у пистъ бувало «алылуи» не выведе, такый старый. А вхопывшы чарку та другу тіеи жывыцидурныци, и винъ побадёришавъ трохы. Де та и сыла взялася, мовъ прыбула! Спивае зъ молодыцямы такъ тонко та голосно, мовъ молоденька дивчына. А це, выпывшы ще чарку, якъ пидбере полы въ балахона, якъ ухопе товсту, червонопыку молодыцю, та ну гопака садыты. Тилькы борода та коса майтолае; а винъ—халясуе, такъ халясуе. Ажъ упривъ, ажъ мыло на ёму лягло. Чоловикы регочутся, а молодыци коло ёго, щобъ ще дужче роздратуваты, такъ увываются, такъ увываются: одна втомытся, друга іи мисце заступае...

— Що жъ усе танцюваты та танцюваты,—крыкнула одна реготуха: якъ бы вы насъ, дяче, повозылы ще!

Бачъ, чого сучи дочкы захотилы! Бачъ, чого имъ заманулося!—взявшысь у бокы, каже дякъ. Шукайте санчатъ, повожу вже. Одынъ тому часъ, що батько въ плахти!

Де взялыся и санчата. Вытяглы дяка зъ шынку на двиръ, запряглы: насидало молодыць повнисеньки санчата, ще и зверху, дякъ ажъ угынается та самотужкы пре, а молодыци—спивають та выгукують, якъ на весилли. А це одна якъ скотытся, якъ пидбижыть до дяка:

— Нема, дяче, мисця! нема, дяче, мисця! Ну, я сяду верхы! повозы и мене!

— Сидай, бисова!—крычыть дякъ, перегнувшы спыну. Молодыця скочыла; дякъ не здержавъ, поточывсь, впавъ; молодыця зверху. Други позскакувалы зъ санчатъ, та й соби туды,—пхаются, падають. А чоловикы: «мала купа! мала купа! на купу! на купу»! Навалыло молодыць стилькы, що трохы дяка не задавылы. Вытяглы ёго—ледве дыше. Регитъ, гвалтъ. Здурило село!

Гульня розвьязала языкы, розбуркала зомлили, прыгничени души, розкопырсала ти вразы, що глыбоко крылыся въ серци. Середъ гульни згадалы писчане и за два рокы.

— А що жъ це воно, братця?—заводыть хто зъ крепакивъ: це такъ—два рокы робылы, та й дурно?..

— А вже жъ, дурно!

— Чого жъ дурно? Адже царь давъ волю: жывы, де хочъ, робы, що знаешъ.

— Ну, щобъ, бачъ, уже не зовсимъ и ихъ обійты,—ту несыту прожорь—«поробить, мовъ, люде добри, ще два рокы,—хай уже воны звыкнуть за цей часъ зъ думкою, що васъ не буде»! Та якъ же винъ дума: мы ёму ци два рокы дурно робылы? дурно втратылыся?..

— Адже якъ бы я до хазяина ставъ, то рубливъ бы сотню заробывъ. А въ ёго якъ?

— А такъ: робывъ—робывъ, та й выженуть зъ двору въ тры вырвы.

— Ни, чорта зъ два! Мени розсчотъ давай, онъ що! Мы знаемо ваши каверзы. Буде того, що надъ нашымы дидамы та батькамы знущалыся, та зъ насъ воду выварювалы. Заплаты жъ мени хочъ за ци два рокы!

— Заплачу, наставляй кышеню!—сміявся другый, тверезишый.

— Чого ты сміешся? И заплатыть! Пиду скажу: давай розсчотъ—и дасть.

— По гамалыку.

— Чого по гамалыку? А въ Побыванци? га, въ Побыванци? Адже давъ? хаты давъ; грунты давъ. Затялысь въ одну шкуру: давай розсчотъ!—и давъ. Братъ ридный давъ; а нашъ бы то и ни. Эге! якъ бы мы не таки дурни. А то—сыдымо соби мовчкы, мовъ не про насъ ричъ. Давай! въ одно слово: розсчотъ!

— Толкуй.

— Дурню, а не толкуй!

— Ты самъ дурень. Залывъ очи, та самъ не знаешъ, що верзешъ.

— Що жъ я верзу? кажы що?—сучытся пьяный.

— А то, що якъ почуе хто, та мене туды. Ты знаешъ,—яка винъ сыла? Буде ще!

— Що жъ мени буде? Ничого не буде,—бо правда! А все такы дурень.

— Не дуры лышень, бо щобъ самъ не здуривъ.

— А що—бытымешъ, може? Бытымешъ? Ну, бый!

— Хай тебе лыха годына побье безъ мене! Одченысь, сатано!

— Ни, бый! Сякый-такый, сыну, бый!

Та й пидставляе лыце. Супротывныкъ одсувается назадъ, наставывшы обыдви рукы, щобъ бува зъ пьяныхъ очей не креснувъ зачепа. Люде збигаются зъ усихъ бокивъ: оступлять, дывлятся,—що дали буде.

— Бый, кажу! крычыть першый,—та хвить другого по пыци. Той—здачи. Счепылась бійка! Крыкъ, гвалтъ. Насылу розборонылы люде, та й ведуть знову въ шынокъ «мырову пыть», щобъ справди не дійшло бува до того... Хто вынуватый, хто правый? гараздъ не знавъ нихто. У кожного була думка, що добре бъ и розсчотъ одибраты; бувъ и острахъ того, «а якъ не дасть, та ще... не доведы, Боже, щобъ гирше не выйшло бъ»! Одначе горилка взяла свое. Де дали, то все бильше и дужче выступыла правда першого: а острахъ другого нехаялы, якъ легкодухого чоловика.

Зашумило село, якъ на прыгру бджолы: смилывый и несмилывый збиралыся въ купы; гомонилы; радылысь, змагалысь, и ходылы до жыда въ шынокъ могорычу пыты.

Мынуло водохрестя. Часъ бы за роботу братысь. Та чы до роботы, колы день у день збираются або въ шынку, або и такъ де, та одно тилькы и чуты: розсчотъ. Піймалы, разъ одного зъ Побыванкы. Роспытують: чы давъ дворы? чы подарувавъ хаты?— Давъ, подарувавъ!..

Бачь! въ одынъ голосъ: значыть нашъ дурыть!—Колы жъ такъ,—не дижде! На завтра, ще тилькы стало сириты, зибралыся коло волости та взялы старшыну зъ собою и пишлы до пана въ Красногорку.

Прыйшлы; сталы въ двори коло ганку—повнисенькый двиръ, нигде голкы просунуты; послалы просыты лакея, щобъ сказавъ панови; обицялы навить «на табакъ» лакееви, колы швыденько панови скаже.

Васыль Семеновычъ ще спавъ и зъ лижка почувъ якый-сь гоминъ та топитъ. Винъ позвонывъ лакея; роспытувавъ, що то. Той сказавъ. Наче хто голкою шпыгнувъ вельможного пана,—такъ винъ прожогомъ скочывъ зъ лижка; звеливъ подаваты мерщій убрання; вышывъ на хватку стаканъ чаю и, не глядя на те, що жинка, ламаючы рукы, благала не выходыты, выскочывъ зъ хаты червоный, сердытый.

Винъ догадався, що це не даромъ цила писчанська громада прысунула—та думавъ своею смиливостю зразу іи осадыты.

— Що вамъ треба, писчане?—сказавъ винъ гризно, але здержуючысь.

— До васъ, пане.

— Чого?

— За гришмы, пане.

— За якымы грышмы?—скрыкнувъ панъ и глянувъ гостро на громаду.

— Що два рокы служылы, пане.

— Дуракы! Вы жъ повынни булы ци два рокы служыты. Мовчать передни, кланяются.

— Якъ повынни?—обизвався хтось зъ середыны:—То вы сами настановылы такый законъ!

— Хто тамъ озывается?—пытае панъ.—А ну, выходь сюды, та побалакаемо.

— А чорта! давай гроши!

— Хто озывается, сяки-таки сыны?—крычыть уже на все горло панъ.—хто сміе бунтуваты?—Та й пидскакуе до переднихъ.

— Мы не бунтуемо, пане,—кажуть, кланяючысь, передни:—мы тилькы прыйшлы просыты платы.

— Якои платы? за що платы? Я вамъ дамъ!—уже навсправшкы лаявся панъ.

— Не цвыкай! годи, не боимося!—знову зъ середыны.

— Хто тамъ, сяки-таки? Давай мени того, хто озывается! давай заразъ! Давай! а не то—я васъ усихъ у тюрму запру, на Сыбирь попру!

— Не дуже! не дуже! не скачы такъ! Ачъ якый прудкый! давай лышъ гроши!

— Кажить: хто тамъ озывается?—ажъ розлягается панъ до переднихъ.

Передни мовчать; зступаются блыжче одынъ до одного,—кланяются:

— Ага!—такъ вы не хочете бунтовщыка выдаты! не хочете! Такъ вы бунтуваты? га? Постійте жъ,—я васъ побунтую!—крычыть панъ, роспалывшысь, и зъ крыкомъ бижыть до себе въ горныци.

Громада на хвылыну стыхла; а потимъ—немовъ набиралася духу—пройшовъ спершу глухый якыйсь гоминъ; дали—другый, дужчый, покы не перейшовъ у выкрыкъ!

— Щó винъ насъ страхае? Дума,—злякалыся? Мынуло те! Давай плату! плату давай!! розсчотъ!!!

Крыкъ, гукъ зъ усихъ бокивъ, на весь двиръ, довго ще не вгававъ и долитавъ у горныци страшнымъ дыкымъ голосомъ. Васыль Семеновычъ поблидъ, якъ крейда. Ёго розбирала досада,

злисть; ёму хотилося крычать, лаяты, быты,—та страхъ бравъ свое. Винъ погнавъ ёго въ горныци, а теперъ не выпускавъ на двиръ. Жинка Васыля Семеновыча ходыла, якъ зъ хреста знята. Одъ тревогы воны обое мовчалы; ходылы тилькы зъ однои кимнаты у другу, та зъ боку, ныщечкомъ, позыралы у надвирни викна, нибы таилы свій страхъ одно передъ однымъ. Громада не росходылась цилый день: выгукувала та выкрыкувала ажъ до самого вечора. Такъ и простоялы на ногахъ. Тилькы ничъ погнала писчанъ до-дому. Васыля Семеновыча и ничъ не вдержала, нерегодя трохы писля того, якъ пишлы писчане, винъ звеливъ запрягаты кони, выносыты важкый сундукъ зъ своеи спочывальни—и вкупи зъ жинкою покотывъ у Гетманське.

На другый день—чуть зоря—вже булы на ногахъ справныкъ, посередныкъ Крывынськый (що колысь, за выборивъ, бувъ справныкомъ), послалы гонця въ Котолупивку по станового Ларченка, щобъ йихавъ мерщій въ Пискы: «бунтъ!». Ларченка якъ хто по потылыци лыгнувъ: винъ стоявъ, наче чмеленый, и якось безтямку дывывся въ нызъ своимы косымы очыма. На помости вымалёвувалы ёго думкы розгниваного Васыля Семеновыча, который тупае на ёго, Ларченка, ногамы за те, шо «допустывъ» бунтъ у себе въ стани. У голови станового думкы каламутылыся: то винъ прощався зъ котолупамы—и здавалось ёму, що воны хрестылыся, якъ винъ выйизжавъ зъ мистечка; то ёму прыйшовъ на думку той счаслывый день, колы винъ разъ на обидни выхвалявъ, якъ поэтъ, Васыля Семеновыча виршамы. Кони пидъйихалы пидъ рундукъ: гаятысь було николы. Ларченко вскочывъ у санчата, та, тилькы духу, поперъ у Пискы. У писчанській волости сыдивъ уже посередныкъ. Винъ прыйихавъ зарани, звеливъ склыкаты громаду. Громада ще тилькы сходылась. Незабаромъ—цили Пискы збиглыся. Хто на громаду, а хто на дывовыжу.

Становый зъ посередныкомъ выйшлы зъ волости; сталы на громаду грыматы; дали страхаты, потимъ батькуваты; а тамъ—пидскакуваты, та репетуваты на все горло—ажъ пина зъ рота летила.

Громада соби гуде:—Не застрахаешъ! Розсчотъ подай! Не скачы, коса собако! котолупе!—Ничого не вдіялы ни становый, ни посереднықъ,—тилькы накрычалыся, та зъ тымъ и пойихалы. А писчане слидкомъ за нымы послалы въ Красногирку Васыля Деркача нышкомъ довидатысь: чы дома панъ? що чутно?

Деркачъ незабаромъ вернувся.

— Немае, каже.—Учора звечора зибрався, та зъ паніею и пойихавъ, не сказавъ и куды.

— Эге, значыть наша правда! Не даромъ перелякався.

— Глядить же! Не попускай, братця, свого!—выкрыкувалы писчане, росходячысь по домивкахъ. На дыво козакамъ, а на злисть жыду, ридко хто зайшовъ до ёго и у шынокъ. Колы це, на ранокъ—летыть у Пискы самъ справныкъ, летыть стряпчый, летыть становый. Сказано—циле «временне отдиленіе». Прыйихавъ и посреднықъ. А незабаромъ, слидкомъ за нымъ, вступыла москаливъ сыла. Громада збылася въ купу, якъ овечкы пидъ дощъ та лыху годыну. Нихто—ни пары зъ устъ. Тилькы чутно—важке зитханя, та якыйсь тыхый гулъ. Москали зайшлы зъ бокивъ — и кругомъ, якъ кильцемъ, обложылы громаду.

Крывынській, якъ посреднықъ, выйшовъ наперодъ громады, та ставъ допытуватысь: чого вона бунтуе?

— Мы не бунтуемо, мы свого просымо.

— Якого свого!

— А такъ! завищо жъ мы два рокы служылы? дурно?—хтось подае голосъ зъ середыны.

— Хто тамъ крычыть? давай сюды!—зипонувъ Крывынськый.

Громада затовпылась: ще тисниие збылася въ купу; сталы одынъ одного за поясы браты.

— Сюды ёго давай! хто выкрыкуе?—телипае посереднықъ.

— Москали кынулысь до крайнёго.

— Не давай, братця, за що насъ быты? завищо насъ нивечыты?

Громада стала напираты на москаливъ; москали на громаду. Пиднявся крыкъ, гвалтъ; счепылася бійка зъ москалямы. Люде, зачувшы таку колотнечу, бижать якъ на пожежу дывытысь. Чо-

ловикы—ажъ до самыхъ москаливъ; жинкы на тыны поспынались—зъ огородивъ. Дидъ Уласъ—старый, не выдержавъ натовпу,—упавъ. Москали пидняли.

Чипка побачывъ. Закыпило его серце, заболила душа... Бига помижъ козакамы, мотается на вси бокы:—Братця крычыть:—не даймо глумытыся надъ намы! Не даймо знущатыся надъ дидомъ,—ходимъ, братця!—Тымохвію! Петре! Якыме! збирайте громаду до купы! Не даймо, братця!..

— А ти—якъ побачылы, що неперелывкы,—та—тилькы выдно—черезъ село...

Чипка ихъ лае, батькуе, молыть, просыть: кыдается то въ той бикъ, то въ другый; то пидскочыть до москаливъ, то вертае до своихъ.

Побачывъ Грыцька.

— Грыцьку! братику! Ты бачышъ?—кровъ безневынна льется... Дида Уласа ледве жывого пиднялы на витеръ... Не даймо!..

Грыцько не одказавъ на це ни слова,—та мерщій видъ Чипкы, та въ чужый огородъ, та й прысивъ лисою.

Кынувсь Чипка до крепакивъ... Тутъ его и схопылы.

— Я—вильный!—крычыть Чипка:—я—козакъ!

— А колы вильный та козакъ, то не бунтуй людей!—зипонувъ справныкъ.—Ложить его! Довго боровся Чипка... Ще довше его былы...

Ни крыкнувъ, ни застогнавъ! Уставъ—наче зъ хреста знятый! Очи червони, налылыся кровью, горилы, якъ у звира; на выду—блидый, блидый, мовъ писля тяжкои хворобы... Повивъ винъ страшнымы очыма по всій громади, глянувъ хыжо на панство, на москаливъ—и пидтюпцемъ побигъ до-дому...

Обняло его зло нелюдське. Серце въ его выло; душа палала!.. «Прокляти! каторжни! ни суда на васъ, ни правды немае»!..—крычавъ винъ, качаючысь по полу. Тило болило, якъ попечене... Винъ стыскувавъ зубы. «А воны?.. воны?! Слова доброго,—смитныны послиднеи не стоять! Прокляти души!—на васъ трохы такои мукы, трохы каторгы... Катуваты васъ, пекты, тупымъ пожемъ ризаты»!

Видъ болю винъ кусавъ соби нигти, пучкы...

— «А ты, дурню, водывсь зъ нымы!—повирывъ що й воны люде?.. Волоцюгы, пьяныци, а не люде! Воны тилькы обпывалы тебе, та пидбывалы на все лыхе... У ныхъ доброго на пиготь не було... Серце ихъ, якъ иродове, тилькы и знало одно лыхо,— щобъ другого пидвесты, а самому навтикача; щобъ чужымы рукамы жаръ загрибаты; слёзамы та кровью другыхъ себе тишыты... А потимъ станутъ на ввесь свитъ славыты,—выйдуть середъ людей, посередъ билого дня, скалытимуть зубы, будуть сміятыся... Собакы!.. Сучка васъ, а не маты породыла,—замисть серця, змію положыла и трутою налыла... Де тилькы тхне вашъ духъ,—тамъ лыхо та горе, кровъ та слёзы... А ты имъ повирывъ?!. Ты»?.. Винъ заскреготавъ на всю хату зубамы.

Аце—якъ скоче, та такъ безъ шапкы прямо въ шынокъ. Полылася горилка, якъ вода. Винъ дудлывъ іи нахыльци; выпывъ зъ пивкварты—и не чувъ щобъ хочъ запекла, або вдарыла въ голову... Якъ брызка, кынута на жарыну, заскварчыть и зныкне,—такъ ти ковткы горилкы зразу выгорялы, вылиталы нарою... Винъ кынувъ на стилъ порожню посудыну, побигъ до-дому; цолизъ на пичъ Голова заходыла ходоромъ; у выскы гамселыло, якъ обухомъ; свыстило та пыщало въ ёго вухахъ... Винъ забувся, не мовъ заснувъ...

Грыцько, постоявшы въ чужому городи та надывывшысь на бійку крепакивъ, трохы змерзъ, та й поплився додому.

— Важно парять бисовыхъ маштакивъ!—було ёго перше слово до Хрысти.

— Господы!—тамъ мабуть, на той свитъ позабывалы сердешныхъ, бо крыки таки доносылысь сюды, немовъ зъ могылы,— видказала Хрыстя.

— Такъ имъ и треба, злодіямъ!

— Скажы мени: за що ты на ихъ узлывся такъ? Хиба воны й не люде?...

— Жыття черезъ ныхъ проклятыхъ немае!—ажъ скрыкнувъ Грыцько.—Ничого въ хазяйстви не вдержышъ за нымы... Такъ и держы все пидъ запоромъ, а то—якъ разъ та два рознесуть!.. Чы давно я майструвавъ у сараи... Визьмы, дурный, та й застромы два свердлы за лату... Хто ихъ тамъ визьме?—думаю.

— Колы сёгодни огляжуся,—ажъ и слиду не знать, де стремилы...

— Може то и не воны взялы?

— А хто жъ? Кому бильше взяты? Козакъ тоби визьме?... Навищо ёму, колы винъ самъ хазяинъ?—колы въ ёго самого йе?— А тій голоти, панськымъ недобыткамъ що пропыты—то пропыты... Хиба воно для себе брало?—на пропій!... Щобъ воно подавылося...

— За що жъ имъ выпыты, якъ не за твои свердлы—сміется Хрыстя.—Свого ничого немае, все те панське...

— Та въ ихъ николы и не буде ничого,—перебывъ Грыцько: все пропьють! Воны въ панивъ и звыкалы тилькы красты, та горилку пыты, а не берегты хазяйського добра... А тутъ ще имъ землю и волю дають... На цепъ ихъ, а не на волю!

Хрысти вже обрыдла лайка та крывда Грыцькова. Вона не вытерпила.

— Якый-бо ты, Грыцьку, ій-Богу! А якъ бы тебе взяты въ неволю?...

— Ну, то що?—вытрищывся на неи Грыцько, ображеный, чого вона заступается за такыхъ злодіивъ, що въ ёго свердлы покралы.—То кравъ бы, га?.. Хай уже бъ мени рукы тоди повыкручывалы!

— Одже, не вирь самъ соби, Грыцьку! Якъ що-денна лайка та докоры: злодюга та пьянюга,—то всякого зъ пантелыку зибье... По неволи чоловикъ стане пыты... А якъ низащо,—то и украде... Звисно—неволя!—журлыво закинчыла Хрыстя.

— Яка имъ неволя?—яка неволя?.. Отъ, пыты, бунтоваты,—то имъ неволя?... За те жъ ихъ и попарылы сёгодни... Отъ, попарылы!.. А Чипка, чула?—якъ прынялыся за ныхъ москали,—

бижыть до мене блидый такый, трусытся... «Братику, Грыцьку! Ходимо—оборонымо... Ходимо—не даймо»!.. Цуръ тоби та пекъ! думаю, та видъ ёго... Ускочывъ въ Остапійчынъ городъ, захылывся за тыномъ, та й дывлюся... А винъ ганя по выгону та склыкае на оборону. Якъ же піймалы ёго, якъ задалы,—буде памьятаты до вику!.. Пишовъ—мовъ чмеленый...

Хрыстя тилькы зитхнула—и ничого не сказала.

Грыцько выкурывъ люльку коло печи и узявся за шапку.

— Куды ты? вже обидъ готовый,—каже Хрыстя.

— Та я тилькы худобу понапуваю,—одмовывъ винъ, та й выйшовъ зъ хаты.

— Не барыся жъ!—гукнула навздогинъ Хрыстя и кынулась готуваты посуду.

VIII.

Сонъ у руку.

И снытся Чипци—немовъ сонъ, и ввыжается—наче бувальщына. Снытся ёму и ввыжается недавня гульня. Увесь шынокъ, залытый свитломъ—сяе, ажъ горыть; музыка тне, рубае; пидборы землю рвуть; крыкы, спивы,—стоголосе лящання,—безнутря скажене... А зъ боку насувае темна ничъ—немовъ чорна хмара. А въ тій хмари, въ тій непроглядній темряви, ледве выдко, чорніють панськы коморы, двиръ... Тры тини зигнулыся пидъ якоюсь вагою—щось несуть на плечахъ, тикають,—зныклы въ голому садку... Ось блыснула искорка—и выдко: два чоловикы качаются середъ двору, борюкаются... Той що зверху, лютый якъ звиръ, шыбкый, якъ витеръ... Прыдывляется Чипка... Це жъ—я,—я!—скрыкуе; а пидо мною сторожъ,—то панськый сторожъ,—блидый, якъ смерть; тяжко дыше; болизно сова рукамы и ногамы, чутно—кровъ булькоче въ ёго печинкахъ, бижыть чорною ричкою зъ горла, носа... Ось роскрывае очи, загорилы вони на хвылыну искоркою жыття... То нымы свитыть докора? чы посылае проклёны?.. Ни, то—душа прощается зъ тиломъ; смерть уже застылае очи по-

лудою... Чипка затипався; кынувся; «О-охъ»! застогнавъ зъ протягомъ, перевернувся на другый бикъ, та й знову заснувъ.

И знову ёму верзется и ввыжается... Ничъ темна, глупа—нима та глуха. Винъ стоить, а кругомъ ёго розлягается сонне грыще: пьяни чоловикы, жинкы, все те мертвымъ сномъ спыть, пороскыдане, якъ колодочча... Ось—у гори зайнялася надъ нымъ зирка; якъ свичка, палае вона на неби—и освичуе пьяне зборыще на земли... Чипка глянувъ на правый бикъ.. Захыталася темнота, затрусылася, и зъ неи высунулось дви тини—страшни, блиди, зъ переломанымы кисткамы, котри такъ и выглядалы зъ тила... Ледве шкандыбають воны, вывертаючы ногы то на той, то на другый бикъ; хытають на ёго головамы—вказують рукамы на сонне грыще... Чипци здалося, що то дидъ Уласъ зъ матирью... Винъ затремтивъ увесь, засовався—и одвернувся...

Трохы згодомъ, зъ ливого боку, тежъ захыталась темнота—и зъ неи выплыло дви тини. Одна—товста, пузата, червононыка; друга—зъ-за товстои—тонка, худа, перегнута втрое, зъ перомъ за ухомъ... Наблыжылыся отп дви тини, глянулы на сонне грыще, глянулы Чипци прямо въ вичи,—та й зарыдалы... «Такъ ось де полягло наше добро, наши грошп»! И, вхопывшы одного пьяныцю сонного, воны здерлы зъ ёго одежыну, та й упьялыся въ горло зубамы... Чутно стало—якъ булькотила кровъ: то воны ссалы іи зъ жывого тила... Очи ихъ налывалыся нею, горилы, свитылы, якъ у котивъ...

Чипка здрыгнувъ—и одвернувся...

Гляне въ гору—ажъ тамъ, кризь ясный свитъ, затипалася нова тинь. Чыста та ясна, якъ литнiй погожый ранокъ, зъ веселымъ та любымъ поглядомъ у темныхъ очахъ... «Що це?.. Моя Галочко!—моя голубонько сывесенька! иды до мене!» молыть Чипка—и здiймае до горы рукы. Тинь затрымтила; ясне сонце потемнило; на очахъ заблыщалы слёзы...—«Що ты наробывъ?!..» учувся ёму зляканый голосъ.—«Глянь у праву ручъ!» Чипка глянувъ—и жахнувся... Чоловикъ качався по двору и не по-людски стогнавъ. «Що ты наробывъ?!» знову докорявъ голосъ зверху. «Глянь у ливу ручъ!» Чипка нехотя повернувъ очи... Дви чорни

тини ссалы кровъ зъ сонныхъ людей, ламалы ихъ кисткы, выкручувалы рукы, ногы, обсмоктувалы кровъ... «Глянь у-нызъ» гуконувъ голосъ. Чипка зырнувъ... Коло його розвернулося сонне царство людей: блиди облыччя позадыралыся въ гору; очи—повыводыло зъ лоба; зъ рота—вылитала легенька смужка сынёго дымку... Воны горилы тыхо-тыхо, якъ вугиль тліе... «Це все, ты наробывъ! це все твои вчынкы!» гукавъ голосъ... «Завищо жъ ты чоловика вбывъ? За що дитокъ, жинку осыротывъ?.. Чымъ вынуватый сторожъ, колы його господарь посылае стерегты добра, ловыты злодія?.. Що то ты поробывъ зъ тымы пьявкамы людськымы?.. Що??.. Зъ сытыхъ, повныхъ, що, обпывшысь кровы, тыхо дожывалы вику, ты поробывъ знову голодныхъ: ты выдавывъ зъ ныхъ кровъ, котру воны за свій довгый викъ нассалы.. А отъ, бачъ: щобъ знову такымы статы, якъ булы, воны поробылыся въ стократъ хыжишымы; прожерлывишымы... На голодного и холодного, на пьяного и тверезого, на сонного и несонного, на сыроту, на старця—воны кыдаются, якъ голодни собакы на шматокъ хлиба... Бачъ, якъ воны смокчуть кровъ зъ жылъ людськыхъ?.. Бачышъ?.. А то-що?.. Людей опоивъ, горилкою попалывъ... Каторжный! розбышака!..» Чипка знемигся, склонывъ колина, зложывъ рукы, прыпавъ ныць на землю... А голосъ, якъ буря, посывся кругомъ його—и страшенно выкрыкувавъ: «що ты наробывъ, лютый, каторжный?!.» Чипка прыпадавъ ныць, мовъ хотивъ сховатыся... А голосъ той прорывався въ кожну кисточку; морозывъ іи жахомъ; пикъ огнемъ тугы... Чипка не вытрымавъ. Якъ скаженый звиръ, що боится воды—трусытся и лютуе, забачывшы іи,—забувшы все на свити, несамовыто кыдается на всякого,—такъ Чипка кыпувся, скочывъ у гору... «Згынь, проклятуща видъ мене! хай тебе огонь пожре, выхоръ рознесе—розвіе... Що ты мени таке?.. Жинка?.. Сестра?? маты??.. Я тебе всёго двичы чы трычи бачывъ на поли, де ты стрыбала, якъ коза... Чого жъ ты сюды лизешъ? чого ты мишаешся?.. Ты мени выбываешъ очи тымъ, що мени самому не дае спокою, що мое серце одвертае видъ доброго, а пидіймае руку на лыхе? видъ чого я самъ тикаю—та ніякъ не втечу; ховаюся—та не захо-

ваюся,—та все глыбче та глыбче топлю свою голову въ пьяній горилци... Геть соби! згынь»!.. Видъ ёго гучного голосу тинь затремтила; подалася въ гору; выще, выще... Небо загоготало; затріщало—и запалыло огнемъ... Горыть, трищыть, ломытся, падае; крычыть, лементуе, просыть, вси голосы злываются въ одынъ голосъ—у голосъ невыразнои тяжкои туги; скризь чутно—плачъ, лементъ... И все те жере огонь—то своимъ шырокымъ, лютымъ полумьямъ, то своимы гострымы языкамы—лыже... Лызне—и тилькы чорна вуглына писля ёго зачорніе; лызне ще—вуглына побиліе, роспадается на попилъ... И пиднимае ёго въ гору шырока огняна хвыля, и залопотавшы, несе высоко-высоко... Огонь росходывся, розигрався... Уже винъ кругомъ охопывъ Чипку; вже досягавъ своимы довгымы языкамы до ёго тила; цилувавъ ёго выдъ... Гляне Чипка... То жъ не огонь, то людська кровъ хвылямы хвылюе... «О-о-й!» скрыкнувъ винъ—и несамовыто кынувся.

Стоявъ уже вечеръ на двори. Сонце закотылося въ гору червоно-червоно, не мовъ обпылося тои кровы, що була пролыта за день. Село, наморене то бійкою, то дывовыжою, втыхомырылось: нигде ни крыку, ни гуку. Высоки стовпы дыму вылиталы зъ верхивъ у небо высоко-высоко, наче неслы туды людськи слёзы, проклёны, молытвы... У печахъ палало полумья—варылася вечеря; людськи тини снувалы по-узъ ёго—и на хвылыну—другу закрылы ёго собою, немовъ якою запоною. Морозъ дужчавъ; зори гралы; захидъ сонця жеврывъ кровяно-красною зорею... Скочывъ Чипка—и почувъ, що по всихъ ёго жылахъ, у кожній кисточци, якъ блыскавыци, забигалы огняни спычкы; злывшысь у голови до купы, воны рвалы іи огнемъ... Тило въ ёго горило; въ думкахъ сонъ мишався зъ бувальщыною; серце болило, замерало, кыпило невымовнымъ зломъ... Винъ выйшовъ на двиръ—хочъ провитрытысь. Свижый витрець пахнувъ ёму въ гаряче лыце; закрутывъ у носи—ажъ покотылыся зъ очей слёзы... Глянувшы на захидне зарево,—винъ зразу заплющывъ очи; воно ихъ ризало болизно, непрывитно... А на другимъ краи неба, насупроты червонило друге зарево: то сходыло повновыде козацьке сонце.

Чипка выйшовъ посередъ двору, и почавъ обдывлятыся. Кругомъ пусто и глухо! Ставъ винъ ходыты видъ хаты до току, видъ току до хаты. На души важко,—такъ важко, якъ ще николы не було... Боли зъ тила доходылы до серця, доймалы ёго; голова горила; думкы мутылыся: ображалы ёго неправдывою карою, лякалы людськымъ смихомъ... Винъ раднишый бы бувъ просыты, въ ногахъ лазыты, слёзамы молыты,—абы тилькы забуты те, що було! А воно стояло, якъ страховыще, передъ ёго очыма; якъ те марево, минылося въ ёго думкахъ. То учувався ёму глухый, здавленый смихъ; то, мовъ ненарокомъ, гостри, якъ спычкы, жарты въ розмови; то повсякчасне пряме выбывання на очи... Винъ знемогавъ видъ мукы: «Краще бъ я не родывся, або мене забыто,—нижъ отаке терпиты»!..

Душа бажала подилытыся зъ кымъ-небудь своимъ лыхомъ; серце—вылыты накыпили слёзы. Такъ же кругомъ—ни духа! Ламаючы рукы, жалибнымъ поглядомъ подывывся Чипка на захидне зарево, та й посунувся смутный въ хату... И жалко и страшно було дывытыся на ёго сумну постать, що такъ выразно чорнила мижъ двома заревамы свиту—мисячнымъ и захиднымъ. Наче выходець зъ того свиту, мовъ гришна душа, быта своимы тяжкымы переступамы, зибралася каятысь передъ Богомъ,—та не змогла: замисть молытвы, уста шепталы проклёны, перечытуючы свои грихы...

А товарыство—Пацюкъ, Лушня та Матня,—якъ побачыло, що за баталія пиднимается въ Пискахъ,—та мерщій ногы на плечи, та по за хатамы, та по за городамы ажъ у Крутый Яръ, та й засило въ шынку въ свого давнёго знакомого жыда Оврама... Прокружалы цилисенькій день на останни гроши, розсказуючы всякому, хто заходывъ у шынокъ, яке свитопреставленіе скоилось у Пискахъ... Уже смеркло.

— А що, братця, чы не навидатысь намъ у Пискы; що тамъ діется? каже Лушня до товарышивъ.—Чы не закопалы бува нашого Чипка, бо щось винъ тамъ дуже юртувався?.. Тутъ уже тикаты мерщій, колы лыхо; а винъ—кличе рятуваты!..

— Иды ты, колы хочъ,—одказують ёму Пацюкъ та Матня:— мы тутъ зостанемось...

— Ни, ходимъ разомъ,—пидмовляе Лушня:—провидаемо справди Чипку, хочъ винъ чудный собя, а все-такы,—нигде правду диты,—хороша душа, и товарышъ щырый, вже ни за що тебе не выдасть!..

— Я не пиду, хочъ мене рижте,—каже Матня.—Щобъ справди ще москаль спіймавъ, та давъ чосу...

— Та и я зостануся зъ Якымомъ,—туды жъ и Пацюкъ.

Лушня почухався. Винъ знавъ, що теперъ справди въ Пискы иты не безпешно; одначе совисть ёго мучыла, що такъ товарыша кынулы...

— А що жъ ёго казаты,—веде винъ ричъ дали,—колы запытае Чипка: де булы?...

— Що жъ ёму казаты?—одказуе Матня.—Ничого не казаты!.. Що винъ за спросъ?

— Збрешы що небудь, бо справди не гараздъ,—бае Пацюкъ.—И чому мы ёго не взялы зъ собою?.. А теперъ, може, вже и у Пискахъ немае,—москаль узявъ...

Пацюкови жалощи всихъ уразылы: вси мовчалы, нихто ничого...

— Ну, сыдить же вы братця,—трохы згодомъ сказавъ Лушня,— а я пиду, довидаюсь...

Пишовъ. Выхопывся на гору, глянувъ на широке роздолля— и побачывъ Пискы, якъ въ тумани, залыти мисячнымъ свитломъ... Мижъ темную тинню голыхъ вербъ билила бокамы церковка и позырала навкругы своимъ блыскучимъ окомъ—золотою банею зъ хрестомъ; а недалеко видъ церквы, якъ высока гора, чорнивъ панськый палацъ и, здавалося, сердыто поглядавъ на все село. Село ще скризь спало. Де-де блыщало по хатахъ свитло, хочъ и тыхо було: людського гомону не чутно, доносылось тилькы глухе валування собакъ... На двори тыхо, холодно; морозъ скаженивъ и давывъ такъ—ажъ зори плясалы; пидъ ногамы рыпивъ снигъ... Щобъ не змерзнуты, Лушня пишовъ швыдче. Незабаромъ опынывся Лушня коло Чипчынои хаты.

Якъ та пустка, стояла вона сама соби на краи села, облупана, чорна... Тилькы не повыбывати шыбки горилы проты мисяцю: здалека здавалося, що въ хати свитылося... Лушня пидійшовъ блыжче. И темно, и тыхо!.. Идучи поузъ викно, що выходыло прямо на поле, винъ заглянувъ—що тамъ діется?—На полу не выдно никого... Уже винъ хотивъ повернуты по-за хатою до дверей, колы це (уздрылось ёму)—немовъ що промайнуло... Винъ знову прыхылывся до шыбкы, дывывся въ хату. У протывни викна мисяць ажъ бывъ своимъ свитомъ, лягавъ довгымы смугамы черезъ усю хату и ховався ажъ пидъ поломъ... Посередъ хаты, увесь залытый свитомъ, стоявъ на вколюшкахъ Чипка—молывся... Его ясна тинь разъ-по-разъ то згыналася, то выпрямлялася; на очахъ блыщалы слёзы...

— Чипко!—гукнувъ Лушня пидъ викномъ.

Чипка скочывъ, и боязко сховався за пичъ. Лушня зареготався на все горло. Регитъ ёго здоровои грудыны посередъ ночнои тыши, якъ гримъ гоготавъ навкругы, перекочувався, брязчавъ у шыбкы, розлягався по хати... Чипци стало соромно, хочъ кризь землю... Его піймалы на слёзахъ,—винъ плакавъ, якъ мала дытына! А Лушня регоче та й регоче пидъ викнамы—ажъ шыбкы двыгаются...

— Чипко! Чипко! що то ты одмолюешъ слёзамы?—регочучысь, знову Лушня.

Чипка пизнавъ голосъ. Смихъ надъ ёго молытвамы, надъ ёго слёзамы, товарыська зрада, докора—разомъ кынулось ёму въ голову, схопылы за серце..

— Убью!—ажъ сычавъ винъ, та вхопывшы макогинъ, босонижъ зъ хаты...

На счастя, Лушня почувъ тыхый скрыпъ босои ногы, глянувъ—и одскочывъ у бикъ... А Чипка обиручъ поперъ макогономъ прямо.

— Убью!—гукае винъ що сылы, та знову бижыть за макогономъ.

Лушня—дали... Покы доставъ Чипка макогона, Лушня опынывся геть далеко...

— Вонъ, сучый сыну! Щобъ вашъ духъ не смердивъ коло мого двору!—крычыть Чипка на все горло.—Убью, тилькы побачу хочъ зъ далека...

— Чы ты, бува, не здуривъ? чы не збожеволивъ, Чипко?.. Завищо ты насъ лагодышся вбываты?—зупынывшысь такъ, може, за гоны, гукае Лушня.

— Я черезъ васъ сорому набрався, мене черезъ васъ нивечено... Вонъ!.. Товарыша бьють, а вы по шынкахъ гуляете, та ще и сміетесь?.. Це вже не первына... Тоди въ пана, самы завелы, самы и покынулы... А теперъ тута!.. Йе вы товарыши, друзякы?... Собакы, а не товарыши!.. Вонъ!! Та кынувшы макогона объ землю, пишовъ назадъ у хату и засунувъ за собою двери.

Лушня постоявъ-постоявъ, та знову пидійшовъ пидъ викно.

— Чипко!. Чипко!

Чипка лежыть на полу, мовчыть.

— Одже не сердься. . Ось выслухай попереду... Хиба бъ же мы тоби, ты думаешъ, не помоглы?.. Та мы бъ радниши... Мы ото, якъ набачылы тебе, та разомъ и кынулысь по улыцяхъ склыкаты людей... Я побигъ до Сыдора въ кузню молотка взяты... Колы оглянусь—ажъ Петро зъ Якымомъ крычать... Дывлюся—ажъ имъ уже рукы скручують десятныкы, и старшына коло ныхъ... Я мерщій на помичъ, хотивъ обороныты; а воны и мене звьязалы... Подумай: що намъ було робыты?.. Мы и почалы выбрыхуватысь, що буцимъ тикалы зъ ляку... А старшына насъ—у чорну... Оце тилькы недавно выпустывъ. Петро жъ та Якымъ пишлы въ Крутый Яръ, а я оце зайшовъ за тобою... А ты насъ убываты збираешся!—додавшы жалю въ голосъ, закинчывъ Лушня.

— Я вже чувъ таку писню. Я васъ добре знаю!—мотнувшы головою, одказавъ Чипка, спустывшы трохы гниву.

— Та що-жъ ты не вирышъ?... Нехай, я де стою, тамъ и провалюся! Хай мене свята земля прыйме, колы не правда!... прысягався Лушня.

Чипка мовчавъ, не озывався; серце въ ёго одходыло. Винъ думавъ: чы Лушня каже правду, чы бреше?... Лушня брехавъ и боявся пробрехатысь. Винъ чувъ, що Чипка натякнувъ, що ёго

быто; щобъ уже зовсимъ розжалобыты товарыша, винъ давай напираты на це.

— Чы вже бъ мы не радниши—тебе вызволыты?... Хиба намъ не казано, якъ тебе нивечылы?... Та въ насъ серце кровью облывалося. Такъ що-жъ ты будешъ робыты, колы въ заперти?..

— Чомъ же вы не рознеслы чорнои къ бисовои матери?...— уже безъ серця, вступае Чипко въ розмову.

— Эге!... розвалы іи! Колы на насъ трёхъ постановлено сторожу ажъ десять чоловика; та все одынъ другого не выдасть: здорови якъ бугаи, а высоки, якъ верствы.

— Де жъ Петро та Якымъ?—забуваючы, пыта Чипка.—У чорній зосталыся?

— Та кажу жъ—пишлы въ Крутый Яръ погуляты, бо тутъ страшно. А мене оце за тобою послалы.

— Я не пиду!—одрубавъ Чипка.

— Та и я, мабуть, такый, що хай гуляють самы,—скорчывъ Лазаря Лушня.

Чипка не одказавъ ничого. Обыдва помовчалы. Лушня обизвався першый:

— Пусты, будь-ласка, въ хату, хочъ погріюсь, бо такъ змерзъ у тій гаспыдській чорній, що трохи души не вытрясло,— ажъ печинкы пидкыдаются. И почавъ цокотаты зубамы та здрыгуваты, буцимъ справди змерзъ.

Чипка повирывъ Лушни. Стало ёму жаль товарыша. Винъ скочывъ зъ полу, швыденько одсунувъ двери. Лушня увійшовъ въ хату; внисъ за собою макогинъ, що покынувъ Чипка на двори.

— Та и у тебе въ хати,—хочъ вовкивъ гоны!.. прывитався Лушня.—Чы немае горилкы погрıтысь?..

— Чортъ-ма! Лизь на пичь, колы хочъ...

Лушня побрався на пичъ, та не роздягаючысь, лигъ мовчкы. Чипка соби лигъ на полу. Лушня лежавъ та радивъ, що такъ дило обійшлося. Турбувався тилькы про одно: колы бъ перше Чипкы побачытысь зъ Петромъ та Якымомъ, та наструнчыты ихъ, щобъ уже въ одынъ голосъ спивалы. Винъ справди ставъ по-

боюватысь Чипкы... «Колы бъ ще самому въ брехунахъ не остатысь, а то»... думавъ винъ, мовчкы. Чипка соби мовчавъ, хочъ те жъ не спавъ. Передъ ёго очыма куёвдылась денна заверюха, крутылась, выхорылась... Середъ ночи, при мисяцп, пры тяжкимъ боли тила, вси денни прыгоды вставалы передъ нымъ, якъ те страховыще; крутылы ёго, кыдалы то на одынъ бикъ, то на другый; не давалы боли затыхнуты, думци забутыся... Винъ лежавъ, якъ у вогни... Душа млила и болила помстою; серце гукало оддячыты; розумъ пашывъ зломъ...

— Тымохвію!

— Чого?

— Ты не спышъ?

— Нц, не сплю.

Чипка замовкъ..

— Не знаю... чы казаты, чы мовчаты?..—несмилыво знову озвався, перегодя трохы.

— Про що?—кажы!

— У день сёгодня я спавъ... мени прыснылося...

Чипка вымовлявъ кожне слово зъ протягомъ, мовъ нехотя зъ перерывамы: языкъ казавъ одно, а думка впередъ бигла—за другымъ.

— Ну?.. що жъ тоби снылося?..

— Я плакавъ... Я молывся Богови... не помога!

— Та що жъ тамъ таке? кажы!—прыстае Лушня.

— Я довго думавъ... тягъ Чипка слово за словомъ.

— Що жъ ты думавъ?

— Ты бачывъ сёгодни людську неправду?—якось мовъ натужывшысь, выкрыкнувъ Чипка.—Бачывъ?

— Хочъ не бачывъ, то чувъ, розсказувалы,—одмовляе Лушня.

— То Чипка вже не слухавъ тіеи одмовы: слова ёго полылыся, якъ быстра вода, прорывшы греблю.

— Ой!.. дорогою циною заплатять воны за неи! За ти слёзы, за ту кровъ, що сёгодни безневынно пролыто... будуть воны до вику мучытыся, до суду мордуватыся!...

— Кому жъ воны заплатять?—перебывае Лушня.

— Мени!... мени заплатять!—гукае Чипка, пидводячысь на рукы.—Я имъ покажу, що мене страшно займаты! Покы воны мене не займалы, я бувъ до ныхъ, якъ уси люде. А зробылы таке зо мною... стережится жъ теперъ!.. начувайтеся!..

— Що жъ ты зробышъ? Ихъ скилькы, а ты—одынъ.

— Я одынъ? Хиба мало такыхъ, якъ я, якъ ты, та Петро, та Якымъ, безъ хаты-осели, безъ прытулку-прыстановыща?... Хиба трохы тыняется по свиту, де бъ свою голову прыхылыты, де бъ себе прыткнуты?! Що жъ мы?.. Хиба мы не люде, щобъ намъ погыбаты по пыдъ тынню голодною смертю? Хиба бъ и мы не лежалы на перынахъ такъ само, якъ воны, колы бъ у насъ таки достаткы?..

— И мы бъ булы такымы, або ще й кращымы!.. Та лыхо наше, що воны все прыбралы до своихъ рукъ запряглы насъ у плугъ: «оры, мовъ, дурный хлопе! робы на мене! А я лежатыму та йистыму те, що ты наробышъ!»... А колы оце той орачъ, що день у день не вылазыть зъ тяжкои праци, замовывъ тилькы одно слово, що ёму треба йисты, треба й жыты—що дай же мени плату, хочъ за ци останни два рокы, що робывъ на тебе... такъ воны, бачъ, якои заспивалы?.. «Бунтовщыкы!.. розбійныкы!».. За нымы сыла... навелы на насъ москаливъ, былы насъ, нивечылы, знущалыся передъ усимъ свитомъ. Такъ оце правда? Це вона??.. Ни, Тымохвію! Колы такъ... Не даешъ—ласкою: оддасы сылою! Насылаешъ на насъ усяку наволочъ; позорышъ насъ середъ билого дня за те, що мы просымо слёзамы: взываешъ розбышакамы. Колы жъ такъ... темна ничъ покаже,—де мое, де твое!

Лушня слухавъ, духъ прытаившы, боявся поворохнутыся, здыхнуты... зовсимъ оторопивъ.

Винъ зроду не чувъ, щобъ хто казавъ про се, та ще такымъ гучнымъ голосомъ, зъ такымъ страшнымъ завзяттямъ.

А Чипка не вгававъ; винъ зупынывся тилькы перевесты духъ.

— Чы такъ, Тымохвію!

— Такъ, Чипко,—ледве вымовывъ Лушня.

— Одъ сёгодни—шабашъ пыты! годи гуляты!.. Станьмо и мы такымы, якъ люде. Знайдемо роботу, рукъ не позычаты. А про те—свого не забуваймо! И воны такъ роблять. Колы воны вміють пидъ насъ пидйиздыты,—навчымося жъ и мы пидъ ныхъ! Хай знають, нехрысты, де правда! Колы йе вона,—то для всихъ хай буде ривна; колы нема,—то всимъ нема!

— Добре, Чипко! ій-Богу, добре!—обизвався Лушня, такъ ёму подобалась така ривна правда.—Я першый, брате, радый хочъ и сю ничъ затесатысь до пана, та розсказаты ёму—де правда!

— Та не панъ одынъ, Тымохвію,—не винъ одынъ!.. Уси налягли на нашу шыю... всимъ бажается пойиздыты на іи!.. Панъ, якъ панъ: винъ тилькы свое дило знае—панське!.. Колы бъ до насъ старши надъ панамы правдывиши булы... и панъ бы бувъ не той! Воны бъ довидалысь, чого люде страждуть; видъ кого и видъ чого воны терплять; воны бъ прямо сказалы панови: ни, то буде неправда, колы такъ зробымо?.. Такъ же—ни! Панъ—свій братъ. Панъ, бачъ, и прымаже, и замаже, бо въ пана йе, бо винъ наздыравъ зъ людей. А людямъ де взяты?.. Та й то ще не все, Тымохвію! И панъ, и старши—одна бида. Онъ, попы наши! Воны передъ Богомъ за насъ, воны бачать крывду... та й ти ни слова!.. А кому жъ, якъ не имъ першымъ замовыты ёго?.. Жыдъ—и той... и той на насъ!.. обдурюе насъ, обпоюе, вымотуе зъ насъ останне збижжя, яке ще зосталося за душею. Самъ пидведе,—самъ и выдае?.. Уси на насъ, Тымохвію,—вси!.. И свій братъ—багатырь на насъ. И пьяныци мы, и злодіи, и волоцюгы. Якъ ще мы жывемо на свити, Тымохвію?.. Якъ насъ не подушать уси оти праведныкы. Здается, само небо, якъ бы впало на наши плечи,—не було бъ таке тяжке, якъ та неправда, та наруга, котру мы терпымо видъ кожного!.. Не будьмо жъ дурни, колы такъ!.. Оце насъ четверо. Годи, кажу, пыты-гуляты! Що зъ того, що мы пожывылыся въ пана, та въ головы зъ пысаремъ? Жыдъ и забравъ усе те соби; а насъ ще понабывалы. Ни! Станьмо краще такымы людьмы, якъ уси,—прыймемось за роботу, въ день будемо пра-

цюваты... а ничъ матинка—и научыть и скаже де наше лежыть. Добре?

— Добре, Чипко! Зъ завтрёго я самъ стаю на роботу—годи волочытысь! скажу Петрови и Якымови. Будемо гроши заробляты. А я мырюсь зъ матирью, перевожу до себе. Скажуть люде: охацнувся! то й добре. Будуть и гроши. А що то, брате, за сыла гроши? Сказано: золото муръ ламае! Чого тилькы не зробышъ за гроши. Ты думаешъ, мене бъ былы колы бъ я бувъ багатый?.. Чы одняли бъ булы землю въ мене, якъ бы я мавъ гроши?.. Пидсыпавъ бы ярызци пьятдесять карбованцивъ, якъ отой волоцюга. «Не займай моей земли!.. Не одбырай іи въ мене!».. И не занявъ бы. Богъ-зна що зъ мене тоди бъ выйшло. Бувъ бы я, може, доси жонатый; жывъ бы хорошо, тыхо, зъ людьмы въ ладу; годувавъ бы дитокъ, якъ други—отъ якъ Грыцько. Хто--маты... та ридна маты, що тебе на свитъ породыла—и та стала тоби ворогомъ!.. Хиба воно легко то, Тымохвію? А все черезъ ту землю. Хочъ и не въ земли, бачъ, сыла. Ни!.. Земля—такъ соби; земля, та й годи!.. Та черезъ землю я втерявъ свое счастя, свою долю... втерявъ. А колы бъ ты знавъ, колы бъ ты бачывъ, Тымохвію,— що то за людына така?! Ото вона сёгодни мени и снылася. Наче янголь, якъ свята душа, литала вона надъ моею головою.

— Хто?.. не розбыраючы Чипчыного марыва,—пытае Лушня.

— Галя!.. Моя люба... найкраща надъ увесь свитъ.

— Яка Галя?—пытае вдруге Лушня.

Чипка схаменувся.

— Не знаю,—доказавъ, и замовкъ.

Чы не закохався, бува, та й не хвалышся?..—допытуется Лушня.

Чипка не одмовывъ ни слова, тилькы зитхнувъ, здержуючы духъ, щобъ Лушня не почувъ. Довго мовчалы обыдва.

— Що зъ тобою таке: чы ты здужаешъ, Чипко?

— Ничого. Болыть тилькы все. Побылы сучи сыны до жывого тила, якъ печене болыть.

— То ты бъ до знахоркы пишовъ, щобъ масты якои дала, або зилля.

— Загоится и такъ. А слиды хочъ и зостанутся,—то дарма: воны будуть нагадуваты, щобъ часомъ не забувъ.

Довго ще воны мижъ собою балакалы, покы поснулы. А поснулы вже тоди, якъ сталы други пивни крычаты, на темному неби прымеркалы зори,—волосожаръ на пивничній сторони догорявъ и тремтивъ биловастымъ свитомъ, а ясный мисяць почавъ билиты, спускаючысь на супроты за гору.

IX.

Наука не йде до бука.

Мотря та хазяйка іи,—довгопьята баба—ще зъ вечора, передъ тымъ безталаннымъ днемъ, усе чогось кволилы та жалилыся на проклятущый морозъ, що якъ у забій забывъ—день у день. Воны сыдилы на печи—и то померзлы. Бабына онука, дивчына, знай снувала зъ хаты въ сины, а зъ синей въ хату, та напускала холоду. Выдко було, що іи обхопыла якась нетерплячка.

— Чого ты, дочко, рыпаешся дверыма?—спытала іи баба.

Замисть одмовы, дивчына, може и не дослухавшысь, защебетала!

— Уже наши дивчата вулыцю збирають!.. Таки дурни... якый холодъ, а воны спивають, ажъ улыця розлягается. Якъ у ныхъ и роты не позамерзають?

— Та то воны выдно на досвиткы идуть,—обизвалася Мотря зъ печи.

— Ни, такы на вулыцю. Сёгодни и мени Ірыська казала, щобъ и я выйшла.

— Усе теперъ не полюдській!—зитхнувшы одказала Мотря. Яка теперъ, середъ зимы, вулыця? То по литови, та по теплови.

— Та и я, титко, казала Присьци. Сміется, дурна, та одно плеще: выходь, та й выходь!.. Сёгодни до ихъ Байрацьки хлопци прыйдуть, и Коваливъ Васыль прыйде. А той Васыль Коваленко, каже, такый гарный, що по всёму свиту пошукаты... якъ картына.

— То це, мабуть, воны идуть на-зустричъ?—каже баба.—Сказано: молоди... имъ що?—абы погуляты та поспиваты.

— Та й хлопци,—чутно,—спивають, цокоче дивчына. Та такыхъ гарныхъ писень! Наши хлопци такыхъ и не вміють;—мабуть, то байрачане.

Вона полизла зъ рогачемъ у пичъ, засунула горщыкъ, обгорнула жаромъ, накрыла покрышкою. Пиду на двиръ, та послухаю, покы кулишъ закыпыть!—сказала, та й шморгнула зъ хаты.

Мотря зъ бабою, тилькы переглянулысь.

Перегодя трохы, дивчына знову вскочыла въ хату, затупала голымы ногамы, червонымы, якъ у гусака, захукала въ рукы.

— Оце... якый холодъ,—нехай ёму гаспыдъ! Морозъ прямо, що зъ очыма!.. Ху! ху!.. (хухукала въ рукы). А хлопци такои гарнои спивають; а дивчата и соби. Якъ бы не такъ холодно, та не вечеря, то майнула бъ ажъ туды!

— Босонижъ?... озывается Мотря—не то зъ докоромъ, не то зъ радою.

— Ни, взулася бъ.

— Такъ тоби вечери шкоды втеряты?—сміется баба. Отто дивка!

— Ни, не вечери шкода,—тилькы хто жъ іи варытыме!.. Та я такы и не хочу.

— Якъ старець копійкы,—шуткуе баба.

— Ни, не хочу! Бо тамъ десь чутно и бійку,—тилькы: гукъ та гукъ! . Може, то наши парубкы зъ байрацькымы завелыся, щобъ на чужу вулыцю не ходылы?..

— То выдно, крепакы попылыся, та не помырятся!..—угадуе баба.

Мотря важко зитхнула.—Попылыся?...—подумала.—Хто жъ ихъ попоивъ, якъ не винъ?.. Серце въ неи защымило.—Цилый вечиръ була вона смутна: ни цокотання веселои дивчыны, ни бабыни жарты не розважалы іи.

— Чогось мени на души такъ погано, коло серця щось вьется такъ... жаліется баба. И зарани лягла спаты.

Не спытся ій. То думкы, то кашель не дають заснуты. Оце зведе очи, заплющыть—и роскрые: іи верзется пьяне грыще. Перевернется вона на другый бикъ, уткне пыць у подушку свое лыце,—кашель пидступыть пидъ горло, лоскоче, душыть. Вона пиднимется, кашляе, схопывшы голову въ рукы. Сыдыть. Кашель трохы втыхъ, одійшовъ. Думае вона де та смерть забарылася? де вона ходыть?.. Та зъ смерти перенесе іи думка на ёго, на сына... та знову на смерть. На сылу передъ свитомъ заснула И до свита не вставала. Ранкомъ долитало до ихъ хаты нестямни крыкы та гукы. То одклыкалася московська росправа.

— Господы! що тилькы робытся на выгони!—вскочывшы въ хату, замисть прывиту, прокрычала сусида.—Москали сталы кружкомъ, обступылы крепакивъ,—та кожного беруть, та й бьють. Ти крычать, просять, молять. А народу збиглося на ту бійку дывытыся... то и земли важко! А справныкъ, чы якыйсь тамъ старшый, якъ крыкне на людей: «що вы стоите, сяки-таки?.. вонъ отсюда!» Такъ уси и полынулы—хто куды попавъ. Хто прямо шляхомъ; хто черезъ городы,—ажъ тыны трищать, а вопы городамы такъ и чешуть. Сказано: страхъ такый, що Господы!..

— А мого тамъ не бачылы?—несмилыво запытала Мотря.

— Бачыла и вашого... бигавъ тамъ, та людей збиравъ: думка була рятуваты..

— Пьяный?—перебыла баба.

— Богъ ёго знае—чы пьяный, чы ни. Бачыла тилькы, що до кожного прыстававъ: не даймо! заборонимо! Такъ ёго москали якъ запопалы...

— Та й де ёго дилы?..—зъ ляком скрыкнула Мотря.

— Не знаю, не бачыла. Казалы люде, що й ёго лыбонь быто. Та такъ, кажуть, немылосердно, що ажъ кровъ цивкою.

Выдъ Мотрынъ, и безъ того хмурый, ще дужче потемнивъ. Схылыла вона сумно голову; потеклы гирки слёзы зъ жовтыхъ, мутныхъ очей—потеклы по щокахъ, по глыбокыхъ ривчакахъ, що лита та недоля попроорювалы по сухому выду. Баба ще довго роспытувала сусиду; сусида ще довго розсказувала. Мотря вже не чула ничого того. Серце въ неи щемило, болило; голова, якъ

отуманена; за слёзамы вона ничого не бачыла. «Быто... прылюдно, прынародно быто»... думала вона, залываючысь слёзамы. «До горя, до нужды, до мого безголовья—ще и сорому прыбуло... поговору!.. А скилькы ще прыйдется перетерпиты таемныхъ смишокъ та шуточокъ!... Тамъ у чорну вкынулы: кажуть, чоловика вбывъ!.. хочъ и не винъ,—та вже, колы такъ, то винъ! Голову ограбывъ, пысаря. Винъ!.. И людей перепоивъ, на лыхе пидбывъ. Винъ! И все винъ, и усе винъ!.. А теперъ ёго, якъ якого,—просты Господы,—душогуба—прылюдно нивечылы. А воно жъ: ёго тило—мое тило! Ёго бьють,—мени боляче. Та то жъ, кажуть, до жывого тила, до крови!.. Господы! вже якъ на кого узлятся люде,—то до краю вже дойидять, до кинця догрызуть! Що де не зробытся, чого де не выдержуть,—усе винъ, пьяныця, розбышака!.. Та вже колы бъ хотилы помстытыся, колы винъ заслужывъ того,—то хочъ бы не прылюдно, не прынародно!.. А то жъ—кожне бачыло, кожне чуло. «Паны... а души людськои, серця въ ныхъ немае! Имъ, колы простый чоловикъ, то все одно, що товарюка. Лупы, бый ёго прямо рублемъ... не зигнется!.. Боже! Боже! де жъ Твоя правда свята?».. Вона була теперъ сердыта на всихъ людей, на весь мыръ, на ввесь свитъ,—на панство, що іи сына побыло. Хто имъ давъ право іи дытыну безчестыты?... на москаливъ, що такъ немылосердно по кативскій былы; на людей, що не тилькы не оступалыся, не оборонялы,—а дывылыся на те, та сміялыся. У кожній людыни вона бачыла теперъ свого кровного ворога. У цокотанни сусиды вона чула гиркый глумъ надъ іи матерынськымъ жалемъ, надъ іи бидною головою, самый голосъ бабынъ,—старый та покійный, здавався іи потайнымы жартамы надъ нею самою. «Чужи... чужи. Що имъ?.. у ныхъ болыть?.. имъ шкода?!», думала вона, облываючысь гиркымы слёзамы, що такъ и плылы, такъ и лылыся одна за другою. И кляла вона свою долю; проклынала людей, проклынала свою кохану дытыну—свого сына, котрого такъ жалкувала. То бувъ болизный лементъ души, глыбока враза серця—никому невидомо, окримъ матери. Тилькы одна маты вміе разомъ кохаты свою дытыну и ненавыдиты; жалкуваты и проклынаты; бажаты бачыты, чуты—и не дывытыся, не слухаты.

На другый день прокынувся Чипка, якъ уже сонце пидбылося. Оклыкнувъ Лушню. Лушни вже не було. Диждавшы ночы якъ Чипка заснувъ, винъ тыхенько злизъ зъ печи, выйшовъ зъ хаты, та й потягъ прямисинько у Крутый Яръ.

— А що Чипка якъ?—стрилы ёго товарыши.

— Ничого. Жывый! Усе гараздъ. Глядить тилькы: ни слова, де булы. Сказавъ—у чорній сыдилы.

И давай розсказуваты, якъ ёго Чипка трохы не вбывъ,—якъ винъ выбрехався; розсказавъ и про остатню розмову зъ Чипкою; радывъ прыстаты. Пацюкъ одразу згодывся, Матня впырався.

— Стань у службу,—казавъ винъ,—николы и чаркы горилкы выпыты.

Одначе Пацюкъ та Лушня умовылы и ёго прыстаты на Чипчыну раду. Отже винъ згодывся нанятысь не въ кого зъ хазяивъ, а де небудь у жыда на вынныци, або въ бровари. Такъ и зробылы.—Той день перегулялы, а на другый—уси тры пишлы на побыванку до жыда, сталы на вынныци.

Чипка пидождавъ покы геть пидбылося сонечко, одягся въ свытыну и пишовъ до бабы, де жыла маты.

На двори зустривъ винъ бабу.

— Добрыдень, бабо!

— Добрыдень.

— Що маты—у васъ?

— У мене. А що?

— Та ничого. Я до матери, колы можна.

— Иды.—Чого це винъ?.. подумала баба, и страшно ій стало. Вона мерщій въ хату.

— Мотре! Мотре!

— Чого?

— Сынъ иде.

— Мотря не одказала ни слова,—тилькы затрусылася. То морозомъ іи осыпае,—вона биліе; то у жаръ укыне.

— Чого винъ иде?—за Мотрю спытала дивка.

— Не знаю, одказала баба.

А тутъ и Чипка въ хату.

— Добре здоровья—вамъ, бабо, и вамъ, мамо!

— Здоровъ бувъ, Чипко,—одказуе баба.

Мотря одвернулася: слёзы заслалы іи очи.

Уси мовчалы. Чипци стало ніяково. Зомнявъ винъ у рукахъ свою шапку и несмилыво промовывъ:

— Я до васъ, мамо.

Мотря не озывалася. Чипка соби замовкъ. У хати зробылося важко, мовъ стеля нагнитыла.

— Чого ты до мене прыйшовъ?—не швыдко вже, вымовыла Мотря, все такы не глядя на Чипку.

— Прыйшовъ я, мамо, перепросыты васъ. Дурный я тоди бувъ, пьяный... зневажывъ васъ... зобидывъ крипко... за те мене Богъ покаравъ. Простить мени! не гнивайтесь уже на мене!..

Не выдержала Мотря. Слёзы брызнулы зъ переповненыхъ очей и, якъ горохъ, котылыся по выду, падалы на доливку. У души разомъ заговорыла и одрада, и жаль, и докора. Їй любо, одрадно було, що сынъ покорывся, що винъ побачывъ, якого лыха наробывъ соби, черезъ свою дурну голову та ледачу волю, що винъ повынуватывъ себе передъ нею, передъ матирью, котру образывъ такъ. И разомъ уставала передъ нею, чорною хмарою, сынова зневага, давыла, якъ обценькамы, матерыне серце; прохалася вылытысь хочъ у гиркыхъ докорахъ. Мотря, вмываючысь слёзамы, стала ганьбыты сына.

— Теперъ, бачъ, и до матери?!.. теперъ и до неи, якъ нікому пожалиты?.. А якъ тоди—такъ маты сяка и така!.. Чы тоби не соромно? чы тоби не грихъ?.. мене на старисть пустывъ по чужихъ людихъ тынятысь... шматокъ хлиба одъ чужыхъ людей прыйматы... таке про тебе слухаты?.. Що жъ маты—ворогъ твій?.. Маты, якъ маты!.. Вона бъ своеи пучкы вризала, та дала своій дытыни, щобъ ёму було краще? А заразъ у гору; заразъ—сяка-така!.. якъ, теперъ, бачъ А поповчылы,—такъ и матери стало треба!.. Заразъ до неи?.. Що—добра московська наука?.. добра?! Тепереньки и покора де взялася. А тоди... маты слово скаже, а ты десятеро... маты заплаче,—а ты въ бучу!.. А я тоби скажу,

сыну: колы бъ у матери була така сыла, щобъ тебе провчыты, якъ чужи провчылы,—то не скакавъ бы ты, якъ зинське щеня, въ гору,—не дорикавъ бы гиркымы словамы стару матиръ, що надъ тобою довгыхъ ничокъ не досыпляла, одъ свого рота одрывала, та тоби давала!.. не ображавъ бы ты іи серця такъ!..

— Не згадуйте вже того, мамо!.. Простить... забудьте! То було давно колысь. Що жъ пьяный чоловикъ?.. Пьяный—дурный. Сами знаете... не поставыть свичкы, а звалыть!..

Мотря замовкла, втырала рукамы слёзы. Баба и соби додала ганьбы та докоривъ кымъ лыхымъ вчынкамъ. Чипка стоявъ, повисывшы голову, коло порога. Мотря глянула на ёго—и разомъ перевернула свое серце на велыкый жаль.

— Мабуть тебе, сыну, тамъ понивечылы, що и кисткы цилои не оставылы?..—сказала вона, зъ жалемъ, дывлячысь на ёго блидый, болизный выдъ.—Дывысь, якъ на выду спавъ... поблидъ, позеленивъ!..

— Спына, мовъ попечена, болыть,—жаливсь Чипка.—Сказано, былы!..

— Бодай ихъ лыха та несчаслыва годына побыла, якъ воны такъ знущаются надъ людьмы!..

— Чулы мы, Чипко,—вмишалася баба,—чулы, ажъ сюды до насъ крыкы доходылы. Такъ, немовъ мерци зъ домовыны,—тилькы: о-о-охъ!.. о-о-хъ!.. стогналы.

— Воны, мабуть, тебе до жывого побылы?—знову пытае Мотря.

— Та йе всёго.

Мотря скрывылася, мовчала.

— Чы ты жъ хочъ сорочку переминывъ? чы, мабуть, у тебе й сорочкы катъ-ма?—трохы згодомъ, пытае маты.

— Ни, йе... та не переминявъ.

— Чому жъ ты не скынувъ?.. Воно жъ попрыстае, попрысыхае; поздыраешъ—ятрытыметься... гирше буде!

— Прысхне!

— О, бодай тебе!—усмихнулася баба.—Прысхне!! Сидай, чого ты стоишъ!

Чипка сивъ поручъ зъ матирью. Мотря дывылась на ёго, та трохы не плакала. Дивчына, бабына онука, стоячы коло печи спыною до огню, сумно поглядала то на сына, то на матирь, то на свою бабу и кусала ниготь другого пальця на ливій руци.

— Де жъ мы, сыну, жытымемо?—геть уже по розмови, запытуе Мотря.

— Дожывайте вже, мамо, зимы въ бабы; я заплачу, що тамъ баба скажуть.

— Богъ зъ тобою, Чипко, зъ твоею платою! На що мени твоя плата? Хиба Мотря въ мене хату пересыдыть, чы перележыть, якъ перезимуе?.. Хай зимуе. А ты, сыну, розстарайся на гроши, та полагодышъ свою хату, та по зеленій весни, по теплій годыни, и перейдете на нове хазяйство.

— Спасыби вамъ, бабо, за вашу ласку,—дякуе Чипка кланяючысь.—Такъ, мабуть, я оце и зроблю: пиду та й наймуся въ вынныци до весны.

— Не иды ты, сыну,—перебыла ёго Мотря: не наймайся въ жыда-нехрыста!.. Воны твое добро перевелы. Стань краще де въ тикъ, та заробы хлиба. Диждемо весны,—треба щось йисты. А може де поля роздобудемо,—буде чымъ засіяты.

— Добре, мамо. Стану въ току. Тамъ у Крутоярській экономіи, кажуть, багато хлиба зосталося. Казалы, що нимець лыбонь найме: хто хоче—за гроши, а то—зъ коробкы. То я, мабуть, стану теперъ за хлибъ. А тамъ, якъ заробымо,—тоди за гроши.

— Добре... хочъ и такъ зробы, сыну.

Попрощалыся.

Того жъ такы дня, надъ вечиръ, Чипку зибрався и пишовъ у Крутый Яръ. На другый день добувъ десь ципа и молотывъ у клуни, ажъ на сажень летила солома въ гору. Де та сыла и хить узялася!—Такый робитныкъ зъ ёго—золоти рукы! Нимець—и той пидхвалюе Чипку, другымъ на зразокъ ставыть.

— Шипка—карошъ—работай... какъ бидло!..

Эге!.. сміются писчанськи козакы: що то московська наука! Уже и нашъ верховода въ Крутому Яру зъципомъ. Воно такы

дывне дило—лоза!.. А то—Господы, твоя воля! Тамъ у свято пиднялы такый бенькетъ, що и земли важко; а писля святъ—зовсимъ здурилы!..

Чипка не чувъ ничого того, а Мотря, хочъ и чула, та затыкала вуха, проклынаючы панивъ, москаливъ и людей, що смiялыся. Чипка бувъ на роботи. Мотрю въ бабыній хати непосыдячка брала. Що дня вона заходыла въ свою хату. Скилькы вона лыха въ тій хати вытерпила, нужды, холодныхъ та голодныхъ днивъ! Скилькы разъ iй доля зрадыла, iи надiи розмела, розбыла, потопыла въ безодній прырви гиркого жыття!.. Сыдячы въ старій пустци, почне прыгадуваты Мотря все, що тилькы стара памьять у голови задержала. Подумае, пожурытся сама соби, заплаче та й пиде. А на другый день знову телипается. Ажъ нудно iй, якъ вона не провидае якый день своеи хатыны. А въ ночи—тилькы и думкы: колы бъ уже швыдче ця люта зима мынала, снигы талы, поля зеленилы, щобъ можна було коло хаты взятысь, лагодыты та переходыты! Такымы думкамы тилькы й жыла.

Отъ уже и масныця. Сонце геть высоко пиднимается; грае на весну красну; грiе—вже волови и пивбока нагрiе, якъ кажуть люде. Снигъ мнякшае, лидъ дирчавiе, чорнiе; коло хаты вже поодтавало; дитвора высыпала зъ хаты на прысьпу, проты сонця зъ козачкамы грается. Весною дыше. Крепакы ради таки, що диждалы весны,—першои вильнои весны, що годи на панивъ робыты.

— До шынку, братця, за волю!.. за волю!..—гукалы воны, прямуючы въ шынокъ.

Одгулялы масныцю. А тутъ посереднык прыйизжае, уставну вводыты, землю надиляе. Крепакы перелякалыся, щобъ зъ землею часомъ не надилывъ винъ ще чымъ... другою не волею!.. Де-хто тыхенько миркуе, що земля ця и йе друга неволя, що паны за неи плату братымуть, на панщыну гнатымуть.

— Не хочемо земли!.. не треба!.. До слушного часу!—гуде громада, сподиваючысь того слушного часу, покы землю вернуть iй даромъ, безъ грошей. Воны думалы, що царь волю давъ—и

землю подарувавъ; а то вже сами паны выдумалы якусь плату. «Та вже такы колысь правда зверху буде!» думалы воны—и сталы дожыдаты «слушного часу». Пиднялася знову буча та колотнеча. Не въ одныхъ Пыскахъ,—гукалы про той слушный часъ скризь по Вкраини, по всихъ хуторахъ, селахъ. Одгукувався крыкъ той по повитовыхъ городахъ. Сказано, всюды, де тилькы темный, помученый крепакъ, котрого цили викы нихто не пытався ни-чого, котрый бувъ воломъ, що переорювавъ панськи ланы та засивавъ на панськый прыбутокъ,—скынувъ зъ себе панськый ланцюгъ, дыхнувъ волею.

Чипци теперъ николы дослухатысь до всёго того. Вкупи зъ матирью винъ день-у-день порается коло хаты. Роскрывъ іи, оббывъ зъ окола и зъ середыны; трухляве дерево выкыдае, нове вставляе—циле; нови кроквы становыть; околотомъ вшывае. Мотря зъ мазальныцямы вовтузытся. Ихъ смихы та писни зъ самого раннёго ранку розбуркують село, розносятся на вси Пискы. До Паскы вже стояла хата, якъ та чепурна дивчына: ривна, высока, та била-била, якъ снигъ. И можна було бачыты,—якъ кожного ранку и вечора выходыла зъ неи старенька жинка, трохы згорблена, зъ веселымъ поглядомъ у очихъ. Хутко вона бигла до ожереду соломы, що стоявъ на вгороди; хутко набирала повне рядно, и несла черезъ сылу въ хату. То була Мотря. Ажъ помолодчала вона, якъ перебралася въ свою хату, на нове хазяйство. Чипка соби прынявся за ёго, ажъ чупрына мокра. День-у-день тоби, якъ у окропи кыпыть. Полагодывъ хату—давай погрибъ обчыщаты та оброблюваты; новою лисою усадьбу оплитаты; дощани ворота майструваты. Объ Мыколаи на ярмарци овечатъ купывъ. Треба кудысь загоныты Прынявся за кошару.

Настала косовыця. За отамана ходыть! Прыдбавъ щось копыць зъ пьятнадцять сина. Отъ пополовилы жыта, часъ уже й жаты. Сталы жныва—и серпомъ, якъ косою. Тилькы пагынается высоке жыто, колосыста пшеныця пидъ ёго рукою; а тамъ глянь уже зъ-заду и снипъ лежыть, товстый, та чепурный.

Радіе Мотря; хвалытся людямъ,—не нахвалытся своимъ сыномъ.

— Отъ дуривъ-дуривъ,—та такы и избигъ на свою стежку! Теперъ ёго лыхый не визьме! пиде соби жыты... Шкода тилькы, що не женытся, чого доброго розволочытся, розледачіе!

Такъ казалы люде! И все не одна стара маты, маючы дочку на пори, нышкомъ соби думае иноди про Чипку, а зустрине,— витае гарazденько. Не одна и дивчына зачипае ёго своимы любымы жартамы. Та глухый и нимый Чипка, якъ до витання матинкы, такъ и до жартивъ донькы. У ёго щось инче на уми, друге на серци. Иноди середъ роботы, зложывшы рукы, винъ задумается—загадается... «Ну, що зъ того?» забувшысь, спытае самъ себе,—та мовъ перелякавшысь свого голосу, зновъ за роботу...

Тымъ часомъ усячына въ ныхъ прыбувае та прыбувае... Мынулы й жныва. На двори осинню пахне. Стало людямъ вильнище.

Упьять пиднялась колотнеча... Зъ крепакивъ правылы выкупни. Крепакы не хотилы платыты. Давай ихъ худибчыну цинуваты та спродуваты. Купывъ Чипка въ одного корову; хотивъ ще коня завесты,—та не знайшовъ до вподобы...

Яке жыття, таке и товарыство. Зажывъ теперъ Чипка зъ Грыцькомъ душа въ душу. У двохъ часомъ на роботу идуть, у двохъ и до дому вертаются.—Пидъ недилю—або Чипка въ Грыцька зъ матирью, або Грыцько въ Чипкы зъ Хрыстею. Забувъ Грыцько и про той вихоть, що Чипка бувъ кынувъ... Та чы до того теперъ Хрысти, колы въ неи мала дытынка на рукахъ?..

Хрыстя вподобала Мотрю.—Вона така добра, така добра, якъ ридна маты!—хвалытся чоловикови. И часто Хрыстя, пидъ свято прыходыть до Мотри побалакаты, розважытысь. Мотря и соби навидувала не вряды-годы Хрыстю. Якъ же тій треба було на цилый день выходыты на роботу зъ дому, Мотря доглядала іи сына Васылька.

— Чому вы, матусю, свого Чипкы не оженыте?—разъ запытала Хрыстя Мотри.

— Хиба жъ я, дочко, не оженыла-бъ ёго? Казала скилькы, не хоче!

— Выдно въ ёго хтось на думци йе, та, мабуть, не посміе сказаты.

— Хто ёго знае. Не каже. А мени вже обрыдло на ёго бурлацьке жыття дывытысь! Що ёму, то ёму—жинка розважыла бъ... А то такы и мени. Вже стара, пидтопталася,—все бъ такы невистка переминыла. Казала ёму,—вказувала на васъ... «Онъ, кажу, бачъ, побралыся люде, та й жывуть счаслыво. Чому бъ тоби не одружытысь?..» Такъ и слухаты не хоче... Мотря важко зитхнула.

— И чому я теперъ, матусю, не дивка,—сміется Хрыстя.— Отъ бы вашому сынови и пара була!...

— И, вже, дочко! Ёму, мабуть, ніяка жинка не вгодыть, тымъ винъ и не женытся.

Грыцько и соби разъ, побачывшы сумного Чипку, обизвався:

— Чому ты, Чипко, не одружышся?

— Хиба воно краще?

— А вже жъ краще. Жинка прывитае, порадыть, розважыть...

— Кый бисъ!—глухо одмовывъ Чипка та засумувавъ ще дужче.

Винъ бачывъ самъ усе те добре. Винъ бачывъ Грыцькове счастя... Та воно ёго не грило, а ще дужче жалю завдавало. Винъ де-дали робывся все смутнишый, та смутнишый; ставъ часто пропадаты на цилу ничъ...

Жде Мотря, не диждется... «Мабуть пишовъ кудысь погуляты,—та щобъ мои очи не бачылы, и уха не чулы... Сказано: парубокъ!.. А може назнавъ кого...» Подумае вона такъ сама соби; поголубыть у серци надію—и безпешно лягае спаты. Не пытае и Чипку. Разъ зважылась. Прыйшовъ Чипка вже свитомъ, зовсимъ розвыднилось. Сумный, блидый, гризный...

— Де ты, сыну, ходышъ?—пытае Мотря, глядячы на ёго.

— Тамъ немае, де бувъ!—понуро одказавъ Чипка, и выйшовъ зъ хаты по хазяйству...

Мотря тилькы плечыма здвыгнула,—«Чы не зъ повійныцею бува якою спизнався,—та соромно прызнаватысь?»...

А кругомъ Писокъ тилькы й чуткы, що про лыхи вчынкы... Тамъ у Крутому Яру нимця—вправытеля пидголено; тамъ на Побыванци жыда, якъ лыпку, обидрано; тамъ до пана въ Красногирци добывалося—та одигналы; въ Байрацькимъ лиси знайшлы биля дерева до купы звьязаныхъ ченця зъ черныцею—и щось багато грошей не доличуются; а отъ—у Розбышакивци церкву обикрадено... Гоготыть про все це чутка, гуде, якъ у дзвоны дзвонять, и далеко-далеко навкругы росходытся... Скризь пиднявся струсъ; коженъ, лягаючы, просывъ Бога, щобъ цилому встаты.

— Ну, та и лита жъ теперъ насталы!—балакають стари люде.—Мабуть, уже незабаромъ кинець вику... Не даромъ таке на свити коится. Чому за наши молоди годы цёго не було? Чого батькы, диды и прадиды ничого про таке не розсказувалы?.. Тоди татарва була, палыла города, села, людей ризала, въ полонъ полоныла, на ясыръ гнала... А теперъ?!.. Опъ, церквы крадуть!.. Хто?—татаре?!.. Де се воно выдано? Та и мижъ ридными розладья пишло?.. Сынъ на батька руку здіймае; дочка матери ухомъ не веде; братъ на брата встае, сестра зъ сестрою ворогуе; жинка на чоловика отруту готуе... Уси—якъ подурилы, якъ показылыся! А халамыдныкивъ, повійныць—скилькы!.. А покрытокъ та дивчатъ абы якыхъ!!.. Колысь—якъ бы выйшла замижъ така, то одынъ бы поговиръ не давъ вику дожыты... А теперъ, дочка зъ москалемъ спыть, а маты кожухомъ прыкрывае... О-о-хъ, Господы! якъ ще ты терпышъ насъ на свити?

Панасъ Мырный та Иванъ Билыкъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Святитель Θеодосій Углицкій, архіепископъ Черниговскій [1]).

Родиной преосвященнаго Θеодосія Углицкаго была правая сторона р. Днѣпра, но, судя по изобилію польскихъ оборотовъ и словъ въ его письмѣ къ Забѣлѣ, можно полагать, что родиной его была собственно не Украина, а близкая къ ней часть подольской губерніи. Сохранившееся въ м. Улановкѣ преданіе называетъ эту мѣстность родиной св. Θеодосія. И подтвержденіе этому находится въ одномъ изъ его писемъ къ племяннику Василію Полонецкому, въ которомъ, сообщая о его родныхъ, прибывшихъ въ 1695 г. въ Черниговъ къ свадьбѣ, онъ прибавляетъ въ концѣ: «Изъ Улановки еще ничего не бывало, но о томъ небезпокойтесь». Въ Помянникѣ Кіево-Выдубицкаго монастыря сохранилась запись его рода, сдѣланная, вѣроятно, имъ самимъ въ бытность настоятелемъ сего монастыря. Въ этой записи значатся слѣдующія имена: Іерей Никита, Марія, Потапій, Созонтъ, Домникія, Михаилъ, Германъ, Григорій, Евдокія, Петръ, Февронія, Агаθія, Василій, Параскева, Анна, Іоаннъ, Іоаннъ, Евдокія, Филиппъ, Анна, Анна, іерей Евстаθій, Исаакій, іерей Іоаннъ, Пелагія, Θеодоръ, іеромонахъ Прохоръ, іеромонахъ Іоанникій, іерей Николай, Дометіанъ, Екатерина, Θома, Магдалина, Стефанъ, Тихонъ, Несторъ, Марія, Анастасія, Христофоръ, Меланія, Іоакимъ,

1) Настоящій очеркъ составленъ покойнымъ сотрудникомъ нашего журнала, протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ, черновая рукопись котораго обработана священникомъ І. Гордіевскимъ.

Ѳеодоръ, Ѳеодоръ, Анна, Екатерина, Іоаннъ, всего 47 именъ. Черниговскіе описатели жизни святителя Ѳеодосія считаютъ его родителями іерея Никиту и Марію, имена которыхъ стоятъ въ началѣ записи его рода; но запись могла начинаться также, и весьма естественно, именами дѣда или же прадѣда, какъ это встрѣчается въ записяхъ иныхъ древнихъ родовъ. Родственниками же святителя Ѳеодосія несомнѣнно были: 1., Іоаннъ Углицкій, протопопъ кіевскій, подписавшійся, въ числѣ духовныхъ лицъ, подъ актомъ избранія генеральнаго есаула Ивана Мазепы въ гетманы, бывшемъ 25 іюля 1687 года, на радѣ у р. Коломака, въ каковомъ актѣ имѣется подпись и самого Ѳеодосія Углицкаго, тогда игумена Кіево-Выдубицкаго монастыря. 2., іеромонахъ того же Выдубицкаго монастыря Іоаникій Углицкій, и 3., Василій Полонецкій. Можно полагать, что первые два, вѣроятно, были братьями преосвященнаго Ѳеодосія, родными или двоюродными. Василій Полонецкій, родной его племянникъ, сынъ сестры, который, по его собственному показанію, вышелъ съ нимъ изъ Польши, т. е. изъ западной Малороссіи, съ 1667 по 1793 годъ остававшейся еще за Польшею. Іоаннъ Углицкій вѣроятно былъ протопопомъ Кіево-Подольскаго Успенскаго собора, такъ какъ въ это время званіе протопопа кіевскаго соединялось съ должностію настоятеля этого собора, а другихъ личныхъ протопоповъ тогда не было. Принадлежность рода Углицкихъ къ дворянству неизвѣстна, а только гадательна въ виду герба на его портретѣ; но гербы въ то время старались имѣть всѣ вельможныя лица, въ томъ числѣ и православные архіереи, при томъ въ гербѣ преосвященнаго Ѳеодосія, кромѣ пламенѣющаго сердца, невидно никакихъ геральдическихъ знаковъ. О домашней обстановкѣ и жизни родителей святителя Ѳеодосія нѣтъ свѣдѣній. Въ слѣдъ за Ѳеодосіемъ Углицкимъ, а можетъ быть и раньше его, прибыла въ Кіевъ и вся семья его, въ которой могъ оставить своего племянника на воспитаніе, избравши для себя монашескую жизнь. Переселеніе Углицкихъ въ Кіевъ можно объяснить политическимъ разстройствомъ края, начавшимся съ открытіемъ народной войны съ притѣснителями русской народности и православной церкви.

Изъ родственниковъ святителя Өеодосія въ 1695 году еще были въ живыхъ въ Кіевѣ: его сестра, мать Василія Полонецкаго, и его, Полонецкаго, бабушка по матери или по отцу. Если бабушка по матери, то это была-бы мать самого Өеодосія. Обѣ онѣ въ этомъ году пріѣзжали въ Черниговъ, чтобы участвовать въ празднованіи бракосочетанія своего ближайшаго родственника, который въ 1679 году былъ уже значнымъ бунчуковымъ товарищемъ. Сообщая о прибытіи въ Черниговъ его родныхъ, матери и бабушки, святитель упоминаетъ о невѣжливости его будущаго тестя, который, бывши въ Кіевѣ, не посѣтилъ никого изъ родныхъ Углицкихъ и обошелся грубо при встрѣчѣ съ Корецкимъ, ихъ родственникомъ. Началъ свое образованіе Өеодосій Углицкій въ училищѣ Кіево-Братскаго монастыря при ректорѣ Иннокентіи Гизелѣ (1648—1650 г.), а кончилъ при ректорѣ Лазарѣ Барановичѣ (1650—1657 г.). Можно гадать, что это было въ 1655 г., такъ какъ изъ Братскаго училища тогда выходили питомцы въ возрастѣ не менѣе 25 лѣтъ. По окончаніи образованія онъ отправился изъ Кіева на свою родину, но потомъ возвратился съ племянникомъ своимъ Василіемъ Полонецкимъ въ Кіевъ и, опредѣливши его въ Братское училище, по расположенности къ иночеству принялъ постриженіе въ Печерскомъ монастырѣ при Иннокентіи Гизелѣ. Образованіе, соединенное съ смиреніемъ, строгая подвижническая жизнь, сановитость въ соединеніи съ пріятнымъ голосомъ, обратили на него особое вниманіе,—вслѣдствіе чего въ 1658 г. послѣдовало перемѣщеніе его въ Софійскій каѳедральный монастырь на должность архидіакона, съ которою тогда соединялась важная обязанность правителя административныхъ дѣлъ при митрополичьей каѳедрѣ. Вслѣдъ за симъ былъ намѣстникомъ митрополичьяго каѳедральнаго дома по удаленіи митрополита Діонисія Балабана изъ Кіева, потомъ поступилъ въ Крупицкій монастырь близь Батурина, гдѣ посвященъ былъ въ санъ іеромонаха, а отсюда перешелъ въ Кіево-Кирилловскій монастырь, гдѣ, послѣ ректорства былъ игуменомъ Лазарь Барановичъ; здѣсь то собственно и научился Өеодосій покорности у покорнаго «барана», по выраженію самого Барановича, назвавшаго его въ

одномъ изъ писемъ «овцею Христова стада». Въ декабрѣ 1662 г. Ѳеодосій назначенъ игуменомъ Корсунскаго монастыря (каневскаго у., кіевской губ.) при постриженіи Юрія Хмельницкаго въ монахи Діонисіемъ Балабаномъ. Фундаторемъ новаго Корсунскаго монастыря, по словамъ универсала Мазепы, былъ генеральный судья, бывшій при Богданѣ Хмѣльницкомъ, Григорій Гуляницкій, по имени котораго монастырь сей до конца 18 столѣтія назывался Корсунскимъ-Гуляницкимъ. По преданію, на мѣстѣ этого монастыря, до его основанія, была пасѣка Гуляницкаго, служившая любимымъ его мѣстопребываніемъ. Но изъ того же универсала Мазепы видно, что монастырь въ Корсунѣ существовалъ и раньше этого времени, такъ какъ въ немъ говорится, что Корсунскому монастырю даны были гетманомъ Сагайдачнымъ (†1622 г.) разныя угодья близь с. Шендеровки, каневскаго у. Вѣроятно, первоначально монастырь былъ въ самомъ Корсунѣ, именно на островѣ, который нынѣ занятъ дворцомъ и садомъ князя Лопухина. Дворецъ этотъ сооруженъ княземъ Понятовскимъ, племянникомъ польскаго короля Станислава Понятовскаго, и по свидѣтельству 100-лѣтняго старика, умершаго за 36 лѣтъ предъ симъ, который помнилъ еще закладку Понятовскимъ дворца, здѣсь были отрываемы разныя церковныя вещи и былъ найденъ гробъ священника или другого духовнаго лица, какъ можно было судить по остаткамъ облаченій и находившейся при склепѣ кадильницѣ.

Въ 1664 г. Ѳеодосій Углицкій назначенъ игуменомъ Выдубицкаго монастыря. Въ концѣ 1660 г. настоятелемъ Кіево-Выдубицкаго монастыря былъ игуменъ Климентъ Оксеновичъ Старушичъ, какъ можно видѣть изъ надписи на одномъ изъ монастырскихъ евангелій, данныхъ миргородскимъ полковникомъ Григоріемъ Лѣсницкимъ. Ѳеодосій Углицкій по документамъ монастырскимъ становится извѣстнымъ въ Выдубицкомъ монастырѣ съ 1667 года. При немъ гетманъ П. Дорошенко далъ Выдубицкому монастырю село Лѣсники, а гетманъ Юрій Хмѣльницкій, по просьбѣ Ѳеодосія, далъ «скудости ради монастыря» двѣ мельницы на р. Деснѣ вблизи Свинаедъ и Рожновъ. Онъ же пріобрѣлъ на По-

долѣ, въ Спасскомъ приходѣ, «пляцъ съ будынкомъ» отъ пани Пелагеи Войничевой. Въ 1680 г. Ѳеодосій основалъ въ Мозырщинѣ на принадлежащемъ Выдубицкому монастырю островѣ, Скитокъ, поручивши его въ качествѣ своего намѣстника честному іеромонаху Іонѣ Опалинскому съ островомъ «Селецъ», съ полями и сѣножатями, лѣсомъ и боромъ. Въ 1686 г. онъ испросилъ у государей Іоанна и Петра Алексѣевичей дозволеніе черезъ каждыя 5 лѣтъ присылать въ Москву 3 или 4 человѣкъ съ челобитьемъ о милостыни, въ 1685 г.; вмѣстѣ съ переяславскимъ игуменомъ Іеронимомъ (Дубиною) былъ посланъ въ Москву съ челобитьемъ объ утвержденіи бывшаго луцкаго епископа, князя Гедеона Четвертинскаго, митрополитомъ кіевскимъ, согласно состоявшемуся избранію; въ 1687 г. перемѣщенъ Лазаремъ Барановичемъ изъ Выдубицкаго монастыря въ Черниговскій Елецкій монастырь, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Затѣмъ архіепископъ Черниговскій Лазарь Барановичъ сдалъ ему на руки и дѣла своей епархіи. Въ 1692 г. 13 сент. Ѳеодосій посвященъ въ архіепископа Черниговскаго, 5 февраля 1696 г. скончался. Нетлѣніе мощей святителя Ѳеодосія извѣстно было еще въ 1771 году.

Есть преданіе, что Ѳеодосій Углицкій, до поступленія въ монашество, состоялъ нѣкоторое время въ военной службѣ [1]). Преданіе это довольно вѣроятно и подтвержденіемъ можетъ служить то, что въ войнѣ Хмѣльницкаго съ поляками, начавшейся ко времени окончанія Ѳеодосіемъ Углицкимъ курса ученія, приняла участіе значительная часть воспитанниковъ кіевской академіи, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ классахъ прекращено было ученіе. Улановское преданіе сообщаетъ извѣстіе, что вмѣстѣ съ Ѳеодосіемъ былъ въ военной службѣ, т. е. въ козацкомъ ополченіи и родной братъ его Евстаѳій, котораго имя съ званіемъ іерея имѣется въ синодикѣ Выдубицкаго монастыря въ числѣ именъ рода Углицкихъ. Вѣроятно оба они вступили въ козацкіе ряды послѣ Зборовскаго мира и предъ выступленіемъ козацкихъ полковъ вновь на войну противъ польскихъ отрядовъ, поднявшихся

---

[1]) Домашняя Бесѣда 1859 г. № 41.

подъ предводительствомъ самого короля. Несчастное пораженіе Богдана Хмѣльницкаго подъ Берестечкомъ вслѣдствіе измѣны Крымскаго хана, окончившееся Бѣлоцерковскимъ миромъ и заставивши Хмѣльницкаго ускорить просьбу о принятіи Малороссіи въ подданство православнаго царя, охладило военный пылъ спудеевъ и направило путь Өеодосія къ Кіеву и за Днѣпръ къ Батурину.

Чтобы судить о трудности служенія Өеодосія Углицкаго въ первоначальныхъ его должностяхъ, нужно принять во вниманіе современное политическое положеніе Малороссіи и Кіева, а также положеніе тогдашней южно-русской іерархіи. Предъ присоединеніемъ Малороссіи къ Московскому государству Кіевская митрополія заключала въ себѣ не одну Малороссію по обѣ стороны Днѣпра, но также Волынь, восточную Галицію, Холмщину, Бѣлоруссію и Литву, несмотря на значительныя совращенія православнаго населенія этого въ унію, кіевскому митрополиту подчинены были и оставшіеся тогда въ предѣлахъ Польши епископы: Черниговскій, Луцкій, Львовскій, Перемысльскій, Холмскій, Могилевскій и Мстиславскій въ Бѣлоруссіи, съ значительнымъ числомъ монастырей въ этихъ епархіяхъ и Литвѣ, которая причислялась къ составу собственной митрополичьей епархіи. Въ предѣлахъ Польши находилась и большая часть земельныхъ угодій, принадлежавшихъ Кіево-печерской лаврѣ, Софійской митрополичьей каѳедрѣ и православнымъ монастырямъ. Въ числѣ митрополичьихъ бояръ и слугъ при Софійской митрополичьей каѳедрѣ было довольно лицъ, считавшихся подданными Польши. И вотъ половина этой митрополіи въ 1654 г., заключавшая въ себѣ Малороссію, отдѣлилась отъ Польши и приняла подданство московскому царю. Кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ очутился тогда духовнымъ владыкою надъ подданными двухъ государей—московскаго царя, которому присягнулъ онъ съ Кіевомъ и всей Малороссіею и польскаго короля, подъ властію коего осталась большая часть его митрополіи на Волыни, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Но оставаясь вѣрноподданнымъ православнаго государя, митрополитъ не могъ въ интересахъ самой православной церкви

отрѣшиться отъ всякаго союза съ властями польскими. Къ сожалѣнію, московскіе воеводы, поставленные въ Кіевѣ и надзиравшіе за состояніемъ края въ политическомъ отношеніи, не всегда принимали во вниманіе необходимость, чтобы Кіевскій митрополитъ оставался въ миролюбивыхъ отношеніяхъ съ иноземными и иновѣрными властями. Отсюда у московскихъ властей возникли подозрѣнія противъ кіевскаго митрополита и ближайшихъ его сотрудниковъ и обвиненія въ шаткости ихъ и невѣрности православному государю. Съ другой стороны, не вдругъ послѣ присоединенія Малороссіи къ Московскому государству могли установиться и надлежащія отношенія малороссійскаго гетмана и его старшины къ московскому правительству. Такъ, въ самомъ началѣ возсоединенія воеводы потребовали, чтобы всѣ—митрополитъ и Печерскаго монастыря слуги были присланы для приведенія къ присягѣ на подданство московскому царю, хотя бы они были подданными Польши. Такъ почти на другой день, по приведеніи кіевлянъ къ присягѣ московскому царю, они потребовали, чтобы митрополитъ отдалъ всю Софійскую гору подъ имѣющую строиться въ Кіевѣ крѣпость, и для поселенія рейтаровъ съ ихъ женами и дѣтьми, не имѣя царскаго на то распоряженія. Само собою возникли съ обѣихъ сторонъ недоразумѣнія и подозрѣнія. Къ несчастію, спустя три года по присоединеніи Малороссіи къ Россіи, въ 1657 г. 27 іюня скончался виновникъ этого возсоединенія, гетманъ Богданъ Хмѣльницкій, а временный преемникъ власти и опекунъ его несовершеннолѣтняго сына, Иванъ Выговскій задумалъ измѣнить московскому царю и возвратить Малороссію въ подданство Польшѣ. Въ августѣ 1657 г. онъ еще клялся въ вѣрности царю предъ его посланникомъ, и въ тоже время его войско, подъ начальствомъ Данила Выговскаго, сдѣлало открытое нападеніе на Кіевъ съ цѣлію овладѣть имъ, а 6 сентября на съѣздѣ Выговскаго съ полякомъ Беневскимъ въ г. Гадячѣ, постановлены уже условія, на которыхъ Запорожское войско опять отдалось во власть Польшѣ. Къ довершенію бѣдствія возникшая въ тоже время въ Литвѣ война царя съ Польшею изъ-за Малороссіи пошла неблагопріятно для успѣха московскаго оружія, почему не могли

принять надлежащихъ мѣръ для удержанія Малороссіи отъ послѣдствій измѣны Выговскаго, ограничившись признаніемъ гетманомъ Безпалаго, выбраннаго на время въ ноябрѣ вѣрными царю козаками. Послѣ двухлѣтней борьбы вѣрныхъ царю козаковъ, наконецъ въ январѣ 1659 г. двинулся изъ Москвы князь Трубецкой съ 150,000 войскомъ, чтобы положить конецъ волненіямъ въ Малороссіи, склонивъ Выговскаго на сторону царя, хотя-бы со всевозможными уступками въ пользу его и его сторонниковъ; но 28 іюня Выговскій, искуснымъ маневромъ вызвавши московское войско изъ Конотопа, съ помощію крымскаго хана разгромилъ московское войско. Юрій Хмѣльницкій соединился съ шуриномъ своимъ Даниломъ Выговскимъ, къ нимъ присоединились полки правой стороны Днѣпра, отобрали булаву у Выговскаго Ивана и, провозгласивъ гетманомъ Юрія Хмѣльницкаго, обѣщали быть подъ рукою великаго государя неотступно; 20 окт. и гетманъ съ старшинами вновь присягнули на вѣрность царю, но вѣрность эта была непродолжительна. Юрій Хмѣльницкій, хотя въ концѣ августа 1660 г. выступилъ въ походъ противъ Польши къ Львову по особымъ направленіямъ, но узнавъ о пораженіи отряда Шереметьева подъ Чудновымъ и сбитый рѣчами Ивана Выговскаго о гибели московскаго войска въ Литвѣ, онъ явился въ польскій станъ и присягнулъ польскому королю. Шереметьевъ 23 окт., вынужденъ былъ подписать условія мира, по которому царскія войска должны были очистить Кіевъ, Переяславъ, Нѣжинъ и Черниговъ. Войско сдалось, козаки присоединились за Хмѣльницкимъ къ полякамъ, Шереметьевъ плѣнникомъ уведенъ въ Крымъ; вся правая сторона 11-го ноября 1660 г. присягала въ Корсунѣ польскому королю, а черная рада подтвердила избраніе Юрія Хмѣльницкаго гетманомъ съ придачею къ нему Павла Тетери въ званіи писаря, въ руководители. Оставалась еще за Россіею лѣвая сторона Днѣпра, но здѣсь возникла борьба между самыми преданными царю начальными малороссійскими людьми—наказнымъ гетманомъ, дядей Юрія Хмѣльницкаго, Самкомъ, Золотаренкомъ и Брюховецкимъ изъ-за соперничества, кому быть гетманомъ, окончившаяся въ 1661 г. торжествомъ

Брюховецкаго и казнію въ Борзнѣ 18 сент. Самка и Золотаренка съ 6-ю начальными людьми, а прочіе 10 въ оковахъ отправлены въ Москву по подозрѣнію въ измѣнѣ. Въ концѣ 1662 г. Юрій Хмѣльницкій отказался вновь отъ гетманской булавы и постригся въ Корсунскомъ монастырѣ въ монахи, а на его мѣсто гетманомъ избранъ Павелъ Тетеря.

Послѣ военныхъ неудачъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи съ 1661 г., царь Алексѣй Михайловичъ наконецъ искалъ мира съ Польшей, которая лишила его польской короны. Король Янъ Казимиръ въ 1663 г., двинулся отбирать Украину, переправился черезъ Днѣпръ и уже 13 городовъ сдались ему, но потерпѣвъ неудачу подъ Глуховымъ, отошелъ за Десну. Неуспѣхъ короля и успѣхи козаковъ въ пользу Москвы на западной сторонѣ Днѣпра въ Уманскомъ и Брацлавскомъ полкахъ, гдѣ дѣйствовалъ Сѣрко съ запорожцами, подали поводъ митрополиту Іосифу Тукальскому и бывшему гетману Ивану Выговскому вытѣснить поляковъ изъ Украины и поднять возстаніе за царя; но начальникъ польскаго отряда Маховскій, узнавъ о ихъ замыслѣ, захватилъ Выговскаго и послѣ военнаго суда въ мартѣ 1664 г. разстрѣлялъ его въ Корсунѣ, а митрополитъ Іосифъ Тукальскій и монахъ Гедеонъ Хмѣльницкій схвачены Чарнецкимъ и увезены въ Маріенбургскую крѣпость, въ которой просидѣли два года. Раздвоеніе Малороссіи, взаимныя войны и опустошенія продолжались и послѣ сего Брюховецкимъ, съ одной стороны, а Тетерею, съ другой, польской, еще два года (1665 и 66 г.), пока не поразилъ всю Малороссію Андрусовскій договоръ московскаго правительства съ Польшею, по которому Украина, или вся правая сторона Малороссіи, отходила опять во власть Польши, за исключеніемъ Кіева и его ближайшихъ окрестностей по р. Стугну. Отчаяніе овладѣло тогда всѣмъ козачествомъ при мысли, что напрасно они жертвовали жизнію и имуществомъ, чтобы оторваться изъ подъ гнета Польши, что опять начнутся гоненія за вѣру православную, неволя и казни за прошедшія войны, окончившіяся такъ печально. Не достигши гетманской власти надъ обоими половинами Малороссіи и видя, что собственными силами не избавиться ей отъ подчиненія Польшѣ, Дорошенко,

вмѣстѣ съ возвратившимся изъ польскаго плѣна митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ, задумали планъ отдаться въ подданство Турціи, въ предположеніи, что это подданство, за отдаленностію Турціи будетъ лишь вассальнымъ и въ надеждѣ при ея могущественномъ покровительствѣ не только отбиться отъ Польши, но и соединиться съ восточною Малороссіею, оставшеюся во власти Москвы, и такимъ образомъ возстановить нарушенную Андрусовскимъ договоромъ цѣлость страны, пожелавшей въ 1654 г. быть нераздѣльно подъ властію православнаго царя.

При такихъ политическихъ настроеніяхъ, смутахъ и борьбѣ, волновавшихъ Малороссію непрерывно со времени смерти Богдана Хмѣльницкаго, не могло быть спокойствія и въ Кіевской митрополіи, еще не зависѣвшей тогда отъ московскаго патріарха; естественно возникли и въ ней смуты, настроенія и колебанія то въ ту, то въ другую сторону. Ближайшимъ свидѣтелемъ всего этого пришлось быть Ѳеодосію Углицкому въ теченіе полувѣка на разныхъ степеняхъ его духовной служебной дѣятельности. Едва онъ окончилъ свое образованіе и сдѣлалъ первые свои служебные шаги въ званіи монаха, какъ скончались, одинъ за другимъ, два главные дѣятели Малороссіи: Богданъ Хмѣльницкій въ Чигиринѣ и митрополитъ кіевскій Сильвестръ Коссовъ въ Кіевѣ 13 апрѣля 1657 г. «При трудныхъ обстоятельствахъ пришлось дѣйствовать митрополиту Сильвестру Коссову,—говоритъ митрополитъ Макарій (Булгаковъ),—по присоединеніи Малороссіи къ Московской державѣ. Онъ долженъ былъ покоряться и угождать московскому правительству и не раздражать польскаго правительства противъ себя и своихъ единовѣрцевъ, находившихся въ Польшѣ и Литвѣ, не говоря уже о личныхъ его интересахъ, которымъ болѣе благопріятствовало положеніе его подъ польскимъ владычествомъ. Не удивительно, если онъ принужденъ былъ двоиться и служить разомъ двумъ господамъ,—если поведеніе его казалось какъ-бы скрытнымъ, нерѣшительнымъ, двусмысленнымъ и невполнѣ отвѣчало желаніямъ и видамъ правительственной власти въ Москвѣ». За смертію митрополита Сильвестра, мѣстоблюстительство Кіевской митрополіи поручено было гетманомъ Б. Хмѣльницкимъ Лазарю

Барановичу, за мѣсяцъ предъ тѣмъ поставленному въ санъ Черниговскаго архіепископа. Но избраніе преемника м. Сильвестру затянулось сначала за смертію и погребеніемъ Богдана Хмѣльницкаго, послѣдовавшею 23 іюня того же 1657 г., а потомъ въ ожиданіи прибытія въ Кіевъ епископовъ Львовскаго, Перемысльскаго и Луцкаго, которымъ нужно было испросить на сіе разрѣшеніе польскаго короля. Состоялось избраніе только въ началѣ января 1658 г., и выборъ палъ на Луцкаго епископа Діонисія Балабана, который далъ тогда торжественное обѣщаніе «великому государю, яко природному своему царю, всякаго добра хотѣть», и 19 января принялъ митрополію отъ Лазаря Барановича. Но актъ избранія состоялся безъ всякаго участія правительствъ московскаго и польскаго. Самое поставленіе Діонисія Балабана въ санъ митрополита состоялось 28 февраля съ благословенія цареградскаго митрополита, но безъ участія московскаго патріарха Никона. Въ это время вѣроятно и послѣдовало назначеніе Θеодосія Углицкаго архидіакономъ при Софійской митрополичьей каѳедрѣ, каковая должность соединялась тогда съ должностію каѳедральнаго писаря. Новый митрополитъ считался вѣрнымъ и благонадежнымъ, доказательствомъ чего служитъ то, что онъ, по желанію московскихъ воеводъ, подъ неблагословеніемъ увѣщевалъ полковника Пушкаря покориться гетману Выговскому и не чинить бунтовъ; въ м. маѣ сообщалъ кіевскимъ воеводамъ свои подозрѣнія о связи Выговскаго съ поляками и 17 мая выѣзжалъ за 5 верстъ отъ Кіева встрѣчать новыхъ кіевскихъ воеводъ. Но въ началѣ іюля м. Діонисій оставилъ тайно свою каѳедру и уѣхалъ на раду въ Чигиринъ изъ Кіева, въ который уже болѣе не возвращался, а 8 сентября 1658 г. уже Выговскій подписалъ Гадячскій договоръ съ польскими комиссарами, по которому Малороссія возвращалась Польшѣ, а кіевскому митрополиту обѣщано мѣсто въ Сенатѣ послѣ Львовскаго архіепископа. Въ силу этого договора Діонисій Балабанъ являлся въ Варшаву для занятія мѣста въ польскомъ сенатѣ, но не былъ допущенъ латино-польскими епископами. Въ это время митрополитъ оставался въ Слуцкомъ монастырѣ своей митрополіи, при своемъ намѣстникѣ, архи-

мандритѣ Ѳеодосіи Васильевичѣ. Не возвратился онъ въ Кіевъ и чрезъ два года, когда Выговскій козаками былъ лишенъ гетманства и занявшій его мѣсто Юрій Хмѣльницкій, письмомъ отъ 13 марта 1660 г. приглашалъ его прибыть въ свою осиротѣлую, митрополичью каѳедру. Въ это время московское правительство, занятое смутою, произведенною тогда же самовольнымъ удаленіемъ патріарха Никона изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь, проявило свое участіе къ дѣламъ Кіевской митрополіи только порученіемъ Лазарю Барановичу вновь мѣстоблюстительства митрополіи послѣ пятимѣсячнаго тщетнаго ожиданія митрополита. Между тѣмъ м. Діонисій, оставаясь въ Слуцкѣ, продолжалъ управлять 4-мя ему подвѣдомственными въ Польшѣ епархіями и лично ему подчиненными монастырями, титулуясь попрежнему митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ. Кіевское духовенство съ Лазаремъ Барановичемъ и печерскимъ архимандритомъ Иннокентіемъ Гизелемъ пыталось было чрезъ терхтемировскаго игумена Іосифа ходатайствовать предъ посольскимъ приказомъ о избраніи новаго митрополита на мѣсто отсутствующаго Д. Балабана; но въ Москвѣ не рѣшили сдѣлать этого безъ разрѣшенія константинопольскаго патріарха, а пораженіе войска кіевскаго воеводы Шереметева и вслѣдъ затѣмъ измѣна царю гетмана Юрія Хмѣльницкаго заставили оставить это дѣло.

Новый фазисъ дѣламъ церковнымъ въ Малороссіи дало выступленіе на политическую и церковную арену нѣжинскаго протопопа Максима Филимонова, который казался въ глазахъ московскаго правительства и вѣрнымъ московскому государю и болѣе способнымъ и энергичнымъ, чѣмъ ученый епископъ Лазарь Барановичъ, мѣстоблюститель митрополіи въ подвластной московскому правительству части Малороссіи. Во вниманіе къ заслугамъ протопопа Максима, сообщавшаго разныя политическія свѣдѣнія воеводамъ московскимъ, и рѣшено было сдѣлать его мѣстоблюстителемъ митрополіи съ возведеніемъ въ санъ епископа, не касаясь власти м. Сильвестра въ предѣлахъ Польши. Переименованный въ монашествѣ въ Меѳодія, онъ, по соизволенію царя и совѣту царскаго Синклита 4 мая 1661 г., рукоположенъ мѣ-

стоблюстителемъ патріаршаго престола митрополитомъ Сирскимъ и Подонскимъ во епископа Мстиславскаго въ Бѣлоруссіи, недавно занятой московскими войсками. Прибывъ въ Кіевъ и принявъ 16 іюля отъ Лазаря Барановича имущества св. Софіи и митрополичьи дома, Меѳодій вступилъ въ управленіе митрополіей. Но Меѳодій, явившись въ Малороссію въ качествѣ царскаго полномочнаго и раздавъ царскіе подарки полковникамъ, своимъ вмѣшательствомъ въ выборъ гетмана произвелъ только смуту въ войскѣ и народѣ, прожилъ въ Кіевѣ неболѣе 8 мѣсяцевъ, а большею частію жилъ то въ Нѣжинѣ, то въ Зеньковѣ и Гадячѣ. Не напрасно наказный гетманъ Самко называлъ его Баламутомъ: сначала онъ благопріятствовалъ Самку, потомъ сошелся съ Золотаренкомъ, а наконецъ съ кошевымъ гетманомъ запорожскихъ козаковъ Брюховецкимъ, и хотя доставилъ гетманскую булаву Брюховецкому, котораго воеводы рекомендовали царю, какъ человѣка вороватаго, и потому имъ нужнаго, но погубилъ притомъ лучшихъ людей Малороссіи: Самка и Золотаренка, которыхъ съ 6 начальными изъ войска козацкаго Брюховецкій казнилъ, а 10 сослалъ въ ссылку въ Сибирскіе края. Но не безъ скорбей обошлось это время и для самаго Меѳодія. Спустя три мѣсяца послѣ его рукоположенія въ епископа Мстиславскаго, на ту же каѳедру митрополитъ Діонисій, не отступая отъ своего права, рукоположилъ 3 августа старшаго Виленскаго монастыря архимандрита Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго во епископа, признавая тѣмъ рукоположеніе Меѳодія незаконнымъ; патріархъ Никонъ, въ недѣлю православія 1662 г., изрекъ анаѳему митрополиту Крутицкому Питириму за поставленіе Меѳодія въ епархію, подчиненную цареградскому патріарху. И въ томъ же году м. Діонисій прислалъ въ Кіевъ съ Выдубицкимъ игуменомъ Климентомъ Старушичемъ копію съ проклятія, произнесеннаго на Меѳодія и его сообщниковъ цареградскимъ патріархомъ за нарушеніе его правъ хиротоніей Меѳодія и занятіе послѣднимъ митрополичьей каѳедры. Самъ м. Діонисій, хотя удалился изъ Кіева въ началѣ іюля 1658 г., но не вышелъ изъ предѣловъ своей митрополіи и не оставлялъ ее безъ своего управленія, проживая въ Слуцкѣ, гдѣ онъ былъ

въ сторонѣ отъ московскихъ воеводъ и ихъ противника, гетмана Выговскаго, измѣнившаго царю. Такъ, въ ноябрѣ того же 1658 г., онъ уступилъ Бѣдной Черниговской каѳедрѣ изъ своей личной епархіи шесть протопопій—Минскую, Борзенскую, Глуховскую, Новгородсѣверскую и Конотопскую; въ 1659 г., посѣтивъ Почаевскій монастырь, открылъ въ немъ мощи св. игумена Іова Желѣзы. Когда на правой сторонѣ Днѣпра, по вторичномъ избраніи Юрія Хмѣльницкаго гетманомъ, съ придачею Павла Тетери въ качествѣ опекуна, послѣдовало временное затишье, Діонисій Балабанъ, не имѣя возможности возвратиться въ свою каѳедру, занятую Меѳодіемъ, поселился въ Корсунскомъ монастырѣ. Здѣсь при немъ въ концѣ 1662 г. Юрій Хмѣльницкій отказался отъ гетманской булавы и постригся въ монахи подъ именемъ Гедеона. Въ томъ же Корсунскомъ монастырѣ скончался и м. Діонисій 10 мая 1663 г., гдѣ и погребенъ прибывшими изъ Кіева духовными властями съ Иннокентіемъ Гизелемъ во главѣ, которые не переставали смотрѣть на него, какъ на своего митрополита, а оффиціальнаго мѣстоблюстителя епископа Меѳодія называли не блюстителемъ, а губителемъ и вовсе не считали его законнымъ администраторомъ, такъ какъ онъ посвященъ на епископство безъ всякой элекціи и, не имѣя никакихъ заслугъ, выпросилъ себѣ мѣстоблюстительство по своему желанію. Самъ епископъ Лазарь, получивъ извѣстіе о смерти м. Діонисія отъ наказного гетмана Самка, отвѣчалъ: «Помилуй мя Боже. Въ такія трудныя времена, когда намъ наиболѣе нужны богомольцы, мы лишились столь благочестиваго пастыря», и въ отвѣтѣ Иннокентія, съ великою скорбію извѣщавшему о кончинѣ Діонисія, Барановичъ выразился: «вѣчная память усопшему о Господѣ». Онъ управлялъ кіевскою митрополіей пять съ половиною лѣтъ. Представители кіевскаго духовенства: Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель и игумены—Николо-Пустынскій Алексій Туръ, Михайловскій Ѳеодосій Сафановичъ, Межигорскій—Варнава Лебедовичъ, Кирилловскій--Мелетій Дзикъ и ректоръ Братскихъ школъ—Іоанникій Голятовскій считали кіевскую церковь осиротѣлою по смерти м. Діонисія и коллективно просили наказного гетмана Самка, чтобы впредь до

избранія митрополита, данъ былъ достойный мѣстоблюститель митрополіи, именно Лазарь Барановичъ, и для подкрѣпленія своего ходатайства и личныхъ объясненій отправили на генеральную раду въ Нѣжинъ двухъ игуменовъ: Выдубицкаго—Климента Старушича и Мгарскаго—Виктора Загорскаго. Но Барановичъ самъ въ письмѣ къ наказному гетману отъ 10 іюня отказывался отъ мѣстоблюстительства въ 3-й разъ. Меѳодій же, послѣ рады, окончившейся казнію Самка и Золотаренка, прибылъ въ Кіевъ на жительство и занялся мѣстоблюстительствомъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. 8 ноября 1663 г. православные, не находившіеся подъ властію Польши, собрались въ Корсунѣ для избранія митрополита; 19 ноября избраны первыми епископъ Антоній Винницкій и епископъ Мстиславскій Іосифъ Тукальскій. Король утвердилъ Тукальскаго. Гетманъ правой стороны Днѣпра Дорошенко въ 1668 г., поймалъ епископа Меѳодія, а митрополитъ Іосифъ лишилъ его сана и заключилъ сначала въ Чигиринскій, а потомъ въ Уманскій монастырь, откуда онъ ушелъ въ Кіевъ, но потомъ за бунтъ и измѣну былъ взятъ въ Москву и скончался въ Ново-Спасскомъ монастырѣ.

Если вѣрно извѣстіе, что святитель Ѳеодосій Углицкій до 1662 года занималъ при кіевской митрополичьей каѳедрѣ сначала должность намѣстника, то ему пришлось быть свидѣтелемъ всѣхъ неустройствъ, начавшихся въ Малороссіи—послѣ кончины Богдана Хмѣльницкаго, участвовать въ его погребеніи, присутствовать при выборѣ митрополита Діонисія Балабана, служить при немъ въ Кіевѣ, въ званіи игумена Корсунскаго монастыря съ 1662 г. раздѣлять его 2-хъ лѣтнее пребываніе въ Корсунѣ, видѣть отреченіе Юрія Хмѣльницкаго отъ гетманства и постриженіе въ монахи въ томъ же Корсунскомъ монастырѣ, наконецъ оказать послѣднія услуги митрополиту Діонисію Балабану и участвовать въ его погребеніи.

Свящ. **І. Гордіевскій**.

Новыя теченія въ сервитутномъ вопросѣ.

Характерную особенность работъ и уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ юго-западнаго края о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности составляетъ то, что главную долю своего вниманія эти комитеты удѣлили вопросамъ о разселеніи крестьянъ на хутора и о разверстаніи крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ съ уничтоженіемъ сервитутовъ. Нечего и говорить, что необходимость уничтоженія чрезполосицы и сервитутовъ мотивировалась соображеніями высшей сельскохозяйственной культуры, а съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія (обо всемъ этомъ будетъ впереди) и обоюднымъ интересомъ завязанныхъ въ это дѣло сторонъ, какъ и необходимость разселенія крестьянъ на хутора объяснялась невозможностью безъ этого разселенія улучшить сельскохозяйственную культуру крестьянъ, а слѣдовательно и поправить тяжелое ихъ экономическое положеніе. Этого, конечно, и слѣдовало ожидать, а потому гораздо интереснѣе отмѣтить ту связь этихъ вопросовъ между собою и съ цѣлымъ рядомъ другихъ вопросовъ, выдвинутыхъ преимущественно для обслуживанія этихъ двухъ главныхъ, которая выяснилась лишь постепенно изъ хода занятій названныхъ 39 комитетовъ (37 уѣздныхъ и 3 губернскихъ— волынской, кіевской и подольской губ.). Такими, вопросами оказавшимися въ весьма близкой связи съ этими двумя и между собою, явились: вопросъ объ охранѣ земельной собственности («пунктъ *е* программы занятій» комитетовъ), о необходимости за-

мѣны существующей у насъ въ подворнонаслѣдственномъ владѣніи семейной собственности личною, дающею «полную свободу распоряженія надѣльными подворными участками», о вредѣ «замкнутаго крестьянскаго самоуправленія» и тяжеломъ давленіи «громады» на жизнь отдѣльныхъ личностей крестьянскаго міра и т. п.

Въ порядкѣ послѣдовательнаго обсужденія «пунктовъ» предуказанной свыше «программы занятій» однимъ изъ первыхъ разсматривался въ комитетахъ вопросъ объ охранѣ частной земельной собственности. Тутъ то впервые и выдвинуто было на сцену соображеніе о томъ, что, независимо отъ мотивовъ объ улучшеніи культуры и экономическаго положенія, разселеніе крестьянъ на хутора, необходимо и въ цѣляхъ вящшей охраны частной земельной собственности... «Исходя изъ этихъ соображеній, дополняемыхъ существованіемъ чрезполосицы не только между крестьянами, но и въ отношеніи *владѣльцевъ,* которыми ведется крупная экономическая борьба за *потравы, порубки и прочія правонарушенія,*—говорится въ постановленіи Волынскаго Комитета (по пункту *е* объ охранѣ собственности),—*всѣ* Комитеты высказались *за необходимость разселенія крестьянъ по хуторамъ*»[1]).

Подольскій губернскій Комитетъ призналъ, что одною изъ мѣръ для «урегулированія аграрныхъ отношеній и укрѣпленія правового сознанія населенія» является разселеніе крестьянъ на хутора и. рядомъ съ поощреніемъ послѣдняго, нужно также оказывать содѣйствіе уничтоженію чрезполосицы. Кіевскій, Липовецкій и Уманскій Комитеты (кіевск. губ.), исходя изъ соображенія, что одною изъ причинъ нарушенія земельной собственности является непониманіе крестьянами правъ собственности высказались, что одною изъ мѣръ къ охранѣ частной собственности должно быть «насажденіе таковой же у нихъ самихъ».

«Какъ на важную мѣру охраны сельскохозяйственной собственности—говорится въ заключеніи Волынскаго губернскаго Комитета—было указано на необходимость точной законодательной регламентаціи имущественныхъ отношеній крестьянъ и подчине-

---

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ.

нія ихъ общимъ гражданскимъ законамъ»... «въ частности[1]) желательно предоставить крестьянамъ право распоряжаться по завѣщанію надѣльными участками». Кіевскій уѣздный комитетъ, трактуя о мѣрахъ къ охранѣ частной земельной собственности сѣтуетъ на «неупорядоченность землевладѣнія» въ краѣ, какъ на одну изъ существенныхъ причинъ нарушеній земельной собственности и предлагаетъ, въ качествѣ мѣръ къ охранѣ, выдачу отдѣльныхъ владѣнныхъ докуменновъ и плановъ на подворные надѣльные участки отдѣльныхъ хозяевъ, установленіе правъ личной (а не семейной) собственности на землю, разверстаніе съ уничтоженіемъ сервитутовъ и переходъ крестьянъ на хутора. Всѣ комитеты всѣхъ трехъ губерній одною изъ главнѣйшихъ мѣръ къ охранѣ земельной собственности называютъ уничтоженіе черезполосицы и разверстаніе съ уничтоженіемъ сервитутовъ.

Изъ этихъ немногихъ выдержекъ и сопоставленій достаточно ясно, что установленіе личной собственности, разселеніе на хутора и разверстаніе съ уничтоженіемъ сервитутовъ связались въ одинъ общій узелъ уже на вопросъ объ «охранѣ» и что при обсужденіи его хуторской и сервитутный вопросъ выдвинуты были въ данномъ случаѣ не сами по себѣ, не во имя вопросовъ, «высшей сельскохозяйственной культуры» и поднятія крестьянскаго благосостоянія, а единственно во имя вопроса объ охранѣ. Они съиграли здѣсь такую же обслуживающую роль, какъ впослѣдствіи (мы это увидимъ ниже) вопросъ объ уничтоженіи сервитутовъ, или какъ въ данномъ вопросѣ—объ охранѣ—подчиненное и обслуживающее положеніе заняли предложенія: о повышеніи уровня умственнаго развитія населенія путемъ введенія всеобщаго образованія, объ уравненіи правъ крестьянъ съ другими сословіями, учрежденіи всесословной волости и вообще «твердой власти» въ селеніяхъ, «состоящей изъ лучшихъ представителей даннаго общества»—все это въ цѣляхъ охраны земельной собственности.

Для характеристики связи съ этими же вопросами собственно вопроса о разселеніи крестьянъ на хутора достаточно указать,

---

[1]) Ради той же охраны.

что, напр., Заславскій и Острожскій комитеты (волынск. губ.) высказались за желательность «предоставить каждому право распоряженія своею земельною собственностію безъ участія сельскаго общества», Ушицкій (под. губ.) за предоставленіе «каждому домохозяину полныхъ юридическихъ правъ собственности на его надѣлъ съ переводомъ выкупного долга въ ипотечный и подчиненіемъ населенія дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ»; въ Могилевскомъ комитетѣ (той же губ.) было указано, что главнымъ тормазомъ къ переходу на хуторское хозяйство является «признаніе крестьянами надѣльной земли въ ея совокупности собственностью обществъ, а не отдѣльныхъ лицъ». Пять уѣздныхъ комитетовъ кіевской губ., находя, что (говоря словами постановленія Кіевскаго уѣзднаго комитета) «только личная собственность создаетъ необходимую энергію, соотвѣтствуетъ потребностямъ хозяйства, правильному строю семьи (?!) и развитію гражданственности», высказались за «предоставленіе крестьянамъ полнаго права личной собственности на надѣльныя земли» ради облегченія разселенія крестьянъ на хутора, съ чѣмъ согласился и кіевскій губернскій комитетъ, высказавшійся за «признаніе за крестьянами права личной, а не семейной собственности».

При обсужденіи этого же хуторского вопроса выдвинутъ былъ также и вопросъ о громадѣ. По мнѣнію Васильковскаго комитета (кіевск. губ.), высказанному имъ во время обсужденія вопроса о разселеніи на хутора, «при современной системѣ землевладѣнія положеніе крестьянскаго хозяйства *безвыходно и грозитъ опасностями*. Вытекающая изъ чисто общиннаго владѣнія или *похожаго* (?!) *на него громадского*[1]) *владѣнія* землею *обо-*

---

1) Рѣчь идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о существующемъ въ краѣ *подворномъ* владѣніи надѣльными землями, отведенными при надѣленіи крестьянъ не каждому двору особо, а огуломъ на цѣлыя селенія по расчету числа «грамотныхъ» (показанныхъ въ уставной грамотѣ) дворовъ въ нихъ и съ того же времени фактически и разъ на всегда раздѣленными крестьянами по этимъ надѣльнымъ дворамъ въ вѣчное никогда непередѣляемое ни по качеству, ни по количеству, *подворно-наслѣдственное* владѣніе каждаго грамотнаго двора.

собленность крестьянскаго сословія при низкомъ уровнѣ нравственности и отсутствіи образованія создаетъ изъ него своего рода стихійную силу. Сорокалѣтній опытъ доказываетъ, что существующая система крестьянскаго хозяйства и положеніе общественнаго ихъ строя ведутъ неминуемо къ банкротству, разъ же дѣло получитъ такой печальный исходъ, то проявленія такой роковой силы, стремящейся къ утоленію голода, могутъ принять угрожающіе размѣры. По выраженію крестьянъ: «громада—велыкій чоловикъ», между тѣмъ въ экономической жизни этотъ великій человѣкъ, связанный *специальными узами сословнаго строя*, лишенный общаго образованія, стѣсненный неблагопріятными экономическими условіями, изъ которыхъ нѣтъ выхода, поневолѣ опускаетъ руки, влача жалкое существованіе. На этой именно почвѣ легко возрастаютъ и подчасъ созрѣваютъ сѣмена всякихъ волненій и *жажды переворотовъ*(!); стихійная сила въ данный моментъ вдругъ становится элементомъ грознымъ и разлагающимъ, пагубныя дѣйствія котораго трудно предвидѣть».

Ясно, что рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ совсѣмъ не о «громадскомъ *владѣніи*», а о самой живущей цѣлыми сплошными поселками и уже потому одному связанной общими интересами, «*громадѣ*» и объ «*обособленности*» ея при данныхъ условіяхъ,— и что основная цѣль приведенной выдержки заключается въ стремленіи доказать необходимость всяческаго раздробленія разъединенія, расчлененія и разселенія этой громады; превращенія ея въ десятки, сотни и тысячи несвязанныхъ никакими общими интересами, особенно—и даже въ перемежку съ людьми изъ совсѣмъ другихъ сословій—живущихъ отдѣльныхъ хозяйствъ.

Тоже стремленіе и ту же какъ бы *боязнь* громады мы видимъ и въ взглядахъ состоявшаго изъ представителей уже всѣхъ уѣздовъ губерніи Кіевскаго губернскаго комитета, изложенныхъ въ фразѣ: «кромѣ экономическихъ выгодъ разселенія крестьянъ хуторскаго хозяйства, нельзя не признать и политическаго значенія этой мѣры, такъ какъ созданіе класса мелкихъ собственниковъ, независимыхъ въ своей хозяйственной дѣятельности, съ развитой энергіей и личной инициативой и дорожащихъ своей

личной собственностью [1]), является лучшей опорой порядка и собственности. Наоборотъ, сѣрая масса, зависимая отъ «громады», имѣющая смутныя представленія о собственности и не могущая вслѣдствіе такой зависимости найти выхода, гораздо болѣе склонна къ массовымъ броженіямъ».

Если при обсужденіи хуторского вопроса выдвинуты были на очередь вопросъ о необходимости установленія «полныхъ правъ личной собственности» и уничтоженія «громады», то и при обсужденіи вопроса объ уничтоженіи сервитутовъ, въ свою очередь. возбужденъ былъ вопросъ объ упраздненіи (существующаго только въ Уманскомъ уѣздѣ) «общиннаго владѣнія столь чуждаго характеру малоросса», о «предостатленіи крестьянамъ права продажи надѣльной земли», о «свободномъ распоряженіи всѣми хозяйственными работами», «свободномъ сѣвооборотѣ», о пользѣ хуторскаго хозяйства и т. п.

Такова была связь между всѣми этими вопросами. Одни изъ нихъ занимали въ извѣстныхъ случаяхъ подчиненное, обслуживающее положеніе, другіе—главенствующее и наоборотъ. Для установленія охраны собственности, понадобилось разселеніе крестьянъ на хутора, насажденіе личной собственности, разверстаніе съ уничтоженіемъ сервитутовъ, всеобщее образованіе, уравненіе правъ и уничтожніе громады. Для проведенія въ жизнь разселенія по хуторамъ и упраздненія сервитутовъ—тоже насажденіе личной собственности, уничтоженіе вліянія громады и т. п. Послѣдніе два вопроса: разселеніе по хуторамъ и упраздненіе сервитутовъ, оказались тоже въ ближайшей между собою связи, при чемъ хуторской вопросъ занялъ, какъ увидимъ, вполнѣ служебное положеніе по отношенію къ сервитутному и, такимъ образомъ, выдвинутъ былъ (весьма однако энергично) не самъ по себѣ, а только ради осуществленія задачъ «охраны» и—главнымъ образомъ—упраздненія сервитутовъ.

Сама по себѣ эта связь между хуторскимъ и сервитутнымъ вопросами довольно понятна. Прежде всего она легко объяснима

---

[1]) Какъ будто крестьяне, входя въ составъ «громады» *не* дорожать ею!

и съ чисто, такъ сказ., внѣшней стороны: «пунктъ *ж* программы занятій», къ которому относится вопросъ о разверстаніи и сервитутахъ, формулированъ такъ: «облегченіе способа обмѣна земельныхъ участковъ для *устраненія черезполосности*», а «пунктъ ч» той же программы называется: «поощреніе къ добровольному разселенію крестьянъ въ предѣлахъ ихъ надѣла и къ *сокращенію черезполоснаго пользованія*». Связь эта фактически устанавливается «черезполосностію», объ уничтоженіи или по меньшей мѣрѣ сокращеніи которой идетъ рѣчь въ обоихъ «пунктахъ». Осуществленіе этой задачи возможно или путемъ разселенія крестьянъ по хуторамъ съ отводомъ разбросанныхъ среди громадского надѣла различныхъ полосъ отдѣльныхъ хозяевъ для каждаго домохозяйства въ одинъ отрубной участокъ, или же путемъ разверстанія помѣщичьихъ земель отъ крестьянскихъ съ уничтоженіемъ сервитутовъ. Если бы разрѣшеніе сервитутнаго вопроса свелось къ приведенному законодательнымъ путемъ разверстанію принудительному, одинаково, слѣдовательно, обязательному для всѣхъ неразверстанныхъ съ крестьянами имѣній, то тѣмъ самымъ вопросъ объ уничтоженіи чрезполосицы сдѣлалъ бы сразу огромный шагъ впередъ: устранена была бы чрезполосица между владѣніями крестьянъ и помѣщиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, въ значительной мѣрѣ сократилась бы и чрезполосица внутри громадскихъ надѣловъ. Если же бы принудительнаго разверстанія введено не было и, слѣдовательно, рѣшеніе даннаго вопроса предоставлено было дѣлу добровольныхъ, такъ наз., «полюбовныхъ» соглашеній сторонъ о разверстаніи съ крестьянами каждаго отдѣльнаго имѣнія, то проведеніе въ жизнь разселенія крестьянъ на хутора значительно облегчило бы возможность подобныхъ соглашеній, ускорило бы процессъ добровольныхъ разверстаній и вообще подвинуло впередъ дѣло разверстанія и уничтоженія сервитутовъ. И это потому что, разселеніе по хуторамъ ведетъ за собою необходимость отвода всѣхъ полосъ каждаго двора въ одинъ отрубной участокъ. При наличности чрезполосицы громадскихъ земель съ помѣщичьими, этотъ отводъ можетъ быть крайне затруднителенъ, а затрудненія эти могутъ быть избѣгнуты

разверстаніемъ съ землями помѣщика, т. е. отводомъ всего громадского надѣла въ одинъ общій участокъ, изъ котораго уже гораздо легче выкроить отдѣльные отрубные участки подъ хутора отдѣльныхъ дворовъ. Но это еще не главное. Главное то, что разселеніе по хуторамъ, т. е. отводъ отрубныхъ подворныхъ участковъ сразу уничтожитъ общій трехпольный сѣвооборотъ, общую толоку, потому что изолированіе хозяйствъ въ обособленные отрубные участки само собою уже ведетъ къ уничтоженію всякихъ общихъ угодій, а слѣдовательно и пастбищныхъ сервитутовъ, противъ которыхъ такъ вопіютъ многіе изъ членовъ комитетовъ и вообще помѣстныхъ владѣльцевъ. Тогда крестьянамъ уже не изъ за чего будетъ противиться разверстанію съ помѣщиками, которому они теперь противятся изъ-за желанія удержать при себѣ сервитутное право—право выпаса своего скота на помѣщичьихъ земляхъ. Тогда уже добровольныя разверстанія будутъ совершаться легко и безпрепятственно и—что еще важнѣе—тогда для большинства помѣщиковъ не будетъ въ нихъ даже и особой надобности, потому что главная цѣль разверстаній—освободиться отъ обязанности представлять право выпаса; а право это фактически исчезнетъ еще до разверстанія, благодаря лишь одному разселенію крестьянъ на хутора.

Вотъ почему вопросъ о разселеніи на хутора стоитъ въ такой тѣсной связи съ вопросомъ сервитутнымъ и почему онъ игралъ въ нашихъ комитетахъ не самостоятельное значеніе, а значеніе мѣры, облегчающей разрѣшеніе сервитутнаго вопроса, вслѣдствіе чего за проведеніе этой мѣры такъ горячо стояли почти всѣ помѣстные владѣльцы. По скольку проведеніе этой мѣры могло имѣть, въ ихъ глазахъ, рѣшающее вліяніе на разрѣшеніе сервитутнаго вопроса можно видѣть изъ усиленнаго настоянія наиболѣе предусмотрительныхъ изъ членовъ комитета на той мысли, что принятіе правительствомъ надлежащихъ энергичныхъ мѣръ къ разселенію крестьянъ по хуторамъ (а также и предоставленіе имъ правъ полной личной собственности на надѣлы) умѣстно, возможно и необходимо провести, во всякомъ случаѣ, *не позже* наступленія срока окончательнаго выкупа надѣльныхъ земель

(1911 г.), по истеченіи котораго такая мѣра оказалась бы уже почти неосуществимою. Очевидно, что разъ правительство согласилось бы съ этимъ взглядомъ и провело эту мѣру въ жизнь до 1911 г., то и безъ того исчезающимъ (какъ увидимъ ниже) сервитутамъ не сдобровать и не нужно уже было бы никакого разверстанія ни обязательнаго, ни добровольнаго, чтобы въ сравнительно короткое время отдѣлаться отъ нихъ совсѣмъ.

Выясненное подчиненное значеніе хуторского вопроса по отношенію къ сервитутному проходитъ красною нитью чрезъ большую часть постановленій комитетовъ по вопросу о разверстаніи и уничтоженіи сервитутовъ (пунктъ ж). Вотъ нѣсколько выдержекъ, доказывающихъ это съ полною очевидностію. Радомысльскій (кіевск. губ.) комитетъ, высказавшись за желательность скорѣйшаго введенія общаго принудительнаго разверстанія и противъ добровольнаго, оговорился, что если первое не будетъ введено, то разрѣшеніе сервитутнаго вопроса можетъ быть облегчено изданіемъ «закона о выдѣленіи каждому крестьянину въ одномъ отрубномъ кускѣ его надѣла»; Таращанскій комитетъ (кіевск. губ.) одною изъ мѣръ къ облегченію и ускоренію разверстанія призналъ выселеніе «на хуторное хозяйство»; члены Гайсинскаго (подольск. губ.) комитета пришли при обсужденіи вопроса о разверстаніи къ рѣшенію о необходимости «собранія земли каждаго крестьянина въ одинъ отдѣльный отрубъ» и «введеніи хуторского хозяйства для крестьянъ». Уманскій (кіевск. губ.) комитетъ при рѣшеніи того же вопроса высказался за «выселеніе на хуторное хозяйство, для чего необходимо объединеніе всѣхъ земельныхъ участковъ крестьянъ».

Кіевскій губернскій комитетъ, высказавшійся большинствомъ голосовъ противъ принудительнаго разверстанія и за разрѣшеніе даннаго вопроса путемъ полюбовныхъ разверстаній, формулировалъ первый пунктъ постановленія своего по этому вопросу такъ: «разрѣшить обмѣнъ земельныхъ участковъ по добровольнымъ соглашеніямъ землевладѣльцевъ не только съ крестьянскими обществами, но и съ *отдѣльными крестьянами и группами ихъ*, а также *крестьянъ между собою, безъ согласія крестьянскихъ*

обществъ и оказывать *содѣйствіе такому обмѣну*»... «широкою помощью *разселенію крестьянъ по хуторамъ*». При этомъ въ другомъ мѣстѣ (при рѣшеніи хуторского вопроса) онъ указалъ, что «изданіе соотвѣтственныхъ законоположеній о крестьянской надѣльной землѣ[1]) и о поощреніяхъ къ разселенію» (безплатнаго за счетъ казны обмежеванія земель, выдачи ссудъ на устройство новаго хозяйства и пр.), «признаетъ *неотложнымъ* въ виду приближенія срока выкупа надѣльныхъ земель». Въ брошюрѣ Д. М. Линевича, члена Винницкаго (под губ.) комитета, «О разверстаніи и хуторскомъ хозяйствѣ», эта мысль о значеніи разселенія на хутора выражена особенно рельефно; по его мнѣнію хуторское хозяйство «могло бы облегчить въ будущемъ *дѣло разверстанія* и обезпечить при переходѣ и мѣстныхъ крестьянъ къ хуторскому хозяйству, спокойствіе и цѣлость имущества *всего* населенія и предупредить возможность возникновенія враждебныхъ отношеній, *вслѣдствіе обязательнаго* (при этомъ) *разверстанія помѣщика и крестьянъ между собою*»[2]). Въ брошюрѣ указывается вмѣстѣ съ тѣмъ фактъ, что въ одной изъ волостей Житомірскаго уѣзда при случившемся тамъ добровольномъ переходѣ нѣкоторыхъ селеній къ хуторскому хозяйству «въ двухъ имѣніяхъ стремленіе къ переходу на волоки[3]) *вызвало разверстаніе земель крестьянъ отъ помѣщиковъ*». Этотъ то фактъ, извѣстный уже почти всѣмъ землевладѣльцамъ юго-зап. края и вполнѣ подтвердившій правильность теоретическихъ соображеній о вѣроятномъ вліяніи разселенія по хуторамъ на разверстаніе земель крестьянскихъ съ помѣщичьими, въ особенности подкупалъ всѣхъ въ пользу необходимости провести хуторской вопросъ ради скорѣйшаго разрѣшенія вопроса о разверстаніи. Отсюда и возникла

---

[1]) «Признаніе за крестьянами права полной личной, а не семейной собственности» и права отдѣльныхъ крестьянъ выдѣлять свои надѣльные полосы въ одинъ отрубной участокъ, «*не испрашивая согласія крестьянскаго общества*»

[2]) Стр. 6 названной брошюры.

[3]) Хутора тожъ;—мѣстное названіе; стр. 7.

мысль о томъ, что, вмѣсто разверстанія между крестьнами и помѣщиками, которое при добровольныхъ соглашеніяхъ сторонъ могло-бы во многихъ случаяхъ состояться лишь при условіи значительныхъ уступокъ со стороны послѣднихъ, удобнѣе и выгоднѣе было-бы побудить самихъ крестьянъ разверстаться между собою, такъ какъ это заставитъ уже самихъ же крестьянъ хлопотать и о разверстаніи съ помѣщиками. Мысль эта особенно рельефно выражена въ той же брошюрѣ г. Линевича, гдѣ, подводя итогъ тому, что надо сдѣлать для осуществленія хуторского хозяйства, авторъ говоритъ, что для этого нужно прежде всего: «разверстаніе земель крестьянъ между собою или же, по крайней мѣрѣ. облегченіе крестьянамъ въ законодательномъ порядкѣ перехода къ хуторскому хозяйству, *такъ какъ только тогда разрѣшеніе общаго вопроса о разверстаніи и уничтоженіи сервитутовъ будетъ жизненно, цѣлесообразно* и соотвѣтствовать предъявленнымъ въ данное время совокупностью бытовыхъ и хозяйственныхъ условій жизни требованіямъ».

Изъ вышеизложеннаго достаточно ясно, какое важное мѣсто въ ряду вопросовъ, обсуждавшихся въ Комитетахъ, занялъ у насъ вопросъ о разверстаніи и сервитутахъ.

Весьма любопытно, что совершенно аналогичное явленіе наблюдалось въ комитетахъ сѣверо-западнаго края и въ комитетахъ губерній Царства Польскаго, т. е. вообще въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ сервитуты имѣютъ такое важное значеніе. Вотъ что, напр., сообщалось недавно о засѣданіяхъ комитетовъ въ губерніяхъ Царства Польскаго [1]). «Къ трудамъ мѣстныхъ совѣщаній по вопросу о подъемѣ сельскохозяйственной промышленности здѣшніе помѣщики относятся съ большою отзывчивостью и съ живымъ интересомъ. Между приглашенными въ совѣщаніе представителями мѣстнаго землевладѣнія повидимому состоялось соглашеніе по важ-

---

1) Е. Алексѣевъ. Сервитутный вопросъ. «Нов. Время», 3 декабря 1902 г. № 9609.

нѣйшимъ вопросамъ и ходатайства землевладѣльцевъ всѣхъ 10 губерній края получаютъ въ общемъ однообразный характеръ. Руководители здѣшней помѣщичьей среды надѣются, что при такомъ однообразіи ходатайствъ будетъ якобы больше шансовъ на удовлетвореніе этихъ ходатайствъ. Теперь въ здѣшнихъ совѣщаніяхъ выдвигается на очередь сервитутный вопросъ. Этотъ вопросъ имѣетъ большую важность хотя бы потому, что въ Привислинскомъ краѣ пользуется сервитутнымъ правамъ 201,929 крестьянскихъ усадебъ»... «Представители мѣстнаго землевладѣнія» согласились, какъ говорится въ этомъ сообщеніи, единогласно высказаться по этому вопросу въ томъ смыслѣ, «чтобъ сервитуты, при соотвѣтственномъ вознагражденіи крестьянъ, по требованію владѣльца подверженнаго сервитутамъ грунта (земли), могли быть отмѣнены и чтобы приняты были мѣры къ *понужденію* крестьянъ *соглашаться* на отмѣну сервитутавъ за *денежное* вознагражденіе», которое должно опредѣляться особыми комиссіями изъ помѣщиковъ и крестьянъ. но *безъ* участія въ нихъ коммиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, на которыхъ лежитъ охрана крестьянскихъ интересовъ: на обязанность же послѣднихъ, наоборотъ, предпологается, по этому проекту, «возложить *содѣйствіе къ отмѣнѣ* сервитутовъ по рѣшеніямъ вышепомянутыхъ комиссій».

На мой взглядъ, въ такомъ соглашеніи землевладѣльцевъ нѣтъ ничего удивительнаго: сервитутный вопросъ дѣйствительно затрагиваетъ существенные интересы помѣщиковъ и каждому, конечно, интересно разрѣшеніе этого вопроса въ направленіи наиболѣе для него выгодномъ,—какъ же не воспользоваться поэтому надлежащимъ образомъ единственнымъ, можетъ быть, въ жизнѣ случаемъ, когда мѣстнымъ землевладѣльцамъ позволено было коллективно высказаться передъ правительствомъ о мѣстныхъ нуждахъ?! И если я указалъ на приведенный фактъ, то только для того, чтобы лучше выяснить то важное значеніе, которое самыми членами комитетовъ придавалось сервитутному вопросу въ ряду «пунктовъ», подлежавшихъ ихъ обсужденію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указать на то единодушіе, предусмотрительную обдуманность и энергію, съ ко-

торой проводилось рѣшеніе этого вопроса въ желательномъ направленіи.

Въ какомъ же направленіи этотъ же вопросъ проводился у насъ въ комитетахъ юго-западнаго края?

Рѣшенія уѣздныхъ комитетовъ по этому вопросу приняли два направленія—одни высказались за добровольное разверстаніе, другіе за обязательное, при чемъ изъ высказавшихся за обязательное, часть признала необходимымъ общее, равно для всѣхъ обязательное разверстаніе, часть высказалась за установленіе обязательности разверстанія по требованію одной изъ сторонъ. Изъ губернскихъ же комитетовъ два—Кіевскій и Подольскій высказались за рѣшеніе данного вопроса путемъ добровольного разверстанія, а Волынскій—за общеобязательное.

Надо замѣтить, что будь эти засѣданія комитетовъ нѣсколько лѣтъ назадъ, громадное большинство помѣстныхъ владѣльцевъ высказалось бы—и дѣйствительно постоянно высказывалось—на сельскохозяйственныхъ съѣздахъ, въ печати, въ массѣ заявленій и записокъ, подававшихся мѣстнымъ губернаторамъ, генералъ-губернаторамъ и министерству внутреннихъ дѣлъ—за обязательное разверстаніе. Подъ вліяніемъ именно этихъ постоянныхъ жалобъ на сервитуты и многочисленныхъ настойчивыхъ заявленій о крайней необходимости скорѣйшаго введенія обязательнаго разверстанія, мѣстныя крестьянскія учрежденія, по порученію министерства и генералъ-губернаторовъ, то и дѣло занимались собираніемъ свѣдѣній по сервитутному вопросу, составленіемъ и переставленіемъ проектовъ обязательнаго разверстанія. Въ 1892 г. для этого созвано было даже подъ предсѣдательствомъ ст.-секр. Дурново особое совѣщаніе съ участіемъ мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ, въ 1899 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ выработанъ былъ и разосланъ въ мѣстныя учрежденія проектъ обязательнаго разверстанія для всѣхъ губерній юго-западнаго и сѣверо-западнаго края, который, благодаря происшедшимъ затѣмъ смѣнамъ въ личномъ составѣ министерствъ и генералъ-губернаторствъ, а частію, можетъ быть, и новымъ теченіямъ въ сервитутномъ вопросѣ,

остался не осуществленнымъ. Сорокъ лѣтъ прошло съ того времени, какъ раздались первыя жалобы на стѣсненіе частнаго хозяйства отъ пастбищныхъ сервитутовъ и первыя требованія о необходимости обязательнаго разверстанія съ уничтоженіемъ ихъ, по возможности, за наименьшее вознагражденіе, но вопросъ оставался не разрѣшеннымъ. Между тѣмъ сорокъ лѣтъ опыта и наблюденій, сорокъ лѣтъ неизбѣжной практики сервитутныхъ отношеній, сорокъ лѣтъ борьбы ихъ за сервитуты, должны же были въ концѣ концовъ дать извѣстные результаты—какъ въ смыслѣ выясненія практическаго значенія тѣхъ или иныхъ выработанныхъ опытомъ средствъ и мѣръ борьбы съ сервитутами, такъ и въ отношеніи уясненія самого, такъ сказ., теченія сервитутнаго вопроса во времени: держутся ли всѣ пастбищные сервитуты крѣпко, безъ измѣненій въ прежнемъ объемѣ и видѣ, или же тѣ или другіе изъ нихъ начинаютъ сокращаться или видоизмѣняться въ какомъ либо направленіи. Конечно, измѣненія эти не могли имѣть мѣста въ первое время. Вначалѣ и самые сервитуты не казались такъ стѣснительны, какъ теперь, потому что отношенія сторонъ не были такъ обострены, какъ въ настоящее время, и у помѣщиковъ и у крестьянъ существовало одинаковое трехполье, крестьяне въ то время не на столько еще нуждались въ выпасахъ, чтобы землевладѣльцы могли надѣяться пріобрѣсть себѣ хорошую доходную статью отъ сдачи земель подъ выпасъ послѣ отобранія у нихъ сервитутовъ—и пр. Затѣмъ когда съ постепеннымъ измѣненіемъ всѣхъ этихъ условій, сервитутный вопросъ сталъ все болѣе и болѣе обостряться, большинство землевладѣльцевъ если только не всѣ они,—видѣло единственный исходъ изъ даннаго положенія въ распоряженіяхъ свыше—въ формѣ введенія облегчительныхъ условій добровольныхъ разверстаній или же въ видѣ разверстанія обязательнаго. Сначала даже большинствомъ предпочиталась первая форма, такъ какъ крестьяне еще не вполнѣ уяснили себѣ значеніе сервитутовъ, сравнительно менѣе дорожили ими и потому охотнѣе шли на соглашенія. Но съ теченіемъ времени крестьяне стали упорнѣе отстаивать свои интересы, требуя все большія вознагражденія за подлежавшія уничтоженію серви-

туты, а иногда и отказываясь отъ разверстанія совершенно. Тогда приходилось отложить надежды на полюбовныя соглашенія и возложить ихъ или на обязательное разверстаніе по приказанію свыше, или же, выражаясь языкомъ Гл. Успенскаго, на «собственныя средствія». Первое казалось, конечно, и легче и скорѣе осуществимымъ: проще, конечно, похлопотать у начальства, чѣмъ придумывать мѣры борьбы и проводить ихъ на практикѣ. И надежды эти казались весьма основательными, чему доказательствомъ служитъ между прочимъ то усердіе, съ которымъ, какъ указано выше, сервитутный вопросъ, благодаря настояніямъ владѣльцевъ сталъ разрабатываться въ присутствіяхъ и канцеляріяхъ. Однако разработка его длилась чрезмѣрно долго. Составлявшіеся на мѣстахъ проекты пересматривались губернаторами, дополнялись новыми свѣдѣніями, измѣнялись, отправлялись генералъ-губернаторамъ возвращались для дополненія, пересоставленія, пересматривались и измѣнялись для отправленія въ министерство, гдѣ обыкновенно не могли окончиться разсмотрѣніемъ или потому, что составленные проекты не совпадали съ взглядами на этотъ вопросъ самого министерства, или потому, что тѣмъ временемъ въ министерство поступалъ съ мѣста новый проектъ противоположнаго направленія отъ новаго генералъ-губернатора, назначеннаго на мѣсто составителя недавно представленнаго проекта и т. д. и т. д. Время шло, отношенія сторонъ обострялись, надежды на рѣшеніе вопроса путемъ добровольныхъ соглашеній все болѣе и болѣе исчезали, потребность частныхъ владѣній въ уничтоженіи сервитутовъ съ распространеніемъ интенсивной культуры (и въ частности культуры свеклы—съ все большимъ расширеніемъ сахарной промышленности) все болѣе увеличивались, цѣны на выпасъ росли, обѣщая крупное увеличеніе доходовъ имѣній отъ сдачи земель подъ пастьбу, задолженность частныхъ владѣній усиливалась, тѣмъ самымъ увеличивая для нихъ затруднительность выдачи вознагражденія за сервитуты землею, которая при томъ стала сильно расти въ цѣнѣ. Все это говорило за необходимость скорѣйшаго рѣшенія вопроса и при томъ уже, по возможности, въ такомъ видѣ, чтобы уничтоженіе сервитутовъ не было связано съ выдачею за

нихъ вознагражденія, что неизбѣжно было бы при разверстаніи обязательномъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ исчезновеніемъ надеждъ на скорое рѣшеніе сервитутнаго вопроса не только путемъ добровольныхъ соглашеній, но даже и путемъ обязательнаго разверстанія, осуществленіе котораго, волею канцелярскихъ судебъ, очевидно откладывалось въ долгій ящикъ, постепенно стали слагаться теченія въ пользу рѣшенія дѣла «своими средствіями». Попытки отдѣльныхъ лицъ добиться этими путями освобожденія отъ стѣснявшихъ ихъ имѣнія сервитутовъ, конечно, начались уже давно и въ извѣстныхъ случаяхъ при достаточномъ умѣньѣ, настойчивости и стеченіи извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, приводили къ желательнымъ результатамъ[1]). Удача нѣкоторыхъ изъ этихъ попытокъ, разумѣется, вызывала подражателей. При выясненномъ стеченіи обстоятельствъ, попытки эти стали все болѣе и болѣе учащаться, а количество фактовъ, свидѣтельствовавшихъ объ удачномъ примѣненіи придуманныхъ средствъ, увеличиваться. Къ этому прибавился постепенно обширный рядъ несомнѣнныхъ фактовъ, когда и безъ всякаго намѣренія вести борьбу съ сервитутами, послѣдніе сокращались или исчезали въ тѣхъ или другихъ имѣніяхъ просто подъ вліяніемъ мѣропріятій, связанныхъ съ расширеніемъ и улучшеніемъ сельскохозяйственной культуры. И вотъ въ результатѣ всего этого явилась новая надежда—надежда на разрѣшеніе сервитутнаго вопроса, *не ожидая* обязательнаго разверстанія *и безъ* таковаго—путемъ систематическаго примѣненія мѣръ, направленныхъ непосредственно на уничтоженіе пастбищныхъ сервитутовъ. А вскорѣ эта надежда окрылись новыми утѣшительными данными, свѣдѣнія о которыхъ съ замѣчательною быстротою распространились во всѣ частновладѣльческіе углы юго-западнаго края,—данными о совершившемся въ нѣсколькихъ селеніяхъ житомірскаго уѣзда, волынской губ., добровольномъ, по примѣру сосѣднихъ нѣмцевъ-колонистовъ, разселеніи крестьянъ по хуторамъ, сопровождавшемся сплошнымъ уничтоженіемъ общаго

---

1) Подробности см. въ моей статьѣ: „Сервитутной вопросъ въ западномъ краѣ»—Русск. Мысль, 1899 г. №№ 7, 8 и 9.

сѣвооборота, а слѣдовательно и общей толоки и, какъ само собою понятно, окончательнымъ уничтоженіемъ толочнаго сервитута безъ всякихъ, конечно, земельныхъ доплатъ или какихъ бы то ни было расходовъ со стороны помѣщиковъ. Такое—примѣненное на практикѣ въ возможно широкомъ видѣ—разселеніе крестьянъ по хуторамъ давало еще одинъ новый и большой шансъ на скорое разрѣшеніе сервитутнаго вопроса безъ всякаго обязательнаго разверстанія, а слѣдовательно и обязательнаго вознагражденія —лишь бы удалось провести въ жизнь этотъ неожиданно выплывшій на сцену проектъ разселенія по хуторамъ въ интересахъ исключительно якобы повышенія сельскохозяйственной культуры у крестьянъ и улучшенія ихъ благосостоянія. И вотъ въ результатѣ всего этого образовалось новое теченіе въ сервитутномъ вопросѣ—теченіе радикально противуположное прежнему настойчивому стремленію къ обязательному разверстанію, признающее его наоборотъ безусловно не соотвѣтствующимъ нуждамъ даннаго момента, невыгоднымъ и даже вреднымъ для помѣстнаго землевладѣнія (и предлагающее поэтому предоставить разрѣшеніе сервитутнаго вопроса—опять—«добровольнымъ соглашеніямъ заинтересованныхъ сторонъ» съ внесеніемъ въ него только нѣкоторыхъ видоизмѣненій, облегчающихъ уничтоженіе сервитутовъ—о чемъ рѣчь будетъ впереди).

Это новое теченіе обнаружилось на первыхъ же засѣданіяхъ мѣстныхъ уѣздныхъ комитетовъ и было отмѣчено въ мѣстной прессѣ. Очень характерна въ этомъ отношеніи слѣдующая случайная замѣтка, перепечатанная изъ «Волыни» въ «Кіевской Газ.» (1902 г. № 333): «Волынь отмѣчаетъ, что вопросъ объ обязательной отмѣнѣ сервитутовъ потерялъ почти все былое сочувствіе заинтересованныхъ въ дѣлѣ помѣщиковъ. Это своего рода признакъ времени, признакъ того, что въ положеніи вопроса наступила перемѣна, въ которой крестьяне разбираются плохо, а землевладѣльцы—съ полною ясностью. Какъ извѣстно, въ рукахъ владѣльцевъ и до сихъ поръ было не мало способовъ уравновѣшивать въ свою пользу невыгодность сервитутовъ. Стѣсняемые сервитутами въ правѣ распоряженія своею собственностью, терпя нерѣдко отъ этого матеріаль-

ные убытки и не имѣя нерѣдко возможности заключить добровольную сдѣлку о замѣнѣ сервитутовъ—вслѣдствіе чрезмѣрныхъ требованій крестьянъ, землевладѣльцы пускали въ ходъ всякаго рода строгости и придирки. Они безпощадно преслѣдовали крестьянъ за малѣйшее нарушеніе, въ особенности, лѣсныхъ сервитутовъ, а также распахивали поля немедленно послѣ уборки хлѣба, не держали долго полей подъ паромъ, задерживали уборку сѣна на лугахъ и вообще всячески мѣшали крестьянамъ фактически осуществлять пастбищные сервитуты. Благодаря всѣмъ этимъ ухищреніямъ, черезъ 10—15 лѣтъ, въ большинствѣ имѣній отъ лѣсныхъ сервитутовъ останется очень мало въ смыслѣ пользы для крестьянъ, а отъ пастбищныхъ и совсѣмъ ничего. Тѣмъ не менѣе такая перспектива не устрашаетъ крестьянъ и пока еще съ ними нелегко столковаться относительно замѣны сервитутовъ извѣстнымъ денежнымъ вознагражденіемъ. Землевладѣльцы же, которые еще недавно чуть не поголовно стояли за отмѣну сервитутовъ, теперь начинаютъ учитывать недалекое будущее и уже, не заговаривая о сдѣлкахъ, продолжаютъ «малую войну», которая мало-по-малу превращаетъ сервитуты въ ничто».

Какъ далеко ушелъ впередъ данный процессъ исчезновенія сервитутовъ, объ этомъ можно судить по нижеприводимому «особому мнѣнію», приложенному къ постановленію Кіевскаго губернскаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности по сервитутному вопросу, подъ которымъ подписалось десять изъ (приблизительно) 35 участвовавшихъ въ этомъ засѣданіи членовъ комитета. Вотъ это «особое мнѣніе», довольно полно и вполнѣ правильно характеризующее причины и условія, при которыхъ происходитъ процессъ исчезновенія сервитутовъ

«Ближайшее знакомство съ положеніемъ сервитутнаго вопроса убѣждаетъ нижеподписавшихся въ постепенномъ и все увеличивающемся уничтоженіи пастбищныхъ сервитутовъ и въ томъ числѣ такъ называемаго права толоки. Причинами этого явленія служатъ: а) раздробленіе имѣній при продажѣ ихъ частями въ разныя руки, б) раздробленіе ихъ при раздѣлахъ между сона-

слѣдниками [1]) и в) продажа обремененныхъ пастбищными сервитутами имѣній крестьянамъ [2]). Кромѣ того въ частности право на толоку исчезаетъ для крестьянъ, г) съ введеніемъ на помѣщичьихъ земляхъ многополья, б) съ введеніемъ на помѣщичьихъ земляхъ (неоставляющей времени для пастьбы скота), особенно ранней обработки паровъ и стерни (пожнивья), д) съ улучшенною обработкою помѣщичьей земли, устраняющей возможность произрастанія травъ на парахъ и стернѣ, е) съ значительнымъ увеличеніемъ помѣщикомъ количества выпасаемаго на нихъ скота, и въ особенности овецъ, доведенномъ до размѣровъ, не оставляющихъ уже мѣста для выпаса «на толокѣ» крестьянскаго скота [3]). При

[1]) Новообразовавшіяся путемъ распродажи или раздѣла между наслѣдниками владѣнія обыкновенно оказываются (въ ихъ новыхъ границахъ) въ большинствѣ не смежными съ землями крестьянъ что само собою ведетъ къ прекращенію пользованія сервитутомъ.— Примѣч. автора.

[2]) Имѣя, обыкновенно, такое количество скота, для прокормленія котораго необходимы всѣ имѣющіяся на купленной землѣ выпасы, крестьяне-покупщики, благодаря уже одному этому, являются единственными пользователями всѣхъ на ней выпасовъ, а крестьяне владѣющіе сервитутнымъ правомъ на эту землю, зная это и ожидая при этихъ условіяхъ встрѣтить (что дѣйствительно и бываетъ при попыткахъ ихъ выпасать и свой скотъ на этой землѣ) сопротивленіе силою, обыкновенно даже и не пробуютъ пользоваться своимъ сервитутнымъ правомъ.—Примѣч. авт.

[3]) Въ недавно изданномъ (1902 г.) «Статистико-экономическомъ очеркѣ Винницкаго уѣзда» гр. Д. Ѳ. Гейдена сказано между прочимъ, что фактически «толока въ полномъ объемѣ *мало (уже) гдѣ существуетъ* на помѣщичьей землѣ, такъ какъ *почти всѣ* помѣщики сѣютъ клеверъ въ пору и крестьянскій скотъ *имѣетъ лишь прогоны къ своимъ полямъ*». Въ постановленіи Подольскаго губернскаго комитета констатируется фактъ, что «дѣйствительность, хотя и медленно, *сокращаетъ* размѣръ примѣненія права общей пастьбы скота. *Такъ оно само собою и упразднилось во всѣхъ* тѣхъ неразверстанныхъ имѣніяхъ и отдѣльныхъ частяхъ ихъ, которыя не перемежались непосредственно крестьянскими угодьями въ одномъ общемъ сѣвооборотѣ»... Подробности о томъ, какъ и почему исчезаютъ сервитуты при всѣхъ этихъ условіяхъ см. въ моей предыдущей статьѣ по этому вопросу (Р. М. 1898 № 7, 8, 9). Примѣч. авт.

этомъ факты подобнаго рода въ однихъ имѣніяхъ обусловливаются естественнымъ переходомъ къ улучшенному хозяйству и усовершенствованнымъ культурамъ, въ другихъ—опредѣленнымъ намѣреніемъ разъ навсегда отучить крестьянъ отъ пользованія правомъ толоки. Въ свою очередь, для помѣщиковъ право на общую толоку пропадаетъ полностію въ появляющихся изрѣдка случаяхъ уничтоженія крестьянами паровой смѣны на надѣльныхъ земляхъ и—частію—путемъ застройки прилегающихъ къ селенію полевыхъ земель. Въ частности, лѣсные сервитуты (право пастьбы крестьянскаго скота въ помѣщичьемъ лѣсу) исчезаютъ также: а) съ поселеніемъ на подлѣсныхъ земляхъ колонистовъ, раскорчевывающихъ подъ свои колоніи обширныя лѣсныя площади съ обращеніемъ ихъ подъ сельскохозяйственныя культуры и б) путемъ общаго расширенія посѣвной площади на счетъ сокращенія пространства подлѣсныхъ земель вырубкою лѣсовъ и обращеніемъ оставшейся изъ подъ нихъ земли подъ сельскохозяйственную культуру.

Такимъ образомъ исчезновеніе пастбищныхъ сервитутовъ происходитъ главнымъ образомъ благодаря все болѣе и болѣе увеличивающемуся прогрессу культуры и уже только вслѣдствіе одного этого полное исчезновеніе ихъ представляется неизбѣжнымъ, если только правительствомъ не будутъ приняты въ законодательномъ порядкѣ экстренныя мѣры къ огражденію ихъ отъ исчезновенія безъ выдачи соотвѣтственнаго за нихъ вознагражденія. Необходимость такихъ мѣръ, при условіи неизбѣжности исчезновенія пастбищныхъ сервитутовъ, обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что исчезновеніе это происходитъ безъ выдачи какого бы то ни было вознагражденія за утрату предоставленнаго закономъ права, которое имѣетъ для населенія весьма важное значеніе и тѣмъ существенно нарушаетъ его экономическіе интересы и понижаетъ его платежеспособность. Поэтому, въ интересахъ послѣдняго, на государствѣ лежитъ обязанность, законодательнымъ же путемъ оградить отъ ничѣмъ невознаградимой утраты законныя права населенія, никакое нарушеніе которыхъ по самому существу законовъ о пастбищныхъ сервитутахъ не

можетъ имѣть мѣста безъ выдачи соотвѣтственнаго вознагражденія за таковые. Считая установленіе законодательнымъ путемъ особыхъ мѣръ, направленныхъ къ полному огражденію сервитутовъ отъ происходящаго массового исчезновенія ихъ безъ всякаго вознагражденія, дѣломъ настоятельнымъ и спѣшнымъ, мы находимъ, что мѣра эта должна быть распространена и на такъ называемое право толоки, въ томъ случаѣ, если таковое будетъ признано видомъ сервитутныхъ правъ, дающимъ право на полученіе соотвѣтствующаго вознагражденія въ случаѣ его потери. Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ, въ виду недостаточной ясности относящихся къ нему законовъ и противорѣчивости рѣшеній Сената, весьма многими помѣщиками считается спорнымъ, что значительно осложняетъ отношенія завязанныхъ въ это время споровъ и еще болѣе ускоряетъ процессъ уничтоженія этого права. Посему, независимо отъ установленія практикуемыхъ мѣръ къ огражденію сервитутовъ, во всякомъ случаѣ до ихъ изданія, необходимо законодательное разъясненіе о правѣ сторонъ на вознагражденіе за потерю права толоки, чтобы въ случаѣ признанія таковаго, ограждающія мѣры могли быть распространены и на послѣднее».

Изъ одного уже этого «мнѣнія» читатель можетъ судить, какъ много существуетъ причинъ, способствующихъ постепенному исчезновенію пастбищныхъ сервитутовъ безъ вознагражденія и на сколько поэтому основательны надежды тѣхъ, кто оставляя мысль о необходимости обязательнаго разверстанія, возлагаетъ свои упованія только на мѣры, направленныя къ сокращенію и уничтоженію самихъ сервитутовъ.

Если же, несмотря на все это, мнѣнія трехъ губернскихъ комитетовъ не объединились все таки, какъ было указано выше, на отрицаніи обязательнаго разверстанія, какъ мѣры теперь уже невыгодной для помѣщиковъ, то это, тѣмъ не менѣе вполнѣ объяснимо и по всей вѣроятности, зависѣло отъ двухъ главнѣйшихъ причинъ. Первая заключалась въ различіи мѣстныхъ условій, вторая же въ томъ, что съ одной стороны, не всѣ еще разочаровались въ возможности скораго осуществленія обязательнаго разверстанія, а

съ другой, и не всѣ одинаково убѣдились въ наибольшей выгодности рекомендуемаго теперь способа разрѣшенія сервитутнаго вопроса.

Что касается помянутаго различія мѣстныхъ условій—а именно, съ одной стороны, мѣстныхъ условій Волыни, а съ другой—мѣстныхъ условій Подоліи и Кіевщины, по которымъ представители первой высказались за обязательное разверстаніе, а вторыхъ двухъ—противъ него, то различіе это настолько существенно, что дѣйствительно могло обусловить и разницу въ рѣшеніяхъ даннаго вопроса. Суть въ томъ, что значительная часть Волыни принадлежитъ къ области Полѣсья, гдѣ чрезполосица владѣній, крайне при томъ дробная, неизмѣримо больше, чѣмъ въ Подоліи и Кіевщинѣ (за исключеніемъ развѣ полѣсской части Кіевской губ.—уѣздовъ радомысльскаго и части кіевскаго). Чрезполосица эта часто весьма невыгодна для хозяйства и составляетъ нерѣдко источникъ обострѣнія отношеній между помѣщиками и крестьянами (частые захваты, споры изъ-за границъ владѣній и пр.). Одна уже эта чрезполосица, безъ всякихъ сервитутовъ, представляетъ такое явленіе, которое заставляетъ хлопотать о возможно скорѣйшемъ разверстаніи, т. е. высказаться противъ добровольнаго разверстанія, которымъ разрѣшеніе даннаго вопроса завѣдомо откладывалось бы на долгое время. Что же касается до пастбищныхъ сервитутовъ, то о нихъ слѣдуетъ сказать, что въ Полѣсьѣ преобладаютъ лѣсные сервитуты, а внѣ Полѣсья—толочный. Послѣдній, какъ уже можно было отчасти заключить и изъ предыдущаго, гораздо легче уступаетъ принимаемымъ противъ него ограничительнымъ мѣрамъ и исчезъ уже въ значительномъ количествѣ имѣній, тогда какъ борьба съ первымъ гораздо труднѣе. Правда, площадь занятая лѣсными пастбищными сервитутами, успѣла уже порядочно посократиться, но она все еще сравнительно велика и сокращеніе ея идетъ все-таки медленными шагами, тѣмъ болѣе, что законодательная охрана лѣсовъ отъ вырубки, а слѣдовательно и обращеніе подлѣсныхъ земель въ другія угодья, составляетъ въ тоже время и одно изъ важныхъ препятствій къ сокращенію площади лѣсныхъ выпасовъ.

А при этихъ условіяхъ въ Полѣсьѣ и крестьяне (у которыхъ при томъ болѣе развито скотоводство) менѣе склонны на соглашенія и самый этотъ лѣсной сервитутъ труднѣе поддается искорененію; слѣдовательно болѣе или менѣе скораго избавленія отъ сервитутовъ своими средствами ожидать трудно. Между тѣмъ проектируемое обязательное разверстаніе несомнѣнно освободитъ и отъ сервитутовъ и отъ чрезполосицы, а если при немъ и придется удѣлить нѣкоторую часть земли въ вознагражденіе за упраздняемые сервитуты, то о размѣрѣ этой части еще можно будетъ поспорить, да и земля здѣсь далеко не такъ цѣнна, какъ на югѣ. А главное это то, что въ отношеніи лѣсныхъ сервитутовъ можно надѣяться на довольно выгодное разрѣшеніе этого вопроса путемъ выдвинутаго на очередь предложенія, чтобы отмѣна лѣсныхъ сервитутовъ произведена была путемъ «*выкупа* цѣнности таковыхъ», при которомъ убытокъ отъ отрѣзки части помѣщичьей земли въ вознагражденіе за упраздняемый сервитутъ будетъ покрытъ выкупною суммой.

Въ виду всего этого, нѣтъ ничего страннаго и противорѣчиваго въ томъ, что, несмотря на появленіе помянутаго новаго теченія въ сервитутномъ вопросѣ, въ Волынскомъ комитетѣ большинство оказалось по прежнему на сторонѣ обязательнаго разверстанія. Комитетъ этотъ и мотивировалъ свое постановленіе о необходимости рѣшенія даннаго вопроса «принудительнымъ порядкомъ» именно тѣмъ, что въ Волынской губ. «*чрезвычайно трудно разсчитывать на добровольное соглашеніе въ этомъ дѣлѣ крестьянъ и землевладѣльцевъ*, особенно при могущей встрѣтиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ затруднительности произвести оцѣнку обусловливаемыхъ сервитутомъ выгодъ, часто даже немогущихъ быть возмѣщенными деньгами, что заставляетъ стороны предъявлять нерѣдко трудно примиримыя между собою претензіи». При этомъ, чтобы доказать сравнительно легкую осуществимость принудительнаго разверстанія, Волынскій комитетъ въ полную противоположность мнѣнію Кіевскаго комитета, хотя и не безъ очень серіознаго отступленія отъ истины, указалъ на то, что «принудительное разверстаніе найдетъ въ сознаніи населенія уже подготовленную почву».

Нечего и говорить, конечно, что, высказавшись за обязательное разверстаніе, какъ за наиболѣе желательное, Волынскій комитетъ, на случай неосуществленія этой мѣры, высказался вмѣстѣ съ тѣмъ и за желательность установленія нѣкоторыхъ мѣръ, какъ къ облегченію добровольныхъ разверстаній, такъ и къ облегченію борьбы съ сервитутами. Въ числѣ первыхъ онъ, между прочимъ, указалъ[1]) на необходимость законодательнаго установленія такого порядка голосованія вопроса о разверстаніи и разселеніи на сельскихъ сходахъ, при которомъ вопросы эти рѣшались бы не двумя третями, а простымъ большинствомъ голосовъ. Въ отношеніи же мѣръ къ сокращенію сервитутовъ и облегченію борьбы съ ними комитетъ указалъ, во первыхъ, на необходимость «изданія закона о томъ, чтобы судебныя установленія при возбужденіи исковъ объ убыткахъ *не дѣлали распространительнаго* толкованія сервитутныхъ правъ», а во вторыхъ, на необходимость «въ видахъ облегченія перехода къ улучшеннымъ системамъ хозяйства подтвердить законодательнымъ порядкомъ сенатскую практику» о томъ, что крестьяне, владѣющіе сервитутомъ, не имѣютъ права препятствовать измѣненію общаго (съ помѣщиками) сѣвооборота и «что пастбищные сервинуты распространяются только на свободныя отъ посѣвовъ земли и на *незанятыя посѣвомъ травъ* пожнивья». Въ рѣшеніяхъ этихъ онъ уже оказался солидарнымъ съ постановленіями большинства комитетовъ кіевской и подольской губ.

Обратимся однако къ рѣшеніямъ Кіевскаго и Подольскаго комитетовъ, такъ какъ въ нихъ именно и сказались новыя теченія въ сервитутномъ вопросѣ.

Читатель уже знаетъ, что въ основу ихъ рѣшеній положено отрицаніе принудительнаго разверстанія и замѣна его добровольными соглашеніями, которыя въ сущности приведены только для проформы, для прикрытія истинныхъ намѣреній большинства чле-

[1]) Какъ и комитеты кіевской и подольской губерній.

новъ этихъ комитетовъ, давно извѣрившагося въ добровольныя разверстанія, недавно еще безусловно отрицавшаго ихъ и выставившаго теперь одновременно съ добровольными соглашеніями, цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ облегченію борьбы съ сервитутами, въ которыхъ собственно и заключается вся суть данной стратагемы.

Чтобы покончить съ выясненіемъ вопроса о невозможности скораго и правильнаго рѣшенія сервитутнаго вопроса путемъ добровольныхъ разверстаній, достаточно вкратцѣ повторить то, что мною высказано было лично въ засѣданіи Кіевскаго губернскаго комитета и что, въ сущности, составляло краткое извлеченіе изъ III главы моей статьи о «сервитутномъ вопросѣ въ западномъ краѣ» [1]).

За сорокъ лѣтъ путемъ добровольныхъ соглашеній, на которыя возлагались въ свое время огромныя надежды, разверстано приблизительно не болѣе 7% имѣній, при чемъ разверстаніе это, сводясь нерѣдко только къ уничтоженію одной черезполосицы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ совсѣмъ не приводило къ уничтоженію сервитутовъ. Большая часть добровольныхъ разверстаній совершена къ тому же въ первый періодъ по надѣленіи крестьянъ землею, когда крестьяне не сознавали еще значенія этой мѣры и отношенія сторонъ не успѣли еще опредѣлиться. Разверстанными оказались въ концѣ концовъ имѣнія болѣе мелкія и тѣ, въ которыхъ крестьяне обладали наиболѣе важными для нихъ сервитутами, слѣдовательно и при указанныхъ условіяхъ крестьяне шли на соглашенія преимущественно тамъ, гдѣ сервитуты не имѣли для нихъ особенно существеннаго значенія. Въ тоже время размѣры полученныхъ крестьянами вознагражденій за упраздненные сервитуты стояли внѣ какой бы то ни было логической связи съ размѣрами этихъ сервитутовъ, простираясь въ отдѣльныхъ случаяхъ отъ полнаго нуля до 205% размѣра крестьянскаго надѣла. Эго несоотвѣтстіе между размѣрами сервитутовъ и вознагражденія за нихъ зависѣло отъ многихъ «стороннихъ» причинъ,

---

[1]) Р. М. 1899 № 8.

каковы, напр., степень нужды и желанія сторонъ идти на тѣ или иныя уступки, степень склонности крестьянъ къ принятію тѣхъ или другихъ предложеній, степень пониманія сторонами и своихъ правъ и послѣдствій предстоящаго разверстанія, вліяніе мѣстныхъ представителей крестьянскихъ учрежденій и т. п. При большей несговорчивости крестьянъ нуждавшемуся въ разверстаніи владѣльцу по неволѣ приходилось повышать свои предложенія. объемъ же требованій крестьянъ нерѣдко исходилъ не изъ оцѣнки теряемаго сервитута, а изъ соображеній о степени нужды помѣщика въ разверстаніи, изъ желанія побольше сорвать съ него и т. п. Благодаря всему этому, «полюбовныя» сдѣлки эти носили на себѣ характеръ торга, въ которомъ стороны, путемъ взаимныхъ уступокъ, надбавокъ, обходовъ, замалчиваній и ухищреній, въ концѣ концовъ наконецъ приходили къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ. Въ результатѣ неразверстанными остались преимущественно тѣ имѣнія, которыя обременены наиболѣе важными сервитутами, т. е. тѣ, гдѣ наиболѣе трудно достигнуть добровольнаго соглашенія. И до послѣдняго времени дѣло добровольныхъ разверстаній стояло въ большинствѣ неразверстанныхъ имѣній въ такомъ положеніи, что крестьяне не шли ни на какія соглашенія и чѣмъ больше настаивали на разверстаніи помѣщики, тѣмъ болѣе непомѣрно возвышали свои требованія крестьяне. Въ нѣкоторыхъ же селеніяхъ и сами крестьяне не были противъ разверстанія, но не иначе какъ только обязательнаго, т. е. нормированнаго закономъ, такъ какъ ихъ пугали неудачные примѣры добровольныхъ разверстаній ихъ сосѣдей, сказавшіеся неблагопріятными для нихъ послѣдствіями. Въ самое же послѣднее время, когда все чаще стали появляться случаи исчезновенія сервитутовъ, стало увеличиваться и число селеній, желающихъ добровольнаго или какого бы то ни было разверстанія, но въ этихъ случаяхъ противъ таковаго высказывались уже сами помѣщики въ виду невыгодности и даже ненадобности послѣдняго при условіи возможнаго исчезновенія сервитутовъ безъ вознагражденія и безъ всякаго разверстанія.

Вотъ въ какомъ положеніи стоитъ въ дѣйствительности дѣло добровольнаго разверстанія. Положеніе это вполнѣ уясняетъ полную невозможность возлагать какія бы то нибыло надежды на разрѣшеніе сервитутнаго вопроса путемъ полюбовныхъ соглашеній. Помимо этого, даже и при возможности подобныхъ надеждъ, нельзя допускать, чтобы судьба помѣстнаго или крестьянскаго землевладѣнія (какъ это обыкновенно имѣетъ мѣсто при добровольныхъ разверстаніяхъ) ставилась въ зависимость отъ случая, отъ степени пониманія или непониманія сторонами своихъ интересовъ и степени предвидѣнія будущихъ послѣдствій своихъ соглашеній. Нельзя допускать, чтобы столь существенные вопросы рѣшались посредствомъ неизбѣжнаго въ подобныхъ случаяхъ *торга* сторонъ (по торговому принципу: «не надуешь—не продашь»), допускающаго и обманы и давленія и вынужденныя уступки. Это—пріемъ совершенно непозволительный для рѣшенія государственныхъ вопросовъ, отнюдь не гарантирующій правильности ихъ рѣшенія.

Впрочемъ вся несостоятельность идеи рѣшенія сервитутнаго вопроса путемъ добровольныхъ разверстаній отлично и по горькому опыту извѣстна высказавшимся теперь за полюбовныя соглашенія землевладѣльцамъ, которые только недавно еще хлопотали объ обязательномъ разверстаніи именно на томъ основаніи, что отъ добровольныхъ нельзя ожидать никакого толку. Поэтому нѣтъ надобности распространяться объ этомъ далѣе тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ добровольныя разверстанія составляютъ только прикрытіе стратагемы, сущность которой сводится ни къ чему иному, какъ къ полному отрицанію и обязательнаго и добровольнаго разверстанія съ замѣною ихъ цѣлымъ рядомъ мѣръ, направленныхъ ко всяческому искоренію сервитутовъ.

Очень поучительные выводы даетъ разсморѣніе постановленій Кіевскаго и Подольскаго комитетовъ по этому вопросу и сравненіе этихъ постановленій между собою. Оба они, какъ сказано, высказались противъ обязательнаго и за добровольное разверстаніе. Обоимъ имъ не нравится обязательное разверстаніе главнымъ образомъ, разумѣется, потому, что при немъ неизбѣжна

выдача вознагражденія за упраздняемые сервитуты, да и не только за одни упраздняемые, но—что еще хуже—можетъ быть и за уже исчезнувшіе (если законъ о принудительномъ разверстаніи будетъ имѣть въ виду опредѣленіе вознагражденія за сервитуты не по фактическому ихъ существованію, а по соображенію съ документально доказанными юридическими правами каждаго селенія на сервитутъ).

Но оба они подходятъ къ дѣлу различными путями. Подольскій комитетъ, обсуждая вопросъ о вознагражденіи. которое, по его мнѣнію, «нѣтъ никакого юридическаго основанія давать за обоюдное право выпаса на толокахъ», не рѣшается въ тоже время игнорировать того обстоятельства, что «мнѣніемъ комитета министровъ 1875 г., подтвержденнымъ государственнымъ совѣтомъ въ 1886 и 1889 гг. и повтореннымъ въ Высочайше утвержденномъ журналѣ особаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Дурново въ 1891 г.» за крестьянами уже признано право на вознагражденіе за «толоку». Волей неволей рѣшивъ поэтому «принять такое указаніе къ руководству», онъ придумываетъ цѣлый рядъ мѣръ для обхода необходимости осуществленія этого мнѣнія Комитета министровъ, Государственнаго совѣта и Особаго совѣщанія. Съ этою цѣлью Комитетъ начинаетъ доказывать, что «прекращеніе права толоки путемъ правительственныхъ распоряженій *не желательно* (!), какъ вслѣдствіе крайней трудности оцѣнки его, такъ и потому, что крестьяне въ нѣкоторыхъ случаяхъ *давно привыкли къ этому праву и дорожатъ имъ* и потому принудительное прекращеніе его неизбѣжно вызоветъ *замѣшательства*, размѣръ которыхъ не можетъ быть *даже* (!) указанъ въ настоящее время»[1]). Вслѣдствіе всего этого ко-

---

[1]) Здѣсь, чтобы лучше оттѣнить степень искренности этихъ увѣреній о необходимости неуничтоженія „права толоки", умѣстно будетъ напомнить читателю приведенную выше въ примѣчаніи выдержку изъ постановленія того же Комитета по этому вопросу, констатировавшаго постепенное исчезновеніе столь дорогого и привычнаго для крестьянъ толочнаго сервитута безъ всякаго вознагражденія (и кстати безъ всякихъ „замѣшательствъ") во *всѣхъ* имѣніяхъ, гдѣ помѣщичьи земли

митетъ высказывается за то, чтобы это «дорогое для крестьянъ право» за ними непремѣнно *сохранить* (sic!); *но* за то со всею силою своей аргументаціи обрушивается на черезполосицу и вопіетъ о необходимости ея уничтоженія, «*не нарушая*»» (!?) все-таки «толочнаго сервитута». «Уничтожить чрезполосицу и отграничить крестьянскія и помѣщичьи угодья къ однимъ мѣстамъ» (что, какъ видитъ читатель изъ только что приведеннаго примѣчанія, и создастъ условія благопріятныя для исчезновенія «права толоки» или «обоюднаго права выпаса»)—«*съ отмѣною сервитутовъ* (?), *но безъ уничтоженія обоюднаго* (!) *права выпаса*» (!). По отношенію же къ послѣднему «регламентировать» *только* (!) «законъ 4 апрѣля 1865 г. *въ томъ направленіи*, чтобы помѣщикамъ и крестьянамъ въ неразверстанныхъ имѣніяхъ было предоставлено право *свободнаго* выбора необходимаго въ ихъ хозяйствѣ сѣвооборота *съ измѣненіемъ размѣра площади толочныхъ полей*», т. е. ввести законъ окончательно уже приводящій «право толоки» къ нулю безъ всякаго вознагражденія крестьянъ за потерю этого права. Механика, какъ видите, хотя и съ подходцемъ, но шитая бѣлыми нитками: чтобы избавиться отъ выдачи вознагражденія за право толоки, признать его *необходимымъ* для крестьянъ и хлопотать только объ уничтоженіи черезполосицы и о правѣ «свободнаго сѣвооборота»;—тогда принудительное уничтоженіе черезполосицы затруднитъ возможность фактическаго осуществленія «права толоки», а при этомъ условіи право «свободнаго сѣвооборота» и совсѣмъ доведетъ «общую толоку» до полнаго нуля!

Если сознаніе необходимости считаться съ помянутыми мнѣніями высшихъ государственныхъ учрежденій по вопросу о вознагражденіи за «право толоки» привело Подольскій комитетъ къ необходимости признать пользу его для крестьянъ и обрушиться главнымъ образомъ на черезполосицу, то рѣшеніе Кіевскаго комитета игнорировать заключенія этихъ государственныхъ учрежде-

---

„не перемежались непосредственно крестьянскими въ одномъ общемъ сѣвооборотѣ“.

ній, дало ему возможность оставить черезполосицу (размѣры которой въ дѣйствительности гораздо больше въ губерніи кіевской, чѣмъ въ подольской) въ покоѣ, доказывая даже ея безвредность, а вопіять на всѣ лады противъ самого права толоки. Кіевскій комитетъ, въ лицѣ составившагося въ немъ по этому вопросу большинства своихъ членовъ, въ полную противуположность мнѣнію Подольскаго комитета, настаиваетъ на томъ, что «*для большинства* имѣній уничтоженіе черезполосицы, вытекающей изъ трехпольной конфигураціи имѣній, *не составляетъ безусловной необходимости*»... «само по себѣ не можетъ быть признано непреодолимымъ препятствіемъ для веденія вполнѣ раціональнаго и даже высоко интенсивнаго хозяйства»... «и владѣльцы имѣній жалуются главнымъ образомъ не на эту черезполосность, а на невозможность пользоваться землей по своему усмотрѣнію, вслѣдствіе существованія общихъ выпасовъ на толокахъ и установившагося на практикѣ обязательнаго для помѣщиковъ трехпольнаго сѣвооборота; уничтоженіе же этого *послѣдняго* стѣсненія значительно ослабитъ для огромнаго большинства имѣній и *значеніе вопроса о разверстаніи*». Неупоминая затѣмъ ни однимъ словомъ о состоявшихся по вопросу о вознагражденіи за толоку заключеніяхъ нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій, Кіевскій комитетъ настаиваетъ просто на невозможности выдачи вознагражденія: «Тѣ землевладѣльцы, которые желали бы разверстанія, имѣютъ въ виду разверстаніе *безъ вознагражденія* крестьянъ за право общей толоки, а уѣздные комитеты, высказавшіеся за обязательное разверстаніе, *обходятъ* вопросъ о вознагражденіи *молчаніемъ*»... «Если же имѣть въ виду»... «вознагражденіе въ сколько-нибудь значительномъ размѣрѣ, то и огромное большинство землевладѣльцевъ *откажутся* отъ разверстанія»... «При значительныхъ размѣрахъ земельнаго или денежнаго вознагражденія оно окажется совершенно *непосильнымъ и разорительнымъ для землевладѣльцевъ, въ особенности принимая во вниманіе высокую ипотечную задолженность огромнаго большинства.* Если же такое вознагражденіе будетъ ничтожно, то оно *не возмѣститъ* крестьянамъ потерю крупнаго

и насильственнаго перелома ихъ хозяйства *и не удовлетворитъ ихъ желаній.* Крестьяне *сразу потеряютъ* пастбищное право безъ соотвѣтственныхъ приспособленій своего хозяйства, а между тѣмъ полученное земельное вознагражденіе, *если даже окажется возможнымъ* (?) прирѣзать его къ ихъ надѣльнымъ землямъ, превратится въ совершенно ничтожные клочки»...

Значитъ, рѣшеніе Комитета министровъ, Государственнаго совѣта и Особаго совѣщанія относительно выдачи вознагражденія привело бы, по мнѣнію Кіевскаго комитета, и помѣщиковъ и даже крестьянъ только къ разоренію, а потому—ясно—никакого разверстанія, ведущаго къ неизбѣжной выдачѣ вознагражденія,— ни обязательнаго, ни даже добровольнаго—не нужно. «А *необходимо лишь* предоставить какъ помѣщикамъ, такъ и крестьянамъ (!), *свободное* пользованіе ихъ землями для хозяйственныхъ надобностей, т. е. *свободный* сѣвооборотъ и *свободное* распоряженіе всѣми хозяйственными работами съ *оставленіемъ права общаго выпаса* на толокахъ и пожнивьяхъ, не занятыхъ травами или иными насажденіями (!). Такое свободное пользованіе землей *не* представляется *нарушеніемъ* чьихъ либо правъ (!) и единственно согласно съ мотивами и точнымъ смысломъ закона 4 апрѣля 1865 г., въ которомъ не заключается *ни малѣйшихъ ограниченій права распоряженія землею* и никакихъ указаній относительно трехпольнаго обязательнаго сѣвооборота». Этотъ законъ, по мнѣнію комитета, «нуждается только въ *надлежащемъ* разъясненіи», практическія же послѣдствія этого разъясненія «являются *необходимыми* для *обѣихъ* (?!) сторонъ», такъ какъ разъясненіе это дастъ возможность ввести на своихъ земляхъ улучшенные сѣвообороты даже и крестьянамъ, которые «нуждаются въ измѣненіи разорительнаго для нихъ трехполья и уничтоженіи общихъ выпасовъ въ *гораздо большей* степени (!!) нежели крупные землевладѣльцы. Нельзя ожидать и сопротивленія крестьянъ, такъ какъ выпасы не будутъ уничтожены (сразу), а лишь *постепенно*[1]) *сокращены*[2]), при чемъ плата за пользованіе (освобожденными отъ

---

[1]) И слѣдовательно незамѣтно или мало замѣтно для крестьянъ.

[2]) До полнаго нуля.

сервитутовъ) выпасами, *не можетъ* (?) взиматься помѣщиками» (!)[1])... Хотя, по откровенному замѣчанію комитета, весь этотъ планъ кампаніи и приведетъ несомнѣнно «къ постепенной ликвидаціи общихъ выпасовъ, но такой результатъ *и долженъ быть конечною цѣлью*»!

И такъ, планъ кампаніи заключается въ томъ, чтобы, не доводя дѣла до какихъ бы то ни было разверстаній, привести его къ «постепенной» и потому невозбуждающей протестовъ крестьянъ окончательной «ликвидаціи» пастбищныхъ сервитутовъ безъ выдачи за нихъ какого бы то ни было вознагражденія. Слѣдовательно, «конечная цѣль» обоихъ комитетовъ, не смотря на то, что они подходятъ къ ней несовсѣмъ одинаковыми путями, одна и таже: свобода дѣйствій по отношенію къ сервитутамъ, дающая возможность отдѣлаться отъ нихъ разъ навсегда безъ всякихъ разверстаній и вознагражденій.

Такимъ образомъ несмотря на нѣкоторое различіе въ мотивировкѣ, оба комитета, по существу, держатся одного и того же взгляда: оба считаютъ обязательное разверстаніе невыгоднымъ, потому что оно связано съ выдачею вознагражденія за сервитуты, и ненужнымъ потому что отъ сервитутовъ можно теперь освободиться и безъ него. Оба считаютъ также, въ общемъ за малыми исключененіями ненужными и добровольныя разверстанія; но ихъ они не отрицаютъ—не отрицаютъ именно потому, что они ни для кого необязательны и при отсутствіи крайней необходимости всякій свободенъ ими не пользоваться; не отрицаютъ еще и потому, что было бы неловко послѣ сорока лѣтъ хлопотъ передъ правительствомъ объ облегченіи дѣла разверстанія съ крестьянами начать вдругъ теперь разомъ отрицать и то и другое. Гораздо политичнѣе, отрицая обязательное, высказаться за добровольное и показать такой видъ, что теперь, по измѣнившимся обстоятельствамъ, и ради избѣжанія какой бы то ни было «ломки»,

---

[1]) Какъ будто можно будетъ лишить помѣщиковъ вполнѣ законнаго права сдавать подъ выпасъ за цѣну по своему усмотрѣнію освобожденную отъ сервитутовъ землю, неотъемлемо имъ принадлежащую!

«переворотовъ» и «сопротивленій», надо предоставить рѣшеніе сервитутнаго вопроса дѣлу добровольныхъ полюбовныхъ соглашеній сторонъ. И при этомъ просить *только* объ одномъ:—просить—только о введеніи мѣръ, облегчающихъ добровольныя разверстанія (каковы: «всяческое содѣйствіе сдѣлкамъ» по обмѣну земельныхъ участковъ помѣщиковъ не только съ сельскими обществами, но и съ отдѣльными крестьянами, введеніе мѣръ по разселенію крестьянъ на хутора и пр.) и—главное—мѣръ, облегчающихъ, свободное» обращеніе съ обремененными сервитутами землями («надлежащее разъясненіе» закона 4 апрѣля 1865 г.) «свободное» пользованіе ими, т. е. именно тѣхъ мѣръ, которыя, устранивъ надобность въ добровольныхъ разверстаніяхъ, приведутъ къ окончательному уничтоженію сервитутовъ безъ выдачи за нихъ вознагражденія.

Такимъ образомъ въ основу изложенной стратагемы положены два главные пункта; отрицаніе обязательнаго разверстанія и «надлежащее» толкованіе закона 4 апрѣля 1865 г. Остановимся по возможности кратко на томъ и другомъ, чтобы выяснить степень состоятельности выставленныхъ положеній. Начнемъ съ послѣдняго.

Изъ предыдущаго уже видно, что «надлежащее» разъясненіе закона 4 апрѣля 1865 г., по мысли комитетовъ, должно заключаться въ предоставленіи сторонамъ права свободнаго выбора сѣвооборотовъ не только съ измѣненіемъ самого размѣра толочныхъ полей по усмотрѣнію каждаго и не испрашивая согласія другой стороны, но даже «и съ полнымъ уничтоженіемъ парового незанятаго клина». Законъ 4 апрѣля 1865 г. установилъ, что въ тѣхъ неразмежеванныхъ имѣніяхъ юго-западнаго края, гдѣ до 1861 г. «существовало общее помѣщика и крестьянъ пользованіе толокою въ одномъ и томъ же полѣ, сохраняется, какъ за помѣщикомъ, такъ и за крестьянами, право безразличнаго пастбища, во время нахожденія полей въ пару (толокъ) и по снятіи съ нихъ хлѣбовъ впредь до окончательнаго отдѣленія крестьянскихъ земель отъ

помѣщичьихъ[1]) и что такая пастьба скота помѣщичьяго на крестьянскихъ земляхъ, а крестьянскаго на помѣщичьихъ въ означенныхъ поляхъ, потравою не признается». Обсуждая этотъ законъ, Подольскій комитетъ совершенно правильно замѣчаетъ, что во время его изданія въ Россіи почти повсюду существовала трехпольная система сѣвооборота». Но изъ этого комитетъ выводитъ заключеніе, что, такъ какъ законъ не могъ въ то время предвидѣть, какое (интенсивное) направленіе получитъ сельскохозяйственная культура и потому не могъ заранѣе обрекать на застой сельское хозяйство, то изъ этого слѣдуетъ, что законъ 4 апрѣля 1865 г. не возбраняетъ перехода любой изъ заинтересованныхъ сторонъ къ любому сѣвообороту съ сокращеніемъ площади толоки до любого размѣра. Толкованіе это однако невѣрно, потому что законъ 4 апрѣля 1865 г. никого не обрекалъ на застой, а самъ же указалъ выходъ изъ данного положенія въ видѣ окончательнаго отдѣленія крестьянскихъ земель отъ помѣщичихъ», т. е. разверстаній обязательнаго или же добровольнаго, но не самовольнаго нарушенія закона. При возможности такого исхода и до его осуществленія законъ именно и стремился къ полной охранѣ правъ сторонъ на пастьбу скота въ томъ объемѣ, какой существуетъ *именно при трехпольѣ*, потому что только при трехпольѣ удерживался тотъ самый объемъ выпасовъ, на который крестьяне получили право еще «до изданія положеній 19 февраля 1861 г.», а затѣмъ и съ изданіемъ таковыхъ. Всякое же измѣненіе объема этихъ выпасовъ было бы уже нарушеніемъ этого закона, имѣвшаго въ виду впредь до разверстанія закрѣпить за сторонами тотъ объемъ пастбищъ, который былъ и долженъ быть именно при трехпольномъ сѣвооборотѣ. Издавать же законъ подразумѣвая уже при самомъ его изданіи возможность измѣненія пространства подъ выпасами въ зависимости отъ измѣненія сѣвооборота, значило бы заранѣе обречь его на бездѣйствіе въ будущемъ, до котораго онъ дѣйствительно и дожилъ теперь благодаря нарушеніямъ общихъ трехпольныхъ сѣвооборотовъ и сокра-

[1]) Т. е. до разверстанія.

щенію толочныхъ смѣнъ во многихъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне фактически давно уже утратили «право толоки», утвержденное за ними этимъ закономъ. Что же касается указаній на разнорѣчивыя въ этомъ отношеніи толкованія даннаго закона Сенатомъ, который въ нѣкоторыхъ своихъ рѣшеніяхъ (въ особенности въ рѣшеніи 1881 года № 69 по дѣлу крестьянъ с. Кодни съ гр. Ледоховскимъ) [1]), высказался повидимому за возможность толкованія закона 4 апрѣля 1865 г. въ смыслѣ сокращенія крестьянскихъ выпасовъ, то всѣ подобныя ссылки на такія рѣшенія должны быть оставлены съ появленіемъ сенатскаго рѣшенія 1886 г. № 19, завѣдомо имѣвшаго въ виду предыдущія рѣшенія Сената. Рѣшеніе 1886 г. разъяснило, что «*всякое уменьшеніе*» въ поляхъ общаго сѣвооборота «*со стороны количества земли* подъ толокою, вслѣдствіе ли измѣненія системы хозяйства, или по инымъ причинамъ, должно быть признано *нарушеніемъ правъ* крестьянъ на пастьбу скота по толокѣ въ томъ ея *пространствѣ*, какое существовало до означеннаго измѣненія». Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшеніе это разъяснило также, что данное толкованіе закона *не* стоитъ въ противорѣчіи съ толкованіемъ его Сенатомъ въ рѣшеніи 1881 г. за № 69, (по дѣлу съ Кодни), такъ какъ въ томъ рѣшеніи говорится только о правѣ назначенія того или другого поля «по своему *выбору* подъ пашни или въ толоку» и «о *способѣ* веденія (на этихъ поляхъ) полевого хозяйства», котораго законъ 4 апрѣля 1865 г. совершенно не касается, предоставляя примѣнять любые способы, лишь бы ограждено было за крестьянами право на пользованіе извѣстнымъ пространствомъ толоки, т. е. тѣмъ пространствомъ, которое утверждено было за ними положеніями 19 февраля 1861 г. при наличности трехполья.

---

[1]) гдѣ, если вчитаться въ это рѣшеніе внимательнѣе, Сенатъ высказывается не за право измѣнять пространство земли подъ общей толокой, а только за право помѣщика по своему усмотрѣнію, но безъ нарушенія правъ крестьянъ на выпасъ, назначать подъ толоку любую часть своего поля, измѣняя по произволу только „очередь“ полей, назначаемыхъ подъ паръ и посѣвы.

Въ виду всего этого указанія комитетовъ на возможность «изданія въ законодательномъ порядкѣ» разъясненія закона 4 апрѣля 1865 г. въ томъ смыслѣ, что право общаго выпаса въ неразверстанныхъ имѣніяхъ не препятствуетъ сторонамъ распоряжаться принадлежащими имъ землями по ихъ усмотрѣнію и вводить такой сѣвооборотъ, какой они признаютъ желательнымъ, *хотя бы и съ полнымъ уничтоженіемъ паровоіо незанятаго клина»*, не выдерживаютъ критики. Не выдерживаютъ потому, что подобное разъясненіе было бы не разъясненіемъ, а полною *отмѣною* закона 4 апрѣля 1865 г., многочисленныя нарушенія котораго, произведенныя уже въ смыслѣ предполагаемаго «разъясненія» закона, привели уже крестьянъ многихъ селеній къ окончательной потерѣ права выпаса на какомъ бы то ни было пространствѣ помѣщичьей толоки. Спору нѣтъ, что многія имѣнія, имѣющія дѣйствительную нужду въ перемѣнѣ сѣвооборота и дѣйствительно желающія произвести эту перемѣну [1], испытываютъ большія стѣсненія въ хозяйствѣ отъ необходимости точнаго исполненія закона 4 апрѣля 1865 г., но изъ этого не выходитъ, что единственнымъ исходомъ даннаго положенія является отмѣна или нарушеніе закона *во вредъ другой сторонѣ*. Входя въ интересы одной стороны и дѣйствуя въ ея пользу, надо же помнить, что съ момента осуществленія ея интересовъ, въ корнѣ будутъ нарушены и весьма важные интересы другой,—тѣ самые интересы, которые, напротивъ, стремились въ свое время закрѣпить и оградить изданіемъ особыхъ законовъ. Исходъ изъ даннаго положенія можетъ быть только тотъ, при которомъ не было бы нарушено интересовъ обѣихъ сторонъ и этотъ исходъ самымъ закономъ 4 апрѣля 1865 г. указанъ *въ разверстаніи*. Если же ни обязательное, ни добровольное разверстанія по тѣмъ или инымъ причинамъ (добровольное, напр., вслѣдствіе крайней трудности со-

---

[1]) Въ статьѣ моей «Сервитутный вопросъ въ Западномъ краѣ» было уже указано, что многія имѣнія, усердно хлопотавшія объ уничтоженіи права толоки и разверстаніи, ради введенія многополья, послѣ разверстанія остались все-таки почему то при прежнемъ трехпольи.

глашеній, обязательное—вслѣдствіе крайней обременительности для задолженныхъ имѣній выдать соотвѣтственное вознагражденіе и пр.) немогутъ быть признаны достаточно удобнымъ и осуществимымъ исходомъ, то, казалось бы, не невозможно придумать какой-либо иной исходъ, но только не такой, который нарушалъ бы интересы одной стороны въ ущербъ другой. Въ предыдущей статьѣ по этому вопросу я уже указывалъ, что такимъ исходомъ могъ бы быть организованный, по примѣру выкупа надѣловъ, выкупъ сервитутовъ, сводящійся къ оплатѣ помѣщикамъ дѣйствительной стоимости тѣхъ земель, которыя они должны будутъ уступить крестьянамъ въ видѣ вознагражденія за уничтожаемые сервитуты...

Скажемъ теперь нѣсколько словъ по поводу обязательнаго разверстанія, столь категорически отрицаемаго Кіевскимъ и Подольскимъ комитетами, вопреки мнѣнію Волынскаго комитета. Дѣло вѣдь въ томъ, что планъ компаніи этихъ комитетовъ расчитанъ на полное погашеніе пастбищныхъ сервитутовъ безъ вознагражденія и что подъ вліяніемъ постоянныхъ нарушеній сервитутныхъ правъ крестьянъ послѣдніе (т. е. сервитуты) исчезаютъ все болѣе и болѣе. Слѣдовательно, если не будетъ немедленно принято мѣръ къ огражденію сервитутовъ отъ исчезновенія и возстановленію сервитутовъ уже исчезнувшихъ, то единственнымъ (при отсутствіи всякихъ надеждъ на добровольныя разверстанія) исходомъ изъ даннаго положенія дѣла, направленнымъ къ огражденію законныхъ интересовъ теряющей стороны, волей неволей явится введеніе обязательнаго для всѣхъ разверстанія съ установленіемъ нормъ вознагражденія за уничтожаемые сервитуты. При болѣе благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ оно можетъ быть дастъ крестьянамъ по крайней мѣрѣ хотя минимумъ того, что они имѣютъ право получить въ возмѣщеніе теряемыхъ сервитутныхъ правъ, и въ тоже время развяжетъ все-таки и руки помѣщиковъ. Оставленіе же даннаго вопроса въ его настоящемъ положеніи неизбѣжно принесетъ пользу только одной сторонѣ въ явный ущербъ другой. Смотря на обязательное разверстаніе именно только съ этой стороны,—съ точки зрѣнія единственной мѣры, напра-

вленной къ огражденію интересовъ крестьянъ (въ случаѣ, повторяю, если не будетъ издано спеціальныхъ законовъ къ огражденію сервитутовъ), и остановимся на нѣсколько минутъ на этомъ вопросѣ.

Посмотримъ прежде всего, сулитъ ли обязательное разверстаніе тѣ ужасы, которыми пугаютъ защитники идеи «надлежащаго разъясненія» закона 4 апрѣля 1865 г.

Главное возраженіе Подольскаго комитета противъ обязательнаго разверстанія заключается въ указаніи на то, что послѣднее вызоветъ «безъ всякой необходимости *возбужденіе* крестьянъ» и произведетъ «немедленную ломку строя, который естественнымъ путемъ [1]) разрѣшается безъ всякихъ потрясеній, подчиняясь общему порядку культурнаго развитія страны». Кіевскій комитетъ выражается на этотъ счетъ гораздо сильнѣе: по его «глубокому убѣжденію» обязательное разверстаніе представляетъ *величайшія опасности* для спокойствія огромнаго западнаго края, ибо оно не можетъ быть крестьянами понято иначе, какъ мѣры, направленная *противъ ихъ* правъ и интересовъ. Не говоря уже о крайне печальныхъ, но возможныхъ случаяхъ *безпорядковъ*, потребовавшихъ бы вмѣшательства силы, наиболѣе вредными послѣдствіями этой мѣры было бы *возбужденіе вражды между сословіями на долгое время*, и также массовое неудовольствіе на правительство». Однако весь ужасъ этой тирады, грозящей такими бѣдами, долженъ потеряться, передъ простымъ указаніемъ на то, что обязательное разверстаніе съ уничтоженімъ сервитутовъ *должно быть* произведено не иначе, какъ подъ условіемъ выдачи крестьянамъ за теряемые сервитуты *соотвѣтственнаго* земельнаго вознагражденія. Разъ это вознагражденіе будетъ *дѣйствительно* соотвѣтствовать предстоящимъ потерямъ отъ утраты сервитутовъ, то не изъ за чего будетъ появляться «массовому неудовольствію на правительство», «враждѣ между сословіями» и т. п. И это тѣмъ болѣе, что, благодаря многочисленности фактовъ беззаконнаго

---

[1]) Т. е. путемъ систематическаго нарушенія сервитутныхъ правъ веденіемъ многополья и пр.

уничтоженія сервитутовъ безъ всякаго вознагражденія крестьяне теперь уже увидятъ въ разверстаніи единственный способъ получить вознагражденіе за теряемые и уже потерянные сервитуты. А «вражда между сословіями на долгое время» можетъ быть слѣдствіемъ только даннаго положенія дѣла, ведущаго къ беззаконному и убыточному для крестьянъ уничтоженію сервитутовъ, но отнюдь уже не слѣдстіемъ законодательной мѣры, направленной къ огражденію интересовъ крестьянъ, если только, конечно... не найдутся такіе землевладѣльцы, которые сумѣютъ въ извѣстныхъ случаяхъ воспользоваться и ею въ ущербъ крестьянъ.

Другое наиболѣе существенное возраженіе Кіевскаго комитета противъ обязательнаго разверстанія сводится къ указанію, что осуществленіе его представитъ «*величайшія практическія трудности*, такъ какъ придется опредѣлять съ точностію цѣнность милліоновъ разнообразныхъ крестьянскихъ участковъ, отчуждаемыхъ отъ нихъ, и цѣнность милліоновъ такихъ же участковъ, получаемыхъ въ обмѣнъ крестьянами, съ принятіемъ одновременно въ соображеніе такого неопредѣленнаго права, какъ право общаго выпаса». Но возраженіе это совершенно падаетъ при воспоминаніи объ осуществленіи другой, гораздо болѣе грандіозной мѣры, распространявшейся при томъ не на нѣсколько только западныхъ губерній (гдѣ существуютъ сервитуты), а на всю Европейскую Россію, т. е. объ осуществленіи положеній 16 февраля 1861 г., выразившемся, какъ извѣстно, въ надѣленіи крестьянъ землею въ соотвѣтствіи съ количествомъ тогдашняго населенія, обычными формами землевладѣнія, качествомъ и цѣнностью надѣляемыхъ земель. При воспоминаніи объ этой реформѣ исчезаетъ уже значительная доля страха передъ тѣми «величайшими» трудностями, съ преодоленіемъ которыхъ связано было бы введеніе обязательнаго разверстанія.

Иное дѣло—указаніе (того же комитета) на то, что предложеніе объ обязательномъ разверстаніи «*не имѣетъ юридическихъ основаній*, такъ какъ надѣлы крестьянъ отведены не во временное пользованіе, *а въ полную и ненарушимую крестьянскую собственность*», и что такое разверстаніе сводится ни больше,

ни меньше, какъ къ *«принудительной экспропріаціи* огромнаго количества крестьянскихъ и помѣщицьихъ угодій *съ замѣной* ихъ другими землями».

Оно—это запугиваніе «экспропріаціею» и нарушеніемъ «полной и ненарушимой крестьянской собственности» было бы и совсѣмъ страшно, еслибы только дѣло не сводилось, какъ говоритъ это самъ комитетъ, только къ «*замѣнѣ*» угодій «другими землями» и еслибы этотъ же комитетъ не настаивалъ на еще худшемъ «нарушеніи» въ вопросѣ о хуторахъ. Въ то время какъ здѣсь эта «замѣна» имѣла бы въ виду интересы *обѣихъ* сторонъ [1]), тамъ комитетъ настаивалъ, въ интересахъ отдѣльныхъ крестьянъ, желающихъ переселиться на хутора, на предоставленіи каждому изъ нихъ права «выдѣлять свою полевую землю въ одинъ участокъ», «не испрашивая согласія общества», слѣдовательно, даже и вопреки таковому. А такъ какъ каждый такой выдѣлъ не могъ бы быть въ большинствѣ случаевъ осуществленъ безъ общей перемѣрки земель всѣхъ остальныхъ крестьянъ, вопреки даже ихъ интересамъ и желаніямъ, то, очевидно, что Кіевскій комитетъ принципіально и не былъ противъ нарушенія, въ случаѣ надобности, «полной и ненарушимой собственности», а былъ противъ этого нарушенія *только* въ вопросѣ о введеніи обязательнаго разверстанія.

За разсмотрѣніемъ всѣхъ этихъ наиболѣе существенныхъ возраженій противъ обязательнаго разверстанія, остается указать только на констатированное уже выше заявленіе о крайней трудности выдачи соотвѣтственнаго земельнаго вознагражденія изъ (въ большинствѣ сильно задолженныхъ) земель помѣщиковъ. Съ этимъ заявленіемъ, конечно, нужно считаться изъ опасенія разорительнаго вліянія данной мѣры на положеніе частновладѣльческаго хозяйства. Вопросъ этотъ надо обстоятельно изслѣдовать и если заявленіе окажется правильнымъ, то, во избѣжаніе ущерба для обѣихъ сторонъ, государство должно придти имъ въ этомъ дѣлѣ

---

[1]) Освободить помѣщиковъ отъ сервитутовъ, вознаградивъ въ тоже время крестьянъ за ихъ потерю.

на помощь своими средствами. Примѣненіе къ нему, одновременно съ введеніемъ обязательнаго разверстанія, операціи выкупа, о которой упоминалось выше, мнѣ кажется, было бы въ данномъ случаѣ наиболѣе умѣстно. Выкупъ этотъ далъ бы возможность оплатить помѣщикамъ ихъ убытки отъ потери ушедшей на вознагражденіе крестьянъ земли, значительно увеличившейся въ цѣнѣ со времени надѣленія крестьянъ землею и закрѣпленія за ними сервитутовъ инвентарными правилами и положеніями 19 февраля 1861 года; что же касается крестьянъ, то для нихъ примѣненіе выкупа дало бы возможность расчитать вознагражденіе за сервитуты по высшимъ нормамъ, не опасаясь отъ этого особаго ущерба для помѣщиковъ [1]).

Но пока все это осуществится, необходимо какъ можно скорѣе законодательнымъ путемъ принять всѣ зависящія мѣры противъ повсемѣстныхъ нарушеній законныхъ правъ крестьянъ на пользованіе сервитутами и къ огражденію пастбищныхъ сервитутовъ отъ исчезновенія безъ вознагражденія.

Л. С. Личковъ.

---

[1]) Мѣра эта одинакова примѣнима была и къ праву толоки и къ «лѣснымъ сервитутамъ», на которыхъ я въ настоящей статьѣ подробно не останавливаюсь потому, что, какъ я уже и указалъ въ ней, нѣкоторые изъ комитетовъ сами высказались за ликвидацію послѣднихъ путемъ выкупа.

Неосторожность въ важномъ дѣлѣ.

(По поводу украинской стилистики).

Вопросъ объ украинской стилистикѣ, требующей, по замѣчанію редакціи «Кіевской Старины», многихъ коррективовъ, и, въ частности, вопросъ о научно-философскомъ украинскомъ языкѣ возбуждался не разъ. По адрессу малорусскихъ писателей высказывались различные укоры и обвиненія въ неумѣломъ владѣніи языкомъ, при чемъ одни критики ограничивались тѣмъ, что старались отыскать причину этого въ недостаточномъ знакомствѣ писателей съ языкомъ, а другіе выводили отсюда вообще невозможность культивировать малорусскій языкъ до степени языка высшей литературы и науки. Очень часто такого рода нападенія бывали крайне наивны и не обнаруживали въ авторахъ ихъ ничего, кромѣ невѣжества въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ они брались толковать; но бывали и основательныя указанія, вполнѣ заслуживающія вниманія.

Послѣднія вызывались дѣйствительными недостатками рѣчи тѣхъ или иныхъ малорусскихъ писателей, а недостатки эти, въ свою очередь, были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того положенія, въ которомъ находится у насъ развитіе малорусскаго языка. Отсутствіе учрежденій, гдѣ возможно было-бы систематическое изученіе его, отсутствіе популярно написанныхъ малорусскихъ грамматикъ, которыхъ не могутъ замѣнить спеціальныя ученыя изслѣ-

дованія по языку, недоступныя, въ большинствѣ случаевъ, для широкой публики, отсутствіе, наконецъ, такого украинскаго словаря, который давалъ-бы болѣе или менѣе близкое представленіе о богатствахъ языка,—все это чрезвычайно затрудняло и затрудняетъ изученіе его. Желающему изучить малорусскій языкъ писателю приходилось ограничиться кабинетными занятіями въ одиночку, которыя, за недоступностью для неспеціалистовъ помянутыхъ ученыхъ изслѣдованій, почти исключительно состояли изъ штудированія произведеній украинской словесности при помощи существующихъ словарей. Но даже и такое изученіе было обставлено большими трудностями. Напр., въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ (а къ этому времени относится и начало литературной дѣятельности большинства современныхъ писателей младшей генераціи) всѣ лучшіе старые малорусскіе писатели не существовали на книжномъ рынкѣ: прежнія изданія сдѣлались рѣдкостью, только случайно получаемою за большія деньги у букинистовъ, а новыя не могли выходить; лишь въ 1883 г. появился Шевченко (послѣднее предъ этимъ изданіе 1867 г.), въ 1887 г. Квитка, Стороженко только въ 1897 г., «Досвиткы» и «Чорна рада» Кулиша въ 1899 и 1900 г.г., а М. Вовчокъ и Г. Барвинокъ лишь въ 1902 г. Съ старыми изданіями прекрасныхъ образцевъ малорусской народной словесности (Цертелева, Максимовича, Лукашевича, Метлинскаго, Кулиша) дѣло обстояло еще хуже, такъ какъ они издавались въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и до сихъ поръ не переизданы. Всякій, желавшій познакомиться съ помянутыми писателями до указанныхъ годовъ ихъ переизданія или со сборниками народныхъ произведеній, долженъ былъ производить долгіе поиски въ библіотекахъ и въ шкафикахъ букинистовъ, и поиски эти были настолько трудны, что, напр., пишущій эти строки, съ 1879 г. усердно коллекціонировавшій каждую доступную ему малорусскую книгу и уже въ восьмидесятыхъ годахъ собравшій значительную украинскую библіотеку, могъ прочесть *всѣ* произведенія Квитки только въ 1887 г., а *всѣ* разсказы Стороженка только въ 1897 г.! Многіе несомнѣнно находились въ гораздо худшемъ положеніи и должны были

ограничивать свои изученія еще болѣе узкой областью второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ писателей. Но какъ-бы усердно не было ведено изученіе языка по книгамъ, оно никогда не можетъ быть достаточнымъ безъ знакомства съ живой рѣчью изъ живыхъ устъ народа. Первые малорусскіе писатели, жившіе преимущественно въ селахъ или въ городахъ, похожихъ тогда по языку на села, были въ этомъ отношеніи въ удобномъ положеніи, и этимъ объясняется тотъ блескъ и чисто народный колоритъ ихъ рѣчи, который чаруетъ читателя, иногда даже равнодушнаго къ малорусской литературѣ. Писатели-же восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ, росшіе при иныхъ условіяхъ и, въ большинствѣ случаевъ, жители городовъ, лишь наѣздами бывавшіе въ деревняхъ, поставлены были въ очень тяжелыя условія относительно изученія живой народной рѣчи. Степень соприкосновенія ихъ съ нею чрезвычайно колебалась въ зависимости отъ личныхъ обстоятельствъ писателя и доходила иногда чуть-ли не до нуля.

Такимъ образомъ количество и качество матеріала для изученія языка подвержено было у различныхъ писателей различнымъ колебаніямъ и часто сильнымъ ограниченіямъ. Благодаря этому, и знанія каждаго изъ нихъ носили слишкомъ индивидуальный характеръ, были чрезвычайно разнообразны въ степени и качествѣ. Это обстоятельство часто вносило большую разноголосицу,—относительно языка, конечно,—въ общій хоръ младшихъ представителей малорусской литературы, въ сильнѣйшей степени препятствовало выработкѣ общихъ устоевъ литературнаго стиля, для всѣхъ обязательныхъ, и понижало, конечно, уровень малорусскаго литературнаго языка.

Если такъ обстояло дѣло съ литературнымъ языкомъ вообще, то въ гораздо худшемъ положеніи находился вопросъ о языкѣ научно-философскомъ. Послѣ первыхъ прекрасныхъ опытовъ Кулиша въ «Основѣ» научный языкъ у насъ совершенно не разрабатывался. Вотъ почему, когда въ восьмидесятые и девяностые годы взялись за писаніе научныхъ работъ по малорусски, многіе прямо обратились къ тому языку, который былъ выработанъ въ

Галиціи и Буковинѣ. Это было совершенно естественно: тамъ есть рядъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ обученіе ведется по украински, тамъ малорусскій языкъ раздается съ нѣсколькихъ каѳедръ двухъ университетовъ, наконецъ, тамъ существуетъ ученое общество со своими спеціальными органами и разнообразная по своему литературно-научному содержанію пресса. И такъ какъ все это существовало уже десятки лѣтъ, то, конечно, тамъ долженъ былъ за это время выработаться языкъ интеллигентнаго общества, научно-философскій и публицистическій языкъ.

Но дѣло въ томъ, что развитіе этого языка стояло тамъ не совсѣмъ въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ оно могло-бы происходить у насъ. Отрѣзанная издавна отъ остальной малорусской территоріи, введенная въ иной государственный строй, поставленная подъ иныя культурныя вліянія, Галиція въ теченіе XIX в. шла въ дѣлѣ развитія литературнаго языка своимъ особымъ путемъ. Она, прежде всего, сохранила нѣкоторыя старинныя формы малорусскаго языка, утраченныя тѣмъ нарѣчіемъ его, которое легло въ основу литературнаго языка у насъ, и ввела ихъ въ свою литературно-научную рѣчь; вошли въ нее также такія выраженія, употребленіе которыхъ было обусловлено мѣстными особенностями быта и государственнаго строя; наконецъ, этотъ языкъ поддался вліянію того литературнаго направленія, жаргонъ котораго давно прозванъ «язычіемъ», а изъ чужихъ языковъ—сперва вліянію нѣмецкаго, а затѣмъ сильнѣйшему—польскаго; вліяніе языка украинской литературы изъ Россіи, хотя и было само по себѣ чрезвычайно важнымъ, все-же входило въ сумму всѣхъ этихъ вліяній лишь какъ частичное, какъ одно изъ слагаемыхъ. Понятно поэтому, что украинскій литературно-научный языкъ въ Австріи пріобрѣлъ такія черты, которыя во многихъ отношеніяхъ отличали его отъ языка украинской литературы въ Россіи, гдѣ малорусская литературная рѣчь развила нѣкоторыя свои мѣстныя особенности, восприняла много выраженій, вызванныхъ къ жизни также бытомъ и государственнымъ строемъ, но уже иными, подпала подъ вліяніе русскаго литературнаго языка и воспринимала временами

вліяніе изъ Галиціи. Получились какъ-бы двѣ линіи, идущія рядомъ, иногда, перекрещивающіяся, но не совпадающія. Въ послѣднее время, благодаря стремленію австрійскихъ украинцевъ приближаться все болѣе и болѣе къ языку надднѣпровской Украины, съ одной стороны, и пользованію галицкими формами среди украинскихъ писателей въ Россіи—съ другой, эти линіи сошлись до соприкосновенія, но все-же не слились вполнѣ. Публика у насъ читаетъ такихъ галицкихъ и буковинскихъ беллетристовъ, какъ Франко, Федьковичъ, Стефаникъ, Кобылянская, Кобринская и др., но языкъ научныхъ сочиненій галичанъ часто, по справедливости, кажется ей тяжелымъ.

Благодаря этому обстоятельству, рядъ заимствованій, сдѣланныхъ украинскими писателями изъ галицкой рѣчи, заимствованій часто неизбѣжныхъ, иногда прекрасныхъ, иногда плохихъ, съ одной стороны, вызываетъ нареканія болѣе широкой публики, не сросшейся съ этими формами, а съ другой, въ числѣ иныхъ препятствій, затрудняетъ органическое развитіе подобныхъ формъ изъ своей мѣстной почвы. Оно затруднено также и тѣмъ обстоятельствомъ, что, такъ какъ малорусскіе писатели изъ Россіи получили образованіе на русскомъ языкѣ, то ихъ мысль привыкла направляться по путямъ, долгіе годы указываемымъ ей языкомъ этого образованія, что, конечно, и отзывается (у нѣкоторыхъ даже въ сильной степени) на построеніи фразы [1]).

[1]) Вредитъ также и дурная привычка, заимствованная малорусскими писателями у русскихъ и у галичанъ: пристрастіе къ иностраннымъ словамъ. Конечно, безъ нихъ нѣтъ возможности обойтись совершенно, но во многихъ случаяхъ ихъ можно и должно избѣгать. А между тѣмъ въ этомъ отношеніи приходится иногда встрѣчаться съ удивительными курьезами. Можно указать не мало статей, страницы которыхъ испещрены греко-латинскими терминами и при томъ такими, которые съ успѣхомъ могли-бы быть замѣнены малорусскими словами. Это явленіе, понятное въ спеціальныхъ научныхъ работахъ, является крайне нежелательнымъ въ работахъ, предназначенныхъ для болѣе широкой публики. Писатель, не поступаясь ни точностью выраженія

Понятно поэтому насколько затруднительна работа всякого пишущаго въ настоящее время на научныя темы по украински. Приходится очень часто избирать то или другое выраженіе, совершенно сознавая его неудовлетворительность, но не располагая въ данный моментъ лучшимъ; многимъ приходится идти часто ощупью. Въ виду этого въ высшей степени была-бы полезна здѣсь критика, которая помогла-бы писателямъ разбираться, какъ въ общихъ положеніяхъ, такъ и во множествѣ частныхъ случаевъ. Само собою разумѣется, что такая критика должна удовлетворять двумъ непремѣннымъ условіямъ: она должна опираться на основательныя знанія предмета и никогда не говорить безъ достаточныхъ доказательствъ и, во вторыхъ, должна уклоняться отъ мелочныхъ придирокъ и нападеній, касаясь только того, что важно для дѣла.

Къ сожалѣнію, такая критика литературнаго украинскаго языка встрѣчается чрезвычайно рѣдко; за то распространена въ обществѣ и періодической печати критика иного рода. Обыкновенно берется какое нибудь слово или рядъ словъ и фразъ изъ какой нибудь книги и утверждается, что это неправильно; на вопросъ: почему?—получается отвѣтъ: такъ не говорятъ, я такъ не слышалъ. Если при этомъ выяснить степень подготовленности такого критика, то оказывается, что о его теоретической подготовкѣ не можетъ быть и рѣчи (выше упомянуто, насколько она затруднительна даже для лицъ, спеціально посвятившихъ себя литературѣ), что-же касается практически пріобрѣтенныхъ познаній, то они

мысли, ни степенью красоты формы, всегда долженъ искать языка наиболѣе понятнаго для наибольшей массы читателей. И особенно должны заботиться объ этомъ мы, украинскіе писатели, такъ какъ наша литература XIX в. была въ Европѣ первою, которая начала проводить въ жизнь то положеніе, что литература должна быть общей для интеллигенціи и народныхъ массъ. Между тѣмъ употребленіе иностранныхъ словъ въ широкихъ размѣрахъ прямо противорѣчитъ этому требованію.

ограничиваются лишь тѣмъ немногимъ, что у такого критика могло остаться въ головѣ отъ нѣсколькихъ прочитанныхъ украинскихъ книжекъ, да отъ болѣе или менѣе немногочисленныхъ и по большей части дѣловыхъ сношеній съ крестьянами. Понятно, что при такой критикѣ можетъ заслужить обвиненіе въ неблагонадежности каждое выраженіе, неизвѣстное критикующему, при чемъ въ число такихъ отверженцевъ могутъ попасть самыя обыкновенныя слова. Напр., однажды одинъ «ученый секретарь» одной губернской архивной комиссіи, редакторъ нѣсколькихъ томовъ ея «трудовъ» и авторъ ученыхъ статей въ этихъ «трудахъ», самымъ серіознымъ образомъ доказывалъ мнѣ, что въ малорусскомъ языкѣ нѣтъ слова «квитка», а только «квитъ», ибо въ письмѣ Мазепы (книгу о которомъ ученый секретарь только что прочелъ) къ М. Кочубей написано: «квите мой рожевый». Конечно, это только крайній предѣлъ, до котораго можетъ дойти неосвѣдомленность такихъ критиковъ, но характерно, что этотъ предѣлъ можетъ быть отодвинутъ такъ далеко!

И когда приходится встрѣчаться съ печатной критикой малорусскаго литературнаго языка, всегда невольно, еще до прочтенія, задаешь себѣ вопросъ: къ какому роду критики она относится?

Съ этимъ вопросомъ въ умѣ приступилъ я и къ чтенію только что появившейся въ VII—VIII-й книгѣ «Кіевской Старины» замѣтки г. С. Ше—хина: «Еще нѣсколько словъ о сборникѣ «Дубове Лысте», посвященной (кромѣ конца) разбору моего предисловія къ названному альманаху—«До чытачивъ» и именно разбору его со стороны языка, который г-ну Ше—хину очень не нравится. Онъ находитъ его исполненнымъ погрѣшностей «противъ лексикона, синтаксиса и духа малорусскаго языка» и для доказательства этого утвержденія приводитъ тридцать три обвинительныхъ пункта противъ маленькой статейки въ десять страничекъ, заключая ихъ общимъ утвержденіемъ, что вся эта статейка написана языкомъ, который рѣжетъ слухъ г. Ше—хина, «пріученный съ дѣтства къ чистой малорусской разговорной и литературной рѣчи».

Конечно, возможность *съ дѣтства* пріучиться къ чистой малорусской литературной рѣчи—это, при нашихъ условіяхъ, нѣчто такое, о чемъ мы пока можемъ лишь мечтать; но все-же эти слова г. Ше—хина заставляли надѣяться, что въ лицѣ его авторъ статейки «До чытачивъ» можетъ найти критика, способнаго указать ему ошибки и предложить иныя, лучшія формы. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи замѣчаній г. Ш. оказывается, къ сожалѣнію, нѣчто иное.

Прежде всего удивляетъ въ замѣткѣ г. Ш. пріемъ, который ни коимъ образомъ не согласуется съ серіозностью затронутой темы.

Пріемъ этотъ заключается въ томъ, что авторъ беретъ какой либо пустякъ, понятный каждому безъ всякихъ объясненій, и выражаетъ по поводу этого пустяка недоумѣніе, къ которому очевидно приглашается и читатель. Напр., читаетъ онъ слова: «Сю гарну збирку (альманахъ «Хата»).... появывъ р. 1860 и тоди жъ выдавъ...» (стр. 9) и спрашиваетъ: «Р.—рикъ? Вѣроятно «р.»--року». Для читателя, мало знакомаго съ дѣломъ, можетъ показаться, что здѣсь открыто г. С. Ше—хинымъ какое-то невѣдомое доселѣ никому новшество, непонятное безъ предварительныхъ разъясненій. Между тѣмъ каждому читающему украинскія книги извѣстно, что буква «р.», поставленная при цифрахъ годовъ значитъ «рикъ», также точно, какъ русское «г.» въ подобномъ случаѣ значитъ «годъ». Напр. возьмемъ статью Сергія Павленка: «Рудольфъ Вирховъ—громадськый діячъ» (Лит.-наук. Вистныкъ, 1902, X—XII) и сейчасъ-же на первой страницѣ увидимъ (въ примѣчаніи): «Джереламы для видчытивъ у мене булы: біографични начеркы Ю. Г. Малиса *(1899 р.)* и Н. С. («Вѣстн. Европы», *1882 р.* кн. 8)». Также точно извѣстно, что малорусскій языкъ даже предпочитаетъ въ такихъ случаяхъ ставить слово «рикъ» *передъ* числомъ и это употребляется писателями издавна,—вотъ, напр., еще въ «Основѣ» (1861, IX) въ статьѣ Кулиша «Історія Украины одъ найдавнишыхъ часивъ» мы читаемъ: «Въ договори Игоря зъ Грекамы, року 945» (стр. 101), «Року 1160 Изяславъ Давыдовычъ прывивъ половцивъ». (103), «Року 1148 ходывъ Изяславъ Мстыславовычъ у землю

Ростовську» (104) и т. д. и т. д.—выписки изъ различныхъ авторовъ можно было-бы продолжать сколько угодно. Ни для недоумѣнія, ни для вопроса мое «р.» матеріала очевидно не даетъ, и все замѣчаніе г Ш. получаетъ поэтому характеръ пріема, разсчитаннаго только на замѣшательство малосвѣдущаго читателя.

Еще менѣе можетъ удовлетворить замѣтка г-на С. Ше—хина другому требованію всякой серіозной критики — доказательности своихъ положеній. Вотъ, напр., одно замѣчаніе цѣликомъ: «На стр. 6-й сказано: „половыну литературнои діяльносты Кулишевои“—надо ,,Кулишевои литературнои діяльносты“».—Но почему же это такъ «надо»? Гдѣ доказательства? При такомъ пріемѣ критики вопросъ вѣдь никогда не можетъ быть рѣшенъ: одинъ будетъ утверждать, что нужно выразиться такъ, другой—иначе, третій отвергнетъ выраженія обоихъ и предложитъ свое, четвертый сдѣлаетъ то-же относительно трехъ первыхъ и т. д. до безконечности. А между тѣмъ всѣ замѣчанія г. С. Ше—хина носятъ именно характеръ такихъ столько-же категорическихъ, сколько и бездоказательныхъ утвержденій: нигдѣ, въ подтвержденіе своихъ приговоровъ, не приводитъ онъ ни одной цитаты [1]), ни одной ссылки на сборники образцевъ народной словесности, на произведенія лучшихъ украинскихъ писателей или на ученыя сочиненія по малорусскому языку. Неопредѣленныя заявленія: «такъ говорятъ», «такъ не говорятъ» ничего не доказываютъ, кромѣ того, что критику одни выраженія почему-то нравятся, а другія нѣтъ; но въ соотвѣтствіи-ли его вкусы съ языкомъ народа и лучшихъ мастеровъ малорусскаго слова, а также съ формулированными наукой законами малорусскаго языка,—такія утвержденія сказать не могутъ. Если представленіе доказательствъ въ научномъ спорѣ обязательно для каждаго, даже извѣстнаго своими трудами ученаго или литератора, то тѣмъ болѣе обязательно оно было для г. С. Ше—хина, лица въ литературѣ неизвѣстнаго и не могущаго въ под-

---

[1]) Исключеніе составляетъ только одна совершенно ненужная для дѣла цитата изъ моего предисловія къ черниговскому изданію «Байокъ» Глибова.

твержденіе своихъ голословныхъ обвиненій указать хотя бы на авторитетъ раньше опубликованныхъ работъ.

Благодаря такому характеру замѣчаній г. Ш., лишенныхъ какъ научнаго, такъ и практическаго значенія (потому что кто-же захочетъ слѣдовать бездоказательнымъ утвержденіямъ?), они собственно могли-бы быть оставлены безъ отвѣта; но дѣло въ томъ, что г. С. Ше—хинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ распространенныхъ критиковъ, пріемы и познанія которыхъ охарактеризованы выше, критиковъ, имѣющихъ иногда успѣхъ среди части публики именно благодаря ея малой освѣдомленности въ вопросахъ малорусскаго слова; поэтому обнаруженіе истиннаго значенія такой критики можетъ быть не безъ пользы именно для этого рода читателей, заставивъ ихъ подумать о необходимости болѣе осторожнаго и вдумчиваго отношенія къ вопросу, къ которому они относились до сихъ поръ слишкомъ поверхностно. Это и еще кое-что, отнесенное на конецъ настоящей статьи, и заставило меня взяться за перо.

Предварительно одно предупрежденіе. Г. С. Ше—хинъ чрезвычайно высоко ставитъ языкъ Кулиша (что, въ общемъ, справедливо), находитъ, что владѣлъ онъ «родной рѣчью *въ совершенствѣ*» и даже говоритъ: «мы не знаемъ ни одного человѣка, который не преклонился-бы передъ удивительнымъ умѣньемъ Кулиша владѣть родной рѣчью». Послѣ такого заявленія естественно предположить, что г. С. Ше—хинъ основательно знакомъ съ языкомъ Кулиша; дальше мы увидимъ, насколько это предположеніе оправдывается, а пока замѣчу, что, значитъ, для г-на С. Ше—хина доказательства, почерпнутыя у Кулиша будутъ имѣть особо-рѣшающее, окончательное, безапелляціонное, такъ сказать, значеніе. Въ виду этого и я этимъ доказательствамъ буду отдавать нѣкоторое предпочтеніе [1]).

---

[1]) Какъ сказано, замѣчанія г. Ш. имѣютъ филологическій характеръ; одно лишь касается содержанія. Въ моей статейкѣ Мужиловская названа «богынею мрій маленького хлопця». Г. Ш. не понимаетъ этого выраженія и считаетъ его, относительно ребенка, психо-

Большинство замѣчаній г. С. Ше—хина касается значенія отдѣльныхъ словъ. Такъ онъ утверждаетъ, что *славетный* значить не «славный», а «тотъ, который прославилъ кого либо, которымъ прославились». Однако это утвержденіе противорѣчитъ свидѣтельствамъ украинскихъ словарей: для XVII в. *славетный* переводится словами: «нарочитый, изрядный, изящный» (см. Старин. малорусск. словарь, изд. г. П. И. Житецкимъ при «Кіев. Старинѣ» 1888 г., стр. 83), у Желеховскаго—wohllöblich, ehrbar—сообразно тому значенію, съ которымъ въ прежнее время это слово было эпитетомъ мѣщанина, а въ иныхъ словаряхъ для XIX в. *славетный* переводится словомъ «славный» (Левченко, 148, Уманець, IV, 37, словарь «Основы» 1861, III). У Кулиша существительное *славетныкъ* въ значеніи: славный, прославленный человѣкъ:

Чому славетныкамъ, тымъ шейхамъ, тымъ емырамъ
Такъ, якъ ёму, Богъ жызни не являвся?
(Магометъ и Хадыза, 17).

«*Выдруковано Кулишеву працю*» (стр. 6)—нельзя сказать, по мнѣнію г. Ш., а необходимо «надруковано». Ничего не имѣю,

---

логически невѣрнымъ. Размѣръ моей статейки, которая не могла быть бóльшею, не позволилъ мнѣ говорить подробнѣе, и, быть можетъ, я неясно выразился. Вотъ какое мѣсто изъ «Жызни Кулиша» (о ней см. дальше) дало мнѣ поводъ для сказаннаго: «Образъ іи (Мужиловской) жыття и душу іи поетычню змалювавъ Кулишъ у своій повисти: «Исторія Ульяны Терентьевны». Тамъ де-що й выдумано, а багацько й дійстнои правды. Найбильша жъ правда тá, що вона ёму здавалась якоюсь царыцею, або богынею» (Правда, 1868, 32). А въ самой повѣсти: «Я (Кулишъ) въ дѣтствѣ не былъ ребенкомъ: я чувствовалъ, радовался и страдалъ, какъ взрослый». «Я никогда, никогда не перестану любить васъ (т. е. Ульяну Терентьевну)! воскликнулъ я, какъ пламенный рыцарь, - никогда!... Я говорилъ истину. Это была первая любовь моя, и никогда никакое чувство не горѣло въ моемъ сердцѣ чистѣйшимъ и постояннѣйшимъ пламенемъ». (Повѣсти П. А. Кулиша, т. III, стр. 258 и 281). Постояннымъ мечтамъ мальчика-Кулиша о Мужиловской посвящено много страницъ въ этой повѣсти.

конечно, противъ послѣдняго слова, но почему нельзя глагола «выдрукуваты» употребить въ значеніи «напечатать, отпечатать»? Изъ замѣчаній г. Ш. къ слову *повыдруковувано* можно догадываться, что, по его мнѣнію, *выдрукуваты* значитъ напечатать все рѣшительно, исчерпать для печати весь матеріалъ. Дѣйствительно, приставка *вы* при глаголѣ указываетъ иногда на то, что какой либо предметъ исчерпывается весь, до конца (выплакаты слёзы, выкыпиты води), но она можетъ и не указывать на это и въ такихъ случаяхъ часто переводится русскими глаголами съ приставками *на* и *от*, напр.: «Я васъ нагороджу... Подывысь на ёго: ще й *вынагороджуваты* хоче»! (Рудченко, Сказки, II, 160). «Вона (поэма) ще не *выроблена*»,—т. е. не отдѣлана. (Письмо Шевченка къ Кухаренку: Осн. 1861, X, 12). «Выдрукуваты» въ словаряхъ Уманца и др. переведено: «отпечатать, напечатать». Въ такомъ значеніи оно употреблено Квиткой: «Спысавъ и я «Сердешну Оксану»... Будете чытаты, якъ панъ Гребинка *выдрюкуе*». (Письмо къ Шевченку: Осн. 1861, VII, 6). Параллельно съ этимъ глаголомъ существуетъ въ народной рѣчи какъ-разъ такъ-же составленное слово: *выпечататы:* «Такъ у кныжци выпечатано». (Записалъ проф. А. Е. Крымскій въ Кіевск. г., Уманець, II, 157).

«*Найголовнишии рысы ёго діяльносты выявылыся вже добре и можна ихъ позначыты*» (5). По мнѣнію г. Ш., *позначыты* значитъ только: «положить клеймо, заклеймить», а не «обозначить, отмѣтить», какъ въ приведенной цитатѣ,—для этого послѣдняго значенія онъ даетъ слово «зазначыты». Глаголъ «значыты» значитъ не спеціально клеймить, а обозначать, намѣчать, отмѣчать предметъ какимъ либо знакомъ, мѣткою, въ томъ числѣ и клеймомъ. Вотъ почему говорятъ о новобрачной, привязывающей свадебнымъ гостямъ ленточки: «молода всихъ *значыть*». (П. Лытвынова, Весильни обряды и звыч. у с. Землянци Глух. п., у Черныгивщыни, 153). Въ старинной балладѣ, напечатанной Кулишемъ, Кирикъ

Узявъ заступъ та лопату,
Пишовъ ямкы *значыты* (Зап. о Южн. Руси, II, 87).

Поэтому у самого Кулиша:

Подывысь, онъ у воротяхъ *значка*-комышына
(Маруся Богуславка, Л.-Н. В., X, 7).

—очевидно не «клеймо», какъ слѣдовало-бы ожидать по переводу г. Ш. *Зазначыты* и *позначыты* совершенный видъ отъ *значыты* и значитъ одно и то-же, т. е.—обозначить, отмѣтить. (Уманець, Левченко); напр., въ народной пѣснѣ жена могилу мужа «цыбулькою *позначыла*». (Чубинск., Труды, V, 796)—конечно, это не значитъ: положила клеймо, заклеймила. Поэтому, если можно употребить въ цитированной фразѣ гл. «зазначыты», то можно и «позначыты». Но между этими глаголами есть и разница: «зазначыты» употребляется преимущественно, когда говорится о дѣйствіи надъ однимъ предметомъ, а «позначыты»—преимущественно когда о дѣйствіи надъ многими,—вотъ почему лучше «*рысы* позначыты», а «*рысу* зазначыты».

«*(Семъя) встыгла вже перекынутысь на полупанкивъ*» (5), т. е. превратиться въ... «Но по-малорусски»,—говоритъ г. Ш.,—«это будетъ не „перекынутысь", а „перевернутыся въ полупанкивъ", отсюда и слово „перевертень". Можно сказать также „обернутыся въ...", но не „перекынутысь"—„опрокинуться».—Но какъ же тогда перевести народную фразу: «Чортъ *перекынувсь* чоловикомъ» (Манжура, Сказки, 128): чертъ *опрокинулся* человѣкомъ? Нѣтъ, но *превратился* въ..., равно какъ и въ слѣдующихъ примѣрахъ: у Рудченка: «Змій перекынувся голкою» (I, 122), «Багатырь... перекынувсь мухою (II, 93); у Квитки: «Вона перекынулась собакою»; у Кулиша: «Вже я, бабусю, перекыдавсь не разъ, да и не два: бувъ я спершу рыбою, потимъ изробывсь птахомъ, мушкою, звирукою, а се ще попробувавъ буть чоловикомъ» (Зап. о Ю. Р. II. 34). Такимъ образомъ слова «перевернутысь» и «перекынутысь» въ этомъ случаѣ синонимы, и если отъ перваго глагола есть слово *перевертень*, то отъ второго существуетъ *перекынчыкъ*, и оба значатъ одно и то-же: отступникъ, ренегатъ. У Уманца при словѣ «перебѣжчикъ» указано еще «*перекыдько*», а у Кулиша есть «*перекынецъ*»:

Зонсована дытыно
Вельможныхъ перекынцивъ, Кысиливъ.
(Драмов. трылог., Сагайдачный, 85).

Наклонность г. С. Ше—хина къ мелочнымъ придиркамъ заставляетъ его сказать слѣдующее: «*Оприче* вкраинського“—слѣдуетъ „опричъ украинського“. Вѣдь это не поэзія, гдѣ позволительны иногда беззаконныя вольности».—Повидимому «беззаконная вольность» заключается здѣсь въ употребленіи формы *оприче*. Но вотъ она въ прозѣ «Основы»: «Въ Конотопи, *опроче* тыхъ писень, котри спивають усюды по Вкраини, спивають и такыхъ»... (1861, XI, 9), у Г. Барвинокъ: «Сусидъ блызькыхъ нема, *оприче* васъ» (Оповид., 197). «Не можна выправыть, *опроче* якъ судомъ» (Запис. отъ народа, Уманець, Кромѣ).

Другой примѣръ придирчивости г. Ш. слѣдуетъ за этимъ: по его мнѣнію, нельзя сказать: «ся ричъ *перешкоджала* ёму въ науци», а слѣдуетъ: «*шкодыла* ёму»... или «перешкоджала ёго науци». «Шкодыты» собственно вредить, а «перешкоджаты»—мѣшать, препятствовать, поэтому второй глаголъ здѣсь предпочтительнѣе; но почему «перешкоджаты» можно только отвлеченной вещи (науци) и нельзя человѣку—я не могу понять: это противорѣчитъ естественному развитію мысли, которая въ расширеніи значенія слова должна была перейти отъ конкретнаго къ абстрактному.

Совершенно вѣрно говоритъ г. Ш., что *обстóяты* значитъ «защитить»; но онъ забываетъ, что «обстóюваты» можно и *кого* и *что*: въ первомъ случаѣ это значитъ защищать, отстаивать кого либо, во второмъ—отстаивать, защищать что нибудь, напр., какое нибудь дѣло, добиваясь, настаивая, чтобы оно было сдѣлано. Вотъ почему правильна моя фраза: «обстояла, щобъ ёго виддано до... гимназіи». Что-же касается гл. *настóюваты*, предлагаемаго для данного случая г. Ш., то въ указанномъ значеніи мнѣ оно въ народной рѣчи неизвѣстно.

«*Не мигъ винъ зробыты алгебраичного завдання*» (6)—эту фразу находитъ г. Ш. «невозможнымъ подборомъ словъ» и не-

удачнымъ переводомъ съ русскаго», «на которомъ авторъ очевидно мыслилъ». Но съ такимъ-же точно правомъ можно было-бы сказать, что г. С. Ше—хипъ «очевидно мыслилъ» по-русски, когда предлагалъ выраженіе еще болѣе близкое къ русскому языку: «рипыты задачу». Экскурсы въ тайны чужого мышленія лучше оставить: они относятся совсѣмъ не къ области критики. Я нисколько не настаиваю на своемъ выраженіи, какъ на лучшемъ и соглашусь принять предлагаемое г. Ш., если оно будетъ употребляться большинствомъ; но все-же доводы г. Ш. кажутся мнѣ совсѣмъ не убѣдительными. Слово *зробыты* можно приложить къ задачѣ, какъ и ко всякому дѣлу [1]), и врядъ-ли это будетъ хуже, чѣмъ предлагаемое г-номъ Ш. *розвязаты*, которое въ этомъ смыслѣ едва-ли не заимствованіе съ польскаго.—Слово *завдання*, по мнѣнію г. Ш.,—«отглагольное существительное отъ слова „за-в-даваты». Но что-же изъ этого слѣдуетъ? ровно ничего! да, кромѣ того, здѣсь и ошибка: отъ «завдаваты» отглагольное существительное будетъ «завдавання», а «завдання» относится къ совершенному виду «завдаты»—такъ-же точно, какъ отъ «даваты» будетъ «давання» (Воно жъ и даванню кинець є. Мырный, Повія, I, 116), а отъ «даты»—«дання» (Дання гирше трутызны. Номисъ). «Говорятъ»,—продолжаетъ г. Ш.,—«така його вдача, алгебраична задача». Кто говоритъ? Очевидно не народъ, ничего объ алгебрѣ не слыхавшій, а люди, думающіе такъ-же, какъ и г. Ш., и почему-же изъ того, что говорятъ «така його вдача» слѣдуетъ, что нужно говорить и «алгебраична задача»? Вѣдь глаголъ «завдаты» то-же, что и «задаты», только со вставленнымъ *в*, которое появилось здѣсь вѣроятно по аналогіи съ глаголомъ *вдаваты*

---

[1]) Вѣдь не къ однимъ-же только матеріальнымъ предметамъ прилагается этотъ глаголъ. Напр.: у Чубинскаго: Волю сама соби смерть зробыты (V, 117); Ой вы чумаченькы, ой вы молоденьки, зробить мени волю (V, 1031); у М. Вовчка: Велыку ласку мени зробы. (Нар. опов., II, 112); у Шевченка: Оттаку то ій прычыну ворожка зробыла. (Кобзарь 1883, стр. 29); у Кулиша: Зробыты гарный выбиръ (Хата, 94); у него-же: Воны зъ мене зробылы въ людяхъ прытчу (Іовъ, 37).

и имѣетъ значеніе эвфоническое. Вотъ примѣры: Въ неволю всйхъ задала (Головацкій. I, 4) и въ то-же время: на вичну каторгу завдавъ (Максимовичъ, Укр. п. 1849, 91); затѣмъ: задаваты тугы (Чуб. V 746), мукы (ibid. Ш. 335), задаете жалю (Кулишъ, Евангеліе, Марк. XIV, 6), прочуханивъ задаты (Ном. № 3861) и тѣ-же самыя или подобныя выраженія съ гл. «завдаты»: не завдавай... тугы (Чуб. V. 55), мýкы (Метлинск. 210), жалю завдаешъ (ibid., 15), завдаты прочухана (Ном. 3860), сорома (Этногр. Мат. Ш, 486), брехню (Кулишъ, Іовъ, 74), думкы (Г. Барв. 221) и пр. и пр. (См. также и у Желеховскаго *задаты*, при которомъ ссылка на *завдаты*). Повидимому г. Ш. признаетъ возможнымъ отглагольное «задання» употреблять въ значеніи «задача»,—тогда онъ то-же самое долженъ признать и для «завдання». Конечно, производныя отъ синонимовъ иногда специализируются каждое въ своей области; но этого именно здѣсь-то и нѣтъ, и у малорусскихъ писателей издавна колебанія: одни пишутъ: «задаваты, задача, задання» (Важке задання буты діячемъ на чужій сторони. Левицкій, Повисти, 120), другіе—«завдаваты, завдання», напр. въ «Основѣ»: «Завдають (у школи) отсюды—досюды» (1862, I. 54), у Левицкаго: Велыке культурне завдання (Баштовый, Украинство на лит. позвахъ, 22). У Желеховскаго: «завдаты, завдаваты кому щось—zur Aufgabe machen, aufgeben; завдане—Aufgabe». Отъ будущаго зависитъ, какое изъ этихъ словъ: «задання» или «завдання» удержится въ употребленіи (въ данномъ значеніи), быть можетъ, оба замѣнятся третьимъ, быть можетъ, оба будутъ существовать рядомъ, какъ существуютъ рядомъ и «задатокъ» и «завдатокъ» (Добре слово стóить за завдатокъ, Ном. 10674) и даже «завдача»: Я вже взяла 3 карбованци на завдачу (записано отъ народа въ Миргородскомъ у. Д. И. Эварницкимъ).—Закончивъ доказательства законности употребленія слова «завдання», я хочу привести еще одну цитату изъ статьи С. Павленка: «Рудольфъ Вирховъ». Вотъ она: «Буты гарною жинкою, гарною матирю, гарною хозяйкою. Таке *завдання* становыть само жыття». (Л. Н. Вистн. 1902 XII, 149).

«*У гимназіи винъ до кинця курсу не добувъ*» (6)—«такъ нельзя сказать»,—говоритъ г. Ш.—«Если существуетъ обязательство или обязанность „буты", тогда говорятъ, напр. „робитныкъ не добувъ сроку" и т. д., а объ ученикахъ и школѣ можно сказать: „до кинця курсу не дойшовъ" или „не довчывся".—Можно; но какія же доказательства, что нельзя сказать здѣсь «не добувъ»? Вѣдь и относительно гимназіи существуетъ нѣкоторая нравственная обязанность «добуты» въ ней до конца курса,—это во-первыхъ; а во-вторыхъ—я позволю себѣ и здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ, больше вѣрить украинскимъ лексикографамъ и писателямъ, чѣмъ критику моей статьи; а они совсѣмъ не ограничиваютъ употребленіе этого глагола такъ, какъ этотъ послѣдній. Вотъ у Желеховскаго: «добуваты до якогось часу—bis zu einer gewissen Zeit wo bleiben»; у Комарова: Частенько панычи не добуваютъ курсу гимназіи. (Розмова про небо, 23); у Свидницкаго: Вона вже останни годыны добувае дома,—въ науку пойиде. (Люборацьки, 60).

«*Кулишъ.... зазнайомывся зъ проф. М. Максимовичемъ......... Винъ познайомывся зъ Костомаровымъ, зъ Шевченкомъ*» (6). Г. С. Ше—хинъ спрашиваетъ: „Какая разница въ характерѣ знакомствъ и почему съ Максимовичемъ „зазнайомывся", а съ Шевченкомъ и Костомаровымъ „познайомывся?"'. Отвѣчаю: существованіе и употребленіе синонимовъ общеизвѣстно, а о существованіи гл. «зазнайомытыся» г. Ш. можетъ узнать хотя-бы изъ этой цитаты: Ходимо до його.... тамъ и зазнайомышся (зъ имъ). (Г. Барвинокъ, 178).

Слѣдующее замѣчаніе г. С. Ше-хина приходится привести цѣликомъ: «Нельзя также сказать «*помишныкъ*» куратора, въ смыслѣ помощникъ. «Помишныкъ» отъ слова «мишать», а отъ слова «помичъ», «помогаты»—«помичныкъ». Когда въ ироническомъ смыслѣ хотятъ выражаться о помощникѣ, то называютъ его «помишныкъ», т. е. человѣкъ, который мѣшаетъ, а не помогаетъ. Въ такомъ смыслѣ мы много разъ слышали это выраженіе у малороссовъ Полтавск. губ.—лубенскаго и золотоношскаго

уѣздовъ».—(Замѣтимъ губернію и уѣзды, на которые ссылается г. С. Ше—хинъ). Филологами уже давно отмѣченъ тотъ фактъ, что звукъ *ч*, сочетаясь съ нѣкоторыми согласными, между прочимъ съ *н*, обращается въ *ш* (см., напр., Огоновскаго: Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, 75). Вслѣдствіе этого въ правописаніи нѣкоторыхъ словъ буква *ш* окончательно вытѣснила *ч*, напр. «рушныкъ», «рушныця»; въ другихъ случаяхъ одни, руководясь болѣе фонетикой, пишутъ: «мисяшный, пасишныкъ, смашный», другіе обращаютъ вниманіе больше на словообразованіе и въ этихъ и подобныхъ случаяхъ вмѣсто *ш* ставятъ *ч*. Въ частности-же относительно словъ «помишныкъ, помишныця» должно сказать, что они употребляются въ нашей печати именно въ фонетической формѣ: Брыця—въ пашни помишныця. (Ном. 10136). Вы, зори, зорныци, Божіи помишныци. (Милорадовичъ, Нар. обр. и п. Лубенскаго у., 34). Та не сама пряла,—булы помишнычкы. (Чуб. V. 1182). Оказывается, что полтавская губернія и ея лубенскій и золотоношскій уѣзды не оправдываютъ ссылки г. Ше—хина, такъ какъ пѣсня отмѣчена у Чубинскаго полтавской губерніей, заклинаніе записано въ лубенскомъ уѣздѣ, а пословица доставлена Номису уроженцемъ золотоношскаго у. Максимовичемъ. Дальше: у Стороженка: Попереду йшовъ Щука зъ своимъ помишныкомъ (М. Прокл. 103); у Левицкаго: Зъявывся якыйсь нимець... зъ помишныкамы (Повисти, 136); наконецъ, у Кулиша:

Що ни шабля, ни рушныця
Протывъ ныхъ не помишныця.
(Досвиткы, 220 въ двухъ перв. изд. и 214 въ посл.).

Что-же касается утвержденія г. Ш. будто есть *помишныкъ* отъ слова «мишать», то это ничѣмъ пока не доказано. Если какой нибудь каламбуристъ ввелъ въ этомъ случаѣ въ заблужденіе г-на Ше—хина, то можно только пожалѣть, что правила хорошаго языка строятся на каламбурахъ.

Далѣе г. С. Ше—хинъ полагаетъ, что гл. *вывчаты* въ смыслѣ «изучать» употребленъ быть не можетъ. Вмѣсто этого

слова онъ предлагаетъ рядъ другихъ: *дослиджуваты*, *стежыты*, *выстежуваты*, *вызнаваты*, *пизнаваты*, *студіюваты*. Гл. *дослиджуваты* значитъ въ точномъ переводѣ «изслѣдовать», откуда «дослидъ»—изслѣдованіе (Линывый до историчнього дослиду розумъ, Кулишъ, Хут. Поезіи, 37), «дослидныкъ»—изслѣдователь (Вельмы поважный дослидныкъ польськои старосвитщыны, ib. 65); точно передавать понятіе «изучать» это слово не можетъ; поэтому нѣтъ возможности выраженіе «изучить славянскіе языки» перевести: «дослидыты славъяньськи мовы», а можно лишь сказать «вывчыты» или, какъ у Кулиша: «повыучуваты славъяньськи мовы (Хут. П. 27). Слово *стежыты* знач. идти за кѣмъ слѣдомъ (тіею жъ стежкою), отсюда: слѣдить за кѣмъ, преслѣдовать кого—такъ оно извѣсто въ нар. языкѣ, такъ переводится и въ словаряхъ (Желех., Закревскій, Уманець); если-же кто (по аналогіи съ русскимъ гл. «слѣдить», которымъ «стежыты» переводится) придалъ ему и произведенному отъ него *выстежуваты* новое значеніе, то это сдѣлано совершенно произвольно, и фраза: «я стежу (выстежую) сю науку» является и ничѣмъ неоправданнымъ нововведеніемъ, и будетъ совсѣмъ сбивать съ толку читателя изъ народа, которому, наоборотъ, совершенно будетъ понятно выраженіе: «я вывчаю сю науку». Гл. *вызнаваты* значитъ: а) узнавать, разузнавать, развѣдывать о чемъ либо въ смыслѣ производства судебнаго слѣдствія: Мени переказано урядныкомъ: вызнавай за Семена, чы не винъ укравъ. (Запис. Залюбовскій въ Верхнеднѣпр. у.). Знайшлы у його поламаный замокъ та по тому й вызналы, що винъ укравъ гроши у скрыни. (Запис. М. Ѳ. Лободовскій въ Волч. у.); б) заявлять, признавать, исповѣдывать. Ставши пред нами врядом обаполним, Юсчиха Безлюдиха, визнала ясне и доброволне.... иж измѣняла двур свуй власний.... з вуйтом Е. П. на двур... (Акты Борисп. м. ур., 74). Коли вызнаватымешъ устамы твоимы Господа Исуса. (Кулишъ, 1-е Посл. ап. Павла къ Римл. Х. 9); в) признаваться, сознаваться, свидѣтельствовать, давать показаніе. Хто такый дурный буде, щобъ самъ на себе вызнававъ таке (що вбывъ). (М. Вовчокъ, Осн. 1862, I, 103); г) предсказывать, предназначать: Уже ся все те збуло, що вызнано було. (Чуб. Ш.

327). Изъ этого видно, что глаголъ «вызнаваты» не можетъ употребляться какъ равнозначный для гл. изучать, изслѣдовать. Что касается *пизнаты*, то этотъ глаголъ среди народа и у лучшихъ нашихъ писателей употребляется исключительно въ смыслѣ: узнать кого-либо, опознать, что это именно онъ, а не другой кто, напр.:

Ой колы бъ я зозуленька, ой крыдечка мала,
То я бъ ввесь свитъ-Украину кругомъ облитала,
То я бъ свого мыленького по шапци пизнала.
(Милорад., 38).

Не пизнала маты та свого дытяты (ib. 13).

Пизнавъ препоганый,
Пизнавъ тыи кари очи,
Чорни бровенята...
Пизнавъ батько свого сына. (Шевч., Катер.).

Если же кое-кто старается придать этому глаголу значеніе русскаго «познавать», то врядъ-ли есть необходимость и основаніе подражать этому, да и въ этомъ даже случаѣ все таки «пизнаты» не будетъ равно «изучить», и нельзя сказать: «я пизнавъ исторію». Такимъ образомъ изъ всѣхъ рекомендуемыхъ г. С. Ше-хинымъ словъ, лишь одно *студіюваты* соотвѣтствуетъ требуемому значенію, но, какъ слово заимствованное изъ чужого языка и народу непонятное, должно уступить мѣсто народному слову *вывчаты*. Что послѣднее употребляется писателями въ такомъ значеніи, —это далеко не новость, такъ какъ съ этимъ значеніемъ оно вошло въ словарь Уманца, а существительное отъ него *вывчення*—изученіе еще въ словарь Партицкаго (Ум. I. 305). Изъ вышеприведенной цитаты (повыучуваты слав. мовы) видно, что и Кулишъ употреблялъ этотъ глаголъ въ подобномъ значеніи, а вотъ еще имѣющіеся у меня въ данный моментъ подъ руками примѣры: «Всяку народну науку, щобъ повесты іи дали, треба спершъ захопыть у народа те, що у його есть—*выучыть* се все и тоди дали подвыгать». (Про хворобы, 4); у В. Александрова

«Потратывъ чымало часу й праци, особлыво надъ вывченнямъ старо-еврейського языка» (Тыхомовни спивы, Передм., I); у Самійленка: «Мы, стари, заохочуемо молодижъ до вывчення свого ридного». («Драма безъ гор.» въ альм. «Хвыля за хвыл.», 210); у Левицкаго: «Выклыкало потягъ до выучування його (народнього) побуту, мовы, подання». (Башт., 10); у него-же: «Праця д. Огоновського е здобутокъ шырокого вывчення джерелъ» (ib. 58). Такимъ образомъ употребленіе гл. «вывчаты» не противорѣчитъ практикѣ писателей, да и духу укр. языка и—что очень важно—само слово понятно народу.

Знакъ вопроса вызываетъ у г-на С. Ше-хина и гл. *постаты* въ выраженіи: «постала въ його думка сотворыты... вкраинську Иліаду». Конечно, можно употребить и предложенные г. Ш. синонимы (склалася, народылася, вынЫкла), но все же они не точно передадутъ то изъ значеній гл. «постаты», въ которомъ онъ у меня употребленъ, а именно: возникнуть, появиться. Въ этомъ значеніи слово было особенно любимо Кулишемъ: «Велыки чвары мижъ ными щось посталы» (Осн. 1861, IX, 84); «Звидкиля воны (ляхы надъ Выслою) тамъ посталы,—історія не змогла й доси доказаты... Тутъ-же такы мижъ Выслою и Одрою постало невелычке та завзяте племъя ляхы». (Першый періодъ казацьтва. Правда 1868, стр. 5); «Субота рады чоловика постала, а не чоловикъ рады суботы» (Еванг., Мр., II. 27); «И мудросты въ батькивъ позычъ святои, Бо вчора мы посталы,—щò мы знаемъ?» (Іовъ). У Желеховскаго, съ указаніемъ въ качествѣ источника Кулиша, находится и существ. *постанне*—возникновеніе, появленіе.

Г. С. Ше—хинъ находитъ на стр. 7 статейки «До чытачивъ» «нѣчто невѣроятное», которое заключается въ употребленіи двухъ помянутыхъ глаголовъ «вывчаты» и «постаты» и затѣмъ... въ собственномъ измышленіи г. С. Ше-хина. Не понявъ выраженія: «Кривава эпопея народньои боротьбы за волю», онъ нашелъ нужнымъ замѣнить слово «эпопея» словомъ «эпоха» и, исказивъ такимъ образомъ мысль и ея выраженіе, началъ производить изъ этого искаженнаго текста свои обвинительные выводы.

Насколько допустимъ подобный пріемъ въ достойной уваженія критикѣ—очевидно для каждаго, и я не буду больше о немъ распространяться, предполагая здѣсь въ г. Ше-хинѣ только поспѣшность и неосмотрительность.

«*Одружывся зъ давно йому знаною сестрою свого прыятеля*» (8). Г. С. Ше-хинъ говоритъ: «Съ знайомою» надо или «видомою», но только не «знаною».—Почему? Вѣдь слово «знаный», въ значеніи—кому либо извѣстный, постоянно употребляется украинскими писателями: у В. Александрова (переводъ VIII псалма): «Знана ричъ: Ты мало чымъ його видъ янголивъ зменчывъ» (Тых. Сп. 12); у Г. Барвинокъ: «Знана на ввесь свитъ баба Борецъ» (Опов. 426); особенно любилъ это слово Кулишъ, и если бы г. С. Ше-хинъ не былъ такъ поспѣшенъ и самоувѣренъ въ своихъ приговорахъ, то онъ нашелъ бы у этото писателя много примѣровъ съ интересующимъ его словомъ; вотъ кое что: «Не дывыться на знаныхъ и велыкыхъ» (Іовъ, 75). «Малы жъ тоди знаного въязныка на призвыще Вараву» (Еван. Мт. XXVIII, 16); «Въ знаній кожному львивській литопыси (Крашанка, 11); оно находится у Кулиша даже какъ разъ въ приложеніи къ тому лицу, что и въ замѣткѣ «До чытачывъ»—къ г-жѣ Кулишъ, въ посвященіи ей «Думы-казкы про дида й бабу»: «Чоломъ и ралецъ моій знаній» и снова: «Чоломъ доземный моій же такы знаній». (Дзвинъ, 150, 165).

«*Выйихалы до Варшавы, щобъ извидты простуваты за кордонъ*» (8). По мнѣнію г. С. Ше—хина «простуваты»—«выраженіе для даннаго случая неумѣстное». Почему? Наоборотъ, какъ разъ умѣстное, потому что «простуваты» значитъ: прямо, не сворачивая никуда, идти, ѣхать; они-же и выѣхали въ Варшаву съ цѣлью оттуда прямо ѣхать за границу. Такъ какъ г. Ш. вѣроятно не знаетъ значенія гл. «простуваты», то пусть ему скажетъ это Кулишъ, приговоръ котораго для г. Ше—хина обязателенъ: «У Москви загаюсь днивъ зъ чотыри, а посли вже до васъ простуватыму» (Письма къ В. В. Тарн., Д. С. Каменец., оттискъ, 105); «Чулы мы, що ты простуешъ у чужи земли... йихатымешъ поузъ нашу тутешню хату» (ib. 114); «Назустричъ

гонець до Билозерця, щобъ простувавъ... пидъ Ниженъ» (Ч. Рада, Одесса, 180). «Стало выдно по всій Украини, куды зъ насъ коженъ мусыть простуваты» (Лыстъ зъ хутора Ш, Осн. 1861, Ш. 28).

«А тымъ часомъ выкрыто вже було Кырыло-Меѳодіивське Братство» (8). Г. Ш. говоритъ: «Очевидно авторъ хотѣлъ сказать—обнаруженно, открыто, раскрыто, а сказалъ наоборотъ—«выкрыто», т. е. совершенно закрыто, скрыто. По-малорусски надо было сказать *видкрыто, выявлено*».--Гл. *видкрываты* употребляется болѣе въ прямомъ его значеніи и для такого переноснаго, какое предлагаетъ г. Ш., требуется нѣкоторое расширеніе этого значенія; глаголъ-же *выявляты*, хотя и значитъ «открывать, обнаруживать, показывать», но имѣетъ свой собственный оттѣнокъ, а именно показываетъ, что кто-то открываетъ или сообщаетъ, выдаетъ кому либо нѣчто, открывающему *раньше уже извѣстное*, имѣвшееся уже въ его распоряженіи, напр.: Довго не выявлявъ свою думку (Комар. Розм. про небо, 52); Направлялы ихъ темнымы лисамы, щобъ не выявыть сылы передъ ляхамы (Сторож., М. Прокл. 60); Його очи выявлялы таку тревогу (Нечуй, Пов. 179); Ни сльозою, ни словомъ не выявывъ винъ жалю (Сторож., Оп. II. 50); Юдыхва выявыла його капости передъ Ксерксомъ (Ном. 3559); Колы бачывъ-бы, що й ридный братъ мій не думае объ хазяйськимъ добри и занапащае його, то я бъ и на брата выявывъ (Квитка, II, 174); И выявывъ тоби я грихъ мій непрощенный (Кулишъ, Псалт. 72). Поэтому о доносителѣ Петровѣ можно сказать, что онъ *выявывъ* (выдалъ) Кир.-Меѳ. братство, такъ какъ онъ раньше зналъ о немъ; но нельзя того-же сказать объ администраціи, ничего о братствѣ не знавшей. Что-же касается гл. *выкрыты*, то его значеніе указано Желеховскимъ: entdecken; г. Ш. утверждаетъ, что слово значитъ, наоборотъ: скрыть, закрыть,—пусть онъ докажетъ это, съ указаніемъ страницъ изданій, цитатами изъ нар. рѣчи или произведеній писателей, и тогда видно будетъ, что я ошибся; а до того времени каждый вправѣ считать переводъ г. Ше—хина его собственнымъ измышленіемъ, ни на чемъ не основаннымъ.

«*Одна по одній выявляютъся його кныгы*» (8). Г. С. Ше—хинъ спрашиваетъ: «А гдѣ-же и у кого онѣ были спрятаны или скрыты, что имъ пришлось «выявлятысь», т. е. обнаруживаться»?—Для того, чтобы *выявлятыся* совсѣмъ не нужно быть непремѣнно спрятаннымъ или скрытымъ,—достаточно не быть до того времени виднымъ кому либо, не находиться въ данномъ мѣстѣ или не существовать совсѣмъ, а затѣмъ *появиться*, такъ какъ «выявляться» знач., между прочимъ, «появляться», что легко усмотрѣть изъ слѣд. примѣровъ: «Рокивъ 300 до цього выявылысь люде, що дизналысь, що земля круглобока» (Комар., Р. про небо, 52); «На вулыци чорна свыта выявылась одна й друга, замыгтилы плахты, намиткы... ишлы люде до церквы» (М. Вовчокъ, Осн. 1862, I, 91); «Тилькы що выявылась на дверяхъ перша пара, якъ разомъ заторохтилы барабаны» (Сторож., М. Пр. 76);

Колы бъ винъ выявывсь народу,
Своимъ угодныкамъ, безъ гниву,
То не вернулысь бы до злого.
(Кулишъ, Псалт. 197).

Употребленіе сл. *духовный* въ смыслѣ spirituel по мнѣнію г. Ш. «дѣлаетъ рѣчь непонятной». Но почему-же мы всѣ понимаемъ, когда Кулишъ пишетъ: «Вашъ образъ духовный черезъ мое слово николы не забудеться» (Оповид., Бахмутъ, 125); или:

Боронючы народню Гиппокрену
Духовну зброю безъ устанку носымъ. (Байда, 7)[1]?

«Дѣлаетъ рѣчь непонятной» и сл. *завсигды* (вм. «завжды»). Сожалѣю объ ограниченности лексикона тѣхъ, кому могутъ быть непонятны такія обыкновенныя слова. *Завсе(и)гда, завсигды, завсиды* можетъ г. Ш. найти у Номиса (№№ 895, 4667), М. Вовчка (Нар. оп. II. 76), Кулиша (Ч. Рада, 74), Желеховскаго; а про-

---

[1]) То-же у Левицкаго: Повисти (1874), 268; тамъ есть даже *одуховнытысь*—одухотвориться (266).

изведенное отъ него народомъ *завсиднiй*—всегдашнiй находится у Шухевича (Гуцульщына, I, 120) и Мырнаго (Повія, II, 57; Хиба рев. волы, 350).

Также непонятно г-ну Ше—хину сл. *рахуваты* въ выраженіи: «тилькы на М. Вовчка та на Костомарова можно було рахуваты, якъ на поважныхъ литературныхъ робитныкивъ». Если непонятно, то слѣдуетъ обратиться хотя-бы къ словарю Желеховскаго,—тамъ есть переводъ.

Въ выраженіи: «*на вкраинськыхъ катедрахъ на университетахъ*» г. Ш. считаетъ необходимымъ замѣнить предл. *на* предлогомъ *въ*. Возможно, и я не настаиваю на этой формѣ: въ этомъ отношеніи въ нашемъ литер. языкѣ колебанія; но все же должно сказать, что галичане пишутъ «на», да также кое-кто и изъ укр. писателей въ Россіи,—вотъ, напр., заглавіе статьи Конисскаго: «Женщины-професоры *на* университети въ Болони» (Зоря, 1884, стр. 167)—и дальше въ текстѣ статьи: «Умерла... зробывшы вильный шляхъ тому жиноцьтву, котре ишло слидомъ за нею *на* болонскимъ университети» (168; см. еще 176 и др.).

«*Выдрукувавъ новымъ тыпомъ украинськи проповиди Гречулевыча, вельмы ихъ поперероблявшы, чы то й зовсимъ знову напысавшы*» *(9)*. Г. С. Ше—хинъ спрашиваетъ: «А кто-же ихъ «перероблявъ», если Кулишу пришлось ихъ «поперероблять» и развѣ ихъ кто-либо до Кулиша „перероблявъ“?».—Очевидно, г. Ш. думаетъ, что приставка *по* указываетъ здѣсь на дѣйствіе, произведенное во второй разъ *съ однимъ и тѣмъ-же предметомъ;* онъ ошибается. Прист. *по,* присоединенная къ несоверш. виду глагола, уже имѣющаго приставку, даетъ ему значеніе совершаннаго и обозначаетъ: а) дѣйствіе, произведенное нѣсколькими предметами однимъ за другимъ; напр.: «Гроши козакы вже на меды та на горилкы попереводылы». (Кулишъ, Хмельн. 106); «Вы поперескакуете [черезъ яму] до мене». (Манжур. 3); б) дѣйствіе, произведенное однимъ предметомъ надъ нѣсколькими и въ нѣсколько пріемовъ: «Тоди салдацькый сынъ-багатырь поперевертавъ ти скели» (Манж. 32); у Кулиша заглавіе его перевода Шекспира, изд. въ 1882 г. во Львовѣ: «Шекспирови творы зъ

мовы брытанськои мовою украинською *поперекладавъ* П. А. Кулишъ». Если-бы придерживаться толкованія г. Ш., то вышло-бы, что Кулишъ вторично послѣ кого-то дѣлалъ свой переводъ. А вотъ примѣры съ интересующимъ насъ глаголомъ: у Стороженка: «*Поперероблювалы* ихъ [правосл. церквы й манастыри] на костьолы и кляшторы (М. Пр. 65); у Кулиша: «Може бъ винъ [Шевченко] багацько де-чого *поперероблювавъ* у своихъ рукопысяхъ»—для изданія (Хут. П. 38),—развѣ это значитъ, что кто то передѣлалъ уже рукописи Шевченка, а затѣмъ онъ еще разъ ихъ имѣлъ передѣлывать? Нѣтъ, это просто значитъ, что написанное раньше Шевченко, для печати, имѣлъ бы передѣлать,—точно то-же значеніе, что и въ ст. «До чытачивъ».

«*Добре проредактувавшы й выдрукувавшы зъ своею хвальною передмовою* «*Нар. оповидання*» *М. Вовчка*» *(9)*. Здѣсь не нравится г-ну С. Ше--хину форма *редактуваты*; но почему онъ предпочитаетъ ей заимствованное галичанами у поляковъ «редакгуваты» я не знаю. Слово *хвальный*, по его мнѣнію, значитъ «хвастливый». Для того, чтобы повѣрить этому, необходимъ примѣръ изъ солиднаго источника съ самимъ словомъ «хвальный», а не съ словомъ «хвалько», зачѣмъ-то приводимымъ г. С. Ше—хинымъ. «Хвальный» у Желеховскаго—achtbar, у Уманца—похвальный, у Шейковскаго—хвальный; у Кулиша «Будешъ славенъ и хваленъ якъ Морозенко» (Ч. Рада 49). Развѣ это значитъ: хвастливый? Желательно, чтобы г. С. Ше—хинъ доказалъ примѣрами свое утвержденіе, будто *ухвальный*=хвалебный.

«*Повстававъ* [*Кулишъ у* «*Лыстахъ зъ хутора*»] *проты городянськои цивилизаціи панськои*» *(10)*. Г. С. Ше—хинъ говоритъ: «Отъ «городъ» прилагательное будетъ «городськый», а отъ «городянка»—«городянськый». Слѣдовательно, надо сказать „проты городськои цивилизаціи“».—Удивительное словопроизводство! Жаль, что Кулишъ былъ не знакомъ съ толкованіями г-на С. Ше—хина и съ его замѣчательнымъ открытіемъ о происхожденіи слова «городянськый» отъ «городянка»,—онъ тогда не употребилъ бы этого слова въ своихъ «Лыстахъ зъ хутора» болѣе двадцати разъ: городянськый духъ, розумъ, комфортъ, го-

родянська наука, пыха, словесность, доля, омана, громада, фылософыя, поезыя, нужда, городянське товарыство, городянськи диты, люде, кныжкы, наукы, дыва, порядкы и пр. (Оповид., Бахм., 97—114). Дѣло въ томъ, что свойственный «городу» будетъ «городськый», а свойственный «городянамъ»—«городянськый» (сравн.: миськый и мищанськый, сильськый и селянськый, хутирськый и хуторянськый). Вотъ почему свойственная горожанамъ цивилизація и названа мною, по примѣру Кулиша, *городянською*.

«*„Исторія Украины одъ найдавнишыхъ часивъ“—початокъ, цикавый тымъ, що авторъ здолавъ прегарною вкраинською мовою выкладаты ричъ цилкомъ поважно наукову: тоди се мигъ зробыты самъ Кулишъ тилькы, бильше нихто*» *(10)*. Г. С. Ше—хинъ говоритъ: «*Здолавъ* здѣсь неумѣстно, т. к. ничего Кулишу тутъ превозмогать (здолаты) не приходилось. Авторъ самъ же говоритъ, что малорусскій языкъ для Кулиша былъ роднымъ и никакихъ трудностей не представлялъ».—Прежде всего *здолаты* совсѣмъ не значитъ превозмогать, а просто—мочь, быть въ состояніи, какъ то видно изъ слѣд. примѣровъ: «Якивъ усе хоривъ, усе боливъ. Давно вже винъ не робывъ ничого—не здолавъ» (М. Вовчокъ, Нар. оп., II, 206); «Не здолавъ умовыть своихъ товарышивъ» (Сторож. II. 276); «Не здолаю бильшъ одъ васъ таитысь» (Кулишъ, Ч. Рада, 20); «Завесты унію всюды по Вкраини не здолалы». (Кулишъ, Хмельн. 47); «Ляхы здолають нову сылу супротывъ його выставыты» (ib. 57). Затѣмъ: нигдѣ въ моей статьѣ не говорится, будто бы малорусскій языкъ для Кулиша «никакихъ трудностей не представлялъ»,—это просто выдумка г. С. Ше—хина. Раньше въ моихъ словахъ онъ нашелъ «нѣчто невѣроятное», перемѣнивъ мое слово на свое, а теперь уже приписалъ мнѣ цѣлую мысль собственнаго сочиненія и строитъ на этомъ обвиненіе. Да я и не могъ сказать такой очевидной несообразности. Изъ того, что мальчикъ въ дѣтствѣ говорилъ въ семьѣ по украински, обходясь для этихъ обыденныхъ разговоровъ нѣсколькими тысячами словъ, совсѣмъ не слѣдуетъ, что ему не нужно было работать и преодолѣвать рядъ трудностей

для того, чтобы овладѣть высоко развитымъ литературнымъ языкомъ. Да мы имѣемъ по этому вопросу и свидѣтельство самого Кулиша, который, въ письмѣ къ одной знакомой, говоритъ: «Я краще одъ Васъ пышу по нашому; не думайте жъ, що такъ мени се й далось безъ праци. Я поты чытаю було писни, поки воны въ мене въ памъяти останутьця; поты перечытую Основъяненка, що нема вже й слова такого, которого бъ я не знавъ, де воно въ його сказано»[1]). Для научнаго-же языка затрудненія были еще больше, такъ какъ Кулишу приходилось *создавать* его самому и для этого онъ долженъ былъ изучить не только языкъ народный и бывшихъ до него писателей, но и старый письменный украинскій языкъ, чтобы воспользоваться раньше выработанными формами. Трудъ это былъ большой даже для такого талантливаго человѣка, какъ Кулишъ. Но еще труднѣе пожалуй было для него отрѣшиться, при писаніи своихъ научныхъ статей, отъ тѣхъ формъ научнаго русскаго языка, которыя *должны были* укорениться въ его мозгу, благодаря тому, что все свое образованіе онъ получилъ на русскомъ языкѣ и читалъ научныя книги въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ по русски. Если принять все это во вниманіе, то окажется, что для того, чтобы въ 1861 г. написать по малорусски историческую работу съ историко-критическими примѣчаніями къ ней именно необходимо было Кулишу превозмочь рядъ большихъ затрудненій[2]).

---

[1]) Письмо отъ 3 мая 1857 г. Оригиналъ его находится въ Музеѣ украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ, въ отдѣлѣ рукописей, подъ № 957; цитата взята изъ добавленія къ письму, названнаго: „Учытельська прыпыска".

[2]) Насколько трудно иному написать такую статью даже теперь, показываютъ вотъ эти образцы изъ статьи С. Павленка о Вирховѣ, написанной черезъ 41 годъ послѣ статьи Кулиша: «а) Вся забезпека индивидуального розвою зъ опертымъ на нимъ повнымъ почуттямъ своеи власнои особы, видповидальнистю и всимы запорукамы незалежносты, порядку й свободы—зныклы бъ цилковыто пры гуртовимъ выхованню дитей. Уся будучнисть людськосты, якъ у газардовій гри, була бъ поставлена на карту, абы лышъ здійстныты довильно выга-

«*Зазывный лыстъ до вкраинськои интеллигенціи*»—*могучый заклыкъ до праци*» (13). По мнѣнію г. С. Ше-хина, «неумѣстно употреблено слово *заклыкъ* вм. поклыкъ». Почему? *Заклыкъ* знач. призывъ, воззваніе, приглашеніе. Напр., у Костомарова, въ стихотвореніи «Ластивка», на площади призываютъ къ войнѣ,—

Почувъ сынокъ заклыкання,—
Палае серденько.

Мать не пускаетъ на войну, но—

Удруге, втрете
Заклыкъ оддаеться

и онъ идетъ (Збирн. Творивъ I. Галкы, 86, 87). Изъ этого видно, что слово «заклыкъ употреблено мною совершенно умѣстно; *поклыкъ* употребляется какъ синонимъ предыдущаго и имѣетъ значеніе болѣе близкое къ русскому «кличъ».

«*Основа, писля 22-и кныжкы, не стала выходыты*» (10). Г. С. Ше-хинъ замѣчаетъ: «т. е. не пожелала, отказалась выходить». Гл. *статы* имѣетъ то самъ по себѣ, то въ соединеніи съ другими словами около двухъ десятковъ значеній,—почему же г. Ш. выбираетъ изъ нихъ именно то, которое не подходитъ къ моей фразѣ? Значеніе цитированнаго выше выраженія совершенно ясно: *не стала выходыты*—перестала выходить. А что въ такомъ значеніи глаголъ употребляется видно хотя бы изъ слѣдующаго мѣста напечатанной Кулишемъ кобзарской думы:

дану и до того все жъ такы лыше апріорну свободу жинкы... б) Покы згодылыся зъ тымъ, що найкраще буде упорядыты поля зрошення, треба було розвязаты пытаня про хымичне знешкодинння канализацийныхъ згонивъ. в) Історія веде впередъ и вчыняе невидчепный вплывъ на погляды людей. г) Таки люде жывуть у тяжкимъ летаргичнимъ сни консерватызму, заснованого на екгоизми, зарозумилосты та выключальносты ихъ поглядовъ». (Л. Н. Вистн. 1902, XII, 152, 153, 158). Въ такомъ родѣ написана вся статья.

Покы мы матирь свою поважалы,
Поты намъ Богъ годывъ;
А *не сталы* мы маткы старенькои знаты...
Не сталы насъ люде знаты...
Не сталы мы въ домивци на промешканни зъ молодымы женами щасте й доли соби маты.
(Зап. о Ю. Р. I, 23).

Таковы лексическія замѣчанія г. С. Ше-кина; перейдемъ теперь къ замѣчаніямъ характера синтаксическаго. Они открываются удивительнымъ недоумѣніемъ г. Ш. Вотъ оно цѣликомъ: «Тамъ же мы читаемъ: «зробывся першымъ (чымъ?) у класи»—гдѣ же существительное?» (Стр. 69). На этотъ поразительный вопросъ ничего не остается, какъ только отвѣтить, что гимназистамъ младшихъ классовъ сообщается о томъ, что «дополненіе выражается... именемъ существительнымъ въ косвенномъ падежѣ... (и) всякимъ другимъ словомъ, если оно употреблено или вмѣсто косвеннаго падежа имени существительнаго (мѣстоименіе), или въ смыслѣ его (любое слово)». Также ихъ ставятъ въ извѣстность, что «въ одномъ предложеніи опускается либо существительное (въ подлежащемъ и дополненіи), либо глаголъ (въ сказуемомъ), преимущественно тогда, когда при нихъ бываютъ такія объясняющія ихъ слова, при которыхъ становится лишнимъ подлежащее или сказуемое, а именно: существительное опускается тогда, когда слишкомъ общее понятіе, имъ выражаемое, достаточно явствуетъ изъ прилагаемаго къ нему опредѣленія». (Для точности отмѣчаетъ, что первая цитата взята со стр. 17 части 2-й «Учебника русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній» П. Смирновскаго (М. 1898), а вторая со стр. 111 «Учебника р. грамматики... для среднихъ учебн. завед.» Ѳ. Буслаева (М. 1873). Это сообщается гимназистамъ конечно о русскомъ языкѣ, но то же самое приложимо и къ малорусскому, въ чемъ легко убѣдиться изъ слѣд. примѣровъ: у Мордовцева: «Сущый Цезарь: *першымъ* у Мотронивци, абы не *другымъ* у Петербурси» (За краш.—пыс., 26); у Кулиша [1]): «Спершу Кулишъ учывся дуже тупо и бувъ *по-*

[1]) Слѣдующая за этимъ цитата взята изъ напечатанной анонимно въ львовск. «Правди» 1868 г. статьи «Жызнь Кулиша». Объ

слидущымъ мижъ товарышамы... У трейтьому класи гымназыи̌, куды переведено його зъ повитового учылыща трохы чы не *первымъ,* спознався.. » (Стр. 34). Въ украинскомъ языкѣ такое опущеніе существительнаго (какъ въ подлежащемъ, такъ и въ дополненіи) даже особенно любимо и особенно часто встрѣчается у Кулиша, примѣрами изъ котораго я и ограничусь. «Такъ спивай, щобъ чоловикъ на *добре,* а не на *зле* почувся (Ч. Рада, 21). *Гиркои* ты пиднисъ моему серцю (Ib. 20).

Не славте кобзаря словамы золотымы,
Повисьте вы надъ нымъ його *трыдцятострунну.*
(«Дзвинъ», 197).
И се тебе моимъ *наказнымъ* огласывъ. (Ib. 208).
Кохана! не тремты передъ мечемъ кривавымъ,
Винъ радощи земни вбезпечуе всимъ намъ.
Свитъ практычнишои не видае ще славы,
Якъ згорда показать *страшного* ворогамъ. (Ib. 235).

Воззваніе къ Эвтерпѣ:

Благаемъ же тебе дитву ґойдаты....
Прыспишуючы й намъ той викъ добра,
Що *Девъятьохъ* до насъ колысь прынадыть (т. е. девять музъ) (Ib. 239).

Полное незнаніе одного изъ важнѣйшихъ правилъ укр. языка обнаружено г. С. Ше-хинымъ и въ другомъ его замѣчаніи относительно выраженій: «половыну литературнои діяльносты Кулишевои» и «дви перлыны нашого пысьменства красного». Г. Ш. полагаетъ, что опредѣленія «Кулишевои» и «красного» должно стоять *передъ* существительнымъ. Очевидно, ему совершенно не-

---

этой статьѣ А. Н. Пыпинъ въ I-мъ томѣ «Исторіи слав. лит.» говоритъ, что она «со свѣдѣніями, очевидно идущими и отъ самого Кулиша» (стр. 375). Но, кромѣ свѣдѣній, въ ней Кулишу несомнѣнно принадлежитъ и языкъ—это очевидно для всякаго, читающаго статью. Вѣроятно, она сильно исправлена Кулишемъ.

извѣстно, что укр. языкъ чрезвычайно любитъ употребленіе опредѣленія *послѣ* опредѣляемаго: Ходыть якъ индыкъ *переяслывськый* (Ном.). А Бигъ його *святый* знае! (Ном.). Прыйшовъ у той лисъ до того пенька *обгорилого* (Рудч. Ск. II, 109). И вже пролиски у садку *Олексіевому* процвиталы (Квитка). Якъ то вже я того вечора *захыстного темного* дожыдаю! (М. Вовчокъ, Осн. 1862, Ш, 62), Прокипъ наче ничъ *темна* ходыть (М. Вовчокъ, О. 1862, Ш, 62). А сама у плачъ *ревный* (М. Вовчокъ). Люде *прости* по всій Украини загулы (Кулишъ, Хмельн., 58). Жинкы *шляхецьки* сталы жинкамы *козацькымы* (Ib. 61). Збогатылыся добыччу *панською*. (Ib. 56). При двухъ же разнородныхъ опредѣленіяхъ (а таковы именно оба случая, отмѣченные г. Ш.), почти обязательно одно ставится впереди, другое послѣ опредѣляемаго: у Котляревскаго: Въ *червоній* юпочци *баевій* (Енеида); у Шевченка: *Мій* друже *мылый*, якъ то мало святыхъ людей на свити стало; у него жъ: Бувай здоровъ, *мій* друже *едыный!* (Письмо къ Лазар.); у М. Вовчка: Тилько *свое* лыхо *тяжке* згадають; у Кулиша: *Иншый* чоловикъ *значный* и не хотивъ. (Хмельн. 61); Лякаючы людей *велыкою* помстою *лядською* (Ib. 57); Воны зруйнувалы *старый* порядокъ *славъянськый* (Перш. пер. коз. 5).

По мнѣнію г. С. Ше-хина невозможно употребить и страдательное причастіе прошедш. врем. *чутый* (зъ колысь чутого оповидання), а необходимо замѣнить его несокращеннымъ придаточнымъ предложеніемъ (зъ того оповидання, що колысь чувъ). Но такія причастія въ украинскомъ языкѣ существуютъ и употребляются какъ прилагательныя: Далеко десь булы воны завдати. М. Вовчокъ, П, 34.

Стоить дерево высоке,
Покынуте Богомъ,
Покынуте сокырою. (Шевч. 301).
Чыи сыны, якыхъ батькивъ,
Кымъ, за що закути? (Шевч. 171).

За бытого двохъ небытыхъ дають. Посл. Нашъ братъ увесь викъ ходыть сытый и вкрытый. Кулишъ, Зап. О. Ю. Р. I. 9. *Чутый*—см. «Р. грам.» Смаль-Стоцкаго и Гартнера, 122.

Отъ опредѣленія перейдемъ къ подлежащему. Въ ст. «До чытачивъ» написано такъ: «Винъ згодомъ намыслывъ выдаваты укр. журналъ «Хата», та добувъ дозвилъ тилькы на альм. «Хату». Сю гарну збирку зъ творивъ своихъ и кращыхъ тодишнихъ пысьменныкивъ появывъ р. 1860 и тоди жъ выдавъ... «Повѣсти» (9). Выписавъ текстъ *только* отъ словъ «Сю гарну збирку...», г. Ш. спрашиваетъ: «Гдѣ подлежащее»? То вырванное изъ связи съ предыдущимъ мѣсто, которое привелъ г. Ш., дѣйствительно казалось нѣсколько неловкимъ безъ проставленнаго подлежащаго, но зачѣмъ же искаженъ былъ видъ выраженія путемъ отдѣленія фразы отъ текста, съ которымъ она въ связи? Когда читаешь все вмѣстѣ, вопроса о подлежащемъ не представляется. Кромѣ того, очевидно г-ну С. Ше-хину неизвѣстно, что укр. синтаксисъ позволяетъ опускать подлежащее очень часто, гораздо чаще, чѣмъ, напр., русскій. Одинъ изъ укр. писателей, извѣстный редакторъ «Украинськыхъ прыказокъ» М. Номисъ (Симоновъ), прекрасно знавшій народный языкъ, такъ любилъ опускать подлежащее, что доходилъ даже до излишествъ. Вотъ примѣръ:

«И було такъ покійныця: куды бъ ни йихала, а вже безъ паляныци не можна. «Годытся такъ!» И прыйиде, склоныла головою, добрыдень, чы якъ прыходытся, и наперэдъ усёго—зъ хустыны и на стилъ іи! а вже потимъ и прывитаться, и щобъ тамъ наддягтысь».

«И гостынцивъ тежъ було дитямъ,—николы було безъ гостынця! «Сварымось»,—каже,—«треба и голубыты. Чымъ же»,—каже,—«и згадувать имъ буде стару?» И не те, щобъ тамъ медяныкивъ, або другого чого, городського—ни сього у неи не було николы. А отъ: насиннячка по жминци... коржа медяного, або просто по шматку кныша або гречаныка. «У зайчыка», каже. «одняла!» (Разск. М. Т. Симонова, 231). Въ такомъ родѣ написанъ весь этотъ разсказъ, равно какъ и другой, того же автора, «Дидъ Мына и баба Мыныха», напечатанный Кулишемъ въ альм. «Хата». Самъ Кулишъ также любилъ этотъ пріемъ, напр. въ «Ч. Ради» (съ красной строки): «Такъ говорючы, уставъ да й повивъ гостей до хаты» (21). Изъ «Байды»:

Господь скаравъ на ній лукаву матиръ:
Вдовуючы дытыну появыла (16).

Остается еще два замѣчанія г. С. Ше-хина,—оба они касаются сокращенныхъ придаточныхъ предложеній. По поводу слѣд. мѣста: «Заслано його до Тулы, заборонывшы служыты... й пысаты», г. С. Ше-хинъ говоритъ: «Построеніе и согласованіе невозможное и синтаксически невѣрное. Надо было написать «заслано його до Тулы и заборонено служыты»... или какъ говорятъ въ Полтавщинѣ: «заслано... зъ забороною служыты» (Стр. 72).—Что «такъ говорятъ въ Полтавщинѣ»—это еще требуетъ доказательствъ (документальныхъ, конечно, изъ опубликованныхъ образцевъ народной словесности), которыхъ г. Ш. пока не представилъ; что же касается употребленной мною конструкціи, то г. С. Ше-хинъ, какъ обыкновенно, не указываетъ почему онъ считаетъ ее невѣрной; но можно догадаться, что ему не нравится сокращеніе придаточнаго предложенія при главномъ безличномъ. Дѣйствительно, русская грамматика не допускаетъ такихъ сокращеній; но иначе обстоитъ дѣло въ украинскомъ языкѣ, гдѣ такое сокращеніе въ употребленіи,—вотъ примѣры: „Не горившы, не боливши, якъ зъ лука спрягло". Ном. „Мавшы своихъ богивъ та чужымъ кланятысь". Ном. Допускается, при главномъ безличномъ сокращеніе придаточнаго даже съ своимъ собственнымъ подлежащимъ: у Квитки: „Побачывшы тебе уперше, мени здалося, що знайшовъ соби якесь щастя". У Котляревскаго:

Оттакъ поплававшы немало
И поблудывшы по морямъ,
Якъ ось и землю выдко стало. (Енеида).

У Кулиша: „Того жъ року, вступаючы въ осинь..., одтято голову й Сомкови" (Ч. Р. 142).

Ту мицну кгалеру,
Одризано у насъ, мынувшы Перу. (Байда, 91).

Тѣмъ болѣе возможно сокращеніе придаточнаго предложенія при употребленномъ мною безличномъ, такъ какъ въ обоихъ

предложеніяхъ одно и то же подлежащее и при томъ оно не совершенно отсутствуетъ, а лишь индивидуально не опредѣлено.

Другое замѣчаніе г. С. Ше-хина относится къ слѣд. мѣсту статьи: «Бувши ще Кулишъ въ университети, зазнайомывся зъ проф. Максымовычемъ» (6). Г. Ш. говоритъ, что это «оборотъ, который можно употребить только развѣ вслѣдствіе lapsus linguae. Это не малорусскій періодъ рѣчи» (70).—Крайнее незнакомство г. С. Ше-хина съ малорусскимъ языкомъ особенно ощутительно въ этомъ безапелляціонномъ приговорѣ. Онъ не знаетъ, что если причастіе служитъ выраженіемъ придаточнаго предложенія и имѣется на лицо общее для обоихъ предложеній подлежащее, то украинскій языкъ допускаетъ оригинальную и красивую разстановку словъ: причастіе ставится впереди подлежащаго, которое, такимъ образомъ, входитъ въ составъ не главнаго, а придаточнаго предложенія. Вотъ примѣры изъ нар. рѣчи: „Каравшы Богъ та й змылуется.“ Ном. „Погулявшы то тамъ Шелестъ зъ козакамы, и повивъ ихъ у лисъ“. Зап. о Ю. Р. I. 297. „Почувши губернаторъ Росковськый, що гайдамакы деруть одного чоловика, Шрама,... пойихавъ його обороняты“. Ib. I. 241. Эта конструкція употреблялась въ старинной малорусской литературѣ: «Слишавши то баба Соломия голос из неба, скоро порвавшися силою Божіею, побѣгла за мѣсто на поле» («Казаня на Рожд. Х-во» въ кн. «Матеріялы до рускои литературы апокрифичнои зôбравъ Д-ръ Ом. Калитовскій», 13). «При писмѣ томъ Кошового отобравши Ханъ и реестръ неволничій татарскій, послалъ заразъ оній чрезъ своихъ чавусовъ во весъ Кримъ». (Величко, Лѣт., II, 383). А вотъ примѣры изъ лучшихъ писателей XIX в.:

Котляревскій: а) Роспорядывшы Турнъ якъ треба,
Махнувъ засаду щобъ зробыть.
б) Послухавшы Еней Охрима,
Укрывшысь на полу лигъ спать.

Гулакъ-Артемовскій: Запригшы кгулыхъ винъ, ну перелигъ ораты (О. 1861. III. 94). *Квитка:* Прынисшы вона видъ ричкы плаття, загубыла матерыну хустку. I. 37. Набравшы Охримъ

воды та вертаючысь до табора, дума... I. 12. Надувшысь голова и палычкою пидпираючысь, повивъ передъ. II. 45.

Шевченко: Розбывшы витеръ чорни хмары,
Лигъ биля моря одпочыть. 27.

Кулишъ очень любилъ эту конструкцію: Пидйихавшы гости пидъ браму, почалы грукаты шаблею въ цвяхы. Ч. Р. 4. Да одчынывшы дидусь у пасику фирточку, и повивъ Шрама. Ib. 6. Постоявшы прочане наши въ церкви, подалы срибла пан-отцямъ Братськымъ. Ib. 48. Бачывшы тоди короли польськи, на що воно... забираеться, одынъ по одному козакивъ до себе ласкою прыхылялы. Хмельн. 30.

Мой отвѣтъ на частныя замѣчанія г. С. Ше-хина оконченъ. Прошу извиненія у читателей въ томъ, что иногда занималъ ихъ вниманіе вещами общеизвѣстными: это было обусловлено самымъ свойствомъ той критики, на которую приходилось возражать. По нѣкоторымъ пунктамъ можно было бы привести нѣсколько болѣе фактическаго матеріала, но крайній недостатокъ времени принуждалъ ограничиться имѣвшимся подъ руками. Впрочемъ, кажется, и сказаннаго достаточно для того, чтобы придти къ нѣкоторымъ заключеніямъ.

По мнѣнію г. С. Ше-хина, авторъ ст. «До чытачивъ» склоненъ ко всякаго рода новшествамъ, не знаетъ значенія самыхъ обыкновенныхъ словъ и не считается съ малорусскимъ синтаксисомъ. Однако, высказанныя по каждому отдѣльному случаю соображенія и данный при томъ фактическій матеріалъ должны очевидно приводить къ инымъ выводамъ. Разъ доказано, что ни одна изъ заподозрѣнныхъ г. Ш. формъ помянутымъ авторомъ не создана, то нѣтъ и возможности называть новшествомъ то, что издавна употреблялось народомъ, а также старыми и новыми писателями. Что же касается лексическаго значенія словъ и синтаксической связи ихъ, то, быть можетъ, въ томъ или другомъ случаѣ вопросъ остается спорнымъ; но то обстоятельство, что употребленныя мною формы въ такомъ же точно значеніи и въ такой же точно связи употребляются народомъ или лучшими писателями, указы-

ваетъ, что въ отмѣченныхъ случаяхъ я въ прегрѣшеніяхъ противъ основъ и духа укр. языка неповиненъ, и высказанныя г. С. Ше-хинымъ съ такимъ апломбомъ обвиненія падаютъ.

Но если это такъ, то тогда одно изъ двухъ: или г. С. Ше-хинъ все это зналъ, или не зналъ. Въ первомъ случаѣ его обвиненія получили бы характеръ, о которомъ я не хочу распространяться, такъ какъ не считаю возможнымъ предположить нѣчто подобное со стороны г. Ш.; если же онъ ничего не зналъ, тогда, значитъ, онъ не знаетъ ни теоретически, ни практически укр. языка, не знакомъ съ языкомъ первостепенныхъ украинскихъ писателей, и можно только удивляться той смѣлости, съ которой онъ свои собственные вкусы въ области языка выдаетъ за нѣчто, обязательное для всѣхъ.

Изъ вышеприведенныхъ многочисленныхъ примѣровъ слѣдуетъ, что г. С. Ше-хинъ обвинилъ въ незнаніи языка и исправилъ по своему въ сущности не предисловіе къ альманаху «Дубове лыстя», а всѣхъ лучшихъ украинскихъ писателей, начиная съ Котляревскаго, и—что еще удивительнѣе—даже языкъ самого малорусскаго народа. И народъ, и эти писатели, при приложеніи къ нимъ мѣрки г. С. Ше-хина, оказались выражавшимися плохо: не знали значенія самыхъ общеизвѣстныхъ словъ, употребляли «построенія и согласованія невозможныя и синтаксически невѣрныя», «которыя можно употреблять только развѣ вслѣдствіе lapsus linguae», питали «большое пристрастіе ко всякого рода новшествамъ, заковыристымъ словечкамъ и приставкамъ», употребляли замѣны словъ, которыя «дѣлаютъ рѣчь непонятной», грѣшили «невозможнымъ подборомъ словъ» и пр. и пр. и, наконецъ, дали въ руки недоброжелателей украинскаго слова матеріалъ для враждебныхъ нападеній. Нисколько не лучшимъ оказался и тотъ авторъ, который, по словамъ г. С. Ше-хина, владѣлъ «родной рѣчью въ совершенствѣ»,—даже болѣе: онъ оказывается особенно часто грѣшащимъ предъ лицомъ г. С. Ше-хина. Такимъ образомъ ошибочно утвержденіе послѣдняго, будто онъ не знаетъ «ни одного человѣка, который не преклонялся бы передъ удивительнымъ умѣньемъ Кулиша владѣть родною рѣчью» (стр. 74), такъ какъ въ этомъ случаѣ г. С. Ше-хинъ забылъ самого

себя. Возможно, конечно, что Кулишъ, какъ утверждаетъ г. Ш., не похвалилъ бы моего языка, но какъ удивился бы онъ нападеніямъ во имя языка Кулиша на языкъ Кулиша же! Какъ оригинально звучатъ преподанные мнѣ г. С. Ше-хинымъ совѣты изучать малорусскій языкъ, когда знаешь противъ кого они въ дѣйствительности направлены! Какъ хочется спросить г. С. Ше-хина,—почему же онъ самъ прежде всего не послѣдовалъ этимъ совѣтамъ и не изучилъ языка раньше, чѣмъ взяться за его критику и очутиться въ положеніи, при которомъ читателю приходится выбирать между авторитетомъ г. С. Ше-хина и авторитетомъ такихъ именъ, какъ Котляревскій, Гулакъ-Артемовскій, Квитка, Костомаровъ, Шевченко, М. Вовчокъ, Кулишъ и, наконецъ, тотъ народъ, который является учителемъ языка всѣхъ насъ—и большихъ, и малыхъ?

Все это хорошо поясняетъ, насколько осторожнымъ нужно быть при критикѣ такой сложной вещи, какъ языкъ—это огромное море словъ и сочетаній, въ движеніи и всплескахъ котораго блещетъ и играетъ безконечнымъ разнообразіемъ цвѣтовъ и формъ мысль народныхъ массъ и ряда лучшихъ представителей умственной жизни народа.

Къ сожалѣнію, неосторожность г. С. Ше-хина не ограничивается только этимъ.

Въ своей замѣткѣ онъ предупреждаетъ меня о необходимости особой осторожности въ обращеніи съ малорусскимъ языкомъ, такъ какъ «безразборчивые противники» его, «прикрываясь дутымъ авторитетомъ всезнайства и честности мнимо-ученаго» могутъ воспользоваться моими промахами для того, «чтобы еще разъ бросить грязнымъ комомъ недоброжелательства въ ни въ чемъ неповинный малорусскій языкъ».

И самъ облегчаетъ помянутымъ господамъ возможность бросить этотъ комъ.

Не зная малорусскаго языка, онъ взялся критиковать его и выставляетъ цѣлый рядъ общеупотребительныхъ и совершенно правильныхъ выраженій, какъ матеріалъ для безразборчивыхъ бросателей грязныхъ комьевъ. Не довольствуясь этимъ, онъ начи-

наетъ пересказывать наново старыя разсужденія о «многихъ» малорусскихъ писателяхъ, которые «принимаются за собственную выковку слова и куютъ какъ придется, какъ случится», увѣряетъ, что «такихъ ковалей развелось достаточно и они принесли своей работой огромный вредъ» и пр. Пишущій эти строки готовъ оберегать чистоту малорусскаго языка отъ неумѣлыхъ бумагомарателей и полагаетъ, что только самое тѣсное единеніе съ народнымъ языкомъ даетъ возможность произведеніямъ талантливаго писателя сохранять свое вліяніе на долгое время; онъ охотно признаётъ, что слова г. Ш. имѣютъ въ себѣ нѣкоторую долю истины [1]); но

---

[1]) Вотъ, напр., рядъ образцевъ изъ упомянутой уже статьи г. С. Павленка о Вирховѣ: Самозричлывого борця за щастя людей,—задовблювання граматычныхъ правылъ,— видносыны до околышнього,—захыщаючысь фальшывымы ствердженнямы,—проныклывымъ и реально думаючымъ розумомъ,—працювавъ надъ непохытною науковою довидностю його,—кожна зъ ихъ мае свою незалежнисть и самопрызначення,—зробылы цилый перетвиръ въ ликарськiй науци,—пойихавъ бы въ мисце його пробування,—дывотворне сонце медычнои наукы,—наукове зайняття,—видгучлыва, чесна й захватна до ентузіязму натура,—заспалисть и апатію народа,—зъ несхыбнистю анатома крае соц. организмъ,—повернуло народню освиту... въ народне затемнення,—можна було предвыдиты,—гостродумне справоздання,—перестороЖлыви скрыжали,—зграю настыглыхъ ликарськыхъ пытань,—облегчуваты кышени хворымъ людямъ,—грубе надсыльство,—урядъ командувавъ (командировалъ) Вирхова и пр. (Л. Н. В. X и XI). Вся статья переполнена такими неудачными новообразованіями. Или вотъ образцы, найденные на четырехъ страницахъ повѣсти: Винъ робочыхъ и обличувавъ пры выдачи удержання, и грабувавъ пры закупи въ його крамныци ризного краму.—Колесо выробу овочивъ ишло рехтельно.—Проминня сонця непрымитно злывалось зъ роскишнымъ рястомъ тырсы.—На порожняву кышень нащадкы слобожанъ не малы рацыи жалуватысь.—Рядъ урожаивъ збывъ цину на зерно до нигыча... багато пекучыхъ потребъ лышылось у козакивъ безъ заспокоення.—Ихъ ставъ посягаты розрухъ.—Громадська псыхика шукала въ одчаю хочъ якого небудь ворога, абы вылыты на него всю нагромаджену роздратованисть.—Горде прызырство до нового закладу ихъ сусиды воны заховалы й на дали, нагромаджуючы свое протывенство все бильшъ.—Ворогъ, въ выгляди одноi тилькы

въ то-же время разсужденія г-на Ш. являются здѣсь совершенно неумѣстными какъ по той причинѣ, что подвергнутый разсмотрѣнію матеріалъ не давалъ никакого повода для возбужденія этого вопроса, такъ и потому, что обвиненія эти высказаны безъ тѣхъ ограниченій, въ которыхъ они нуждаются, и изъ нихъ сдѣланы выводы, дѣйствительностью не оправдываемые.

Ограниченія эти заключаются въ томъ фактѣ, что нѣтъ литературнаго языка, который могъ бы довольствоваться исключительно матеріаломъ народной рѣчи; каждый лит. языкъ пользуется болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ вновь созданныхъ словъ, и созданныхъ преимущественно писателями и учеными: если-же такіе неологизмы не замѣчаются публикой, то лишь потому, что она къ нимъ привыкла и даже удивляется, узнавъ, что, напр., въ русскомъ языкѣ являются «скованными» такія слова, какъ пароходъ, паровозъ, міровоззрѣніе, промышленность, терпимость, отвѣтственность, самоотверженіе, раздражительность, разбросанность, равнодушіе и пр. и пр. И въ укр. литературномъ языкѣ также не можетъ не быть неологизмовъ,—все дѣло лишь въ томъ, чтобы они выростали органически въ связи съ ростомъ языка и въ строгомъ соотвѣтствіи съ духомъ его, да чтобы ихъ не было слишкомъ и при томъ безъ нужды много. Если «многіе» малорусскіе писатели, благодаря помянутымъ затрудненіямъ при изученіи укр. языка, дѣлаютъ въ этомъ отношеніи непохвальныя ошибки, то все-же вѣроятно можно безъ преувеличенія сказать, что число циркулирующихъ въ малорус-

---

цукорни, зруйнувавъ крыхту селянського супокою въ пень: наочнисть сього ворога...—Цукорня... була яскравымъ свидкомъ суперечносты праци та капиталу и навичъ доводыла слабкисть та невыкрутнисть самыхъ слобожанъ.—Мовчкы вдавалысь до насолоджування красою округы. (Ив. Стешенко, На заводи. Л. Н. В. 1900. VII, 10—13). Обыкновенно образцы подобнаго рода и указываются какъ примѣръ того, до чего доходятъ „ковали". Конечно, такія выраженія нуждаются въ переводѣ на малорусскій языкъ, но такъ вѣдь на нихъ и смотрятъ остальные малорусскіе писатели. Въ какой-же литературѣ нѣтъ людей, силящихся дѣлать то, чего они не умѣютъ?

ской печати неологизмовъ будетъ не больше, чѣмъ въ каждомъ другомъ языкѣ,—они только замѣтнѣе, благодаря ихъ относительной молодости и благодаря тому, что въ сравнительно небольшой литературѣ скорѣе бросается въ глаза всякая неловкость въ родѣ только что цитированной статьи о Вирховѣ или повѣсти «На заводи». При ближайшемъ разсмотрѣніи очень часто оказывается, что предполагаемый неологизмъ есть лишь обыкновенное слово стараго малорусскаго письменнаго языка или даже и народное, но очень мѣстное. Конечно, многія научныя и почти всѣ газетныя статьи галичанъ представляются намъ слишкомъ засоренными безобразными варваризмами, но не нужно забывать того, что лучшіе представители украинской литературы въ Галиціи сами сознаютъ это и медленно, но неуклонно идутъ въ направленіи все большаго и большаго сближенія съ той варіаціей литерат. языка, которая дана лучшими представителями украинской литературы въ Россіи. Произведенія этихъ послѣднихъ несомнѣнно могутъ поддержать положеніе, что укр. литерат. языкъ въ лучшихъ своихъ образцахъ чрезвычайно близокъ къ народному, гораздо ближе, чѣмъ, напр., литературный русскій.

Вотъ почему выводы, дѣлаемые г. С. Ше-хинымъ изъ своихъ утвержденій, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Онъ утверждаетъ, будто-бы «ковали многихъ отвернули отъ малорусской литературы». Нѣтъ, не «ковали» это сдѣлали, если это вообще было. Вредъ, принесенный ими, все-же былъ такимъ малымъ по сравненію съ тѣмъ хорошимъ, что давали укр. литература и ея языкъ, что о такомъ ихъ значительномъ вліяніи не можетъ быть и рѣчи,—оно являлось лишь небольшимъ слагаемымъ въ общей суммѣ гораздо болѣе важныхъ причинъ. Входить въ разсмотрѣніе этихъ послѣднихъ здѣсь не могу, скажу только вообще, что слабость симпатій къ украинской литературѣ со стороны извѣстной части нашей интеллигенціи объясняется тѣмъ воспитаніемъ и образованіемъ, которое разобщало интеллигенцію и народъ также точно въ XIX в., какъ и въ XVII, и тѣмъ непониманіемъ законовъ развитія народныхъ массъ, которое такъ свойственно интеллигенціи, разобщенной съ народомъ; тотъ псев-

докосмополитизмъ, который не находилъ нужнымъ считаться съ фактами дѣйствительности, съ фактомъ существованія народностей и неизбѣжно вытекающихъ отсюда послѣдствій, и, наконецъ, то теченіе, которое создавало у насъ Саввъ Чалыхъ и Брюховецкихъ. Поэтому и странны разсужденія г. С. Ше—хина, изъ любви къ украинскому языку возводящаго напраслину на этотъ языкъ.

Такая-же напраслина заключается и въ утвержденіи будто «многія (украинскія) писанія не только не понятны народу, но даже разохочиваютъ его къ чтенію книги на родномъ языкѣ». По обыкновенію г. Ше—хинъ не приводитъ никакихъ доказательствъ своего утвержденія, а между тѣмъ дѣлать такіе приговоры безъ доказательствъ слишкомъ странно для выступающаго съ проповѣдью осторожности. Что можетъ найтись нѣсколько плохо написанныхъ книжекъ въ украинской литературѣ, какъ и во всякой другой,—это, конечно, болѣе, чѣмъ вѣроятно; что вообще плохихъ авторовъ вездѣ больше, чѣмъ хорошихъ, это также извѣстно; но когда послѣ разсужденій объ «огромномъ вредѣ» приносимомъ «ковалями», появляется утвержденіе, подобное вышеприведенному, тогда оно пріобрѣтаетъ такой характеръ, какъ будто рѣчь идетъ о *большинствѣ* явленій, о явленіяхъ, дающихъ тонъ и направленіе. Съ такими обвиненіями нужно быть осмотрительнымъ и не высказывать ихъ безъ ясныхъ доказательствъ. Доказательствами-же могутъ здѣсь быть не личныя впечатлѣнія того или иного любителя литературы,—они всегда крайне субъективны и крайне ограничены,—а лишь точныя *цифры распространенія* книгъ среди народа. Къ сожалѣнію и условія появленія укр. книгъ въ свѣтъ, и условія ихъ распространенія таковы, что о сколько нибудь нормальной возможности удовлетворенія спроса не можетъ быть и рѣчи: какія-бы цифры мы не имѣли, онѣ будутъ всегда неизмѣримо ниже тѣхъ, которыя получились-бы при измѣненіи помянутыхъ условій. Но даже и та печальная дѣйствитительность, съ которой мы имѣемъ дѣло, говоритъ о чемъ-то совершенно противоположномъ утвержденію г. С. Ше—хина. Мы видѣли въ послѣдніе годы цѣлый рядъ дешевыхъ книгъ какъ старыхъ, такъ и новыхъ укр. писателей, книгъ, появлявшихся часто

въ большомъ количествѣ экземпляровъ и успѣвшихъ уже разойтись нѣсколькими изданіями,—для этого достаточно припомнить издательства въ Кіевѣ, Черниговѣ, Харьковѣ, Петербургѣ; даже самое молодое изъ этихъ издательствъ—„Петербургское Благотв. Общество"—уже перепечатало вторымъ изданіемъ нѣкоторыя номера своей серіи; необычайный успѣхъ сельско-хозяйственныхъ книгъ г. Чикаленка также всѣмъ извѣстенъ. Интересенъ и тотъ фактъ, что изданныя въ Россіи укр. книги для народа перепечатываются для него-же во Львовѣ (об. „Просвита") и въ Америкѣ (для переселенцевъ изъ Галиціи и Буковины, живущихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ и Бразиліи),—это научно-популярныя книжки М. Комарова, О. Степовыка, М. Загирней и др. Очевидно всѣ эти книжки, по своему языку, доступны для огромнаго большинства малорусскихъ массъ, раздѣленныхъ даже такими большими разстояніями, какими отдѣлены отъ насъ американскіе украинцы.

Но если таковы факты, тогда тѣмъ болѣе удивительна та неосмотрительность, съ которой г. Ше—хинъ бросаетъ свои обвиненія, и непониманіе съ его стороны того обстоятельства, что такіе пріемы трактованія вопроса какъ разъ на руку именно тѣмъ недоброжелателямъ, относительно которыхъ г. С. Ше—хинъ нашелъ нужнымъ предостерегать другихъ.

На этомъ кончаю возраженіе, предпринятое съ цѣлью дать нѣкоторое поясненіе затронутыхъ г. Ше—хинымъ вопросовъ. Читатель могъ видѣть изъ предыдущаго, что я не считаю языка ст. „До чытачивъ" не нуждающимся въ улучшеніяхъ и поправкахъ—наоборотъ, я смотрю на него лишь какъ на переходную ступень къ болѣе совершенной формѣ; нахожу только, что г. Ше—хинъ затрагивалъ не то, что, быть можетъ, слѣдовало затронуть, и не такъ, какъ слѣдовало. Я буду удовлетворенъ, если эта статья хоть отчасти поможетъ тому, чтобы впредь такіе сложные и важные вопросы трактовались съ надлежащей осмотрительностью и съ запасомъ точныхъ фактическихъ доказательствъ.

Б. Гринче́нко.

Кіевъ, 1903. VIII. 15.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Нѣсколько стихотвореній П. П. Гулака-Артемовскаго. Намъ доставлены проф. Д. И. Багалѣемъ нѣкоторыя стихотворенія П. П. Гулака-Артемовскаго, въ дополненіе къ тѣмъ, которыя разновременно появлялись уже въ печати, между прочимъ и на страницахъ «Кіевской Старины» [1]). Всѣ эти стихотворенія списаны Д. И. Багалѣемъ съ автографовъ, почему и представляются очень цѣнными. Въ 1901-мъ году, въ № 5, нашъ журналъ напечаталъ четыре стихотворенія Гулака-Артемовскаго, озаглавленныя «Въ Полтаву, моей милой Полинашкѣ»; но тамъ не было указано, что эта Полинашка—никто иной, какъ дочь поэта Апполинарія. Въ рукописи, сообщенной проф. Багалѣю Б. І. Артемовскимъ-Гулакомъ, находятся эти четыре стихотворенія и сверхъ того еще и пятое, нигдѣ ненапечатанное до сихъ поръ. Въ этой рукописи стихотворенія озаглавлены:

Въ Полтаву, моей милой дочери А. П. А-й Г-къ.

Віе витеръ, несе пташку,
Та не зъ того краю,
Видкиль мою Полинашку
Що-день выглядаю.
Повій, витре, та зъ досвиту
Зъ другои краины;

[1]) См. 1888-й годъ № 5; 1897-й г. № 3; 1901-й г. № 5.

Навій мени добру вистку
Объ моій дытыни.
Леты пташко, зъ-захидъ сонця,
Защебечы въ шыбку.
Довго-жъ ще биля виконця
Ждать дивчыну-рыбку!
Дмухнувъ витеръ, звылась пташка,
Вистоньку звистуе:
Що въ Полтави Полинашка
За татомъ жалкуе.

П. А. Г.

24 декабря 1855 года. Харьковъ.

Тутъ же находятся и еще два стихотворенія шуточнаго характера; одно есть стихотворное приглашеніе на именинный вечеръ а, другое—обращеніе къ женѣ по поводу танцовальнаго вечера.

Пригласительный билетъ на танцовальный имянинный вечеръ, 16 января 1856 года.

(Владимиру Ал-чу Пр-му, съ семействомъ).

Володьку! не казысь... побью!..
Послухай раду ты мою;

Колы не прешъ зо мною въ сварку,
Такъ ты схопы своихъ—Олену—й Варку [1])
Та, нáдъ-вечиръ покы й чухрай
До насъ на збиженъ... ось—бачъ—чай.
Моя стара—и дочка сказалы,
Що будуть кобзы и цымбалы
На-щó—серце дивчатамъ грать
И хлопцямъ голодъ проганять...
А ты шепны Олени й Варци,
Що я одъ жинкы вкравъ калганнои по чарци
Та де якый таки й кнурятыны шматокъ.
Заберемось соби въ кутокъ,

[1]) Имена женъ и племянницъ приглашаемыхъ.

Згадаемо свою ро̀дыну,
Тай гукнемо! воны жъ нехай ковтають слыну!

П. А. Г.

16 янв. 1856 г. Харьковъ.

Женѣ моей. На танцовальный у насъ вечеръ 21 января 1856 г.

Скачы маты,
Середъ хаты,
Пидтыкай запаску;
Шахрай [1]) ныткы
И пивмиткы
За шынкарську ласку!
Хай сусидкы
На послидкы
Дывлятся й регочуть:
Поморгають,
Покывають,
Та й пересокочуть.
Кругляй, маты!
Щобъ всимъ знаты
Покы ще зъ пивжмени
Бряжчыть бидныхъ
Шагивъ мидныхъ,
Въ батькивській кышени!
А не стане?
Винъ достане:
Се его вже дило...
Черезъ кладкы,
Безъ оглядкы
Махай у шынкъ смило!
А не вирять,
А не мирять,
Нá-биръ [2]) у шыночку?
Сунь очипокъ,
Заставъ дитокъ,
Скынь плахту й сорочку!

---

[1]) Шахрать—проматывать.
[2]) Набиръ—въ долгъ. Заставъ—заложи.

Все то брыдни
Все то злыдни:
Згыне—й нажывется,
А медъ-пыво...
(То жъ то й дыво!)
Тилькы й пыть, якъ пьется!

П. А. Г.

21 янв. 1856 г.

Сверхъ того, проф. Д. И. Багалѣй извлекъ два стихотворенія изъ автографовъ поэта, бывшихъ въ письмахъ къ Г. П. Данилевскому.

Стихотворенія П. И. Гулака-Артемовскаго (Екатеринѣ Григорьевнѣ Иванчиной-Писаревой).

Ой не дарма, Катре, ненько,
Тужышъ по родыни!
Чы йе жъ де жыть такъ гарненько,
Якъ въ тій Украини?

—

Отъ сто литъ чы й бильшъ, на нывахъ,
Въ ній москаль товчется,
А збожже въ ній, що рикъ, въ жныва,
Такъ рясне́—ажъ гнется.

—

Не йисть наша земля-маты
Ни гною, ни ка́лу,
Поскребемо́,—абы знаты,
Тай сіемъ по ралу.

—

Червоніють въ насъ въ затыши
Яблучко и грушка;
А дивчата червониши:
Що дивка—то душка.

—

И сонечко веселише
У насъ вранци сходыть,
И въ вечери любъязнише
За горы заходыть.

—

И все у насъ въ Украини
Не те—що кацапство:
Кращи й квиткы на долыни,
Краще й спива птаство.

—

Инный звычай, инша мова,
Рятунокъ въ прыгоди;
Соромыцького жъ ты й слова
Не схопышъ въ народи.

—

Нема збыткивъ въ насъ гарячыхъ,
Йе тепле серденько;
Мы й безъ боридъ тыхъ козлячыхъ
Любымось вирненько.

—

Тай люблятся у насъ щырше,
И меншъ въ насъ корысты,
И безъ грошей—жыття шырше,
Тилькы було бъ зйисты.

—

А москалямъ тилькы бъ гроши!
Нема?—такъ пидцуплять;
Ну!.. вдалысь соби хороши!..
А брешуть—де ступлять!

—

Тай ты жъ, Катре, люба, вчынна,
Була бъ же такъ мыла,
Якъ бы тебе Украина
На свитъ не зродыла?

—

Ни!.. не дарма серцю туга
Та люба родына!
Чы йе жъ въ свити маты друга,
Якъ та Украина!?

П. А. Г.

Харьковъ. 31 іюля 1857 года.

Пѣсня кормилицы Сонички.

Ой! часъ йихать, Марусенько,
Тоби до господы.
Охъ! болыть мое серденько
Видъ сеи невзгоды!
— Ой! збирайся, моя Галко,
Ты до чоловика!
Жаль намъ тебе, серце, жалко,
Жаль буде до вика!
— Якъ покыну немовлятко,
Що я жъ годувала?
Плаче маты, плаче батько...
Ой, бидна жъ я стала!
— Що жъ робыты? Така доля
Прыпала намъ зъ неба!
Хочъ йихать жаль,—йихать треба!
На те панська воля!
— Ой, прощайте жъ, добри люде,
Прощай, моя Соню,
Нехай Господь зъ Вамы буде!
Прощай и ты, Фроню!

П. А. Г.

16-го октября 1852 года. Харьковъ.

Старинная церковная утварь въ с. Позникахъ, лохвицкаго уѣзда. Въ с. Позникахъ, лохв. уѣз., при Вознесенской церкви хранятся остатки старинной церковной утвари, которую, судя по характерности стиля, орнаменту рѣзныхъ украшеній, живописи и надписямъ, надлежитъ отнести къ предметамъ, имѣющимъ археологическую цѣнность— какъ историческіе памятники прошлаго. Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ жертвенникъ, сооруженный «товаришомъ бунчуковымъ» Стефаномъ Милорадовичемъ въ 1733 году. По наружному виду онъ представляетъ изъ себя четырехугольный деревянный ящикъ на ножкахъ, верхняя крышка котораго обита пергаментомъ, а боковыя стѣнки его украшены картинами масляной живописи священнаго

содержанія. Эти картины интересны не только какъ образцы старинной иконописи, но и въ бытовомъ отношеніи—какъ національно-украинская церковная живопись прошлаго времени, почему считаю не лишнимъ изложить, хотя вкратцѣ, содержаніе ихъ. На одной изъ нихъ изображенъ малороссіянинъ въ одеждѣ козацкаго старшины; предъ нимъ на аналоѣ лежитъ раскрытая книга; взоръ его обращенъ къ Божьей Матери и младенцу Спасителю, изображеннымъ на верхнемъ углу картины въ облакахъ. Вторая картина изображаетъ—утопающаго на морѣ, тоже по типу малороссіянина, коему св. Николай подаетъ руку. Что дѣйствительно этотъ жертвенникъ сооруженъ Милорадовичемъ, служитъ этому доказательствомъ имѣющаяся на одной изъ боковыхъ сторонъ его надпись слѣдующаго содержанія, каковую привожу съ сохраненіемъ орѳографіи: „помолеван сей жертвеник В селѣ позніках до храму Вознесенія Христова стараннем Благородного Его Милости Господина Стефана Мілорадовіча Товариша Бунчукового с прочинми обивательми пріккладом 1733 року аріля 20 дня совершися“.

Къ числу вещей, имѣющихъ соотношеніе къ имени С. Милорадовича причисляются также и хранящіеся въ той же церкви два фамильные герба Милорадовичей. Они написаны масляными красками и оправлены въ весьма оригинальныя рамы рѣзной работы. На одной изъ нихъ еще хорошо сохранилась живопись и ясно видны знаки герба и фамильные иниціалы, на другомъ же нѣкоторыя части рисунка отъ времени потускнѣли и неясны, иниціалы же еще можно разобрать. Живопись и рѣзьба не только гербовъ, но и вообще всѣхъ хранящихся здѣсь вещей и иконъ, несмотря на столь отдаленное прошлое воспроизведенія ихъ, положительно поражаютъ своею художественностью, въ настоящее время врядъ-ли въ нашихъ сельскихъ церквахъ можно увидѣть что-либо подобное; съ увѣренностью можно сказать, что надъ сооруженіемъ ихъ трудились не ремесленники, а дѣйствиные художники. Къ числу такихъ образцовъ стариннаго художественнаго творчества слѣдуетъ также отнести и находящіеся здѣсь остатки царскихъ вратъ. Отличительная особенность ихъ та, что вверху они украшены двуглавымъ орломъ стараго образца, что въ настоящее время не дѣлается. Здѣсь-же въ общей массѣ вещей находятся и иконы, написанныя преимущественно на деревянныхъ доскахъ; живопись ихъ также весьма художественна и сохранилась до сего времени хорошо, если не считать имѣющихся на нѣкоторыхъ трещинъ Большая часть утвари, въ томъ числѣ и весьма интересный сво-

ею отдѣлкою и живописью аналой, въ настоящее время находятся въ часовнѣ, устроенной у ключевого колодца (криницы) въ полуверстѣ отъ с. Позниковъ. Это помѣщеніе часовни устроено изъ тонкихъ досокъ и не отапливается, а потому хранящіяся вещи не защищены отъ рѣзкихъ перемѣнъ температуры и подвергаются разрушенію. Желательно, чтобы интересующіеся стариной обратили бы должное вниманіе на эти памятники и озаботились бы сохраненіемъ ихъ.

А. Дериженко.

Письмо художника Н. Рамазанова къ Н. В. Кукольнику. *(Извѣщеніе о смерти Н. В. Гоголя).* Кланяюсь Нестору Васильевичу и сообщаю крайне горестную вѣсть. Сего числа послѣ обѣда прилегъ я на диванъ почитать, какъ вдругъ раздался звонокъ и слуга мой Терентій объявилъ, что пріѣхалъ г. Аксаковъ и еще кто-то, и просятъ снять маску съ Гоголя. Эта нечаянность такъ поразила меня, что я долго не могъ опомниться; хотя и вчера еще Островскій, бывши у меня, говорилъ, что Гоголь крѣпко боленъ; но никто не ожидалъ такой развязки. Въ минуту я собрался, взялъ съ собою моего формовщика Баранова и отправился въ домъ Талызина, на Никитскій бульваръ, гдѣ у графа Толстого проживалъ Николай Васильевичъ. Первое, что я встрѣтилъ, была гробовая крышка малиноваго бархата... стало быть нѣтъ никакого сомнѣнія уже, что мы лишились необыкновеннаго человѣка. Въ комнатѣ нижняго этажа я нашелъ останки такъ рано взятаго смертію. Въ минуту вскипѣлъ самоваръ, былъ разведенъ алебастръ и лицо Гоголя было имъ покрыто. Когда я ощупывалъ ладонью корку алебастра—достаточно ли онъ разогрѣлся и окрѣпъ, то невольно вспомнилъ завѣщаніе (въ письмахъ къ друзьямъ), гдѣ Гоголь говоритъ, чтобы не предавать тѣло его землѣ, пока не появятся въ тѣлѣ видимые признаки разложенія. Послѣ снятія маски можно было вполнѣ убѣдиться, что опасенія Гоголя были напрасны; онъ не оживетъ, это не летаргія, но вѣчный, непробудный сонъ. Хотя Гоголь, во время болѣзни, не хотѣлъ принимать лѣкарства, однако быть не можетъ, чтобы онъ охотно разстался съ жизнію. Худо закрытый правый глазъ его свѣтился какимъ то мутнымъ, оловяннымъ цвѣтомъ, и какъ бы хотѣлъ еще разъ посмотрѣть на жизнь.—Хоронятъ Гоголя въ воскресенье 24-го февраля. Онъ захворалъ, какъ мнѣ говорили, отъ перехода съ скоромной пищи на постную, ибо говѣлъ на первой недѣлѣ; пе-

редъ смертію онъ соборовался. Не выдаю за совершенную истину, но меня увѣряли, что Гоголь незадолго передъ смертью, сжегъ въ печкѣ всѣ заготовленныя сочиненія, въ томъ числѣ и рукопись второго тома Мертвыхъ душъ. При уходѣ отъ тѣла Гоголя я наткнулся у крыльца на двоихъ безногихъ нищихъ, которые сидѣли на лубкахъ, на снѣгу, подалъ я имъ и подумалъ: эти безногіе бѣдняки живутъ, а Гоголя ужъ нѣтъ!

Крѣпко любящій Васъ Николай Рамазановъ.

Москва, 21 февраля 1852 г.

Нѣсколько словъ о томъ, какъ приготовляютъ писанки и крашанки. Какъ извѣстно, нигдѣ такъ торжественно не празднуется Пасха, какъ у насъ на Украинѣ. Между всѣми тѣми снѣдями, которыя украшаютъ собой праздничный столъ украинца, особое вниманіе обращаютъ на себя яйца. Ими первыми разговляются и ихъ раскрашиваютъ и расписываютъ самыми разнообразными способами. Вотъ что мнѣ удалось узнать о способѣ приготовленія писанокъ и крашанокъ. Свѣдѣнія эти относятся къ г. Балтѣ и его уѣзду и отчасти къ ананьевскому уѣзду херсонской губерніи.

Крашанки—окрашиваются сплошь какой-нибудь одной краской. Цвѣтъ краски обыкновенно красный, желтый, зеленый, синій и фіолетовый, рѣже черный. Въ городѣ и въ подгородныхъ селахъ употребляютъ анилиновыя краски, покупаемыя въ лавкахъ; въ глуши же уѣзда, гдѣ анилиновыя краски трудно доставать, пользуются самодѣльными красками, секретъ приготовленія которыхъ достался еще, вѣроятно, отъ дѣдовъ. Въ качествѣ желтой краски служитъ отваръ верхней скорлупы лука (цыбули); называется этотъ отваръ жовтвыло. Вмѣсто черной и красной краски служитъ настой на водѣ стружекъ сандальнаго дерева, къ которому прибавляютъ квасцы. Крашанки обыкновенно сначала варятъ, а потомъ окрашиваютъ. Приготовленіе писанокъ гораздо сложнѣе. Какъ видно изъ самого названія, ихъ расписываютъ, т. е. разрисовываютъ. Инструментомъ для этого служитъ т. н. косточка: палочка, къ концу которой прикрѣпленъ кусочекъ свернутой въ трубочку, тонкой жести, или фольги. Сначала яйцо (сырое) покрываютъ посредствомъ косточки расплавленнымъ воскомъ. Такимъ образомъ подъ воскомъ останутся неокрашенными, бѣлыми, тѣ части, которыхъ не нужно по рисунку красить (ободки, каемки).

Затѣмъ яйцо обмакиваютъ въ краску; высушивши его, далѣе покрываютъ воскомъ, тѣ мѣста, которыя должны быть окрашены въ другую краску.

Такимъ же образомъ поступаютъ и съ остальными красками. Соблюдается только принципъ опусканія сначала въ *свѣтлыя* краски, а потомъ ужъ въ темныя, такъ какъ темная краска лучше ложится на свѣтлую.

Всѣ писанки дѣлятся по рисунку на два главныхъ разряда: писанки—малёванки, и писанки—копанки. Послѣднія на темномъ (обыкновенно черномъ) фонѣ имѣютъ массу «капокъ» (пятнышекъ), самыхъ разнообразныхъ по цвѣту. Въ писанкахъ—малёванкахъ различаютъ слѣдующія рисунки: слывкы, орлыни крыльця, курячи лапкы, дубове лыстячко, сорокъ клынцивъ (сорокъ клиньевъ), звизда, рожа, грабелькы, рыба, рыночкы (вазонъ съ цвѣткомъ), павучкы, чорногузячи крыльця, ломани хресты, вила. Послѣ того, какъ исполненъ весь рисунокъ, яйца пекутъ въ мискѣ въ не слишкомъ горячей печкѣ, для удаленія воска. Приготовлять писанки начинаютъ въ концѣ 3-ей и въ началѣ 4-ой недѣли великаго поста. Рисуютъ ихъ обыкновенно старухи и дивчата, гораздо рѣже жинкы, а еще рѣже особые маляры; раньше ихъ было довольно много, а теперь совсѣмъ нѣтъ, какъ мнѣ говорили.

Писанки, оставшіяся отъ Пасхи, хранятся до „Рахманського Великодня“ (до праздника Преполовенья), когда ихъ пускаютъ по водѣ (если есть поблизу рѣка), къ „Рахманамъ“.

Впрочемъ находятъ для нихъ и другое употребленіе, а именно въ экономіяхъ, у священниковъ, ихъ прокаливаютъ въ жарко натопленныхъ печахъ, въ громадныхъ казанахъ; желтокъ при этомъ получаетъ цвѣтъ каленаго орѣха, но все таки онъ еще съѣдобенъ, бѣлокъ же становится несъѣдобнымъ. Такъ прокаленныя яйца могутъ сохраняться 2—3 мѣсяца. Обыкновенно, лѣтомъ этими яйцами, кормятъ пришлыхъ рабочихъ, косарей—полищуковъ.

Вида *(лирныцька писня).* Лирницкая пѣснь эта, записанная еще въ 1870 г. отъ лирника Михаила Ивановича Левченка изъ с. Малой Половецкой, представляетъ одинъ изъ варьянтовъ самой распространенной пѣсни въ лирницкомъ репертуарѣ. Каковы бы ни были варьяціи, но духъ пѣсни всегда одинъ и тотъ же. Какой же смыслъ и какова задача этого народнаго малорусскаго произведенія,

варьируемаго на разные лады, смотря по мѣстности, откуда происходитъ пѣвецъ, и по его талантливости?

Первая, очевидно, задача—*посмѣяться надъ бѣдой* и этимъ смягчить ея остроту, такъ всѣми чувствуемую... Пѣвецъ хочетъ *ободрить* слушающій его народъ... „Не бойтесь бѣды... Она—не такъ страшна, какъ вамъ кажется... Не унывайте, не *журитесь* въ бѣдѣ! Не поддавайтесь тоскѣ, печали и озлобленію! Смѣйтесь надъ бѣдой,—не теряйте духа и продолжайте спокойно дѣлать каждый свое дѣло». Этотъ же смыслъ имѣютъ и многія малорусскія народныя пословицы—напр., «Йидна бида—не бида; дви биды—пивъ биды; тры биды—ото вже бида!..» Не нужно поддаваться горю, а то совсѣмъ погубитъ и съѣстъ; а нужно такъ смѣло, бодро и весело вести себя во время лыха, чтобъ *й саме лыхо сміялось*, какъ это тоже говорится въ одной народной поговоркѣ...

Другая задача лирныцькой пѣсни—«Бида»—конечно, уже *нравственно-сатирическая*... Пѣвецъ въ ней смѣется—но опять таки не горькимъ, а *веселымъ* смѣхомъ—надъ тѣми разнообразными людскими ненормальностями, которыя причиняютъ бѣду другимъ людямъ... Тутъ уже достается, какъ говорится, *всѣмъ на калачи*: и народностямъ, и сословіямъ, и отдѣльнымъ лицамъ. Пѣвецъ осмѣиваетъ здѣсь встрѣчающіяся въ людяхъ жестокосердіе, грубость, жадность, пьянство, скупость и глупость...

Въ устахъ ли́рныка смышленаго, бывалаго, и бойкаго на языкѣ—форма «Биды» давала очень удобный поводъ высказать не мало такихъ или другихъ чувствительныхъ уколовъ и уроковъ окружавшей его и знакомой ему народной толпѣ.

Словесная форма пѣсни «Бида» настолько легка и удобопріемлема, что естественно вызывала *подражаніе* со стороны тѣхъ изъ обитателей малорусскихъ селъ и деревень, въ душахъ которыхъ хотя нѣсколько свѣтилась искра Божія—остроумія, наблюдательности и бытового критицизма... Одно изъ таковыхъ подражаній сообщено на страницахъ «*Кіевской Старины*» 1902 г. г-номъ В. Доманицкимъ подъ заглавіемъ *Кваша*.

По-надъ моремъ глибокымъ
Стоить теремъ высокый;
А зъ-пидъ того терема́
Выйшла бида молода.

А вже биди висимъ литъ
Славна бида на ввесь свитъ
— Де ты, бидо, родылася,
Де ты, бидо, хрестылася?
— Я въ Полтави родылася,
А въ Варшави хрестылася,
А въ Кыиви я зросла,
А въ Хмелныкъ замижъ пишла.
Видъ Кыива до Кракова
Та скризь бида однакова! [1])
Чортъ биду перебуде
Йидна вмерла, друга буде!
Ишла бида невелычка,
Надыбала чоловичка.
Сыдыть бида пидъ мостомъ
Найихалы зъ хворостомъ.
Якъ та бида розгулялась,
Вси колéса поламала!
Йиздыть бида калясою
До Кыива изъ квашою.
Ляшкы квашу всю попылы
Та ще й биду попобылы!
Пишла бида до Демьяна
Звидтыль бида выйшла пьяна.
Пишла бида до Гаврыла
Видъ Гаврыла носомъ рыла!
Пишла бида до Андруха
Повтыналы биди вýха.
Пишла бида до Өедоры
Повтыналы биди нóгы.
Пишла бида до шевця,
Вкрала соби ременця,
Сила соби на стильци

---

[1]) Упоминаніе о *Краковѣ* и *Варшавѣ* показываетъ, что настоящій варіантъ держится еще стародавняго текста пѣсни... Въ новѣйшихъ же передѣлкахъ можно уже встрѣтить имена *Москвы* и *Петербурга*.

Поморщыла постильци [1]);
Сама соби дывуется,
Що хороша узуется!
Цыбуливськый Соро́ка
Налатавъ биди бо́ка!
Бердычивськый паламарь
И той биди бока налатавъ!
Була бида у Клевани
Та за клюшныцю у пани:
Якъ пишла въ ночи до лёху
Точыты гороху.
Погубыла ключи
Та втикала къ чорту у-ночи!..
Пишла бида до Бендеръ
Якыйсь чортъ биду обдеръ.
Десь узявся тутъ Тарасъ
И той биду за́ лобъ трясъ!
Десь узявся Мартынъ
Ударывъ биду объ тынъ.
Пишла бида за Днистромъ
За воламы изъ весломъ.
Пишла бида до Ружына
И тамъ бида одужала.
Видъ Ружына до Ружына
Симъ паръ хлибивъ зторужыла!
Пишла бида у Таращу
И тамъ бида стала краща.
Черезъ греблю Мыкытыну
Ведуть биду пидтыкану.
Отъ Крывьянця до Крывьянця
Чортъ-ма биди нигде кинця!
Пишла бида до Воло́хъ
Проминялы за горохъ.

---

[2]) *Постильци*—уменьш. отъ *постолы*. Это родъ обуви—мужской—преимущественно бѣдняковъ. *Морщыть постолы*—значитъ приготовлять эту обувь особымъ способомъ. Постолы не *шьютъ*, какъ *чоботы*, а именно—*морщатъ*—и морщитъ ихъ для себя каждый самъ...

Десь узялася Марта
Прынéсла горилкы кварту.
Десь узялась Марына
«Отче нашъ» говорыла.
Пишла бида до печи
Былы биду у плечи.
Пишла бида по мыскахъ
Былы биду по выскахъ.
Пишла бида до грубы
Былы биду у груды.
Пишла бида за старцямы,
Вкрала торбу зъ сухарцямы.
Була бида въ фиглыку
Покрала въ жыдивъ пирныки.
Сталы жыды гадаты,
Якъ бы йимъ въ чорта биду пійматы!
А вже бида вмерла
Зъ горы покотылась!
Копыты задерла!
Дала бида слипцю—
по яйцю,—
А мени двое дала!..

Сообщ. **Л. М.**

Тарабарскій языкъ. Тарабарскій языкъ Малороссіи принадлежитъ къ такъ называемымъ «злодійськымъ» или условнымъ языкамъ. Цѣль выражать свои слова съ извѣстными приставками къ слогамъ въ словѣ понятна. Посредствомъ этихъ приставокъ при быстротѣ разговора затемняется смыслъ словъ, который трудно уловить непривычному уху. Такой языкъ мнѣ первый разъ удалось слышать въ 1873 г. въ с. Носачевѣ, черниговскаго уѣзда, отъ школьниковъ мѣстной церковной школы грамоты. Потомъ, спустя лѣтъ десять въ с. Калиновой, того-же уѣзда, отъ парней и одного человѣка. Наконецъ, въ 1889 г. въ с. Бѣлозерьѣ, того-же уѣзда, отъ священника Николая Чепурного, который слыхалъ разговоръ двухъ крестьянъ, пользовавшихся дурной репутаціей конокрадовъ, какъ они разговаривали между собою по-малорусски на совершенно непонятномъ ему языкѣ.

Самымъ простымъ типомъ этой тарабарщины можетъ служить приставка къ словамъ частицы Хер. Сохранился объ этомъ слѣдующій анекдотъ: на печкѣ сидятъ два школяра и учать заданный урокъ. Возлѣ „лавы" на низкомъ кругломъ стулѣ сидитъ отецъ и шьетъ сапоги; на стѣнкѣ виситъ ременный батигъ. Мальчикамъ надоѣло читать: бра, вра, гра, дра... и вотъ одинъ тихонько говоритъ другому:— Хведоре!.. давай будемъ говорыть по нимецькы, щобъ батько не розибравъ.—„Давай!"—Хер-Иванъ?—„Хер-чого?"—Херъ-ходимъ!—„Хер-куды!"—Хер-на двиръ.—„Хер-за чимъ?"—Хер-покурыть!—Отецъ услыхавъ ихъ разговоръ, сказалъ: «А онъ, хер-батигъ хер-высыть!» Дѣти смѣшались: „Э, хер-зна!" и опять принялись за зубрёжку. Въ своемъ развитіи тарабарскій языкъ усложнялся, а именно: болѣе сложная форма состоитъ въ приставкѣ къ слогамъ въ словѣ частицъ нава́ и ралва́ выговариваемымъ чисто, при чемъ гласныя въ этихъ частицахъ измѣняются соотвѣтственно гласнымъ въ слогѣ, а частица ралва при встрѣчѣ съ звукомъ *р* въ полномъ слогѣ измѣняется въ ларва́. Представимъ примѣръ: ой, за гаемъ! Въ первомъ случаѣ будетъ такъ: *о́*-ново-*й*, *за́*-нава *га́*-нава *е́*-неве-*мъ*. Во второмъ случаѣ выйдетъ такъ: *о́*-ролво-*й за́*-ралва *га*-ралва-*е́*-релве-*мъ*. При слогахъ съ мягкими гласными *я*, *ю* приставки выговариваются съ соотвѣтствующими твердыми *а*, *у*. Напр.: нюся, будетъ *ню*-нуву-*ся́*-нава и *ню*-рулву-*ся́*-разлва. Наконецъ, послѣдняя форма, самая трудная и непонятная для непосвященнаго въ выраженіе ея. Здѣсь слоги выговариваются съ конца слова и къ такимъ слогамъ прибавляется частица *олызлы*, которая измѣняется при гласныхъ твердыхъ *ы* и мягкомъ *и* въ *олизли*, при *а* и *я* въ *олязля*, при *у* и *ю* въ *олюзлю*, при *е*, *э* и *ѣ* въ *олѣзлѣ* и при *о* и *ё* въ *олёзлё*. Иногда для благозвучія къ частицѣ прибавляются *с-селёзле*, иногда слогъ *ле* совсѣмъ упускается и остается одно *олез*, иногда въ концѣ обороченнаго слова *олизли* совсѣмъ не произносятся. Вообще при этой формѣ выраженія внимательное ухо только слѣдитъ за слогами словъ, какъ бы упуская изъ виду частицу олизли, приставляемую и измѣняемую говорящимъ по произволу благозвучія фонетики. Напр.: Принеси воды! Будетъ такъ *си́*-олізли *не*-сі́лезле-при *ды*-олиз-*во*-олёзли. Лю́лька—ка-олязля-ль лю-сю́люзлю. Разговоръ ведется на манеръ французкаго произношенія. Считаю нужнымъ замѣтить, что тарабарскій языкъ употребляется еще среди мужской молодежи въ случаяхъ, когда нужно кого-нибудь обругать на непонятномъ языкѣ, или-же въ нескромныхъ разговорахъ ихъ съ женскимъ поломъ.

Происхожденіе малорусской тарабарщины намъ неизвѣстно, но можно предполагать, что творцами ея были „школяри", начинавшіе науку грамоты со стариннаго тарабарскаго букво-и слого-сложенія.

Свящ. **Н. Нелиповичъ**.

Кораблекрушенія въ липовецкомъ уѣздѣ, кіевской губ. Извѣстно, что статистическія свѣдѣнія, собираемыя низшими полицейскими чинами, волостными писарями и тому подобнами лицами, нерѣдко содержатъ въ себѣ чрезвычайные курьезы, которые объясняются отчасти усердіемъ не по уму доморослыхъ статистиковъ, во что бы то ни стало стремящихся дать свѣдѣнія на всѣ вопросы программы, часто не имѣющіе отношенія къ извѣстной мѣстности,—отчасти небрежностью переписки. Этими двумя обстоятельствами и объясняются напр. существованіе десятковъ десятинъ винограда въ вятской губерніи или чайныхъ плантацій въ средней Россіи, а также тѣхъ *четырехъ случаевъ кораблекрушеній* въ липовецкомъ уѣздѣ, о которыхъ доносилъ липовецкій уѣздный исправникъ въ Кіевскій губернскій статистическій комитетъ въ 1866 году. Вступившій въ этомъ году въ должность губернатора „Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Эйлеръ" издалъ 24-го декабря циркуляръ по статистическому Комитету, которымъ поставилъ на видъ полицейскимъ учрежденіямъ всѣ замѣченныя упущенія, и между прочимъ писалъ слѣдующее: «Имѣя въ виду затрудненія, встрѣчаемыя комитетомъ при обработкѣ всякаго рода свѣдѣній, происходящія частію отъ неполноты и неточности оныхъ, а частію отъ небрежности переписки, блѣдности чернилъ, неотчетливости выставленныхъ цифръ и т. п., предписываю на будущее время соблюдать непремѣнно чистоту въ наружной формѣ таблицъ, вѣдомостей и проч.,—при чемъ отсутствіе свѣдѣній, по какимъ бы то ни было рубрикамъ, не отмѣчать кавычками, а продольною чертою, или двумя нолями, потому что очень часто при перепискѣ небрежно поставленныя кавычки принимаются за цифру 11 или 4 (какъ это случилось въ липовецкомъ уѣздѣ: въ вѣдомости № 27, о *замѣчательныхъ происшествіяхъ*, случившихся въ уѣздѣ *въ рубрикѣ кораблекрушеній показано четыре случая*). Въ концѣ всякой вѣдомости слѣдуетъ указать источники заимствованныхъ свѣдѣній, а также обозначать лица, собиравшія эти свѣдѣнія и составлявшія требуемыя вѣдомости". (Изъ бумагъ звенигородскаго полицейскаго управленія).

Сообщ. **В. Доманицкій**.

Синодикъ, писанный съ 1734 по 1813 г. Въ архивѣ Николаевской ц. села Куреня, конотопскаго уѣзда черниг. губ., хранится синодикъ, писанный съ 1734 по 1813 г. На первомъ листѣ его изображена смерть въ видѣ человѣческаго скелета съ косой и заступомъ въ рукахъ. У подножія этого изображенія нарисованы люди разнаго пола и возраста, начиная отъ ребенка въ пеленкахъ до дряхлаго старика. Всѣхъ фигуръ пять. На оборотѣ этого листа подписано: «Сія книга глаголемая сінодікъ создася въ селѣ Куренѣ стараниемъ же и коштомъ освященого пресвитора Афанасія Кибальчича. Отъ него же дарствіемъ и нагородою изволися мнѣ Иоану Максимовичу, на тотъ часъ будучому подъячему Курѣнскому сія книга прозиваемая Синодикъ. Пісана сія книга въ Коуренѣ, при церквѣ святителя Христова Николая 1734 году, м-ця апрѣля 10 дня“.

Далѣе слѣдуетъ стихотвореніе:

О смеръте, смеръте! ти еси страшна́я.
Вижду, же въ втебе коса замашна́я
Без желѣза и без всякого оружия
Творишъ людей немощъния и недолужния
Накого очима своима позришъ,
То воскорѣ его и мертва сотворишъ.
Нивъмалое непопускаешъ вщадѣние
Но вскорѣ берешъ восвое владѣние
Но ти и малихъ отрочатъ
Приводишъ до небесныхъ оградъ.
Ни единихъ младенцовъ и дѣвицъ
Несрамляешся и всякихъ лицъ
Святителей и патриарховъ
И всякихъ иераръховъ
Священическаго идияконского чина неминаешъ
Такожде и иноческого вельми неоставляешъ
Якоже превысочайшихъ Імператоровъ и Імператрицъ
Такожде и зѣло славнихъ Царей и Царицъ
Необходно великихъ князей
И всякихъ пресловутихъ государей
Славнихъ и храбрихъ Гетмановъ
Якоже и прочиихъ становъ
Славние рицаре зѣло бываютъ

Но итие на марсовомъ пляцу полѣгаютъ
Но и всякаго воинъскаго чина
Смертная постигаетъ вскорѣ година
Премудрихъ реторовъ и философовъ
Такожде теологовъ и остромомовъ
Яко и купеческихъ зѣло Богатырей
Но и всякого стану господарей
Истарихъ лѣтами но и тихъ неоставляешъ
Больныхъ калѣкъ сиротъ вдовъ странними непребѣраешъ
Всякии возрастъ и чинъ аки траву косишъ
Но барзе часто человѣческій родъ когробу носишъ
Здѣ имы смерти натя взираемъ
Тогожде исебѣ ожидаемъ
Всие временние лѣта
Скоро преселитися отъ сего свѣта
Имѣемъ тя смерти острогу
Же мѣемъ отъселѣ прейти ко Богу
Во землю вселитися
И во гробъ положитися
И тамо вѣчне пребывати
А лицо Господа Бога Нашего вовѣки вѣкомъ
Сподоби насъ всѣхъ оглядати.

Амынь.

Сообщ. **Іоаннъ Егоровъ**.

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 3230 р. 50 к. (см. № 7-8-й, стр. 50-51) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-лѣтняго юбилея, вновь поступило: 1) Б. И. Каминеръ—15 р.; 2) О. Е. и Н. Е. Василенко—2 р.; 3) І. В. Юркевичъ—25 р.; 4) К. В. Ж.—40 р.; 5) NN—5 р.; 6) Г. В. Залѣскій—5 р.: 7) А. Погибко—5 р.; 8) А. С. Бориневичъ—5 р.; 9) И. М. Луценко—10 р.: 10) Янковскій—1 р.; 11) В. Цымбалъ—5 р.; 12) М. Дроздъ—50 к.; 13) Я. Минченко—1 р.; 14) Е. С. Загреба—1 р.; 15) С. Коломійцева—50 к.; 16) М. И. Красовская—15 р.; 17) О. И. Новицкая—10 р.; 18) А. Г. Черняховскій—10 р.; 19) Б. Д. Гринченко—5 р.; 20) В. Кравченко—10 р.; 21) С. Н. Забѣлло—25 р.; 22) изъ Борзны

черезъ П. В. С.—10 р.; 23) Е. Ф. Дорошевскій—5 р.; 24) видъ Боди и Славы Ст-кивъ—1 р.; 25) В. Коломійченко—1 р.; 26) К. Л. Хохличъ—1 р.; 27) А. Ѳ. Олейникъ—1 р.; 28) В. Ѳ. Волковъ—1 р.; 29) В. А. Маликъ—50 к. 30) отъ А. Балики, собранныхъ между знакомыми черниговцами—26 р. 15 к.; 31) А. К. Трилѣсскій—10 р.; 32) Гр. Боско—1 р.; 33) Б. Щербаковскій—25 р.;—всего 278 р. 65 к., что вмѣстѣ съ прежде поступившими составитъ 3509 р. 15 к.

Текущія извѣстія.

Украинскій театръ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ г. Житомірѣ гастролировала извѣстная въ Галиціи украинская труппа львовскаго клуба «Руська Бесіда» подъ управленіемъ г. Губчака. Наряду съ пьесами украинскихъ драматурговъ труппа ставила на украинскомъ языкѣ и такія пьесы, какъ: «Уріэль Акоста», «Честь», «Извозчикъ Геншель», «Цыганскій баронъ» и др. По отзывамъ рецензента газеты «Волынь» постановка пьесъ и игра артистовъ труппы вполнѣ удовлетворительны. Труппа пользовалась значительнымъ успѣхомъ.

—

Въ г. Харьковѣ 31 іюля труппою гг. Саксаганскаго и Садовскаго была поставлена въ первый разъ новая пьеса И. К. Карпенка-Карого «Гандзя» (изъ временъ «Великой руины»). Помимо содержанія драма эта интересна новою обстановкою, декораціями и костюмами, изготовлявшимися подъ наблюденіемъ извѣстнаго художника С. Васильковскаго и Н. Уварова.

—

Наибольшее число спектаклей, устраиваемыхъ любителями драматическаго искусства, преимущественно для простого народа, приходится на лѣтнее время. Лѣтомъ газеты обыкновенно пестрятъ сообщеніями о постановкѣ любителями той или иной пьесы, часто и цѣлаго ряда пьесъ не только въ городскихъ народныхъ домахъ, чайныхъ, читальняхъ и т. п., но и въ сельскихъ. Фактъ отрадный, такъ какъ театръ, несомнѣнно, одно изъ здоровыхъ и полезныхъ развлеченій для народа подъ условіемъ, конечно, умѣлаго и хорошаго выбора пьесъ. Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить печальный фактъ превращенія театра любителями иногда чуть ли не въ балаганъ. Что можетъ почерпнуть

и вынести изъ театра крестьянинъ или городской рабочій, прослушавши такую пьесу, какъ: «Помста жыдивкы, або чортове кубло», «Козаче серце», «Гайдамакы», «Влюбленный жыдъ», «Бувальщина»? А между тѣмъ, какъ видно изъ газетныхъ сообщеній, спектакли любителей охотно посѣщаются народомъ. Намъ, поэтому, совершенно понятно чувство негодованія, какимъ проникнуты бываютъ иногда горячія филиппики мѣстныхъ корреспондентовъ по адресу подобныхъ устроителей общедоступныхъ спектаклей. Предъ нами лежитъ нѣсколько такихъ замѣтокъ. Но среди нихъ особенно выдѣляется и по содержанію, и по проникающему ее тону замѣтка изъ г. Кобелякъ („Полт. Вѣстн.", № 80), авторъ которой, между прочимъ, говоритъ: „какъ часто мы, бѣдные граждане, вмѣсто хлѣба, котораго ждемъ, получаемъ отъ гг. любителей одни только камешки. Не объ исполненіи идетъ здѣсь рѣчь,—а о подборѣ пьесъ. Можно подумать, что враги малорусской литературы валятъ на сцену все, что ни на есть худшаго, немыслимаго ни на какомъ языкѣ, кромѣ украинскаго. Не говоримъ уже о томъ оперетoчномъ характерѣ постановки, на которую обращается главное вниманіе: разъ есть пѣніе и красивые костюмы— сойдетъ всякая галиматья". Такое пристрастіе любителей къ балаганщинѣ тѣмъ болѣе является страннымъ и ничѣмъ неоправдываемымъ, что существуетъ цѣлый рядъ прекрасныхъ, серіозныхъ пьесъ, проникнутыхъ здравою мыслію и жизненностью и пользующихся успѣхомъ на сценѣ. Недавняя постановка одной изъ такихъ пьесъ въ г. Кобелякахъ, именно—пьесы г. Гринченка „Нахмарыло", и отмѣчается корреспондентомъ газеты съ особеннымъ удовольствіемъ, какъ пьесы серіозной, идейной, затрагивающей немало вопросовъ не только народнаго, но и общечеловѣческаго характера. Драматическое положеніе героини, которой предстояло или выйти за нелюбимаго человѣка, или слѣдовать вліянію своего сердца, но зато быть причиною разоренія своей деревни, даетъ автору замѣтки почву для сравненія героини „Нахмарыло" съ Монной-Ванной. „Это—говоритъ рецензентъ—деревенская Монна-Ванна, но, въ противоположность флорентійской, она видитъ вокругъ себя не поклоненіе лжи, а культъ правды, жрецомъ котораго является ея возлюбленный—сельскій учитель". Сказавъ объ успѣхѣ пьесы, авторъ заканчиваетъ свою замѣтку выраженіемъ благодарности по адресу любителей за постановку названной пьесы и пожеланія перехода отъ дикихъ драмъ къ дѣйствительно здоровой и серіозной въ художественномъ отношеніи драмѣ. Относясь съ пол-

нымъ сочувствіемъ къ высказанному авторомъ помянутой замѣтки пожеланію, мы съ своей стороны не можемъ не выразить сожалѣнія, что этотъ переходъ такъ медленно совершается. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно указываютъ на бѣдность украинскаго репертуара, на то, что хорошихъ пьесъ такъ мало. Но изъ того, что хорошихъ пьесъ мало, еще не слѣдуетъ, что нужно ставить пьесы плохія, преподнося зрителямъ балаганщину, а затѣмъ—ихъ и не такъ мало, какъ это кажется на первый взглядъ. Такъ, успѣхъ пьесы „Нахмарыло" г. Гринченка, которую мы не причисляемъ къ наиболѣе удачнымъ въ ряду его пьесъ, даетъ намъ поводъ указать на серіозныя, идейныя, написанныя съ знаніемъ народной жизни другія пьесы того же автора. Не касаясь въ этой краткой замѣткѣ ихъ художественныхъ достоинствъ и недостатковъ, мы ограничимся указаніемъ на самое главное—именно на то, что въ нихъ зрителямъ преподносится „хлѣбъ, а не камень".

По поводу приведенія въ порядокъ могилы А. П. Стороженка. Въ № 120 „Волынь" г. Васюта поднялъ вопросъ о необходимости привести въ порядокъ могилу извѣстнаго украинскаго писателя 60-хъ годовъ прошлаго вѣка *Алексѣя Петровича Стороженка (Олексы Стороженка)*. По этому поводу нѣкоторые изъ херсонскихъ почитателей покойнаго прислали къ намъ въ редакцію для почина *девять рублей*. Охотно исполняемъ порученіе жертвователей и, сообщая объ этомъ въ печати, думаемъ, что доброму примѣру послѣдуютъ и другіе земляки.

Неосуществившееся изданіе. Въ двадцатыхъ числахъ мая с. г. женою с.-петербургскаго купца, Евгеніей Антоновной Муркенъ, черезъ севастопольскаго градоначальника было подано ходатайство о разрѣшеніи издавать въ Севастополѣ ежемѣсячный журналъ „Хлиборобъ" на малорусскомъ языкѣ по слѣдующей программѣ: 1) Передовая статья, посвященная вопросамъ сельско-хозяйственной жизни и техники на русскомъ языкѣ. 2) Популярныя статьи по сельскому хозяйству и сельско-хозяйственной техникѣ на малорусскомъ языкѣ. 3) Фельетонъ—разсказы и повѣсти на малорусскомъ языкѣ. 4) Хроника и библіографія сельско-хозяйственной жизни на малорусскомъ языкѣ. Цѣна 3 руб.

въ годъ съ пересылкой. Издательница—жена с.-петербургскаго купца Евгенія Антоновна Муркенъ. Редакторъ — инженеръ-технологъ и корабельный инженеръ Левъ Макаровичъ Маціевичъ.

На ходатайство изъ главнаго управленія по дѣламъ печати послѣдовалъ отъ 12 іюля с. г. отвѣтъ, что „ходатайство о разрѣшеніи издавать журналъ „Хлиборобъ" признано г. министромъ внутреннихъ дѣлъ не подлежащимъ удовлетворенію".

Лекціи о бандуристахъ и кобзаряхъ и изслѣдованія народной музыки. Украинскій писатель и бандуристъ, инженеръ И. Хоткевичъ намѣренъ къ будущему XIII археологическому съѣзду приготовить обстоятельную работу по вопросу о народной музыкѣ. Съ этой цѣлью онъ имѣетъ предпринять поѣздку по югу Россіи вмѣстѣ съ слѣпцами-бандуристами и въ цѣломъ рядѣ городовъ прочесть лекціи о бандуристахъ и устроить этнографическіе концерты. На дняхъ г. Хоткевичемъ уже посланы прошенія о разрѣшеніи прочесть лекціи попечителямъ учебныхъ округовъ: харьковскаго, кіевскаго и одесскаго. По сообщенію „Придн. Края" (№ 1885) начальникъ екатеринославской губ. высказался принципіально за разрѣшеніе г. Хоткевичу прочесть въ городахъ екатеринославской губерніи лекціи о бандуристахъ, такъ какъ онѣ будутъ способствовать поднятію интереса въ населеніи къ предстоящему въ Екатеринославѣ XIII археологическому съѣзду и къ собиранію матеріаловъ для него.

Интересъ къ кобзарямъ и лирникамъ, дѣйствительно пробуждается. Такъ, по сообщенію корреспондента „Южн. Края" (№ 7775) въ остерскомъ уѣздѣ, послѣ недавняго циркуляра М. В. Дѣлъ о желательности изслѣдованія какъ положенія кобзарей, такъ и главнѣйшихъ мѣстъ ихъ жительства, кромѣ оффиціальныхъ лицъ, этимъ вопросомъ занялись и частныя лица, которыя съ этой цѣлью выразили желаніе сдѣлать экскурсіи текущимъ лѣтомъ въ болѣе глухіе уѣзды и села черниговской губерніи. Охотно взялись за это дѣло также сельскіе учителя и учительницы, которые явятся полезными дѣятелями въ дѣлѣ изслѣдованія о кобзаряхъ и лирникахъ. Народъ живо сохранилъ свои бытовыя отношенія къ кобзарямъ и лирникамъ въ черниговской губерніи и охотно даетъ указанія о мѣстахъ ихъ жительства и ихъ дѣятельности. Особенно много живетъ кобзарей въ селеніяхъ Лѣтки, Рожны, Жуковцы, Дымарка, Бровары, Требуховъ, Гоголевъ, Бортничи и, осо-

бенно, въ Никольской слободкѣ, въ лѣтнее время. Всякій, желающій заняться изслѣдованіемъ вопроса о кобзаряхъ и лирникахъ, ихъ жизни и дѣятельности, можетъ найти въ указанныхъ селахъ достаточный матеріалъ, особенно въ базарные дни и очередныя ярмарки. Среди кобзарей и лирниковъ въ селахъ черниговской губ. встрѣчаются весьма старые и интересные субъекты, ученики извѣстнаго полтавскаго дѣда Вересая.

Приглашенія на торжество открытія памятника Котляревскому. Разосланныя полтавскимъ городскимъ управленіемъ приглашенія на торжество открытія памятника Котляревскому составлены въ двухъ редакціяхъ, — одна для учрежденій и частныхъ лицъ, находящихся въ Россіи, а другая—для чужеземныхъ. Приводимъ текстъ другой редакціи: „Великія заслуги украинскаго поэта-родоначальника новаго періода украинской литературы, Ивана Петровича Котляревскаго, побудили его почитателей воздвигнуть ему достойный памятникъ въ родной Украинѣ, которую онъ такъ любилъ, въ родномъ городѣ поэта – Полтавѣ, гдѣ онъ жилъ и творилъ. Теперь памятникъ уже готовъ—30 и 31 августа (12 и 13 сентября н. с.) 1903 г. предстоитъ торжество его открытія. Братья! Извѣщаемъ васъ объ этомъ праздникѣ. Мы уповаемъ, что не нашъ только это будетъ праздникъ, а что всѣ члены великой славянской семьи возрадуются вмѣстѣ съ нами. Хотя и отдѣляютъ насъ другъ отъ друга искусственныя межи и тысячи верстъ лежатъ между нами, докажите, что мы близки другъ другу. Полтавское городское управленіе, приглашая васъ на упомянутое торжество, проситъ васъ: Пріидите къ намъ!"

Всѣхъ приглашеній разослано болѣе тысячи. Адресованы многія изъ нихъ земскимъ и городскимъ управамъ, разнаго рода ученымъ обществамъ и др. учрежденіямъ. Въ числѣ отдѣльныхъ лицъ, которымъ посланы приглашенія, встрѣчается много извѣстныхъ ученыхъ, литераторовъ, артистовъ, художниковъ.

Фотографическіе снимки съ горельефовъ на памятникѣ Котляревскому. Поступили въ продажу изготовленные фотографомъ І. Ц. Хмѣлевскимъ снимки съ горельефовъ, которыми украшенъ постаментъ памятника И. П. Котляревскому. Съ технической стороны

эти фотографіи не оставляютъ желать ничего лучшаго. Подъ фотографіей на картонѣ сдѣланы соотвѣтствующія объяснительныя надписи. Чистая прибыль, которая будетъ выручена отъ продажи этихъ фотографій, пойдетъ на основаніе фонда для открытія въ Полтавѣ городского начальнаго училища имени И. П. Котляревскаго.

Милліоны гетмана Дорошенка. Недавно со словъ «Харьк Л.» всю южную прессу облетѣло сенсаціонное извѣстіе о грамадномъ наслѣдствѣ, оставленномъ въ англійскомъ банкѣ гетманомъ Дорошенкомъ. Сначала извѣстіе это появилось въ такой версіи:

„Много лѣтъ тому назадъ гетманъ Дорошенко оставилъ въ Лондонѣ, въ англійскомъ банкѣ, нѣсколько, милліоновъ рублей, съ тѣмъ, чтобы деньги эти по истеченіи 150 лѣтъ были выданы тѣмъ родственникамъ его по прямой линіи, которые къ тому времени будутъ жить. Въ настоящее время срокъ истекъ. Капиталъ, вложенный гетманомъ Дорошенкомъ въ англійскій банкъ, достигъ огромной суммы въ 62.300,000 р. Въ живыхъ, какъ говорятъ, остались 6 человѣкъ, которые приходятся по 3-му и 4-му колѣну родственниками гетману Дорошенку. Однимъ изъ обладателей этого многомилліоннаго наслѣдства называютъ проживающаго въ Харьковѣ слесаря Дорошенка, который еще мальчикомъ поступилъ въ харьковскія мастерскія К.-Х.-С. ж. д. въ качествѣ ученика. Окончивъ ученіе въ мастерскихъ, Дорошенко поступилъ слесаремъ на передаточный пунктъ станціи «Харьковъ». Получая здѣсь, въ 22 года, около 40 р. жалованія, слесарь Дорошенко считалъ себя человѣкомъ, довольнымъ своею судьбою. Но къ нему вдругъ явились два видныхъ представителя мѣстной адвокатуры и сообщили ему нѣчто фантастическое. Однако,—по словамъ газетъ—къ извѣстію о многомилліонномъ наслѣдствѣ слесарь Дорошенко отнесся сравнительно спокойно и, какъ человѣкъ отъ природы разсчетливый и не глупый, не бросилъ занимаемаго имъ скромнаго мѣста, а взялъ отпускъ, который, въ виду такого дѣла, предупредительно дало ему желѣзнодорожное начальство, и уѣхалъ третьяго дня въ Ахтырку—мѣсто своей родины—для полученія необходимыхъ документовъ, доказывающихъ его происхожденіе отъ гетмана Дорошенка».

Въ послѣднее же время въ «Харьковск. Листкѣ» названнымъ претендентомъ на наслѣдство гетмана помѣщено письмо, въ ко-

торомъ И. Дорошенко пишетъ: О существованіи наслѣдства мнѣ извѣстно было, съ одной стороны, изъ газетъ «Правительственный Вѣстникъ» и «Харьковск. Губернск. Вѣдомости», съ другой—со словъ покойнаго отца моего, Леонида Ивановича Дорошенка, который хлопоталъ объ этомъ дѣлѣ и окончить которое помѣшала ему вскорѣ наступившая смерть его; повѣреннаго же для веденія этого дѣла я самъ себѣ выбралъ по указанію одного моего хорошаго знакомаго. Что касается самаго размѣра денежныхъ капиталовъ покойнаго гетмана Дорошенка, то онъ выражается въ суммѣ не 62,000,000 руб., а, насколько мнѣ извѣстно, въ суммѣ 700,000,000 рублей (70 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ), и самый капиталъ (первоначальный размѣръ его—3,700,000 рублей) былъ положенъ не на срокъ, а впредь до образованія, изъ приращеній, указанной мною суммы, съ достиженіемъ каковой, онъ, согласно волѣ вкладчика, подлежитъ выдачѣ всѣмъ его, находящимся къ тому времени въ живыхъ, ближайшимъ родственникамъ, продолжателямъ его рода, и былъ положенъ капиталъ этотъ въ въ банкъ болѣе 200 лѣтъ тому назадъ». Дорошенко опровергаетъ слухъ о томъ, будто бы ему совѣтовали отказаться отъ занимаемой имъ теперь скромной должности.

«Я бы этого никогда не сдѣлалъ, такъ какъ она (должность) при полученномъ мною хотя и спеціальномъ, но ограниченномъ образованіи, является въ настоящее время единственнымъ источникомъ моего существованія».

Крестьянскій докладъ. По словамъ «Вѣстн. Юга» предстоящія очередныя сессіи Екатеринославской губ. будутъ обсуждать весьма интересный докладъ гласнаго отъ крестьянъ бахмутскаго у. Ивана Бутенка. Въ составленіи доклада принимали участіе односельчане кр. Бутенка—А. Бѣлогрудъ и сельскій староста М. Гордіенко. Исторія этого замѣчательнаго документа такова: первоначально докладъ поступилъ въ комитетъ сельскохозяйственнаго улучшенія въ бахмутскомъ уѣздѣ. Затѣмъ онъ обсуждался бахмутскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, а въ прошлогоднюю очередную сессію имъ вызванъ оживленный обмѣнъ мнѣній въ собраніи губернскомъ. Въ настоящее время, по постановленію губернскаго собранія, онъ разосланъ на заключеніе уѣздныхъ земствъ, сельскохозяйственныхъ и училищныхъ совѣтовъ.

Содержаніе доклада касается одного изъ наболѣвшихъ вопросовъ нашей современности—народной школы, ея программы, постановки обученія въ ней и языка преподаванія. Составители доклада убѣждаютъ обратить вниманіе на безконечное зубреніе въ сельскихъ школахъ, «подлежащихъ и сказуемыхъ, да мѣстоименій личныхъ и безличныхъ и всякихъ другихъ безполезныхъ мелочей». «Можетъ—предвидятъ докладчики,—намъ скажутъ, что подлежащія и сказуемыя съ причастіями и со всякими глаголами русской рѣчи вещь также необходимая, что безъ знанія этихъ частей (*скоро забываемой нами рѣчи*) мы не можемъ быть хорошими гражданами, или, не зная церковно-славянской грамоты, мы перестанемъ молиться Богу... Но, господа, мы находимся въ особыхъ условіяхъ, мы страдаемъ оттого, что не знаемъ своего поля, не знаемъ той работы, къ которой призваны обстоятельствами... Мы, прежде всего, голодаемъ, мы ѣсть хотимъ. Надо же прислушиваться къ нуждамъ населенія... Мы теперь (въ школѣ) ѣдимъ и пьемъ то, что предлагаютъ намъ умы, обезпеченные насущнымъ, разбирающіе по своему, что намъ нужно, и чего не нужно».. А между тѣмъ, подлежащія со сказуемыми и причастіями (скоро забываемой рѣчи), «могутъ быть нужными канцелярскому писакѣ или счетоводу».

Авторъ статьи, посвященной этому интересному крестьянскому докладу («Вѣстн. Юга», №№ 496 и 497), обращаетъ вниманіе читателей на то характерное обстоятельство, что мысль, положенная въ основу доклада, высказывается не сверху, а снизу. „На школу, говоритъ авторъ, возложенъ рядъ тенденцій, не только не связанныхъ съ мѣстными особенностями быта, но часто и противорѣчащихъ имъ. Она призвана нивеллировать Россію, привести ее къ одному—московскому—знаменателю. По существу, противъ такой задачи не стоитъ возражать. Въ концѣ концовъ школа неминуемо приведетъ къ нивеллировкѣ—къ совмѣщенію нынѣ несовмѣстимаго и къ примиренію нынѣ разногласнаго. Въ этомъ смыслѣ, реакціонные лагери, ратующіе противъ школы, противъ всеобщаго и обязательнаго обученія, сами того не замѣчая, впадаютъ въ проповѣдь государственной розни и племенныхъ непримиримыхъ противорѣчій. Впрочемъ, возможно, что это и есть ихъ затаенная цѣль, и они лишь маскируются возгласами объ единомъ знаменателѣ.

Въ этомъ стремленіи ко всеобщей нивеллировкѣ лежитъ главная причина разрыва школы съ мѣстнымъ языкомъ, мѣстными нравами

и преданіями. Отсюда же, по мнѣнію автора статьи, и устраненіе мѣстныхъ лучшихъ людей отъ близкаго участія въ школьномъ дѣлѣ и благотворнаго вліянія на школьный строй: лишь при этомъ условіи могло сохраниться невѣроятное единство школьныхъ программъ на ряду съ крайне и рѣзко многообразными различіями жизни на огромномъ пространствѣ отъ Сѣвернаго полюса до Персіи и отъ Волочиска до Портъ-Артура. Несомнѣнное и заранѣе обдуманное намѣреніе есть въ обязательномъ для народной школы зазубриваніи славянскихъ аористовъ и старыхъ формъ склоненія.

Докладъ крестьянъ не исчерпываетъ всѣхъ грѣховъ, проистекающихъ отъ единообразія начальной школы, но докладчики и не намѣревались исчерпать все. Они просто,—по ихъ словамъ,—„радуясь учрежденному комитету сельскохозяйственнаго улучшенія въ бахмутскомъ уѣздѣ, покорнѣйше просятъ комитетъ обратить должное вниманіе на вышеизложенное и передать свое заключеніе куда слѣдуетъ для дальнѣйшей разработки и нововведеній въ нашей школѣ. „Мы—говорятъ они—не крѣпнемъ, а слабѣемъ, не поднимаемся, а падаемъ, съ каждымъ годомъ все ниже и ниже... Оремо и сіемо, покладаючысь тилькы на волю Божу... Абы, мовлявъ, зерно въ землю, а тамъ Божа воля... Наша полевая работа—только трата силъ, мало полезная, а часто и совсѣмъ убыточная“.

Бѣдѣ крестьянской можетъ помочь школа только лишь тогда, когда программа ея будетъ измѣнена къ лучшему для селянъ-хлѣборобовъ *въ самомъ корнѣ ея.*

Поставленный такъ широко крестьянскимъ докладомъ вопросъ о преобразованіи народной школы былъ обсужденъ земскимъ собраніемъ. Бахмутское уѣздное земское собраніе заговорило лишь „о введеніи въ народныхъ школахъ преподаванія сельско-хозяйственныхъ знаній, причемъ нѣкоторыми изъ гласныхъ уѣзднаго земства было высказано пожеланіе, чтобы курсъ былъ продолженъ до 5 лѣтъ, и чтобы послѣдніе два года были посвящены преподаванію элементарныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству. Кромѣ того, нѣкоторые гласные высказались за организацію сельско-хозяйственныхъ школъ низшаго типа, съ педагогическими курсами“ („В. Ю.“ № 486). Въ такомъ видѣ крестьянскій докладъ поступилъ въ губернскую земскую управу для XXXVII очередного собранія.

Капиталъ отъ продажи сочиненій Квитки-Основьяненка. Отъ продажи сочининій Г. Ѳ. Квитки, изданныхъ харьковскимъ уѣзднымъ земствомъ, образовался капиталъ, въ настоящее время равняющійся суммѣ свыше 2,500 рублей, который предназначенъ земствомъ для расходовъ на нужды училища въ с. Основѣ имени покойнаго писателя. Изъ отчета о продажѣ сочиненій видно, что ежегодная выручка за нихъ составляетъ 800—900 руб., причемъ земство на изданіе сочиненій своихъ денегъ не расходуетъ. („Южн. Край", № 7787).

Народный театръ имени Т. Г. Шевченка. Въ г. Бѣльцахъ, бессарабской губ., почитатель памяти украинскаго поэта Т. Г. Шевченка, С. С. Малой выстроилъ (въ усадьбѣ помѣщика М. Н. Крупенскаго) театральное зданіе имени Т. Г. Шевченка. Уже состоялось и освященіе этого театра; послѣ молебствія харьковское товарищество малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Туманскаго, при участіи хора и оркестра, исполнило національный гимнъ и нѣсколько украинскихъ пѣсенъ Шевченка въ инструментовкѣ извѣстнаго композитора Н. В. Лисенка. На театральной сценѣ красовался роскошно убранный цвѣтами бронзовый бюстъ поэта. („Полт. Вѣст.", № 196).

Группы и статуэтки на Ильинской ярмаркѣ въ г. Полтавѣ. На полтавской Ильинской ярмаркѣ обращаютъ на себя особенное вниманіе превосходно исполненныя группы и статуэтки; среди нихъ особенно хороши: «Н. В. Гоголь, слушающій кобзаря", „Старецъ-лирникъ съ поводыремъ", „Тарасъ Бульба", „Гончаръ и швецъ за своими работами" и др. Превосходная работа этихъ издѣлій дѣлаетъ ихъ очень ходкими. („Волынь", № 130).

Отсрочка времени открытія всеславянской выставки. Комитетъ всеславянской художественно-промышленной выставки въ Петербургѣ, по словамъ петербургскихъ газетъ, объявилъ, что открытіе выставки, предполагавшееся въ 1904 г., откладывается на нѣкоторое время въ виду неспокойнаго политическаго настроенія нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, препятствующаго имъ заниматься приготовленіями къ участію въ выставкѣ, а также въ виду возможнаго расширенія участія Россіи, („Южн. Кр.", № 7810).

Предположеніе объ изданіи рисунковъ къ „Энеидѣ“ И. П. Котляревскаго. Доложено въ полтав. гор. думѣ предложеніе М. И. Сосновскаго объ изданіи городомъ рисунковъ худ. Мартиновича къ „Энеидѣ“ Котляревскаго съ тѣмъ, что г. Сосновскій лично беретъ на себя матеріальную передъ думой отвѣтственность за то, что затраченная на это дѣло сумма въ 500 р. будетъ возвращена. При этомъ Сосновскій, отстаивая свое предложеніе, высказалъ нѣсколько своихъ соображеній о значеніи передѣлки „Энеиды“ вообще, а творенія И. П. Котляревскаго и иллюстрацій къ нему г. Мартиновича—въ частности. Рисунки Мартиновича, конечно,—замѣтилъ въ заключеніе М. И.,—могутъ быть изданы частнымъ путемъ, но онъ считаетъ, что честь эта должна принадлежать городу, который взялъ на себя иниціативу сооруженія памятника Котляревскому. Рѣчь М. И. Сосновскаго возымѣла надлежащее дѣйствіе на думу, и послѣдняя единогласно рѣшила расходъ по изданію, какъ и самый рискъ, взять всецѣло на счетъ города.

Къ археологич. съѣзду. Императорская археологическая коммиссія поручила народному учителю В. А. Бабенку произвести въ текущемъ году археологическія раскопки на казенныхъ земляхъ, принадлежащихъ различнымъ установленіямъ, а также и на земляхъ общественныхъ въ предѣлахъ волчанскаго уѣзда, гдѣ очень много различныхъ кургановъ, скрывающихъ въ нѣдрахъ своихъ памятники древней старины. Въ особенности такими курганами изобилуетъ Старо-Салтовская волость. Для послѣдней археологической выставки, бывшей здѣсь въ прошломъ году, она не мало дала памятниковъ, обратившихъ вниманіе археологовъ. («Придн. Кр.», № 1886).

По сообщенію „Придн. Кр.“ (№ 1894) среди старинныхъ предметовъ, сохранившихся въ селѣ Каменскомъ, между прочимъ, имѣется серебряная дарохранительница средней величины, съ надписью: „Рабъ Божій Макаръ Ногай до храму Рождества Богоматери въ село Каменское 1778 г.“; чаша, дискосъ и лжица серебряные. На дискосѣ надпись: „1795—г. пожертвовано Степаномъ Кочаномъ“; чаша съ надписью: „1777 г., апрѣля 5. Сдѣлана сія чаша, дискосъ, звѣздица и лжица села Каменского до храму Пресвятыя Богородицы коштомъ войскового старшины Лукьяна Иванова Великаго, стараніемъ священ-

никовъ Аѳанасія Шемета и Василія Григорьева“; напрестольный крестъ кипарисоваго дерева въ серебряной оправѣ—даръ мѣстной церкви войскового старшины Макара Ногая, принесенный 26 октября 1779 года. Въ церкви имѣются богослужебныя книги, напечатанныя въ семидесятыхъ годахъ позапрошлаго столѣтія. Остатки старины сохранились еще между станціей Запорожье и с. Каменскимъ въ видѣ укрѣпленій, съ высокими валами, уже давно потерявшихъ первоначальныя очертанія. О времени возведенія этихъ древнихъ сооруженій старожилы ничего не запомнятъ.

Лубенскій украинскій музей. Г-жа Скаржинская рѣшила передать свой богатый музей, находящійся въ ея имѣніи, с. Кругликѣ, г. Лубнамъ. Городская дума выбрала по этому поводу спеціальную комиссію, въ которую былъ приглашенъ спеціалистъ по археологіи, служащій въ Румянцевскомъ музеѣ, г. Янчукъ. Въ докладной запискѣ, представленной комиссіи, г. Янчукъ высказываетъ мысль, что г. Лубны болѣе всего достоинъ имѣть украинскій музей даже для всей „Полтавщины“. Лубны по возрасту, древнѣе даже Москвы. Еще въ далекія времена Іереміи Вишневецкаго здѣсь были водопроводы, бревенчатыя мостовыя и т. п. признаки культурной жизни. Гончарныя издѣлія изъ лубенской глины славились давно уже своими фасонами и художественностью отдѣлки. Съ давнихъ поръ въ лубенскомъ уѣздѣ существуетъ культура лѣкарственныхъ травъ, для каковой культуры, во всякомъ случаѣ, требуется болѣе развитое населеніе. Вообще, по мнѣнію г. Янчука, „Посулье“, гдѣ сталкивалась такая масса людей, заслуживаетъ не меньше вниманія, чѣмъ „Поволожье“, и разсматриваемый музей, поставленный на должную высоту, могъ-бы значительно содѣйствовать дѣлу изученія „Лубенщины“ и быть вообще просвѣтительнымъ учрежденіемъ. Комиссія, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ г. Янчука о важности для города пріобрѣтенія музея, занялась вопросомъ о стоимости зданія и объ изысканіи средствъ для сооруженія зданія. Исчисленія инженеръ-технолога С. М. Шемета показали стоимость зданія въ 20,000 р.

Дума постановила ассигновать изъ запасного капитала 10,000 р. на начало дѣла. («Кіевлян.», № 222).

Археологическій музей въ г. Глуховѣ. 18 іюня глуховскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ торжественно былъ открытъ археологическій музей, возникшій по мысли Н. В. Шугурова. Одинъ изъ родственниковъ покойнаго напечаталъ по этому поводу въ «Одес. Листкѣ» (№ 178) письмо, въ которомъ обращается съ просьбой содѣйствовать пополненію вновь открытаго музея предметами украинской старины и сообщаетъ, что родственники и наслѣдники г. Шугурова также намѣрены пожертвовать въ «Шугуровскій музей» много цѣнныхъ старинныхъ портретовъ и часть библіотеки его—украинскія книги.

Могила Сирка. Товарищъ предсѣдателя екатеринославской архивной комиссіи А. С. Синявскій озабоченъ въ настоящее время изысканіемъ средствъ для выкупа находящейся въ частномъ владѣніи могилы кошевого запорожскаго войска славнаго Сѣрка. Этой могилѣ грозитъ разрушеніе. Собрано уже 500 руб. У названной могилы предполагается выстроить небольшой домикъ для посѣщающей могилу въ большомъ количествѣ публики. Съ окончаніемъ 2-ой Екатерининской желѣзной дороги, мѣстность эта станетъ легко доступной для посѣщенія интересующихся немногочисленными памятниками старины Новороссійскаго края. («Придн. Кр.» № 1858).

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

Ростъ организаціи среди галицкихъ украинцевъ для защиты своей народности. Въ предыдущей книжкѣ журнала мы говорили о томъ, что съ конца мая и начала іюня въ Галиціи начались народные съѣзды и вѣча для обсужденія положенія дѣлъ въ краѣ и принятія соотвѣтствующихъ рѣшеній. Съѣзды и вѣча эти продолжались въ теченіе всего лѣта. И количество состоявшихся вѣчъ, и цифры участниковъ, и резолюціи ихъ говорятъ о живомъ и быстромъ ростѣ организаціоннаго движенія среди народа въ Галиціи. Не говоря уже о болѣе крупныхъ городахъ и мѣстечкахъ Галиціи, гдѣ число участниковъ съѣздовъ доходило до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, и съѣзды въ селахъ отличались большимъ многолюдствомъ. Этотъ фактъ отмѣчался какъ украинской, такъ и польской прессой съ неодинаковыми, конечно, чувствами. Ораторы, какъ интеллигенты, такъ и крестьяне,

горячо говорили на вѣчахъ о несправедливостяхъ, чинимыхъ украинскому народу поляками, о тяжеломъ политическомъ и соціально-экономическомъ положеніи русиновъ; не останавливались предъ печальной необходимостью отмѣчать иногда глубокую деморализацію украинскаго народа, препятствующую успѣху борьбы съ поляками, и указывали на его инертность и темноту.

Предметомъ обсужденія на вѣчахъ былъ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся всѣхъ сферъ жизни народа: экономической, духовной, соціальной и политической. Все разнообразіе резолюцій, принятыхъ многочисленными съѣздами по обсуждавшимся вопросамъ, можетъ быть сведено къ слѣдующимъ основнымъ пунктамъ: требовать отъ правительства—поднятія положенія землепашества, учрежденія дешеваго кредита, уничтоженія рогатокъ на дорогахъ, ревизіи кадастра, справедливаго распредѣленія государственныхъ, областныхъ и мѣстныхъ общественныхъ налоговъ, признанія за крестьянствомъ и всѣмъ украинскимъ народомъ бóльшихъ правъ и значенія въ сеймѣ, измѣненія избирательныхъ законовъ, признанія бóльшихъ правъ за украинскимъ языкомъ и уравненія его въ школахъ, административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ съ другими языками.

Многочисленныя и людныя вѣча прошлаго и нынѣшняго годовъ оказали громадное вліяніе на ростъ самосознанія въ народѣ и на пробужденіе его къ самозащитѣ. Такъ, мы видимъ, что въ послѣднее время открываются повсемѣстно новыя читальни, а дѣятельность прежнихъ оживаетъ и усиливается, открываются новыя филіальныя отдѣленія общества «Просвіта», возникаютъ одно за другимъ общества «Соколи» и «Січи», основываются новыя кредитныя товарищества, кассы, потребительскія общественныя лавки, вновь и съ большей силой поставленъ на очередь вопросъ о постройкѣ національнаго театра, наконецъ,—значительно увеличилось число всякаго рода собраній, клубовъ совѣщательныхъ, концертовъ и т. п. Все это, въ связи съ вновь вспыхнувшими этимъ лѣтомъ во многихъ мѣстахъ Галиціи крестьянскими страйками, вызываетъ большое безпокойство въ польскихъ гакатистскихъ сферахъ. Польскіе комитеты разсылаютъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ полякамъ, евреямъ, находящимся въ зависимости отъ поляковъ ополяченнымъ русинамъ, учителямъ, учительницамъ и всякимъ административнымъ лицамъ, спеціальныя воззванія, призывающія къ борьбѣ съ украинскимъ національнымъ движеніемъ и къ матеріальной и моральной поддержкѣ польскихъ об-

ществъ, поставившихъ своей задачей эту борьбу. Недавно въ галицкой украинской прессѣ были цѣликомъ воспроизведены два такихъ воззванія одного польскаго повѣтоваго комитета, интересъ которыхъ, помимо содержанія, зиждется на буквальномъ почти сходствѣ ихъ съ воззваніями прусскихъ гакатистовъ, борющихся съ полонизаціей Пруссіи. Сравненіе текстовъ прусскихъ и польскихъ воззваній заставляетъ видѣть въ послѣднихъ дословный переводъ съ нѣмецкаго. Это обстоятельство дало поводъ публицисту «Діла» напомнить польскимъ гакатистамъ замѣчательную рѣчь одного изъ польскихъ пословъ въ нѣмецкомъ рейхстагѣ, заканчивающуюся такими словами: «всѣ ваши діавольскія затѣи, всѣ ваши сотни милліоновъ, истраченныя на то, чтобы стереть насъ съ лица нашей земли, окончатся ничѣмъ. Мы, проникнутые сознаніемъ святости своего дѣла, вынесемъ, какъ гранитная скала, всю тяжесть безвременья, выйдемъ изъ него побѣдоносно, а для васъ, гакатистовъ, останется лишь одно: пятно безчестья на челѣ вашемъ, запротоколированное на страницахъ всемірной исторіи конца XIX и начала XX столѣтій!» Конецъ этой рѣчи звучитъ болѣе полной нотой дѣйствительнаго трагизма въ устахъ галицкаго украинца, чѣмъ нѣмецкаго поляка, потому что положеніе украинцевъ въ Галиціи подъ властью поляковъ несравненно хуже, чѣмъ поляковъ въ Познани. Какою могучею, широкою, всезахватывающею волною идетъ полонизація Галиціи, видно изъ цифръ послѣдняго отчета «Краєвоі шкільноі Ради». Цифры же эти дѣйствительно поучительны: на 3.810 учениковъ украинцевъ, обучающихся въ среднихъ школахъ, приходится 17.935 не украинцевъ (13.254 поляка и 4.268 евреевъ). Выходитъ, такимъ образомъ, что одинаковое съ украинцами число польскаго населенія въ Галиціи, посылаетъ въ школу дѣтей въ $3^1/_2$ раза больше, чѣмъ украинцы; даже евреи, которыхъ въ краѣ всего 800.000, находятся въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, чѣмъ украинцы. Языкъ мертвыхъ цифръ слишкомъ краснорѣчиво говоритъ самъ за себя, чтобы къ нимъ нужно было что-либо еще прибавлять. Шовинизмъ настолько ослѣпилъ поляковъ—не всѣхъ конечно, но самую вліятельную въ краѣ часть ихъ,—что они, сами того какъ бы не видя, собственными руками выкапываютъ громадную пропасть между двумя народами, не желая считаться ни съ исторіей, ни съ близкимъ будущимъ. Для другой части польскаго общества той же группы, но стоящей въ сторонѣ отъ борьбы и незахваченной ею, видна близорукая политика галицкой шляхты и вызываетъ среди нея серіозныя опасенія за то, что

польско-украинскія отношенія могутъ, въ концѣ концовъ, стать «колодою у ногъ поляковъ», что отчасти сказывается уже и теперь. Этой другой частью польскаго общества являются поляки, живущіе въ Россіи, выразителемъ взглядовъ которыхъ служитъ Петербургскій „Kraj“. Недавно, по поводу назначенія гр. С. Бадени маршаломъ сейма, „Kraj“ коснулся украинско-польскихъ отношеній и высказалъ много серіозныхъ мыслей, заслуживающихъ вниманія и глубокаго признанія. Онъ съ полнымъ осужденіемъ относится къ системѣ галицкихъ отбросовъ, подрывающихъ уровень этики въ населеніи“. Кто видѣлъ, говоритъ „Kraj“, сеймовые или парламентскіе выборы въ Галиціи, кто имѣлъ случай убѣдиться, какъ ужасно они понижаютъ иногда нравственный уровень общества и какъ неслыханно подрываютъ они всякую вѣру, всякое взаимное довѣріе, какъ подкапываютъ уваженіе къ правящимъ сферамъ, тотъ пойметъ лучше, чѣмъ кто-либо иной, чѣмъ являются результаты борьбы съ русинами. Галиція никогда не знала бы этой невыразимой избирательной трагедіи, народное движеніе не прониклось бы такой страшной ненавистью, если бы цѣлое поколѣніе не повторяло вѣчно одного: „мы должны держаться избирательной системы такой, какою она есть, потому что считаемъ патріотической обязанностью не пускать русиновъ“. Далѣе такая политика является вредной и потому, что неоднократно давала и продолжаетъ давать возможность австрійскому правительству въ Вѣнѣ пугать польское коло русинами. По мнѣнію „Kraj'я“ за какую угодно цѣну нужно желать во-время вскрыть это больное мѣсто, чтобы не дойти до положенія, изъ котораго можетъ не оказаться выхода“.

Съѣздъ украинскихъ студентовъ во Львовѣ. 13 и 14 іюля происходило студенческое вѣче во Львовѣ. Вслѣдствіе неприбытія на вѣче студентовъ-богослововъ и принципіальныхъ разногласій, возникшихъ среди собравшейся на вѣче украинской молодежи, съѣздъ былъ не изъ удачныхъ. Главнѣйшія резолюціи съѣзда состояли въ слѣдующемъ: 1) съѣздъ приглашаетъ всѣхъ товарищей записываться съ наступающаго осенняго семестра въ Львовскій университетъ; 2) постановляетъ въ самомъ скоромъ времени приступить къ основанію новаго общества „Академічна Поміч“; 3) признаетъ неотложную нужду въ открытіи украинской женской гимназіи во Львовѣ и обращается къ обществу, а въ особенности къ посламъ сейма и парламента съ прось-

бой энергично приняться за осуществленіе этой мысли и 4) признаетъ необходимымъ основаніе землячествъ.

Народное вѣче въ Черновцахъ. Украинскими послами Буковинскаго сейма, проф. Смаль-Стоцкимъ, Пигулякомъ, Левицкимъ и Василькомъ 7 іюля было созвано народное вѣче въ Черновцахъ. Задолго до назначеннаго дня въ Буковинѣ въ большомъ, количествѣ экземпляровъ разсылались воззванія, въ которыхъ говорилось, что «чрезвычайно важное нынѣшнее положеніе политическое и не менѣе важныя и неотложныя церковныя дѣла налагаютъ на насъ, выбранныхъ представителей украинскаго народа, обязанность созвать народное вѣче съ цѣлью посовѣтоваться и рѣшить, какъ намъ дальше въ полномъ согласіи и единодушіи, въ полномъ единомысліи со всѣмъ украинскимъ народомъ поступать и защищать его интересы». На воззваніе откликнулась масса народа, на вѣче собралось нѣсколько тысячъ народа. По словамъ очевидцевъ, это была первая дѣйствительная манифестація всѣхъ сознательныхъ украинцевъ въ Буковинѣ. Главная масса участниковъ вѣча были крестьяне; кромѣ нихъ присутствовали народные учителя и учительницы, студенты, кое-кто изъ духовенства и мѣщанства и, въ качествѣ гостей, три посла нѣмецкой и румынской демократическихъ партій. Вѣче открылось рѣчью посла С.-Стоцкаго, въ которой онъ, указавъ на успѣхи буковинскихъ украинцевъ во внутренней политикѣ края, высказалъ надежду на лучшее будущее, благодаря уходу прежняго намѣстника и назначенію новаго. Украинскій народъ на Буковинѣ долженъ лишь открыто и энергично выставить свои требованія, а если вѣче народное поддержитъ своихъ пословъ, то каждый вынужденъ будетъ считаться съ этими требованіями, зная, что за ними стоитъ весь народъ. Послѣ рѣчи посла С.-Стоцкаго наступила совѣщательная часть вѣча. Первымъ говорилъ тотъ же проф. С.-Стоцкій, перечисляя и поясняя тѣ требованія буковинскихъ украинцевъ, какія должны быть предъявлены правительству. Требованія эти касаются реформы выборовъ въ сеймъ, состоящей въ образованіи новой куріи изъ уплачивающихъ минимальные налоги, реформъ въ области административнаго управленія и поднятія экономическаго благосостоянія народной массы. Между прочимъ было указано на необходимость дешеваго кредита для селянъ и увеличенія жалованья народнымъ учителямъ. Изъ требованій строго національныхъ на первый планъ должно

быть поставлено требованіе признанія правъ за украинскимъ языкомъ въ сферѣ оффиціальныхъ отношеній. Этому же вопросу былъ посвященъ спеціальный докладъ на вѣчѣ посломъ Пигулякомъ. Вѣчу былъ представленъ докладъ о необходимости реформъ въ сферѣ церковнаго управленія въ смыслѣ раздѣленія православной діэцезіи на двѣ—украинскую и румынскую, подъ непремѣннымъ условіемъ назначенія на епископскую кафедру украинца, о необходимости проповѣди церковной на украинскомъ языкѣ и т. п. Посолъ Василько доложилъ вѣчу о политическомъ положеніи и тактикѣ украинскихъ пословъ въ сеймѣ и парламентѣ. Въ популярной рѣчи, обращенной къ народу, посолъ живо изобразилъ тяжелое положеніе буковинскихъ пословъ въ парламентѣ, гдѣ украинцы съ трудомъ находятъ себѣ союзниковъ и должны полагаться на собственныя силы. Послѣ докладовъ и рѣчей ораторовъ вѣче перешло къ формулировкѣ резолюцій. Единогласно были приняты слѣдующія резолюціи: «Собранное 7 іюля со всѣхъ уѣздовъ Буковины народное вѣче выражаетъ своимъ посламъ парламента и сейма полное довѣріе и благодарность за всю ихъ дѣятельность, а также съ удовольствіемъ констатируетъ фактъ единодушія всей украинской интеллигенціи, стоящей на народной почвѣ; обращается съ просьбой къ посламъ съ прежней энергіей добиваться экономическихъ улучшеній для народа и равноправности въ сферѣ церковной. Прежде всего послы должны стараться о реформѣ системы выборовъ въ сеймъ, а украинскій народъ обѣщаетъ оказывать имъ въ этомъ помощь всѣми силами и способами, какіе находятся въ распоряженіи народа; союзъ украинскихъ пословъ въ этомъ дѣлѣ съ представителями другихъ свободолюбивыхъ группъ вѣче вполнѣ одобряетъ. Кромѣ того вѣче требуетъ: измѣненія закона о содержаніи школъ, уничтоженія мыта, организаціи дешеваго кредита, улучшенія положенія народныхъ учителей и введенія во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ украинскаго языка. Въ дѣлѣ церковнаго управленія вѣче требуетъ раздѣленія греко-восточной діэцезіи на части румынскую и украинскую».

По закрытіи вѣча тысячная толпа народа двинулась къ дому митрополита Репты для сообщенія послѣднему резолюціи вѣча о церковномъ управленіи. Послѣ долгихъ колебаній и ручательства пословъ за полный порядокъ, митрополитъ, блѣдный и взволнованный, вышелъ къ народу. При гробовой тишинѣ посолъ Пигулякъ въ краткой рѣчи изложилъ цѣль прихода къ митрополиту народа во главѣ съ послами и сообщилъ ему резолюціи вѣча. Митрополитъ отвѣтилъ, что не при-

знаетъ права за послами вмѣшиваться въ сферу церковнаго управленія. Посолъ указалъ на тысячную толпу народа, стоявшую чинно, безъ шапокъ, передъ митрополитомъ и сказалъ, что если этихъ свидѣтелей воли народной для митрополита недостаточно, то онъ, посолъ, можетъ явиться съ числомъ въ десять разъ большимъ. Митрополитъ заявилъ, что пусть вся Буковина явится, онъ никому не дастъ права голоса въ дѣлахъ церкви. «Передать ваши слова народу?»—спросилъ Пигулякъ. «Я самъ пойду къ народу, я не боюсь»,—отвѣтилъ митрополитъ. Въ массѣ поднялся шумъ. Пигулякъ сдѣлалъ знакъ рукою, толпа смолкла и разступилась. Митрополитъ началъ ходить между народомъ, бесѣдуя съ нимъ. Послѣ разспросовъ и бесѣды со многими изъ толпы, митрополитъ снова отвѣтилъ посламъ и народу, что не можетъ считать пословъ за представителей народа въ дѣлахъ церкви, и что пусть народъ проситъ у императора права избрать особыхъ для этого представителей. «Ганьба! Ганьба!»—разнеслось въ толпѣ. Но послы быстро успокоили ее и она чинно, съ пѣніемъ національнаго гимна, начала расходиться по домамъ.

Библіографія.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Томи LI, LII, і LIII. *У Львові, 1903 р.*

Означенные три тома «Записок», вышедшіе въ первое полугодіе текущаго года, содержатъ, по обыкновенію, массу цѣннаго матеріала по всѣмъ отраслямъ украиновѣдѣнія, частью въ видѣ спеціальныхъ изслѣдованій, частью мелкихъ замѣтокъ и критическихъ отзывовъ о громадномъ количествѣ всевозможныхъ изданій, книгъ и брошюръ, въ которыхъ затронутъ былъ какой-либо вопросъ, имѣющій хотя бы отдаленное отношеніе къ области украиновѣдѣнія. Благодаря энергіи и неусыпной бдительности редактора, профессора Михайла Грушевського, внимательно слѣдящаго за тѣмъ, чтобы малѣйшее печатное извѣстіе обо всемъ, соприкасающемся съ задачами редактируемаго имъ научнаго журнала, не минуло отзыва на страницахъ послѣдняго,—«Записки Наукового Товариства», безъ сомнѣнія, создали и упрочили за собой славу руководящаго органа для всѣхъ русскихъ ученыхъ, не говоря уже объ украинскихъ.—

Къ отдѣлу исторіи и археологіи въ лежащихъ передъ нами трехъ означенныхъ томахъ «Записок» относятся слѣдующія изслѣдованія и статьи.

М. Грушевський: Кілька грамот Володислава Опольського (LI, стр. 1—8). Приведено пять неизвѣстныхъ донынѣ въ печати грамотъ Владислава Опольського (второй половины XIV ст.); три изъ нихъ относятся ко времени дѣйствительнаго владѣнія Опольскаго Галичиной, а двѣ остальныя—весьма неяснаго и вѣроятно болѣе фиктивнаго

его господства въ ней (интересна дата—1385, 3/x). Одна сохранилась съ русскимъ текстомъ (1378 г.), другія написаны по-латыни или переведены на этотъ послѣдній.

М. Грушевська. Причинки до істориі руськоі штуки в давній Польщі (етнографічній) (*LI*, Наук. хрон., 1—13). Авторъ приводитъ свидѣтельства о широкомъ распространеніи древне-русскаго искусства—архитектуры, а въ особенности живописи въ этнографической Польшѣ въ отдаленныя времена—XII столѣтія и раньше, вплоть до XV. За недостаткомъ собственныхъ мастеровъ Польша въ XIV и XV ст., начавшая тогда культурную миссію свою на Руси, обращается къ этой послѣдней и приглашаетъ оттуда художниковъ для различныхъ художественныхъ работъ въ Краковѣ, Сандомірѣ, Гнѣзнѣ и въ др. мѣстахъ. Въ статьѣ приведены и описаны дошедшія до нашего времени слѣды этихъ работъ, а также интересная грамота Ягайла, выданная въ 1426 г. художнику-священнику Галеви (русину) въ Перемишлѣ за художественныя работы, исполненныя имъ въ королевскихъ земляхъ: Сандомірской, Краковской, Сѣражской и др.

Богдан Барвінський. Прешбургський з'їзд в справі спадщини по Бабенбергах (причинок для істории великого австрийського безкоролівя) (*LII*, стр. 1—27). Авторъ, относясь скептически къ хронологіи автора Ипатьевской Лѣтописи, устанавливаетъ для Прешбургскаго съѣзда (Галицкаго князя Даніила съ угорскимъ Белою IV) свою дату: 1250 г., полемизируя съ другими изслѣдователями—Шараневичемъ, Дашкевичемъ и М. Грушевскимъ, въ особенности съ послѣднимъ, относящимъ съѣздъ къ 1248 г.

Какъ дополненіе и возраженіе на статью г. Барвинскаго является небольшая статья *М. Грушевського. До справи хрональогічноі звязи в Галицько-волинській літописи* (Ibid., 1—5), въ которой послѣдній не считаетъ убѣдительными доводы г. Барвинскаго и, признавая хронологическую связь въ Галицко-волынской лѣтописи достаточно прочной, не измѣняетъ взгляда относительно даты Прешбургскаго съѣзда.

Зенон Кузеля. Нові праці над історией початків Славянства (кинець буде), (*LII*, Наук. Хрон., 1—25). Статья содержитъ обзоръ трудовъ о началѣ Славянъ и ихъ разселеніи, появившихся за послѣднее пятилѣтіе (всего 17 изслѣдованій: Нидерле, Погодина, Богуславскаго, Брауна, Кентшинскаго и др.). Вначалѣ сообщаются замѣчанія о важнѣйшихъ трудахъ, затѣмъ разсматриваются наиболѣе важные вопросы въ освѣщеніи новѣйшихъ трудовъ.

Олексій Маркович. XII археольоґічний з'їзд у Харкові, 1902 р. (*Замітки.* LIII, 1—18). Интересны въ особенности общія практическія замѣчанія покойнаго историка объ археолог. съѣздахъ, бывшаго участникомъ почти во всѣхъ археологическихъ съѣздахъ въ Россіи (стр. 1—6); пересказывается вкратцѣ въ извѣстной системѣ содержаніе докладовъ

Олександер Сушко. Предтеча унії. Критично-історична студия (далі буде) (LIII, 1—71). Начало, повидимому, обширнаго изслѣдованія объ одномъ изъ забытыхъ, а въ свое время—знаменитомъ дѣятелѣ, предтечѣ уніи въ юго-западной части Руси—Бенедиктѣ Гербестѣ. Первая часть (1—44), написана въ тонѣ, нѣсколько необычномъ для историческихъ изслѣдованій, съ немалой дозой лирики и посвящена характеристикѣ общаго печальнаго состоянія польско-католическаго, а также южно-русскаго духовенства XVI в., среди котораго пришлось жить и дѣйствовать Гербесту. Болѣе интересна вторая часть, посвященная біографіи Гербеста, гдѣ попутно авторъ затрагиваетъ и вопросы просвѣтительнаго характера въ первой половинѣ XVI ст. въ самой Польшѣ и въ Галичинѣ (Новім Місті і у Львові).

Къ области *филологіи и исторіи литературы* относятся: цѣнное изслѣдованіе *Павла Житецького. Острозька траґедія* (LI, 1—24), предпосланное текстамъ «Ляменту» и «Придатка» къ нему (стр. 11—24), написанныхъ въ 1636 г. въ Ровно, волынск. губ. немедленно вслѣдъ за извѣстной «Острожской трагедіей» (въ томъ же году). «Трагедія» была вызвана поступкомъ Анны-Алоизы Ходкевичевой,—внучки кн. Константина Острожскаго, пожелавшей въ пасхальную ночь 1636 г. перевезти тѣло своего отца Александра Константиновича, умершаго въ православной вѣрѣ, въ костелъ при острожской іезуитской коллегіи. Этотъ поступокъ вызвалъ негодованіе среди острожскихъ мѣщанъ, а затѣмъ нападеніе на эскортъ Анны-Алоизы, когда она возвращалась изъ костела. Напечатанные г. Житецкимъ памятники представляютъ немалый интересъ для филологовъ: языкъ ихъ—пестрая смѣсь польскихъ элементовъ съ украинскими. Авторъ предполагаетъ даже, что они первоначально были написаны по-польски, а затѣмъ уже переписаны по-славяно-русски, и въ послѣдней редакціи появились уже болѣе или менѣе отчетливо признаки украинскаго языка, фонетическіе и морфологическіе.

Др. Осип Маковей. З історії нашої фільольоґії—Три галицькі граматики (Іван Могильницький, Йосиф Левицький і Йосиф Лозинсь-

кий). (Кінець буде) (LI, 1—58). Изслѣдованіе г. Маковея открываетъ совершенно новые горизонты въ исторіи галицкаго возрожденія. До сихъ поръ началомъ его считали «руску трійцю» (Шашкевичъ, Головацкій, Вагилевичъ), и исходнымъ моментомъ 1837 г.—годъ изданія «Русалки Днѣстровои». Между тѣмъ оказывается, что серьезная научная работа въ національномъ духѣ началась значительно раньше 1837 г. (лѣтъ на 10) и затѣмъ продолжалось параллельно съ дѣятельностью „рускоі трійці",—и чуть ли не имѣла для галицкой Руси бо́льшаго значенія чѣмъ „Русалка Днѣстрова". Кружокъ ученыхъ людей (Могильницкій, Лучкай и Іос. Левицкій), названный авторомъ „вѣнско-перемышльскимъ", первый приступилъ къ дѣлу возрожденія галицкой Руси и приготовилъ тотъ путь, на который затѣмъ смѣлѣе вступилъ львовскій кружекъ (руска трійця). Въ изслѣдованіи г. Маковея читатель найдетъ массу интереснаго матеріала, цѣннаго въ историко-культурномъ отношеніи. Кромѣ трудовъ, печатныхъ и рукописныхъ упомянутыхъ трехъ грамматиковъ, сообщаются любопытныя свѣдѣнія объ отношеніи Копитара къ первымъ грамматикамъ и вопросу о самостоятельности украинскаго языка, о происхожденіи войны за азбуку и правописаніе у русиновъ и ея теченіи (первая война началась въ 1834 г.).

Авторъ пользовался преимущественно рукописными источниками—рукописями трудовъ Левицкаго и Лозинскаго, съ замѣтками на нихъ Копитара, находящимися во Львовской университетской библіотекѣ и найденными на чердакѣ въ г. Яворовѣ (матеріалы Лозинскаго). О Могильницкомъ авторъ собралъ что могъ, хотя рукописи грамматики его нигдѣ не могъ раздобыть: быть можетъ она и не существуетъ на свѣтѣ. Съ своей стороны добавимъ, что въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ (рукопись № 483) находятся слѣдующія произведенія Могильницкаго: 1) „Вѣдомость о русскомъ языкѣ" 1829 г. (стр. 1—104), 2) то же на польскомъ языкѣ (стр. 155—234),—извѣстна г. Маковею изъ „Czasopismo naukowe", 1829 г., № 3 подъ загл.: „Rozprawa o języku ruskim", и 3) Bestimmung des Begriffes „ruthenische Sprache" oder „ruthenischer Dialekt" (105—154). Рукопись отличается поразительною четкостью, очевидно бѣловая, приготовленная къ печати.

Іван Ем. Левицький. Галицько-руська бібліографія за роки 1772—1800 (LII, 1—44). Іван. Ем. Левицький—авторъ капитальнѣйшаго труда: Галицко-Русская библіографія XIX ст. (доведена отъ 1801 до 1881, а затѣмъ еще въ двухъ книгахъ до 1883 включительно).

Въ настоящемъ трудѣ въ прежней системѣ составлена имъ библіографія за годы 1772—1800; изъ болѣе рѣдкихъ и важныхъ изданій сдѣланы имъ выписки, а кое-гдѣ, въ случаѣ сомнительности мѣста или времени изданія или ошибочности прежнихъ свѣдѣній, даны примѣчанія. Желательно было бы, чтобы авторъ, большой знатокъ украинской литературы, не позабывалъ и новѣйшаго періода—и продлилъ свой трудъ до нашихъ дней.

Наконецъ, къ тому же отдѣлу относится статья др. *Олександра Колесси. Лаврівські пергамінові листки з XII—XIII в.* (LIII, 1—26). Автору посчастливилось найти въ Лаврипскомъ монастырѣ Старосамборскаго повѣта три отрывка на пергаментѣ, которые онъ, на основаніи данныхъ палеографіи и языка относитъ къ XII—XIII в. Собственно слѣды южно-русскаго языка, въ частности галицко-русскаго, носятъ на себѣ лишь первый и отчасти третій отрывокъ.

Къ области этнографіи относится лишь одна статья—окончаніе изслѣдованія *Володимира Гнатюка. Пісенні новотвори в українсько-руськiй народнїй словесности* (LII, 38—67). Здѣсь помѣщены тексты пѣсенъ, сложенныхъ украинцами въ Бразиліи и Канадѣ (стр. 38—57) и затѣмъ гуцульскія (58—67). Большой интересъ представляютъ первыя—созданныя на нашихъ глазахъ, и тѣмъ не менѣе отличающіяся нерѣдко значительными художественными достоинствами (см. напр., №№ 32, 35, 38, 39, 43).

Въ отдѣлѣ Miscellanea находятся слѣдующіе документы и замѣтки: *Зубрицького Михайла. Кілька документів до історії сільського духовенства в Галичині XVII—XVIII в.* (LI, 1—12), *Ів. Франка. Новий варіант легенди про пяницьке чудо в Корсуні* (LII, 1—2),—найденный въ рукописномъ сборникѣ житія святыхъ и апокрифовъ въ сокольскомъ повѣтѣ; *А. Крушельницького. З дневника гр.-кат. пароха 1848—1850 р.* (LII, 2—12); *Ол. Маркевич. Як складаються легенди* (LII, 19—20),—легенда, сочиненная въ 1902 г. въ Одессѣ по поводу чумы; *М. Грушевського. Незаплачене київське подимне* (LIII, 1—2),—документы 1596 г. изъ Литовской Метрики, свидѣтельствующей о томъ, что польское правительство не въ состояніи было взыскать подымное въ Кіевщинѣ за все время съ 1596 года, почему и подарило его заслуженнымъ воинамъ—Лысаковскому и Коморовскому; *Ів. Франка. До руської бібліографії XVIII в.* (LIII, 2—5),—сообщеніе о вновь найденномъ авторомъ библіографическомъ раритетѣ на об-

ложкѣ книжки 1754 г., почаевской печати,—случайной и неизвѣстной печати листкѣ (вѣроятно также почаевской), содержащемъ двѣ молитвы Богородицѣ, изъ которыхъ послѣдняя заключается словами: „Госпоже владычице дѣво Богородице, пріими недостойную молитву мою, и сохрани мя отъ наглыя смерти, и даруй ми прежде конца покаяніе". Очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ своего рода талисманомъ, подобно „Сну Богородицы" и т. п.; *Вол. Гнатюка. Керестурська хроніка* (LIII, 5—9),—отрывки изъ хроники, найденной въ Угорщинѣ, въ Керестурѣ, сообщающей вкратцѣ мѣстныя событія, начиная съ 1746 и до 1795 года.

Отдѣлъ библіографіи по обыкновенію полонъ и обстоятеленъ, обнимаетъ 82 періодическихъ и отдѣльныхъ изданія.

В. Д.

Иванъ Тобилевичъ (Карпенко-Карый). Драмы и комедіи. Томъ IV. *Змистъ: 1) Чумакы, 2) Сава Чалый, 3) Пидпанкы. Одесса, 1903 г., стор. 384. Цина 1 р. 25 к.*

Въ комедіи «Хазяинъ» изображены современныя, созданныя новѣйшими теченіями жизни, экономическія отношенія, господствующія въ нашей Украйнѣ. Въ трагедіи «Сава Чалый» представлены подобныя же соціально-экономическія неустройства и несправедливости въ старомъ жизненномъ укладѣ, въ историческомъ прошломъ, въ часы господства Рѣчи Посполитой, польскихъ пановъ на Украйнѣ. Здѣсь изображена полная захватывающаго интереса и драматизма эпоха—гайдамаччины, народнаго революціоннаго движенія, происходившаго на Правобережной Украйнѣ въ половинѣ 18-го вѣка. Въ 1-мъ дѣйствіи предъ нами—всколыхнувшееся море народное. Мы слышимъ разсказы о тяжеломъ, нестерпимомъ положеніи крестьянъ: о чиншѣ, податяхъ, панщинѣ и все новыхъ и новыхъ панскихъ изобрѣтеніяхъ въ цѣляхъ эксплуатаціи и угнетенія народа. Народъ ропщетъ и протестуетъ противъ экономическихъ несправедливостей и дурныхъ судовъ, противъ издѣвательства надъ его вѣрой и національностью. Мы видимъ движеніе, понимаемъ его причины, проникаемъ въ это стихійное, общенародное недовольство, готовое разгорѣться пожаромъ, разразиться кровавой местью притѣснителямъ. Во 2-мъ дѣйствіи выведена польская аристократія—администраторы и командующіе войсками. Она

сильно встревожена крестьянскимъ возстаніемъ; сначала,— растеряна, ошеломлена; потомъ, придя въ себя, готовится отвѣтить на недовольство пытками и казнями, кровью залить протестъ, безчеловѣчными репрессаліями погасить революціонный пожаръ. Въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ передъ нами—взаимныя столкновенія двухъ воюющихъ сторонъ, междоусобная рѣзня, насилія за насилія, звѣрства за звѣрства.

Народное возстаніе изображено въ пьесѣ ярко, живо, согласно съ исторической истиной, со всѣми типическими, характерными особенностями данной исторической среды и историческаго момента. Историческая перспектива въ описаніи соціальной борьбы строго, почти съ научной точностью соблюдена авторомъ. Гайдамацкіе загоны, составившіеся изъ крестьянъ, мѣщанъ, запорожцевъ и польскихъ шляхтичей—вся эта масса угнетенныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ встаетъ живой предъ нами, движется, волнуется, борется на жизнь и смерть.—Умѣнье художественно изобразить толпу, обрисовать психологію массы, ея страсти, ея мощь и слабости,—этотъ великій даръ истиннаго драматурга—силенъ и богатъ у нашего автора.

Вожаками волнующейся массы выступаютъ «побратымы» Сава Чалый и Гнатъ Голый. Оба—безстрашные рыцари-мстители за страданія народныя. У обоихъ одна жизненная цѣль—бороться за благо народа, за лучшее будушее Украйны. Но по натурѣ, темпераменту Сава и Гнатъ глубоко отличаются другъ отъ друга; по воззрѣніямъ и программѣ дѣйствій они также расходятся между собою. Въ Савѣ—преобладаетъ интеллектъ, въ Гнатѣ—желѣзная воля. Сава—крупный политикъ; онъ тщательно изучилъ, прекрасно понимаетъ положеніе дѣлъ. Сава умѣетъ трезво взвѣсить свои и враждебныя силы; онъ дальновиденъ, напередъ разсчитываетъ исходъ, результаты возстанія, предусмотрительно дѣлаетъ запасы провизіи и умножаетъ свои ватаги. Сава умѣетъ подавлять свое возмущеніе, негодованіе, вызываемое панскими неистовствами, умѣетъ выжидать, пока во главѣ сильнаго народнаго ополченія сможетъ помѣряться въ открытомъ бою съ врагомъ.—Гнатъ не владѣетъ своимъ огнемъ ненависти и мести; онъ не можетъ ждать, не можетъ въ бездѣйствіи смотрѣть на свирѣпства враговъ. Онъ горитъ местью ради мести, не задумываясь надъ разрушительными, гибельными послѣдствіями пораженія. Его требованіе—голосъ народа:— „щобъ уси булы ривни". Онъ не хочетъ считаться съ исторической возможностью своего вѣка, не понимаетъ, что дѣйствительность еще не созрѣла, не доразвилась до осуществленія

этого идеала. Тактика Гната—„зненацька нападаты, ризаты, й палыты". Гайдамацтво выбрало его атаманомъ, Саву оставило.

Болѣе подходящимъ „побратымомъ" Савы оказался Шмигельскій,—обѣднѣвшій шляхтичъ, возмущенный несправедливостями польскихъ пановъ, безпощадный обличитель своего круга; ставъ выше національныхъ и сословныхъ перегородокъ и предразсудковъ, онъ перешелъ на сторону утѣсненнаго украинскаго народа. Но при всемъ своемъ благородствѣ, демократизмѣ, умѣ и образованности Шмигельскій—лишь утопистъ, мечтатель, создатель несбыточныхъ плановъ.

Увѣровалъ въ его утопію и Сава. Перейти на сторону польскихъ пановъ подъ условіемъ, что они улучшатъ экономическое положеніе народа, водворятъ справедливость въ судѣ, словомъ, произведутъ коренныя общественныя реформы—вотъ новый путь Савы. Богатство, шляхетское званіе—награда за переходъ,—мечтаетъ Сава, дадутъ ему силу и вліяніе дѣйствовать во враждебномъ лагерѣ на пользу своего народа и своей родины. Идеаломъ Савы является созидательная работа, мирное культурное развитіе,—послѣ желанныхъ реформъ.

Розовыя надежды Савы, конечно, скоро были разбиты.

Паны продолжали свое дѣло насилія, нетерпимости, издѣвательства. Къ самому Савѣ относились враждебно; Потоцкій пожелалъ даже, чтобы Сава крестилъ своего сына въ католичество. А межъ тѣмъ, въ чаяніи реформъ, Сава долженъ былъ усмирять, разгонять гайдамацкія ватаги, во имя будущаго мира,—рѣзать, казнить братьевъ. Такъ изъ-за непростительнаго довѣрія къ врагамъ, Сава сталъ измѣнникомъ своего народа. Народъ, конечно, не могъ понять плановъ Савы, мотивовъ его перехода къ панамъ. Онъ прямолинейно рѣшилъ: „кто съ врагами—тотъ врагъ" и осудилъ Саву на смерть. Крушеніе надеждъ и ожиданій уже само по себѣ является трагической развязкой. Жизнь Савы погибла и безъ народнаго суда. Казнь Савы по народному приговору придаетъ только величіе и торжественность гибели этого много любившаго и много заблуждавшагося героя.

Типъ Савы по глубинѣ психологической разработки достоинъ стать въ ряду наиболѣе законченныхъ типовъ Европейской литературы.

Съ наибольшимъ мастерствомъ, по нашему мнѣнію, написано 5-ое дѣйствіе трагедіи. Прекрасно переданы здѣсь тревога, зловѣщія предчувствія. Безочетное безпокойство Зоси (жены Савы) напоминаетъ, по своему настроенію, тревогу и грусть Дездемоны передъ ея гибелью.

Сцена смерти Савы полна глубокой, трагически-мрачной, суровой поэзіи. Вся трагедія по своей художественной законченности—одна изъ эффектнѣйшихъ украинскихъ пьесъ

Комедія „Чумакы“ представляетъ собою обличеніе алчности, служенія золотому тельцу, проповѣдь безкорыстной любви, правдивости и искренности отношеній между людьми. На ряду съ этой главной идеей черезъ всю пьесу красной нитью проходитъ мысль объ очищающемъ, облагораживающемъ, исправляющемъ дѣйствіи страданій и лишеній.

Главный герой пьесы Виталій Нерукъ—энергичная, умная, изобрѣтательная личность. „Мудрымъ Соломономъ“ прозвали его односельчане. Виталій силенъ духомъ, мужественъ.—Лишившись въ одинъ несчастный день всего имущества, онъ легко мирится съ положеніемъ работника у своего брата, бодро и съ вѣрой въ жизнь; въ будущее трудится на пользу другого, для обогащенія брата. Благодаря кознямъ завистливой невѣстки, Виталій лишается расположенія своего брата Хомы. Онъ задумываетъ теперь проучить несправедливую, ослѣпленную своимъ благополучіемъ родню. Самая большая и дорогая чумачка, съ которою Виталій отправился на Донъ, задержана имъ на обратномъ пути. Виталій является въ село одинъ съ измышленной вѣстью, что чумачка погибла, разграблена. Мудрый Соломонъ преподалъ оч. внушительный урокъ, наглядно показалъ брату, кто истинно и искренно преданъ ему, и какую власть имѣетъ надъ людьми золото.

Братъ Виталія Хома Нерукъ—заурядная, слабая личность, онъ живетъ и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ то Виталія, то жены. Въ сущности,—по своей натурѣ—Хома простой, добрый, сердечный человѣкъ. Только богатство ослѣпило и испортило его. Какъ богачъ, онъ склоненъ къ высокомѣрію, надменности, къ семейному деспотизму, держится преувеличеннаго мнѣнія о своихъ способностяхъ; слишкомъ обидчивый и подозрительный, онъ безъ вины, по наговорамъ только—оскорбляетъ любимаго и уважаемаго брата Виталія, обвиняетъ его въ корыстныхъ замыслахъ. Хому исправляетъ горе, въ несчастіи онъ симпатичнѣе, человѣчнѣе, чѣмъ въ дни былого благополучія. Умудренный страданіемъ, онъ добродушно прощаетъ толпѣ ея насмѣшки и оскорбленія; искренно кается въ незаслуженной обидѣ, нанесенной брату, и, придя въ доброе, умиленное настроеніе, соглашается на неравные браки дѣтей (о чемъ въ пору благополучія и слышать не хотѣлъ).

Настя—жена Хомы—прежде всего скупа, даже скряга, ей жаль, её возмущаетъ, что мужъ прокармливаетъ большую семью Виталія. Ея

стихiя— ссоры и разладъ, хотя Настя чуть не послѣ каждаго слова утверждаетъ: „я тiи сваркы, Господы, якъ боюсь“. Она завистлива и ревнива къ власти, не переноситъ того, что Хома слушается Виталiя, а не ея. Однако Настя не въ конецъ испорченная фурiя. Несчастье роковое, тяжкое горе отрезвляетъ её, заставляетъ придти въ себя, приводитъ къ покаянiю въ козняхъ, въ томъ, что поссорила братьевъ.

Наиболѣе интересны, оригинальны и типичны—эпизодическiя лица пьесы «мандровани дякы пыворизы» Шварковскый и Мычковскый.

Мощный талантъ драматурга вызвалъ этихъ чудаковъ изъ могилы прошлаго, воплотилъ сухiя историческiя данныя въ живые образы, Типичный книжный славяно-украино-россiйскiй складъ рѣчи этихъ дьяковъ возсозданъ неподражаемо. Какъ продукты одной и той же среды, одинаковаго воспитанiя, Сосипатръ и Каллистратъ очень похожи другъ на друга. Но Сосипатръ болѣе ученъ, и остроуменъ; онъ и къ стихотворству экспромптомъ способенъ, а въ словопренiи мастеръ; какъ натура созерцательная, пассивная,—трусливъ; за свой злой языкъ, за сатрасть къ сатирѣ и неуживчивость былъ много битъ. Каллистратъ не такъ образованъ, туповатъ, но смѣлѣе и дерзновеннѣе въ дракѣ, чѣмъ его ученый собратъ.

Односельчане Хомы Нерука, вносящiе свои гроши въ его предпрiятiе—чумачку, ради прибыли, страдаютъ всѣми пороками толпы—черни. Они низкопоклонны, льстивы, гнутся передъ Хомой, какъ передъ денежной силой; выказываютъ ему лицемѣрное уваженiе, неискреннюю преданность... за его богатство, а не за личныя достоинства. Чумачка долго не возвращается. Среди вкладчиковъ зарождаются и растутъ безпокойство, тревога и злыя предчувствiя. Обнищалъ богачъ Хома и въ жадной толпѣ пробуждается разъяренный, бѣшенный, голодный звѣрь. Ядовитой, озлобленной бранью осыпаетъ она свой недавнiй кумиръ, топчетъ его въ грязь. Съ угрозами требуетъ отъ разореннаго Хомы денегъ; затѣмъ въ остервененiи бросается на Хому, чтобы выместить на немъ свои убытки, избить, прибить до смерти. Вернулась чумачка. Пристыженная толпа не столько изъ сознанiя своей безсовѣстности, сколько изъ необходимости помириться, вновь поладить съ богачемъ, унижается передъ Хомой, на колѣняхъ слушаетъ звонъ золота, когда Хома побрякиваетъ чересомъ. Да, они не Хомѣ, не человѣку, а его золоту кланяются.—Вся эта смѣна настроенiй толпы изображена въ пьесѣ съ неподражаемымъ искусствомъ.—

Драматическая коллизія, на которой построены пьесы—ростъ недовольства и гнѣва Хомы на Виталія, по наущеніямъ Яго-Насти—проведена авторомъ съ большимъ мастерствомъ и остроуміемъ, съ глубокимъ знаніемъ психологіи страстей.

Драма—«Пидпанкы»—изъ временъ крѣпостного права—представляетъ собою иллюстрацію примѣненія правового обычая извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ jus pvimae noctis. Въ потери чести новобрачной виновато было то, конечно, позорное время и сами „паны", пользовавшіеся такимъ видомъ барщины. Въ драмѣ г. Тобилевича все дѣйствіе отведено „пидпанкамъ" и ихъ жертвамъ—крѣпостнымъ, „Паны" совсѣмъ не появляются

Виновникомъ всей драмы является дворецкій Фылымонъ, съ своими приспѣшниками. Изъ проворнаго двороваго мальчика, всюду пролѣзавшаго, всюду подслушивавшаго вышелъ образцовый дворецкій. „Хвылька змалку биля панивъ образувався, мае благородну натуру и вже давно Фылымонъ Сыдоровычъ". Фылымона всѣ боятся больше, чѣмъ пана; всѣ слушаются. Панъ можетъ простить, помиловать. Фылымонъ безпощаденъ: „Колы мени треба, щобъ було по моёму, не помылую. И що я скажу, те й панъ скаже"—хвалится онъ. Чѣмъ добился Фылымонъ своего положенія и вліянія? „Знаю панову думку: винъ тилькы подума, а я вже й зробывъ"—открываетъ тайну своего могущества. Вотъ и теперь, панъ спросилъ только, чья это красавица вѣнчается? Только спросилъ, а Фылымонъ сейчасъ понялъ: „треба услужыть, *сурпрызъ* зробыты!" Въ надеждѣ на благодарность пана Фылымонъ издаетъ распоряженіе всѣмъ своимъ подчиненнымъ о поднесеніи „сурпрыза". И всѣ стараются, думаютъ пану угодить, на самомъ дѣлѣ только „на корысть" Фылымона служатъ.

Изъ подчиненныхъ *отаманъ* человѣчнѣе дворецкаго. Но онъ—слуга подневольный, приказано тащить жениха (Сафрона) со свадьбы въ буцыгарню—и тащитъ; велѣно вести невѣсту (Васылыну) въ панскія горницы—и онъ подарками соблазняетъ её, уговариваетъ итти. „И ихъ жаль, и *себе жаль* замѣчаетъ онъ и часто причитаетъ: „эхъ життя отаманське". Даже экономъ-нѣмецъ въ послушаніи у дворецкаго. Иначе нельзя... Не угодитъ Фылымону, лишается добавочной прислуги и всякихъ благъ изъ панскихъ погребовъ и кладовыхъ.

Нашлась только безстрашная героиня—горничная Дуняша. Между нею и Фылымономъ—антагонизмъ, борьба изъ-за власти. Горничная держитъ въ своихъ рукахъ барыню точно такъ же, какъ дворецкій ба-

рина. Только благодаря этой враждѣ драма оканчивается благополучно. Это счастливая случайность—не больше. Вотъ Соломія, напуганная, что ея Карпа сдадутъ въ солдаты, выкупила его цѣной своей чести. Теперь Карпо ненавидитъ её и бьетъ ежедневно. Ожесточенная Соломія злится на честную Васылыну. „Я не гирше за тебе. Кращи за тебе булы, та й то"... Язвитъ она Васылыну.

Всѣ односельчане, на глазахъ у которыхъ забрали жениха со свадьбы, молча переносятъ безчинство; ни ропота, ни протеста...

Невольно вспоминается горькая правда поэта. „А братія мовчыть соби, вытрищывшы очи, якъ ягнята. «Нехай—каже—може такъ и треба». Не удивительно отсюда и всевластіе дворецкаго. На почвѣ покорности всегда расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ безправіе, насиліе, тираннія.

Изъ дѣйствующихъ лицъ болѣе тщательно обрисованъ только Фылымонъ. Всѣ остальныя очерчены лишь нѣсколькими штрихами, схематично, эскизно. Жертвы драмы—Софронъ и Васылына—воплощенная супружеская вѣрность, честность—и только. Индивидуальными, живыми чертами они не одарены. Монологи Софрона очень красивы, но страдаютъ мелодраматизмомъ, таково его обращеніе къ ланцюгу и молитва.

Наиболѣе удачна и характерна сцена ссоры и обмѣна ругательными эпитетами между Фылымономъ и Дуняшкой. 1-ая одмина I-го дѣйствія представляетъ чисто-этнографическій интересъ; почти вся она состоитъ изъ свадебныхъ пѣсенъ и ритуальныхъ дѣйствій; заключеніе ея—взятіе Софрона—слишкомъ лаконично. Финалъ всей пьесы—неожиданное, негаданное сообщеніе, что „панъ якыйсь прыйихавъ, прывизъ всимъ волю видъ царя"—совсѣмъ не вяжется съ ходомъ дѣйствія и представляетъ собою классическое „deus ex machina". Поистинѣ, „неожыданный хвыналъ!" Главнымъ художественнымъ достоинствомъ драмы „Пидпанкы" намъ кажется богатство дѣйствія, полнота движенія. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ пьеса значительно уступаетъ разсмотрѣннымъ произведеніемъ г. Тобилевича. IV-й томъ драмъ и комедій изданъ по типу 3-го и предыдущихъ томовъ. Бумага плотная, бѣлая, шрифтъ четкій, корректура значительно исправнѣе, чѣмъ въ 3-мъ томѣ. Цѣну книги въ 384 страницы—1 р. 25 к. нельзя назвать высокой.

3-й и 4-й томы произведеній г. Тобилевича, давно жданные читающей публикой, являются весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ на на-

шемъ книжномъ рынкѣ. По своей художественности и идейности они заслуживаютъ глубокаго вниманія. Отъ души желаемъ имъ широкаго распространенія.

П. Гор—скій.

Протоіерей Кл. Ѳоменко. Изъ прошлаго Кіевской епархіи. Мѣстечко Фастовъ по описанію московскаго священника Іоанна Лукьянова (*«Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости» 1903, № 18).*
Его-же. Кіевъ временъ Петра I (*«Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости. №№ 23 и 24).*

«Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости», помѣщавшія на своихъ страницахъ въ прежніе годы не мало цѣннаго историческаго матеріала по исторіи Южной Руси, сообщеннаго г.г. П. Лебединцевымъ, Голубевымъ, Орловскимъ и многими другими мѣстными историками, послѣ продолжительнаго перерыва, лѣтъ около 10, снова открыли особый отдѣлъ «для систематической научной разработки исторіи Кіевской епархіи». Для начала помѣщены двѣ упомянутыя статьи протоіерея Кл. Ѳоменка. Способъ написанія сихъ научныхъ статей самый незамысловатый, не требующій особенныхъ затратъ времени и хлопотъ: взяты путевыя записки паломника московскаго во св. землю, священника Іоанна Лукіянова (въ началѣ XVIII ст.), изданныя въ Москвѣ въ 1864 г., и оттуда произведены соотвѣтствующія выписки, снабженныя въ большинствѣ случаевъ лирическими комментаріями. Такой пріемъ примѣненъ авторомъ для обоихъ историческихъ его статей, а объ иныхъ литературныхъ источникахъ почти нѣтъ и помину. Въ результатѣ получается что угодно, только не «системетическая научная разработка исторіи Кіевской епархіи!»

Говоря о Фастовѣ или Кіевѣ со словъ Лукіанова, авторъ, какъ мы упомянули, даетъ свои комментаріи, иногда весьма рискованнаго свойства. „Послѣ разоренія Кіева Батыемъ, онъ, по свидѣтельству современныхъ лѣтописцевъ, сдѣлался деревней, селищемъ, а не городомъ. *Такимъ селищемъ и оставался Кіевъ до присоединенія его къ Великороссіи (?!)*". Интересная метаморфоза: лишь только Кіевъ присоединился къ Великороссіи—тотчасъ изъ деревни, *селища*—превратился въ цвѣтущій городъ. Крайне любопытно было бы для насъ узнать тѣ историческіе источники, изъ которыхъ почтенный авторъ почерпнулъ такія извѣстія! До сихъ поръ мы были убѣждены, что

Кіевъ вовсе не опустѣвалъ (на долго, по крайней мѣрѣ) послѣ Батыева нашествія, а въ XVI напр. ст., ровно за 100 лѣтъ до указываемаго авторомъ благотворнаго для Кіева факта—весьма даже не походилъ на деревню. Достаточно указать хотя бы на описаніе Кіевскаго замка 1552 года (Арх. Ю.-Зап. Росс., ч. VII, т. I, 106—122), чтобы убѣдиться въ противномъ. Въ этомъ году люстраторы нашли въ Кіевѣ 174 мѣщанъ «которые подъ местскимъ правомъ седять домы своими», 158 мѣщанъ замковыхъ, 16 мѣщанъ епископскихъ, 16 монастырскихъ—Печерскаго, Софійскаго и Никольскаго монастырей, 61—земянскихъ, 42 дома «жолнѣрскихъ» и что въ особенности любопытно—«поповскихъ домовъ в месте 11: Пречистенского домъ, Никольского, Демидовского, Оскресенского, Никольского, Наберезского, Спасского, Борисоглѣбского, Белицкого, Рождественъского, Опанасевского». *„Домовъ в месте, кромъ церъквей а шпиталевъ рускихъ, лядскихъ ормянскихъ полъпятаста“ (450)*! Это ли называется селищемъ, деревней? Можно бы указать еще и другіе промахи автора въ знаніи Малорусской исторіи, которые также нежелательны въ статьяхъ для малосвѣдущихъ въ Исторіи своего края читателей, но тѣ не такъ разительны. Желательно было бы, чтобы редакція «Кіев. Епарх. Вѣд.» больше обращала вниманія на исторію при печатаніи историческихъ статей.

В. Д.

В. И. Гошкевичъ. Клады и древности Херсонской губерніи. *Кн. 1-я. III+176+II стр. и 20 таблицъ рисунковъ, in 8⁰. Херсонъ. 1903.*

Изданіе названной книги авторъ ея мотивируетъ маніей кладоискательства, чрезвычайно распространеннаго на югѣ Россіи и особенно въ Херсонской губ. Увлеченію кладоискательствомъ подвержены не только темные крестьяне, но и люди нечуждые нѣкотораго образованія. Слѣдствіемъ такого увлеченія является прежде всего печальный фактъ порчи кургановъ и безжалостнаго уничтоженія памятниковъ старины, имѣющихъ высокій интересъ для людей науки и никакого для кладоискателей. Чтобы спасти драгоцѣнные остатки старины, кое-гдѣ еще уцѣлѣвшіе въ херсонской губ. и могущіе открыться въ будущемъ, г. Гошкевичъ и издалъ настоящую книгу, цѣль которой

заключается, по его словамъ, въ ознакомленіи всего грамотнаго населенія губерніи съ богатствами, вѣками накопившимися у насъ въ землѣ: съ денежными кладами, представляющими какъ научную, такъ и матеріальную цѣнность, и съ памятниками старины, не имѣющими никакого значенія въ смыслѣ гражданскаго оборота, но цѣнными съ научной стороны.

Книга г. Гошкевича распадается на двѣ части. Въ первой части, озаглавленной „Клады", авторъ знакомитъ читателя со всѣми извѣстными ему поисками кладовъ, имѣвшими мѣсто въ шести уѣздахъ херсонской губ. и подробно говоритъ о результатахъ этихъ поисковъ; затѣмъ сообщаетъ свѣдѣнія о кладахъ, дѣйствительно найденныхъ и описываетъ изображенія найденныхъ монетъ съ объясненіемъ, къ какой эпохѣ и какому народу принадлежатъ эти монеты. Вторая часть книги, подъ заголовкомъ «Древности», посвящена предметамъ старины, имѣющимъ исключительно научный интересъ. Послѣ краткой исторической справки о томъ, съ какого времени начались въ херсонской губ. правильныя раскопки съ научной цѣлью, авторъ сообщаетъ о результатахъ 115 раскопокъ въ разныхъ уѣздахъ губерніи. Въ заключеніе составитель книги сообщаетъ свѣдѣнія объ устройствѣ могильныхъ насыпей, способахъ погребенія, положеніи скелетовъ, окрашиваніи покойниковъ, одежды, обуви, украшеніяхъ, оружіи и т. п. древнихъ обитателей юга съ цѣлью познакомить малосвѣдущаго читателя съ пріемами археологическихъ раскопокъ.

Такимъ образомъ цѣль изданія настоящей книги, касающейся предметовъ науки, практическая. Книга разсчитана на читателя изъ народа, что видно, между прочимъ, и изъ стремленія автора придать изложенію возможно популярный характеръ. Но мы сомнѣваемся въ томъ, чтобы она попала въ руки тѣхъ, кто больше всего занимается кладоискательствомъ. Для большинства подписчиковъ «Юга», получившихъ книгу въ качествѣ безплатнаго приложенія къ газетѣ, она едва ли нужна въ тѣхъ цѣляхъ, въ какихъ написана, а для кладоискателей она явится недоступной, потому что, хотя цѣна на книгѣ и не обозначена, но, судя по ея размѣрамъ и болѣе чѣмъ опрятному внѣшнему виду, трудно ожидать широкаго распространенія ея въ народѣ по доступной цѣнѣ.

Ф. М-скій.

„Православный русско-американскій календарь на 1903 г. *(Изданіе еженедѣльной (sic. P.) газеты «Свѣтъ». При субсидіи отъ Сѣверо-Американскаго Духовнаго Правленія и Православнаго Общества Взаимопомощи въ Сѣв.-Ам. С. Ш.). Годъ изданія 1-й. Бриджпортъ, Конн. 1902. Стор. 117. Ц. 35 цент.*

Портреты: епископа алеут. и с.-ам. Тихона, протоіер. К. Израчуова, І. Наумовича, Г. И. Купчанко, А. И. Добрянскаго, три фотогр. снимка церквей С.-Ам. и 1—церкви въ г. Львовѣ. Написанъ смѣшаннымъ языкомъ: русскимъ съ сильнымъ вліяніемъ русинскаго и русинскимъ въ этимологическомъ правописаніи (русскомъ) съ неменѣе сильнымъ вліяніемъ русскаго. Заглавіе, портреты, смѣсь языка и правописаніе для болѣе или менѣе знакомаго съ жизнью и партіями Галичины вполнѣ опредѣляютъ характеръ «календаря». Борьба «москвофильской» и «народньоі» партій вполнѣ и даже съ избыткомъ переносится въ Новый Свѣтъ,—фактъ очень грустный: то же, что и въ Галичинѣ разъединеніе силъ и, вмѣсто культурно-народной работы, пустая перебранка въ печати, доходящая до того, что, напримѣръ, въ данномъ „календарѣ" встрѣчается много просто таки неприличной для печати ругани. Несчастные русины: и въ новой родинѣ имъ суждено испытывать тѣ же опутыванія, тѣ же тормазы въ просвѣщеніи и тѣ же субсидіи, что и въ далекой землѣ дѣдовъ и отцовъ, оставленной по причинѣ своей невыносимой тяготы въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ. Вся историческая жизнь этого народа есть непрерывный рядъ испытаній и дѣйствій, которые должны были закалить его, сдѣлать выносливымъ, въ достаточной степени. Въ данномъ случаѣ у него непоколибимо должно стоять сознаніе, что исторія не измѣнитъ по отношенію къ нему своихъ законовъ,—что живое народное начало одно только и остается источникомъ его жизни, и эта народная жизнь потечетъ широкой рѣкою, рядомъ съ жизнью другихъ народовъ, въ необъятное и невѣдомое море будущности всѣхъ націй.

Р.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы текущаго года: 1) Русскій Архивъ, № 8; 2) Русская Старина, № 7 и 8;

3) Историч. Вѣстн., № 7 и 8; 4) Вѣстникъ Европы, № 7; 5) Всемірн. Вѣстн., № 5; 6) Кіевск. Унив. Изв., № 6; 7) Варш. Унив. Изв., № 4; 8) Учен. Зап. Казан. Унив., № 7—8; 9) Русск. Вѣстн. № 7; 10) Міръ Божій, № 7 и 8; 11) Русская Мысль, № 7; 12) Русское Богатство, № 6 и 7; 13) Книжки восхода, № 6 и 7; 14) Земскій Сборн. черниг. губ., № 6 и 7; 15) Літературно-Науков. Вістн., № 8.

Русская Старина, № 7 и 8.

П. Головачевъ.—Значеніе Андруссовскаго перемирія для международныхъ отношеній восточной Европы (№ 7, стр. 159—166).—Всѣ историки, занимавшіеся русско-польскими отношеніями, какъ-то: Соловьевъ, Волковъ, Капустинъ, Иконниковъ, Бобржинскій и др., признаютъ за Андруссовскимъ перемиріемъ въ области международныхъ отношеній огромное значеніе. Детальное сравненіе Андруссовскаго трактата со всѣми послѣдующими, кончая московскимъ договоромъ 1686 г., который являлся лишь подтвержденіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ перваго, убѣждаютъ въ полной справедливости этого мнѣнія. Такое детальное сравненіе извѣстнаго Андруссовскаго трактата со всѣми послѣдующими и даетъ г. Головачевъ въ своей статьѣ. Изъ этого сравненія видно, что Андруссовское перемиріе прежде всего имѣло ближайшія и явныя послѣдствія для русско-польскихъ отношеній; затѣмъ, черезъ Малороссію, въ этотъ кругъ втянуты были Крымъ и Турція и священная Римская имперія. Наконецъ, оно оказало свое вліяніе даже и на страну, не выступавшую въ данный моментъ на театръ военныхъ дѣйствій въ восточной Европѣ—Швецію.

—

Записки Э. И. Стогова—(№ 7 и 8, стр. 51—66; 383—395).—Въ гл. VIII записокъ авторъ разсказываетъ о своей женитьбѣ, переводѣ на службу въ Кіевъ и даетъ характеристику польскаго общества. Глава IX представляетъ выдающійся интересъ. Авторъ записокъ даетъ въ ней замѣчательную характеристику Д. Бибикова, разсказываетъ о своемъ проектѣ введенія въ краѣ русскихъ законовъ вмѣсто Литовскаго статута и о томъ, какъ Бибиковъ защищалъ этотъ проэктъ въ государственномъ совѣтѣ; характеризуетъ личность И. Фундуклея и домашнюю и общественную жизнь супруговъ Бибиковыхъ. Для образца беремъ нѣсколько штриховъ изъ характеристики Бибикова. „Ариѳметики Бибиковъ, пишетъ Стоговъ, совершенно не зналъ, насилу я пріучилъ его переводить цѣлыя хотя числа съ ассигнацій на се-

ребро, напримѣръ: 10 р., 100 р., а промежуточныя такъ и не выучился. Когда мнѣ случалось въ умѣ складывать дроби, Бибиковъ никогда не могъ не улыбнуться, а когда мнѣ приходилось сказать итогъ двухъ дробей разныхъ знаменателей, то онъ серьезно смѣялся. Я готовъ держать пари, хотя на правую мою руку, что онъ до смерти не вѣрилъ, что можно сложить половину съ третью. Исторіи и географіи—совершенно не зналъ. Я пробовалъ въ разговорѣ сводить Карла V съ Людовикомъ XIV, а Карла I съ Францискомъ II,—лишь бы былъ занимателенъ анекдотъ,—все сойдетъ. Въ географіи надобно быть осторожнымъ о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ бывалъ, а остальное: венгерскія рѣки можешь переносить въ Америку, а испанскія въ южную Америку—все сходило гладко. Въ музыкѣ онъ цѣнилъ только технику играющаго, но ея не понималъ. Живопись богомазовъ всего болѣе нравилась Бибикову. Швейцаръ его заказалъ портретъ своего генерала богомазу Кіевщинскому въ Кіевѣ, и тотъ нарисовалъ его яркими красками и золотомъ, а главное,—усы и баккенбарды отдѣлалъ по волоску, какъ пишутъ часто на образахъ. Случайно Бибиковъ увидалъ этотъ портретъ, долго смотрѣлъ на него и не могъ оторваться, а потомъ увѣрялъ меня, что лучшей работы онъ не видывалъ. Бибиковъ зналъ свое слабое понятіе въ искусствахъ и при постороннихъ никогда не пускался въ разсужденія, развѣ вычитаетъ какое-нибудь мнѣніе или подслушаетъ у того, кому довѣряетъ. Тогда толкуетъ, но всегда коротко и неохотно. Будучи обязанъ, какъ генералъ-губернаторъ, принимать всѣхъ, онъ говорилъ охотно, но затверженныя фразы, что для представляющихся было незамѣтно; но мнѣ было извѣстно, что варіацій въ этомъ отношеніи не было. Какъ я говорилъ, Бибиковъ имѣлъ замѣчательную, представительную наружность, весьма внушительный взглядъ, а лишеніе руки давало ему очень воинственный видъ. Пріемныхъ дней было два въ недѣлю. Къ пріему должны были являться всѣ чиновники особыхъ порученій (ихъ было 13) въ мундирахъ. Бибиковъ выходилъ по-домашнему, въ сюртукѣ безъ эполетъ. Обыкновенно пріемъ начинался въ 10 часовъ. Пріемъ происходилъ очень чинно, самъ Бибиковъ не читалъ ни одного прошенія, но заставлялъ читать и потомъ говорилъ по заученному, а если забывалъ, то слѣдовала извѣстная фраза:—Эразмъ Ивановичъ, доложите со справкою».

—

О бывшихъ злоупотребленіяхъ въ продажѣ людей (№ 8, стр. 457—465). Это—три въ высшей степени интересныя собственноручныя записки В. Н. Каразина, представленныя гр. Кочубею по его приказанію въ январѣ 1820 года, прекрасно характеризующія эпоху и свѣтлую личность Каразина.

Историческій Вѣстникъ, № 7 и 8.

Г. П. Миллеръ. Кіево-Выдубицкій Свято-Михайловскій монастырь (№ 8 стр. 644—653).

Авторъ, дѣлясь съ читателями впечатлѣніями отъ посѣщенія имъ въ минувшемъ году Кіево-Выдубицкаго монастыря, попутно сообщаетъ краткія историческія справки о прошломъ этого монастыря. Нельзя не отмѣтить одно довольно странное мѣсто въ историческихъ справкахъ автора—то именно, гдѣ онъ говоритъ о внутренней жизни обители, въ частности объ избраніи игумена братіей въ прежнее время—въ періоды монгольскій и до-уніатскій (стр. 647). «Братія однако всегда могла отрѣшить игумена, которымъ была почему-либо недовольна. Для этого стоило только созвать старшихъ и предложить избрать новаго игумена. *Въ этомъ отношеніи видно вліяніе козачьей рады* (?), тѣмъ болѣе, что знаменитая Запорожская сѣчь отстояла *весьма недалеко* (sic.) *отъ обители* и за примѣромъ ходить было недалеко». Трудно понять, о какой козачьей радѣ въ монгольскій и до-уніатскій періодъ идетъ рѣчь!

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» даны отзывы о слѣдующихъ изданіяхъ и отдѣльныхъ книгахъ: «В. Н. Перетцъ. Очерки старинной малорусской поэзіи. I—V. Спб. 1903» (стр. 676—677); «В. Шенрокъ. Къ вопросу о вліяніи Гоголя на послѣдующихъ писателей. Варшава. 1903» (стр. 664—85); «Памятная книжка воронежской губерніи на 1903 годъ. Воронежъ 1903» (стр. 687); «Синодикъ Любецкаго Антоніева монастыря. Черниговъ, 1902» (стр. 691—92); „Une ambassade russe á Rome au XVII siècle. Paul Menzies (Менезій) de Pitfodels, par N. Tcharykow, ministre-résident de Russie près le Saint-Siège. Rome 1903“ (стр. 699—701); «Воронежская Старина. Изданіе воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Выпускъ 2-й. Воронежъ, 1902» (стр. 703—705).

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» (стр. 736—37) сообщается объ археологическихъ раскопкахъ Д. И. Эварницкаго въ павлоградскомъ и ново-

московскомъ уѣздахъ, и кладѣ, найденномъ недавно въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ (см. Текущія Извѣстія въ „Кіев. Стар." тек. года, кн. VII—VIII).

Вѣстникъ Европы, № 7.

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ. По поводу съѣзда славистовъ (стр. 328—343). Первоначальная мысль чешскихъ филологовъ устроить съѣздъ славистовъ въ Прагѣ не осуществилась, частію по личнымъ соображеніямъ, но болѣе всего по причинамъ, стоящимъ въ связи съ вѣнской политикой. Несостоявшійся въ свое время въ Прагѣ съѣздъ предположено теперь, по почину 2-го отдѣленія Россійской Академіи Наукъ, осуществить въ Петербургѣ осенью 1904 года. Пока состоялся въ Петербургѣ весною текущаго года предварительный съѣздъ русскихъ филологовъ.—Авторъ названной статьи прекрасно выясняетъ главныя положенія, обсуждавшіяся на предварительномъ съѣздѣ, и между прочимъ посвящаетъ отдѣльную главу разсмотрѣнію вопроса о языкѣ, на которомъ могутъ быть предлагаемы рефераты на будущемъ съѣздѣ славистовъ всѣхъ странъ. Такъ-какъ вопросъ этотъ, ввиду бывшихъ инцидентовъ во время XI-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, имѣетъ особый интересъ, и такъ-какъ мнѣніе такого авторитетнаго ученаго, какъ проф. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ, представляетъ особенную цѣнность, то мы считаемъ необходимымъ подробнѣе отмѣтить эту главу. Указавъ на то, что, при теперешнихъ условіяхъ жизни людей, занимающихся славянской филологіей, является неизбѣжнымъ многоязычіе въ докладахъ, такъ какъ, съ одной стороны есть мого лицъ не славянскаго происхожденія, работающихъ по славяновѣдѣнію, а съ другой—въ мірѣ славянскомъ нѣтъ ни одного общепонятнаго литературнаго языка, ни даже такой пары языковъ, какою въ мірѣ германскомъ являются языки нѣмецкій и англійскій, а въ мірѣ романскомъ—французскій и италіанскій,—Бодуэнъ-де-Куртенэ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе предварительнаго съѣзда о необходимости допустить на будущемъ съѣздѣ доклады и пренія на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, а также на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ. Что же касается выраженія „славянскія нарѣчія", то, ввиду путаницы въ данномъ случаѣ съ терминологіей „языки и нарѣчія", авторъ предлагаетъ существенную поправку: «доклады и пренія допускаются на всѣхъ *литературныхъ* славянскихъ языкахъ», причемъ

прибавляетъ весьма кстати, что *литературность* языка опредѣляется *не симпатіями и антипатіями языковыхъ фанатиковъ* (что, скажемъ отъ себя—бываетъ частенько и среди ученыхъ славистовъ), *но самой жизнью.* Переходя по этому поводу къ малорусскому литературному языку, проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ предлагаетъ: «Въ этомъ смыслѣ никто не имѣетъ права не признавать существованія и равноправности, напримѣръ, малорусскаго (украинскаго) или, по крайней мѣрѣ, галицко-русскаго языка. Хотя языкъ этотъ мозолитъ глаза нѣкоторымъ ревнителямъ и объединителямъ, но онъ все-таки, существуетъ. А появился онъ и развился не благодаря капризу и желанію дразнить разныхъ человѣконенавистниковъ, но въ силу извѣстныхъ историческихъ условій. Господамъ «славянскимъ историкамъ» не мѣшало бы понять это и... великодушно простить». Исходя изъ этой основной мысли, авторъ продолжаетъ:

«Было-бы довольно странно, еслибы второе отдѣленіе Академіи Наукъ, пригласивъ заграничныхъ ученыхъ, вздумало нѣкоторымъ изъ нихъ зажимать ротъ, развѣшивая, напримѣръ, предостереженія въ родѣ: «говорить по-малорусски строго воспрещается». Это дѣло не ученыхъ учрежденій. Настоящая свободная наука должна быть чужда всякаго фанатизма и можетъ существовать только при условіи взаимныхъ уступокъ и полной равноправности. Кто-же возмущается равноправностью, пусть отправляется въ Кишиневъ и пусть устраиваетъ травлю иновѣрцевъ и иноязычниковъ. Ртозажимательной угрюмъ-бурчеевщинѣ нѣтъ мѣста въ ученыхъ собраніяхъ; она можетъ пріютиться въ разныхъ другихъ почтенныхъ вѣдомствахъ».

Объясняя причину, порождающую такое фанатичное отношеніе къ „языкамъ и нарѣчіямъ", авторъ говоритъ:

«Различіе «языковъ», какъ языкóвъ привилегированныхъ, и «нарѣчій», какъ языковъ второстепеннаго достоинства, является отголоскомъ средневѣковаго различенія «языка», языка въ полномъ смыслѣ этого слова, «языка» господствующаго и единственно литературнаго, то есть языка *латинскаго*, и языковъ „мужицкихъ" или „мѣстныхъ". Одна римская католическая церковь, какъ наслѣдница Римской имперіи съ притязаніями на всемірное господство, и одинъ общій, единоспасающій латинскій языкъ, а все остальное—„linguae vulgares", „нарѣчія", «жаргоны», терпимые, но презираемые! Рядомъ съ «первымъ Римомъ» появился „Римъ второй", „Римъ третій", „четвертый"—и все съ тѣми-же затѣями, съ тою-же нетерпимостью, съ тѣмъ-же

стремленіемъ къ объединенію. Но мы, современники, вышли уже изъ этого языко-пожирательнаго состоянія и, по крайней мѣрѣ въ области науки, держимся принципіально изреченія: «всякъ языкъ да исповѣдуетъ Бога». «Всякъ языкъ да раздается на международномъ съѣздѣ славистовъ».

Какъ отрадно становится на душѣ, когда читаешь такія строки, исполненныя гуманныхъ началъ, здравой научной логики и безусловной честности взгляда, и какъ грустно и больно сожмется сердце, когда вспомнишь, что среди тѣхъ-же «ученыхъ славистовъ» есть изрядное количество людей, сопособныхъ только злобно шипѣть по поводу этихъ вопросовъ и, забывая собственное достоинство, облекающихся въ одежды, ничего общаго не имѣющія съ тогой ученаго.

Всемірный Вѣстникъ, **№ 5**.

В. В. Святловскій.—*Очерки по экономической исторіи древней Руси.* Гл. II. (Стр. 36—57, продолженіе). Настоящая глава изслѣдованія посвящена обзору восточной торговли древней Руси и распадается на двѣ части: въ первой авторъ разсматриваетъ торговыя сношенія Руси съ Поволжьемъ, (т. е.: съ хозарами, булгарами и буртасами; во второй части,—которой пока напечатано лишь начало—съ дальнимъ востокомъ, т. е. Кавказомъ, Арабіей и Индіей.

Н. Россовскій.—*Театръ и его дѣятельность въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ* (стр. 200—204). Въ этомъ краткомъ историческомъ очеркѣ говорится, между прочимъ о томъ, что при Петрѣ ставились пьесы на злобы дня: на пораженіе шведовъ, на измѣну Мазепы, на полтавскую битву и Карла XII. Послѣдняя пьеса шла подъ очень кудреватымъ заглавіемъ: «Божіе уничтоженіе гордыхъ, въ гордомъ израилѣ уничижителѣ, черезъ смиреніе Давида, о уничиженномъ Голіаѳѣ».

Университетскія Кіевскія Извѣстія, **№ 6**.

А. Грушевскій.—Пинскіе акты XV—XVI в. Приложеніе къ сочиненію: „Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества въ составѣ Литовско-Русскаго государства XIV—XVI вв. (стр. 129—160).

Ученыя Записки Казанск. Университ. № 7—8.

А. Архангельскій.—По поводу пятидесятилѣтія научной и литературной дѣятельности академика А. Н. Пыпина (стр. 1—10).—Замѣтка воспроизводитъ «дѣло о возведеніи А. Н. Пыпина въ степень доктора русской исторіи». «Дѣло» представляетъ исторію неудавшейся попытки историко-филологическаго факультета Казанскаго университета въ 1891 г. дать А. Н. Пыпину ученую степень доктора русской исторіи. Изложено дѣло по протоколу совѣта университетскаго. Министръ народнаго просвѣщенія, гр. Деляновъ, не призналъ возможнымъ утвердить постановленіе совѣта о возведеніи А. Н. Пыпина въ степень доктора русской исторіи безъ требованія отъ него диссертаціи на эту степень.

И. Смирновъ.—Очеркъ культурной исторіи древнихъ славянъ (стр. 11—40, продолженіе). Продолжая свои очерки исторіи древнихъ славянъ, авторъ въ настоящей книжкѣ трактуетъ о принятіи славянами христіанства, нарожденіи и развитіи письменности въ средніе вѣка.

Міръ Божій. № 7 и 8.

Н. Рожковъ.—Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. I. Кіевская Русь (съ VI до конца XII в.).—Характеризуя духовную жизнь общества древней Руси, авторъ дѣлаетъ нѣсколько краткихъ замѣчаній о нѣкоторыхъ видахъ устной народной словесности. отражающихъ языческое міровоззрѣніе нашихъ предковъ и объ историческихъ пѣсняхъ и былинахъ, поскольку въ нихъ отразились политическія потребности времени, а затѣмъ переходитъ къ обозрѣнію словесности письменной. Здѣсь онъ разсматриваетъ прежде всего произведенія беллетристическаго содержанія, а затѣмъ—историческаго, останавливаясь на начальномъ лѣтописномъ сводѣ и на вопросѣ объ источникахъ его; говоритъ о трехъ лѣтописныхъ сводахъ—южно-русскомъ, сѣверномъ—суздальскомъ и новгородскомъ; о сочиненіяхъ моралистическаго характера и, наконецъ,—о памятникахъ, имѣющихъ отношеніе къ той или иной области знанія: къ философіи, естествовѣдѣнію и праву (№ 7, стр. 34—55). Конецъ шестой главы посвященъ главному вопросу психологической исторіи—характеристикѣ волевой дѣятельности общества древней Руси. Давъ не лишенную интереса оригинальную попытку найти основы для анализа общества сначала въ самой об-

ласти психическихъ явленій, чтобы потомъ уже рѣшить вопросъ объ отношеніи психологическихъ группъ къ юридическимъ и экономическимъ, авторъ даетъ въ результатѣ слѣдующую характеристику древне-русскаго общества: «неорганизованность, безсвязность—общая черта всѣхъ процессовъ общежитія, совершавшихся въ кіевскій періодъ. Поэтому не отдѣльныя подробности матеріальной исторіи, а вся она въ цѣломъ вліяла на духовное состояніе общества, дѣлая послѣднее такимъ же аморфнымъ, безформеннымъ и безсвязнымъ въ психологическомъ отношеніи, какимъ оно было въ отношеніи хозяйственномъ, соціальномъ и политическомъ». Седьмая глава изслѣдованія посвящена общимъ историческимъ и соціологическимъ выводамъ; восьмая,—заключаетъ въ себѣ обзоръ литературы по исторіи Кіевской Руси (№ 8, стр. 188—199, окончаніе).

—

Въ библіографическомъ отдѣлѣ (№ 7, стр. 79—81) напечатана замѣтка г. М. Славинскаго по поводу выхода въ свѣтъ новаго изданія «Народнихъ оповидань» Марка Вовчка.

Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 6 и 7.

В. Марченко.—(№ 7, стр. 74—103). Начальное народное образованіе въ черниговской губ. Статья, изобилующая богатыми статистическими данными; написана на основаніи изслѣдованія А. А. Руссова. „Описаніе Черниговской губерніи“.

Літературно-Науковий Вістник, № 8.

Із поезий Б. Грінченка: I—V.—*Із поетичної спадщини Ол. Козловского:* I—III. *Ів. Липи:* Живі свідки.—*М. Слобода-Крушельницька*: Також голова родини, нарис.—*В. Левенко:* Абдул-Газіс, історична фантазия (конець буде).—*Із оповідань А. Крушельницького:* 1) Михась і Ганна, 2) Докія.—*П. Барвінський:* Співачка Варка.—*М. Горький:* Двадцять шість і одна, поема. Перекл. Лозинський.—*Семен Земляк:* Савка Дудар, новеля, перекл. І. Франка.—*Із поезий Гёте:* Баляда про князя старця, перекл., П. Куліша. *О. Терлецький:* Гал.-руське письменство 1848—1865 р.—*Ів. Франко:* Іван Гушалевич, студия,—*Сучасні уваги:* I. Скілько в Петербурзі украінців, *Украінця.*—II. Жидоватілість мадярcкої преси.—Хроніка і бібліография.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ «Южн. Обозр.“ (№ 2215) и «Вѣстн. Юга» (№ 471) помѣщены библіографическія замѣтки на сборникъ «Зъ-надъ хмаръ и долынъ», вышедшій недавно въ Одессѣ подъ редакціей М. Вороного.

Въ № 2225 «Южнаго Обозр.» напечатанъ переводъ произведенія г. Хоткевича «Жыттеви анальогіи», взятаго изъ сборника «Зъ-надъ хмаръ и долынъ».

Въ № 506 «Вѣстн. Юга» напечатанъ переводъ М. Коваленка разсказа Модеста Левицкаго, „Преступница“, взятаго изъ «Литературного збирныка, зложеного на спомынъ Ол. Кониського».

По поводу исполнившагося 8 августа шестидесятилѣтія со дня смерти украинскаго писателя Г. Квитки-Основьяненка въ № 391 «Биржевыхъ Вѣд.» напечатана обстоятельная статья А. Лотоцкаго подъ заглавіемъ «Піонеры народной литературы». Памяти писателя посвятили замѣтки «Кіевлянинъ» (№ 221) и «Новости» (№ 216). Заслуживаетъ быть отмѣченной также статья г. Лейко въ № 7814 «Южн. Кр.» подъ заглавіемъ: «На родинѣ Квитки-Основьяненка» по небезынтереснымъ чертамъ, характеризующимъ личность писателя.

На страницахъ „Рус. Вѣд. г. Пантелѣевъ продолжаетъ печатаніе своихъ воспоминаній. Между прочимъ его воспоминанія касаются „Основы“ и лицъ, близко стоявшихъ къ редакціи этого журнала. Въ воспоминаніяхъ этихъ, нелишенныхъ интереса, встрѣчаются, однако, свѣдѣнія, къ которымъ нужно относиться съ большою осторожностью, а кое-что въ нихъ и совсѣмъ невѣрно. Авторъ бывалъ иногда на журфиксахъ редакціи „Основы“. „Въ гостиной, на диванѣ, говоритъ онъ—за столомъ обыкновенно усаживались Шевченко, Костомаровъ и ни на шагъ отъ нихъ не отходившій Кулишъ. Хотя я и былъ знакомъ съ Ник. Иван., но все же не рѣшался помѣщаться около такого многозначительнаго тріо; къ тому же на вечерахъ бывало немало выдающихся нотаблей малороссовъ, напримѣръ, Афанасьевъ-Чужбинскій, А. Стороженко (авторъ малор. повѣстей), Трутовскій (художникъ) и дру-

гіе. Помню, замѣтивъ одного довольно плотнаго господина, я спросилъ, кто это.—Мужъ Марко Вовчка,—получилъ я въ отвѣтъ такимъ тономъ, что больше сказать о немъ нечего. Самой Марко Вовчка, въ то время крайне популярной, я ни разу не встрѣчалъ.

О Кулишѣ, бывшемъ главной пружиной въ журналѣ, г. Пантелѣевъ разсказываетъ слѣдующее: «Въ ноябрьской книжкѣ „Основы“ за 1861-й годъ оказалось много малороссійскихъ стихотвореній за подписью „Козакъ Кузьменко“,—имя до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстное. Внизу подъ ними стояло примѣчаніе отъ редакціи приблизительно такого содержанія: „Только что мы потеряли нашего незабвеннаго Тараса; какъ добрая мать, Украина, народила новаго поэта,—козака Кузьменка, который по своему таланту вполнѣ можетъ замѣнить Тараса“. Естественно, что это примѣчаніе возбудило разговоры и интересъ—кто такой Кузьменко. Спустя нѣкоторое время тайна раскрылась: то былъ... Кулишъ, да самъ же онъ и примѣчаніе сочинилъ. Кулишъ вообще много писалъ въ „Основѣ“, какъ подъ своимъ собственнымъ именемъ, такъ и подъ разными псевдонимами: Хуторянинъ, Номисъ, Симоновъ, Кузьменко и, кажется, другими. Для чего это дѣлалось,—не знаю».

Очевидно память измѣнила г. Пантелѣеву. Кузьменко—не псевдонимъ Кулиша, а талантливый авторъ немногихъ, правда, произведеній, носившій эту фамилію.

Тоже самое нужно сказать и о другихъ псевдонимахъ, приписываемыхъ г. Пантелѣевымъ Кулишу, именно о псевдонимахъ „Номисъ“ и „Симоновъ“. Псевдонимъ „Номисъ“ принадлежитъ, какъ извѣстно, украинскому писателю и этнографу, носившему фамилію Симонова,

«На вечерахъ „Основы“ присутствовала „дивчина“ изъ простонародья, нѣкая Маруся. Она была настоящее, въ буквальномъ смыслѣ дитя народа: одѣта, конечно, въ народный костюмъ. Я не скажу даже, чтобы она была очень красива, и не увѣренъ, знала ли она до пріѣзда въ Петербургъ грамоту. Помнится, одинъ художникъ вывезъ ее съ привольнаго юга въ туманный Петербургъ, гдѣ она, повидимому, должна была служить живымъ воплощеніемъ далекой Украины. За ней ухаживали, оказывали всякое вниманіе, и, кажется, это наивное дитя природы скоро и Богъ знаетъ что о себѣ вообразило. Наконецъ, она стала въ тягость и была отправлена на родину; что съ ней затѣмъ сталось, не знаю. Я упоминаю объ этомъ незначительномъ эпизодѣ отнюдь не съ обличительной мыслью, а просто—время было довольно

наивное, и многое, что не только теперь, но даже какіе-нибудь года два спустя казалось смѣшнымъ и не особенно умнымъ, тогда, дѣлалось совершенно искренно. „Основа“ просуществовала недолго; въ 1862 г. до окончанія года она закрылась. Положеніе „Основы“ стало особенно затруднительнымъ, когда на нее ополчился кн. Васильчиковъ, тогдашній кіевскій генералъ-губернаторъ, неблаговолившій вообще къ малороссамъ (Шевченко въ свою послѣднюю поѣздку на родину былъ даже арестованъ) и бывшій подъ значительнымъ вліяніемъ южнорусскихъ магнатовъ, а съ другой стороны: сначала выступилъ Соловьевъ съ полемикой противъ Костомарова о значеніи козачества (Соловьевъ видѣлъ въ немъ лишь антигосударственный элементъ), а по времени раздался голосъ и Каткова Впервые онъ выступилъ противъ украйнофиловъ, сколько помню, по слѣдующему обстоятельству. Н. И. Костомаровъ напечаталъ воззваніе о сборѣ денегъ на изданіе книгъ для народа на малороссійскомъ языкѣ. Оно имѣло успѣхъ, и деньги начали поступать. Въ горячей статьѣ возсталъ Катковъ; статья заканчивалась словами: „Бросьте эти деньги, Н. И., онѣ жгутся въ рукахъ“. Оппозиція Каткова не осталась безъ практическихъ послѣдствій, сохранившихъ свою силу и до сего дня».

Какъ сообщаетъ „Волынь“, В. Г. Боровикъ перевелъ на украинскій языкъ первую пѣснь поэмы Мильтона «Потерянный рай».

Альбомъ выставки XII археологич. съѣзда. Вышелъ въ свѣтъ альбомъ выставки XII археологическаго съѣзда, изд. художеств. фототипіей К. А. Фишеръ, съ объяснительнымъ текстомъ проф. Е. К. Рѣпина. Въ альбомѣ 55 таблицъ со снимками около 300 предметовъ. Полнѣе представленъ церковный отдѣлъ, сравнительно кратко—археологическій и этнографическій. («Придн. Кр.», № 1898).

Печатаніе трудовъ А. А. Потебни. „Русск. Вѣд.“ сообщаютъ, что на дняхъ вдова покойнаго профессора харьковскаго университета филолога-слависта А. А. Потебни М. Ф. Потебня начала печатаніе трудовъ своего мужа,—трудовъ, которые десять лѣтъ ждали своего появленія на свѣтъ и которые Академія Наукъ предлагала издать на свой счетъ. Печатаемое изданіе будетъ заключать приблизительно листовъ

30 печатныхъ. Сюда войдутъ разнообразныя по содержанію статьи и отрывки, а также и лекціи: «Вдохновеніе», «Народная поэзія», «Толстой», «Достоевскій», „Гоголь“, множество мелкихъ статей по теоріи словесности и по психологіи творчества. («Южн. Кр.», 7791).

Въ газ. «Югъ» (№ 1525) напечатанъ переводъ разсказа В. Потапенка съ малороссійскаго языка на русскій подъ заглавіемъ „Чаровница“.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Воронежская Старина. Вып. 2-й. Изд. Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1903.

В. Гошкевичъ. Клады и древности херсонской губ. кн. 1-я съ художественными иллюстраціями. Херсонъ. 1903. in 8⁰, стр. III+136+II и 20 таблицъ рисунковъ (Безплатное приложеніе для подписчиковъ газеты «Югъ»).

Гагаринъ Г., кн.—Собраніе византійскихъ, грузинскихъ и древне-русскихъ орнаментовъ и памятниковъ архитектуры. 3-я серія. In folio. XXII листа рисунковъ. Спб. 1903.

Житецкій П.—Рецензія на соч. Перетца: «Историко-литературные изслѣдованія и матеріалы. Т. I. Изъ исторіи русской пѣсни», Спб. 1903.

Збирнykъ фильольогичнои секціи Наук. Тов. ім. Шевченка. Т. VI: Посмертни пысання Митрофана Дикарева. Львивъ. 1903. Стр. XII+558.

Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ полтавской губ. за 1903., № 12. П. 1903.

Карповъ В. П. Харьковская старина. Изъ воспоминаній старожила (1830—1860 г.). Ц. 1 р. 25 к.

Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii Słowiańskiej, zgromadzone latach 1887—1894 przez Michala Fedarowskiego. T. III. Ч. II. W Krakowie. 1903.

Ляскоронскій В. Исторія Переяславской земли съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII в. Монографія. Изд. 2-е, К. 1903. Ц. 3 р.

Мырный Панасъ. Середъ степивъ. Оповидання. Львивъ, 1903. Стр. VIII+216. Ц. 3 кор.

Нарбековъ В.—Южно-русское религіозное искусство XVII—XVIII в. Казань. 1903 г. Ц. 50 к.

Пять бюджетовъ крестьянскихъ хозяйствъ с. Демьяновки полт. г., хорольск. у. Изд. Экономич. Бюро Полт. губ. Земства. Полт. 1903.

Пачовськый Васылъ. Сонъ украинськои ночи. Траг. въ 5 діяхъ. Львивъ, 1903 р. Стр. 289. Ц. 3,50 кор.

Ровинскій Д.—Обозрѣніе иконописанія въ Россіи до конца XVIII в. Спб. 1903. Ц. 3 р.

Руська исторычна библіотека. Т. XXIII: М. Владимирськый-Будановъ. Нимецьке право въ Польщи и Литви. Львивъ. 1903. Стр. X+180.

Самоквасовъ Д.—Архивное дѣло въ Россіи. Кн. 2-я. Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивнаго дѣла въ Россіи. 1852—1902 г. М. 1902. 1 р. 75 к.

Чтенія вь Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей россійскихъ кн: 1, 2 и 3-я за 1903 г.; томы: 204, 205 и 206. Москва, 1903.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 82-го:

іюль-августъ, сентябрь, 1903 г.

Книга первая и вторая—іюль-августъ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья—сентябрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.